

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2009

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2009

Решения II (XVIII) Всероссийского археологического съезда	5
Совместное заявление о принципах охраны памятников археологии и истории и музейных собраний	8

Статьи

Реконструкция рыбного промысла на озере Байкал (анализ ихтиофауны со стоянки Итырхей) <i>Номоконова Т., Лозей Р., Горюнова О. И.</i>	12
Террасное земледелие в Кисловодской котловине <i>Борисов А. В., Коробов Д. С.</i>	22
Височные кольца культуры смоленских длинных курганов (по материалам погребений Смоленского Поднепровья и Подвинья) <i>Нефёдов В. С.</i>	35
Технология кузнечного производства перми вычегодской <i>Бирюков А. В., Завьялов В. И., Савельева Э. А.</i>	42
Лучинное освещение в древнем Новгороде <i>Поветкин В. И.</i>	50

Дискуссии

К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: восточный регион <i>Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В.</i>	58
--	----

Публикации

К юбилею Марины Глебовны Мошковой	66
Наконечники копий Нижнего Поволжья скифского времени <i>Соколов П. М.</i>	68
Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар (Южное Приуралье) <i>Гуцалов С. Ю.</i>	72
Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья <i>Балабанова М. А.</i>	79
Золотая маска из Керчи <i>Шаров О. В.</i>	89
Фибулы серии “чудовищные” в Восточной Балтии <i>Кулаков В. И.</i>	94
Средневековый грунтовый могильник Мартышкина Балка на Нижнем Дону <i>Прокофьев Р. В.</i>	106
Памятники византийского периода в Иерихоне: результаты и перспективы изучения <i>Беляев Л. А.</i>	118

История науки

Дело о покушении на графиню Уварову <i>Смирнов А. С.</i>	122
Александр Андреевич Спицын о теории археологии <i>Платонова Н. И.</i>	129
Деятельность А.А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892–1931) <i>Тихонов И. Л.</i>	138
Роль А.А. Спицына в становлении археологии Воронежского края <i>Захарова Е. Ю.</i>	148

Критика и библиография

Скакун Н.Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб., 2006

Славчев В.

162

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations (Centre de recherche d'Histoire et de civilisation de Byzance. Monographies. Vol. 22). Saint-Juste-la-Pendue, 2006.

Румянцева О. С.

167

Хроника

II (XVIII) Всероссийский археологический съезд в Суздале

Гайдуков П. Г., Дэвлет Е. Г., Носов Е. Н., Шуньков М. В.

171

Международный научно-практический семинар в Опошне
“Эксперимент в современной керамологии: путь к научной истине
или профанация научных знаний”

Цетлин Ю. Б.

178

Выставка “Сокровища сарматских вождей” и Конференция
“Ранние кочевники Волго-Уральского региона в свете новейших
археологических открытий” (Оренбург)

Яблонский Л. Т.

181

Александр Александрович Формозов (1928–2009)

Андреева М. В., Гайдуков П. Г., Кузьминых С. В., Сорокин А. Н., Коренько В. А.

183

Памяти Галины Ивановны Матвеевой (1933–2008)

Салугина Н. П., Скарбовенко В. А., Сташенков Д. А.

186

Памяти Валентина Наумовича Рябцевича (1934–2008)

Егорейченко А. А., Калинин В. А., Гайдуков П. Г.

189

Список сокращений

192

Сдано в набор 13.04.2009 г.

Подписано к печати 30.06.2009 г.

Формат бумаги 60 × 88¹/₈

Цифровая печать

Усл. печ. л. 24,0

Усл. кр.-отт. 16,5 тыс.

Уч.-изд. л. 25,6

Бум. л. 12,0

Тираж 674 экз.

Зак. 467

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 3, 2009

Resolutions of the II (XVIII) All-Russia Archeological Congress	5
Joint Statement of Principle on the Protection of Archaeological Sites, Monuments and Museums	8

Articles

Reconstruction of fish procurement on Lake Baikal (analysis of ichthyofauna from the Ityrkhei site) <i>Nomokonova T., Losey R., Goriunova O. I.</i>	12
Investigations of terraced agriculture in the Kislovodsk basin <i>Borisov A. V., Korobov D. S.</i>	22
Temple rings of Smolensk long mounds culture (based on material from graves in the Smolensk region) <i>Nefedov V. S.</i>	35
Blacksmithing technology of the Vychegda Perm <i>Biruykov A. V., Zav'yalov V. I., Savel'yeva E. A.</i>	42
The use of splinters for lighting in ancient Novgorod <i>Povetkin V. I.</i>	50

Discussions

On the radiocarbon chronology of the Middle Volga Neolithic: Eastern region <i>Vybornov A. A., Kovalyukh N. N., Skripkin V. V.</i>	58
---	----

Publications

To the jubilee of Marina Glebovna Moshkova	66
Spearheads from the Lower Volga region, Scythian time <i>Sokolov P. M.</i>	68
Burial of a noble nomad at Ilekshar (South Urals), Scythian time <i>Gutsalov S. Yu.</i>	72
The sex-age structure of the Late Sarmatian population in the Lower Volga <i>Balabanova M. A.</i>	79
The gold mask from Kertch <i>Sharov O. V.</i>	89
Fibulae of Monströse series in the Eastern Baltic <i>Kulakov V. I.</i>	94
Medieval ground cemetery Martyshkina Balka on the Lower Don <i>Prokof'yev R. V.</i>	106
Byzantine sites in Jericho: results of study and prospects for the future <i>Beliaev L. A.</i>	118

History of Science

The attempt against the Countess Uvarova <i>Smirnov A. S.</i>	122
Aleksandr Andreevich Spitsyn on archeological theory <i>Platonova N. I.</i>	129

A.A. Spitsyn's work in St. Petersburg (1892–1931) <i>Tikhonov I. L.</i>	138
A.A. Spitsyn's role in the development of archeology in the Voronezh region <i>Zakharova Ye. Yu.</i>	148
Towards the history of Russian archeological investigations in Jericho <i>Butova R. B., Lisovoy N. N.</i>	153

Critics and Bibliography

Skakun N.N. "Tools and economy of the ancient agricultural tribes of Southeastern Europe in the Eneolithic era (on the materials of Varna culture)". St. Petersburg, 2006. <i>Slavchev V.</i>	162
Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations (Centre de recherche d'Histoire et de civilisation de Byzance. Monographies. Vol. 22). Saint-Juste-la-Pendue, 2006. <i>Rumyantseva O. S.</i>	167

Chronicle

Chronicle of the II (XVIII) Archeological Congress in Suzdal (October 2008) <i>Gaidukov P. G., Devlet Ye. G., Nosov Ye. N., Shun'kov M. V.</i>	171
Opishnia international seminar "An experiment in international ceramology: the path to truth in science, or a profanation of scientific knowledge" <i>Tsetlin Yu. B.</i>	178
Conference "Early nomads of the Volga-Urals region in the light of recent archeological discoveries" and the exhibition "Treasures of Sarmatian chieftains" (Orenburg) <i>Yablonsky L. T.</i>	181
In memory of Aleksandr Aleksandrovich Formozov <i>Andreeva M. V., Gaidukov P. G., Kuzminykh S. V., Sorokin A. N., Korenyako V. A.</i>	183
In memory of Galina Ivanovna Matveeva (1933–2008) <i>Salugina N. P., Skarbovenko V. A., Stashenkov D. A.</i>	186
In memory of Valentin Naumovich Ryabtsevich (1934–2008) <i>Yegoreichenko A. A., Kalinin V. A., Gaidukov P. G.</i>	189

РЕШЕНИЯ II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

II (XVIII) Всероссийский археологический съезд, организованный Институтом археологии РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН и Институтом истории материальной культуры РАН, продолжает традицию проведения крупнейших археологических форумов, заложенную российскими учеными в XIX веке для обсуждения важнейших проблем археологической науки. Съезд посвящен памяти выдающихся археологов, академиков Б.А. Рыбакова, А.П. Окладникова и Б.Б. Пиотровского, 100-летний юбилей которых отмечался в 2008 году.

II (XVIII) Всероссийский археологический съезд собрал более четырехсот участников, представляющих научные учреждения Российской академии наук, высшие учебные заведения, музеи, научно-производственные организации, органы охраны памятников истории и культуры. В работе Съезда приняли участие представители более ста десяти организаций из 51 субъекта Российской Федерации. Это дало возможность участникам ознакомиться с результатами важнейших археологических исследований и новейшими открытиями, обсудить наиболее значимые методологические проблемы археологической науки и провести обмен опытом на общероссийском уровне, преодолев региональную разобщенность научно-исследовательских учреждений России. Участники Съезда обсудили фундаментальные проблемы, связанные с расселением, культурогенезом, урбанизацией, эволюцией материальной культуры и другими культурно-историческими процессами в древних обществах на территории нашей страны, рассмотрели ключевые вопросы изучения и сохранения археологических памятников как объектов культурного наследия и источника исторического знания о прошлом.

Съезд отмечает высокий уровень археологических исследований в России, прогресс в развитии археологии как дисциплины, являющейся важной составляющей исторической науки.

Съезд показал наличие существенного импульса в развитии мультидисциплинарного подхода в исследовании культурных общностей древности и средневековья, интеграции археологических и естественнонаучных методов изучения памятников, выход на новый качественный уровень в решении вопросов методологии и истории науки, развитие новых направлений исследова-

ний, связанных с применением компьютерных технологий и методов инструментального анализа.

Несмотря на явные успехи, Съезд обращает внимание на снижение активности в изучении культур неолита России, древностей бронзового века лесной зоны и раннего железного века европейской части нашей страны. Ощущается необходимость более глубокой и интенсивной разработки проблем теории науки, современных методов проведения полевых исследований, планомерного подхода к созданию баз данных.

Подчеркивая возрастающий интерес к результатам полевых изысканий, основанных на междисциплинарных подходах, а также отмечая значительный прогресс в развитии спасательной археологии в России, участники Съезда считают необходимым привлечь внимание Росохранкультуры и правоохранительных органов к проблемам сохранения археологического наследия и призывают объединить усилия в борьбе с масштабными разрушениями объектов археологического наследия в ходе строительства, влекущими за собой невосполнимую утрату информации о древней истории страны.

Участники Съезда подчеркивают необходимость консолидации усилий и активизации сотрудничества ученых-археологов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, а также средств массовой информации в борьбе с варварским разрушением археологических памятников, грабительскими раскопками и нелегальным оборотом древностей.

Важным для сохранения культурного наследия является повышение уровня организации музейного хранения коллекций, обеспечивающего полную и долговременную сохранность артефактов, полученных в ходе археологических полевых исследований. В связи с этим вызывает озабоченность современное состояние музейных фондов, отсутствие во многих музеях условий для хранения археологических коллекций, недооценка значимости массовых археологических материалов как исторического источника. Эти факторы приводят к их ежегодной утрате и депаспортизации. Насущной необходимостью является создание специализированных археологических музеев и фондохранилищ, ориентированных на массовые материалы.

Вопросы сохранения археологического наследия не в полной мере урегулированы в действующем законодательстве, включая передачу и хранение культурных ценностей, обнаруженных в результате проведения археологических исследований, в составе государственной части Музейного фонда Российской Федерации.

Особое место занимают вопросы допуска специалистов-археологов на земельные участки, в границах которых располагается объект археологического наследия, для осуществления археологических полевых работ.

Не регламентированы механизмы взаимодействия экспертов-специалистов с органами государственной власти, ответственными за сохранение объектов культурного наследия, и правоохранительными органами по вопросам оценки ущерба, нанесенного объектам культурного наследия.

Российская Федерация является страной, подписавшей все основные конвенции по охране культурного наследия (Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия, Конвенция об охране археологического наследия, Конвенция об охране архитектурного наследия Европы), включая Европейскую конвенцию об охране археологического наследия, к которой наша страна присоединилась в 1992 году. Однако до настоящего времени указанная конвенция в Российской Федерации не ратифицирована.

В работе Съезда приняли активное участие молодые ученые-археологи. Тем не менее подготовка кадров, воспроизводство научного потенциала и повышение уровня подготовки специалистов продолжают оставаться в числе острых проблем российской науки.

Участники Съезда считают необходимым:

- создание оптимальных условий для развития археологии как фундаментальной науки, обеспечивающей познание древней и средневековой истории;

- расширение в Российской Федерации сети археологических учреждений и специализированных археологических подразделений в музеях, высших учебных заведениях, государственных органах исполнительной власти, ответственных за сохранение объектов культурного наследия, создание новых рабочих мест для археологов в государственных учреждениях науки и культуры;

- дальнейшее совершенствование законодательной базы, регулирующей вопросы сохранения объектов археологического наследия;

- консолидацию усилий археологических учреждений, государственных органов исполнительной власти, ответственных за сохранение объектов культурного наследия, и органов местного самоуправления в целях усиления борьбы с

незаконными раскопками и торговлей предметами археологии;

- регулярное проведение конференций, круглых столов, семинаров по проблемам сохранения объектов археологического наследия, направленных на обмен опытом в указанной сфере, а также совершенствование практики разработки и применения нормативных правовых документов и методик охранных мероприятий;

- организацию новых музейных экспозиций и тематических выставок, посвященных современным археологическим открытиям;

- музеефикацию объектов археологии на территории России как форму сохранения культурного наследия;

- создание специализированных музейных фондов, предназначенных для хранения и научно-го изучения массового археологического материала;

- повсеместное внедрение современных методик проведения археологических полевых исследований, направленных на более тщательную фиксацию материала;

- осуществление организациями, ведущими археологические полевые исследования, активной работы по подготовке к публикации научных отчетов;

- активное привлечение средств массовой информации и использование интернет-ресурсов в освещении результатов научных археологических раскопок, а также в целях борьбы с грабительскими раскопками и кладоискательством;

- оказание молодым ученым содействия, необходимого для дальнейшего развития науки, в повышении квалификации через механизм специализированных стажировок, обменов и иных мероприятий;

- разработку мер, направленных на финансовую поддержку молодых ученых;

- рассмотрение вопроса о включении периодического издания “Труды Всероссийского археологического съезда” в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата исторических наук, сформированный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Участники Съезда рекомендуют:

Правительству Российской Федерации

1. Считать задачу сохранения археологического наследия России одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере культуры.

2. Разработать и внести в установленном порядке изменения в Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” в части:

введения новой статьи, регуливающей вопросы сохранения объектов археологического наследия;

установления ответственности музеев за прием археологических коллекций в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации;

обеспечения допуска специалистов-археологов на земельные участки, в границах которых находятся объекты археологического наследия;

приведения в соответствие пунктов 1 и 2 статьи 21 в части выдачи паспорта на объект археологического наследия собственнику земельного участка, в пределах которого располагается объект археологического наследия;

введения в статью 49 понятия “охранные обязательства” для объектов археологического наследия, которые являются ограничениями (обременениями) права собственности на земельный участок, в пределах которого располагается объект археологического наследия;

усиления роли Российской академии наук в научно-методическом обеспечении работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия.

3. В установленном порядке направить в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации предложения к проекту Федерального закона № 432575-4 “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления градостроительной деятельности” в части сохранения объектов археологического наследия.

4. Принять меры по ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия и присоединению России к международным договорам в сфере сохранения археологического культурного наследия и предотвращения незаконного оборота культурных ценностей.

Министерству культуры Российской Федерации

1. Обратить внимание на необходимость принятия экстренных мер по сохранению объектов археологического наследия, переданных в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации, включая создание в музеях специализированных фондов, предназначенных для хране-

ния и научного изучения массового археологического материала.

2. Рассмотреть вопрос о разработке регламентов взаимодействия экспертов-специалистов с органами государственной власти, ответственными за вопросы сохранения объектов культурного наследия, и правоохранительными органами по вопросам оценки ущерба, нанесенного объектам культурного наследия.

Министерству образования и науки Российской Федерации

1. В целях расширения подготовки специалистов в области археологии включить специальность “археология” в Перечень направлений (специальностей) высшего профессионального образования.

2. Рассмотреть вопрос о включении периодического издания “Труды Всероссийского археологического съезда” в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата исторических наук, сформированный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

3. Разработать комплекс мер, направленных на финансовую поддержку и повышение квалификации молодых ученых в ведущих российских и зарубежных археологических учреждениях через механизм стажировок, обменов и иных мероприятий.

Участники Съезда выразили намерение:

1. Продолжить традицию проведения всероссийских археологических форумов, способствующих расширению сотрудничества научных учреждений Российской академии наук, высших учебных заведений, музеев, научно-производственных организаций, органов охраны памятников истории и культуры различных регионов России, их консолидации, направленной на изучение и сохранение культурного наследия, обмену опытом и развитию методической базы.

2. Провести очередной, III (XIX), Всероссийский археологический съезд в 2011 году в Великом Новгороде.

Участники Съезда выражают благодарность Президиуму Российской академии наук, Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) и Российскому фонду фундаментальных исследований (РФФИ) за финансовую поддержку проведения Съезда.

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРИНЦИПАХ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ И МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЙ

7 января 2007 г. в Сан-Диего руководителями Института археологии РАН, Американского археологического института и Германского археологического института было подписано Совместное заявление о принципах охраны памятников археологии и истории и музейных собраний.

Наращение процессов расхищения археологического наследия в современном мире в результате несанкционированных раскопок памятников, незаконной торговли древностями, разграбления музейных собраний в ходе военных конфликтов – тенденция, очевидная для большинства ученых и музейных работников, профессиональная деятельность которых связана с изучением и сохранением археологических древностей. Масштабы разрушений археологического наследия, неизбежным результатом которых становится сужение возможностей для научного изучения прошлого, осознаются прежде всего профессиональным археологическим цехом, но эти разрушения затрагивают общее культурное достояние человечества и уничтожают его общую коллективную память. Национальные законодательства разных стран об охране культурного наследия не всегда дают возможность для реальной защиты древностей и не во всех случаях эффективно используются. Организаторы грабительских раскопок и операторы нелегального рынка древностей хорошо организованы на международном уровне. Поэтому противодействие расхищению наследия предполагает сотрудничество ведущих археологических учреждений разных стран на основе некоторых общих принципов, безусловных для археологических корпораций и соответствующих международным правовым документам в области охраны культурного наследия.

В последние годы в России немало сделано для противодействия расхищению археологического наследия. Проблема неоднократно обсуждалась на самом высоком уровне: на круглом столе в Совете Федерации РФ (март 2004 г.) и в комиссии по вопросам сохранения культурного и духовного

наследия Общественной палаты РФ (апрель 2006 г.), по итогам этих обсуждений даны соответствующие поручения правоохранительным органам. В 2006 г. Федеральным Собранием приняты поправки к Административному кодексу РФ, предусматривающие усиление ответственности за расхищение археологического наследия – более высокие штрафы за производство нелегальных раскопок и конфискацию используемого при их проведении специального оборудования. Прекращена пропаганда “любительской” (читай: несанкционированной, ненаучной) археологии на центральных телеканалах. В отдельных регионах РФ государственные органы охраны памятников предпринимают попытки пресечения грабительства и преследования лиц, ведущих нелегальные раскопки. Однако достичь желаемого эффекта пока не удалось – размах грабительских раскопок по-прежнему велик.

Совместное заявление трех авторитетных археологических учреждений России, США и Германии выражает нашу общую тревогу в связи с развивающимися процессами разрушения археологических памятников и музейных собраний, формулирует некоторые концептуальные основы противодействия расхищению древностей и предлагает правительствам трех стран уделять больше внимания данной проблеме. Мы призываем археологические учреждения других государств присоединиться к этой декларации. Учитывая специфику ситуаций, сложившихся в разных странах, и различие национальных законодательств, регламентирующих охрану памятников истории и культуры, Совместное заявление не прописывает конкретных шагов по противодействию незаконным раскопкам и незаконной торговле древностями, но призывает органы государственной власти, археологические учреждения, общественные организации и частных лиц активнее действовать в сфере защиты археологического наследия.

Институт археологии РАН, Москва

Н.А. Макаров

ПОДПИСАНИЕ СОВМЕСТНОГО ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРИНЦИПАХ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЙ¹

Германский археологический институт (DAI), Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН) и Археологический институт Америки (AIA) во время годовой сессии Археологического института Америки в Сан-Диего (3–7 января 2007 г.) подписали Совместное заявление о принципах охраны памятников археологии, истории и музейных собраний. Институты были представлены генеральным секретарем Германского археологического института, президентом Археологического института Америки и ее выбранным преемником, а также директором Института археологии РАН. Целью документа являлось формулирование совместной позиции трех названных институтов. Германский археологический институт хотел этим показать, что он не только внимательно следит за дискуссией об охране археологических памятников, разрушение которых в результате второй войны в Ираке значительно интенсифицировалось, но и активно выступает за охрану памятников культуры во всем мире.

Германский археологический институт приветствует тот факт, что Конвенция ЮНЕСКО “О мерах к запрету и к предотвращению незаконного ввоза, вывоза и отчуждения культурного наследия” от 14 ноября 1970 г. в Германии введена в национальное законодательство². Уже и раньше приобретение или владение украденными или нелегально перемещенными объектами культуры и искусства из стран-членов Европейского Союза было возможно только при соблюдении особых условий. Введение Конвенции ЮНЕСКО от 1970 г. в германское Федеральное законодательство означает принятие национальных мер не только к защите собственного культурного до-

стояния, но и создание возможностей возвращения незаконно перемещенных объектов культурного достояния в страны их происхождения, являющиеся членами ЮНЕСКО. Это относится также и к археологическим находкам.

Данный закон имеет тем не менее возможности интерпретации. Конвенция ЮНЕСКО распространяется на объекты искусства, истории или археологии, имеющие особую ценность, которые в странах их происхождения официально объявлены национальным достоянием. Все страны-участники Конвенции обязаны через Уполномоченного по культуре и коммуникации Германского Федерального правительства сделать доступными списки культурного достояния с индивидуально определяемыми культурными данными по объектам. Учитывая, что далеко не все страны имеют таковые и по Конвенции ЮНЕСКО иметь их не обязаны, это правило распространяется только на те объекты, которые известны государственным органам стран происхождения. Особая опасность угрожает объектам из нелегальных грабительских раскопок, которые, как правило, не попадают в подобные списки, поскольку они утаиваются в стране происхождения. Германское законодательство в таких случаях все же допускает, что страны-участники Конвенции ЮНЕСКО могут заявить о таких объектах в течение года с того времени, когда стало известно о находках из грабительских раскопок. При этом они обязаны достоверно указать их происхождение и представить обоснованные доказательства, что речь идет о ценном национальном культурном достоянии. Исходя из вопросов практического осуществления столь сложной процедуры необходимо объяснение о том, что археологические объекты подвержены особой опасности.

Конвенция занимается только подвижным культурным достоянием. Лучшее возможное познание археологического объекта достигается только благодаря точным данным о контексте находки. В связи с этим хотелось бы, чтобы в законодательстве нашло отражение особое значение связи объекта и контекста находки. Институт считает, что было бы желательно, чтобы Федеративная Республика Германия подписала Конвенцию UNIDROIT от 1995 г.

¹ За советы благодарю Г. Парцингера и М. ван Есс (Берлин). За перевод немецкого текста на русский язык благодарю госпожу Иду Наглер (Берлин).

² Конвенция ЮНЕСКО от 14 ноября 1970 г.: <http://www.unesco.org/culture/laws/1970html_eng/pagel.shtml#Preamble> (15.12.2007) – К решению Германского Бундестага ввести конвенцию в Федеральное законодательство см.: <<http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2006/02/2006-02-15-mehr-schutz-fuer-kulturguter.html>> (15.12.2007). Закон опубликован: <<http://www.bgblportal.de/BGBl/gbllf/bgbl0757.pdf>> (17.12.2007). – Дополнение от 26 октября 2007 г.: <<http://www.bgblportal.de/BGBl/gbllf7bgbl07s2547.pdf>> (17.12.2007). – Официальный перевод Конвенции ЮНЕСКО: <<http://frei.bundesgesetzblatt.de/pdf7bgbl2/bgbl207s0626.pdf>> (17.12.2007).

О ПРИНЦИПАХ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ И МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЙ

Совместное заявление Института археологии Российской академии наук, Американского археологического института и Германского археологического института

Памятники истории и археологии и музейные собрания составляют неотъемлемую часть всемирного наследия человеческой культуры. Тем не менее отмечается рост числа стран, в которых это наследие находится под угрозой разграбления, разрушения в ходе военных конфликтов и полного уничтожения. Памятники археологии представляют собой исключительно ценные источники информации по истории человечества, и их охрана является моральным долгом правительств и населения. Будучи убеждены в том, что материальные свидетельства истории человеческого прогресса должны сохраниться и быть доступными для всех народов мира, Институт археологии Российской академии наук, Американский археологический институт и Германский археологический институт выступают в поддержку следующих принципиальных положений:

1. Действуя в качестве субъектов, ответственных за материальное воплощение культурного наследия человечества, правительства должны обеспечивать эффективную и постоянную охрану находящихся в их юрисдикции памятников истории и археологии, а также музеев.

2. С целью предотвращения разрушения археологических памятников музеев мира и частные коллекционеры должны принять и неукоснительно соблюдать Этический кодекс Международного Совета музеев, отказываясь от приобретения "предметов, относительно которых имеются обоснованные подозрения в том, что они получены в результате нелегальных, ненаучных или иных целенаправленных действий, связанных с разрушением исторических [и] археологических памятников".

3. Для воссоединения полученных нелегальным путем древностей с археологическими памятниками и историческими контекстами, откуда они были незаконно изъяты, и для предотвращения их дальнейшего разграбления такие объекты должны быть по возможности возвращены на место (или в страну) их происхождения.

4. Все страны должны ратифицировать и последовательно соблюдать принципы, провозглашенные Гаагской Конвенцией 1954 г. по защите культурного достояния в случае вооруженных конфликтов, а также ее Первого и Второго протоколов, в которых освещены вопросы защиты культурного наследия в случае вооруженных конфликтов и военной оккупации.

Дело охраны исторических памятников и музейных собраний требует участия политических, экономических и правоохранительных правительственных органов, а также неправительственных организаций, физических лиц и частных организаций. Институт археологии Российской академии наук, Американский археологический институт и Германский археологический институт призывают правительства и частных лиц поддерживать эти положения и активно работать для их реализации.

Подписи:

Николай Макаров, директор Института археологии Российской академии наук

Джейн Вальдбаум, президент Американского археологического института

Брайан Роуз, избранный президент Американского археологического института

Ортвин Далли, генеральный секретарь Германского археологического института

Joint Statement of Principle on the Protection of Archaeological Sites, Monuments and Museums

The Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, the Archaeological Institute of America and the German Archaeological Institute

The world's monuments, archaeological sites, and museums are irreplaceable parts of the common heritage of humanity, yet in an ever increasing number of countries they continue to be at risk of pillaging, war-

time damage, and even destruction. Their extraordinary value as records of humanity's past history imposes a moral obligation on governments and peoples to protect and conserve them. In the conviction that such records of human achievement should continue to speak to all the world's peoples, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, the Archae-

ological Institute of America, and the German Archaeological Institute, the together endorse the following statements of principle:

1. In order to act as responsible stewards of the material heritage of humanity, governments should provide effective and continuing protection for monuments, museums, and sites in their jurisdictions.

2. In order to discourage the destruction of archaeological sites, the world's museums and private collectors should adopt and rigorously observe the Code of Ethics of the International Council of Museums, not acquiring "objects where there is reasonable cause to believe their recovery involved the unauthorized, unscientific, or intentional destruction of monuments [and] archaeological sites."

3. In order to reunite pillaged works with the monuments, sites, or historical contexts from which they were illegally removed, and to serve as a disincentive to further pillage, such works should be restored whenever possible to the site or country of origin.

4. All nations should ratify and consistently respect the provisions embodied in the 1954 Hague Convention on the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict, and its First and Second Protocols, regarding the protection of cultural heritage during armed conflict and military occupation.

Protection of sites, monuments, and museums requires the participation of the political, economic, and policing agencies of governments, as well as of non-governmental organizations, individuals, and the private sector. The German Archaeological Institute, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, and the Archaeological Institute of America urge governments and individuals to endorse these objectives and to work actively to realize them.

Signed:

Nikolaj Makarov, Director, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

Jane C. Waldbaum, President, Archaeological Institute of America

Brian Rose, President Elect, Archaeological Institute of America

Ortwin Dally, General Secretary, Deutsches Archäologisches Institut

В мае 2007 г. к Совместному заявлению присоединилась итальянская Генеральная дирекция археологических памятников, в июне 2007 г. – Турецкий Институт наук о древностях.

РЕКОНСТРУКЦИЯ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА НА ОЗЕРЕ БАЙКАЛ (АНАЛИЗ ИХТИОФАУНЫ СО СТОЯНКИ ИТЫРХЕЙ)

© 2009 г. Т. Номоконова*, Р. Лозей*, О. И. Горюнова**

* Отдел Антропологии Университета Альберта, Канада

** Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАиЭ СО РАН–ИГУ

Рыболовство являлось экономической основой многих групп охотников-рыболовов, населявших побережья водоемов (Эверстов, 1988; Bailey, Parkington, 1988; Clark, 1948). Ими использовался широкий спектр орудий: от простой ловли на удочку с берега отдельными индивидами до применения сетей большими группами рыбаков (Leach, 2006). Данные способы различаются между собой в отношении затрат, эффективности в количественном обеспечении и социальными отношениями. Некоторые из них могли использоваться почти везде, в то время как другие – только в определенных местах. Большое количество пойманной рыбы, особенно добываемой в течение короткого промежутка времени, может требовать наличия существенной рабочей силы, ее организации и средств по обработке и хранению рыбы (Erlandson, 2001). В связи с этим реконструкция методов рыболовства непосредственно связана со многими аспектами системы существования, включая способы питания, обработки и хранения улова, трудовой организации и типы древних поселений.

Большинство способов рыбной ловли древними группами охотников-рыболовов основывалось на материалах, к сожалению, не сохраняющихся с течением времени в археологических комплексах. В связи с чем реконструкция этих способов проводится в основном через анализ материалов, присутствующих в археологических объектах, и изучение древней ихтиофауны. Орудия рыбной ловли и костные остатки рыб нередко встречаются во время раскопок археологических стоянок в Прибайкалье (Восточная Сибирь). Они продолжают стимулировать интерес в обсуждении роли рыбного промысла в системе жизнеобеспечения древних обитателей этого региона. Роль рыболовства на оз. Байкал впервые была затронута Б.Э. Петри во время раскопок поселения Улан-Хада на западном побережье оз. Байкал в 1912 г., который предположил на основе найденных рыболовных принадлежностей, что ловля рыбы являлась основным занятием древнего населения в неолите и, вероятно, осуществлялась с использованием сетей (Петри, 1926). Тем не менее видовое определение костей

рыб непосредственно с побережья озера было проведено только на 78 костях со стоянки Улан-Хада (Цепкин, 1966; 1976) и нескольких археологических объектов в Прибайкалье (Мамонтов и др., 2007; Mamontov et al., 2006; Цепкин, 1986; 1995). В связи с этим большинство исследований по рыболовному промыслу сводилось к типологическому анализу инвентаря с иллюстрированием этнографических материалов конца XVIII – начала XIX в. (Георгиевская, 1989; Конопатский, 1982; Новиков, Горюнова, 2005; Окладников, 1936; 1948; 1950; 1955; Свинин, 1971; 1976; Эверстов, 1988).

Прямое свидетельство о способах рыбной ловли в данном регионе представлено орудиями, предназначенными для индивидуальной ловли рыб, в частности цельными костяными или каменными составными рыболовными крючками, “рыбками-приманками” из камня и гарпунами из кости или оленьего рога (Георгиевская, 1989; Медведев, 1971; Medvedev, 1969; Новиков, Горюнова, 2005; Окладников, 1936; 1948; 1950; 1955; Свинин, 1971; 1976; Студзитская, 1976; Эверстов, 1988). Находки плоских галек с обработкой и без нее часто интерпретируются как грузила для сетей, хотя данная интерпретация сомнительна без дополнительных данных. Никаких очевидных доказательств массовой добычи рыбы в виде сетей или ловушек найдено не было, так же как и почти отсутствует детальный анализ ихтиофауны со стоянок побережья озера. Анализы стабильных изотопов, проводимые на материалах с могильников Прибайкалья, тем не менее показали, что рыба являлась важным компонентом диеты на протяжении большей части голоцена (Katzenberg, Weber, 1999; Weber et al., 1998).

Основным направлением нашей работы является изучение рыболовного промысла на оз. Байкал на примере зооархеологического анализа стоянки Итырхей. Исследование проводится посредством привлечения данных по видовому определению рыб, их биологических и экологических характеристик обитания в оз. Байкал и реконструкций размеров окуней. Обсуждение этих материалов позволяет определить основные виды рыб, которых добывали древние обитатели

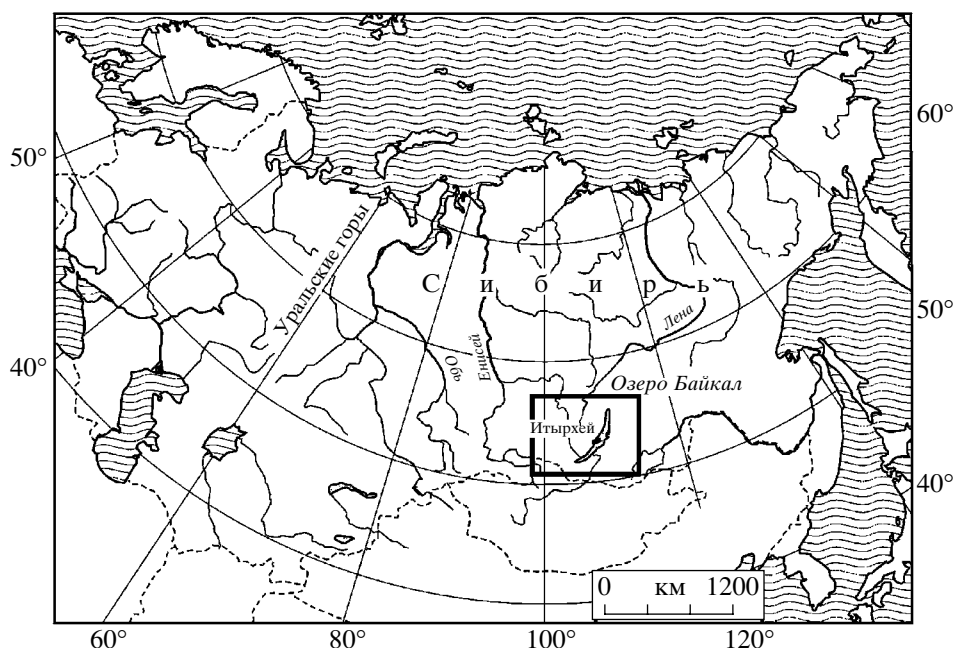

Рис. 1. Карта-схема расположения стоянки Итырхей.

бухты Итырхей, в какой сезон(ы) мог происходить их промысел и какие способы ловли при этом применялись.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Многослойная стоянка Итырхей находится в западной части одноименной бухты юго-восточного побережья Куркутского залива (западный берег пролива Ольхонские Ворота) Малого моря озера Байкал (рис. 1), в 39 км к северо-востоку от пос. Еланцы Ольхонского р-на Иркутской обл. ($53^{\circ}01'46.4''$ N, $106^{\circ}50'45.2''$ E). Стоянка в бухте Итырхей открыта П.П. Хороших в результате разведки 1921–1923 гг. (1924). Маломорским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (под руководством О.И. Горюновой) в 1975–1976 гг. проведены раскопочные работы, в результате которых выявлена многослойность стоянки (Горюнова, Кузьминский, 1976; Горюнова, 1978). Раскопы заложены в юго-западной части бухты; общая вскрытая площадь – 127 м². Методика полевых работ 1975–1976 гг. на стоянке основывалась на ручном сборе археологических, в том числе фаунистических остатков. Маломорским отрядом ИЛАиП ИАиЭ СО РАН–ИГУ (О.И. Горюнова, А.Г. Новиков) в 2005 г. сделана прирезка площадью 3 м² к южной части раскопа 1976 г. Полевые работы 2005 г. основывались на просеивание всех культурных отложений на сите с ячейкой 2 мм.

Культурные слои стоянки Итырхей привязаны к темным погребенным почвам, отделенным друг

от друга прослойками светлой супеси. Мощность рыхлых отложений, включающих культурные остатки – 2.35 м. На основе радиоуглеродного датирования (рис. 2) и типологических данных выявлено десять культурных слоев, датируемых от мезолита до железного века включительно: IX – средний мезолит (8720 ± 210 л.н.), VIII–VII – поздний мезолит (8010 ± 100 л.н., 7300 ± 290 л.н.), VI–V – ранний неолит (5700 ± 200 л.н., 5680 ± 60 л.н.), IV–II – развитый неолит (4740 ± 155 и 4485 ± 45 л.н.), I – бронзовый век, 0 – железный век (Горюнова, 1984; Горюнова, Воробьева, 1986; Горюнова и др., 1996). В целом использование бухты Итырхей происходило на протяжении всего голоцена, но наиболее интенсивный период приходится на 8000–4300 л.н. (слои VIII–II), выраженный большим количеством фаунистических остатков и наибольшим разнообразием определяемых видов животных.

Фаунистические материалы 1975–1976 и 2005 гг. раскопок были исследованы и определены до элемента, части, стороны и до наиболее возможной таксономической категории, используя стандартные зооархеологические методы: NISP – количество определяемых экземпляров и MNI – минимальное количество особей (Номоконова и др., 2006; Reitz, Wing, 1999). Эти единицы количественного анализа также были применены для исследования степени воздействия тафономических факторов на сохранность фауны и влияние различных полевых методов раскопок на количество и соотношение костей в оценке степени, в какой эти разные методы повлияли на представ-

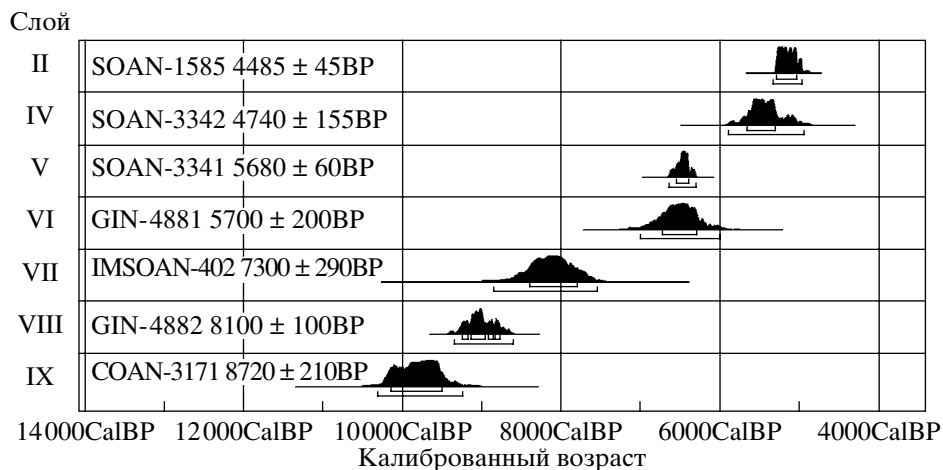

Рис. 2. Радиуглеродное датирование стоянки Итырхей.

ленную фаунистическую коллекцию (Номоконова и др., 2007а, б).

Остатки животных со стоянки Итырхей представлены 19729 костями; 19510 из которых приходится на остатки рыб, что составляет 98.89% от общего количества фауны. Определение стало возможным среди следующих классов животных:

млекопитающих – 52, птиц – 5 и рыб – 20%. Недиагностичные кости составили 80.74% от общего количества фауны, большинство из которых – рыбы. Среди определяемых костей (таблица): млекопитающие представлены 6 видами животных: лось (*Alces alces*), косуля (*Capreolus pygargus*), благородный олень (*Cervus elaphus*), собака

Видовой состав и количество костных остатков со стоянки Итырхей

Таксон	Название	1975–1976 (127 м²)		2005 (3 м²)		Всего (130 м²)	
		NISP	MNI	NISP	MNI	NISP	MNI
<i>Mammalia</i> -неопределимые	Млекопитающие	91		11		102	
<i>Artiodactyla</i>	Парнокопытные	17				17	
<i>Alces alces</i>	Лось	2	1			2	1
<i>Capreolus pygargus</i>	Косуля	8	4			8	3
<i>Cervus elaphus</i>	Благородный олень	13	4			13	4
<i>Canis familiaris</i>	Собака	1	1			1	1
<i>Gulo gulo</i>	Росомаха	1	1			1	1
<i>Phoca sibirica</i>	Нерпа	51	11	3	1	54	11
Всего млекопитающих		184		14		198	
<i>Pisces</i> -неопределимые	Рыбы	6475		9337		15812	
<i>Cyprinidae</i>	Карповые	236	17	704	32	940	40
<i>Rutilus rut. lacustris</i>	Сорога	62	22	21	16	83	31
<i>Leuciscus leucis.</i>	Елец	1	1	7	3	8	4
<i>Coregonus spp.</i>	Род сиговых	144	12	29	4	173	13
<i>Perca fluviatilis</i>	Окунь	1245	63	1177	40	2422	84
<i>Esox lucius</i>	Щука	57	9	15	3	72	8
Всего рыб		8220		11290		19510	
<i>Aves</i> -неопределимые	Птицы	20				20	
<i>c.f. Anas spp.</i>	Род речных уток	1	1			1	1
Всего птиц		21				21	
Всего костей		8425		11304		19729	

(*Canis familiaris*), росомаха (*Gulo gulo*), нерпа (*Phoca sibirica*) и отрядом парнокопытных (*Artiodactyla*); птицы – родом речных (благородных) уток (*Anas spp.*); рыбы – 4 видами: елец (*Leuciscus leuciscus baicalensis*), сорога (*Rutilus rutilus lacustris*), окунь (*Perca fluviatilis*) и щука (*Esox lucius*), родом сиговых (*Coregonus spp.*) и семейством карповых (*Cyprinidae*).

Сохранность костей на Итырхее в хорошем состоянии, найденных при раскопках, не велико по сравнению с большим количеством неопределимых костей, в связи с их фрагментарностью в обеих коллекциях фауны 1970 и 2005-х годов. Последняя объясняется влажными почвенными условиями из-за близкой к озеру части вскрытой стоянки. Все кости животных были исследованы на предмет модификации. В целом степень, в которой воздействие огнем, обработка кости и погрызы хищников на Итырхее могла повлиять на общее состояние фауны, можно считать незначительной и представленной только на 35 костях от общего количества 19729 (Номоконова и др., 2007б).

На протяжении длительного времени бухта Итырхей использовалась древними обитателями побережья оз. Байкал для рыбной ловли. Это подтверждается доминированием ихтиофауны на стоянке, составляющей 98.89% от общего количества полученных фаунистических материалов. Костные остатки рыб были найдены почти во всех культурных слоях за исключением слоя 0, относимого к железному веку. Большинство из них были получены со слоев VIII–II позднего мезолита – развитого неолита (рис. 3).

Наиболее распространенным видом рыб в отложениях на стоянке является окунь, составляющий 66.5% от общего количества костей ихтиофауны (рис. 4, А). Следующая распространенная группа – семейство карповые (27.9 %), в основном сорога и в меньшей степени елец (рис. 5). Остальная ихтиофауна представлена костями рода сиговых (сиг/омуль) и щуки, составляющих 4.7% и 1.9% соответственно (рис. 4, А). В период наиболее интенсивного использования бухты (8000–4300 л.н.) рыболовство было направлено в основном на добычу видов, постоянно обитающих в прибрежных мелководных зонах Малого моря оз. Байкал.

РЕКОНСТРУКЦИЯ РЫБОЛОВНОГО ПРОМЫСЛА

Поведение и экологические характеристики видов рыб, определяемых на Итырхее, и местные данные по современному рыболовству, безусловно, полезны в понимании того, как древние обитатели бухты Итырхей определялись в выборе видов рыб. Данные характеристики также предо-

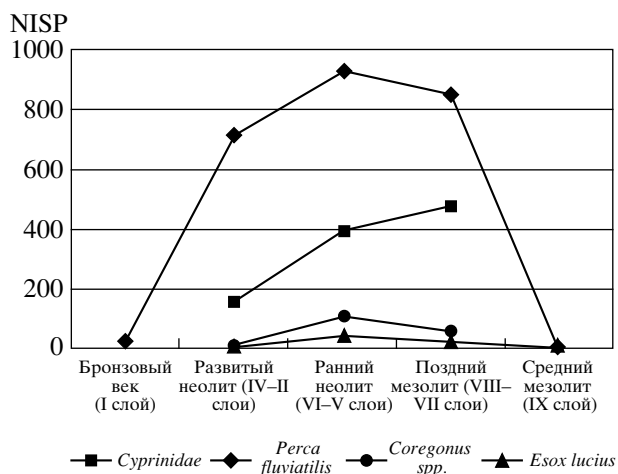

Рис. 3. Соотношение видового состава рыб с Итырхеей по хронологическим периодам.

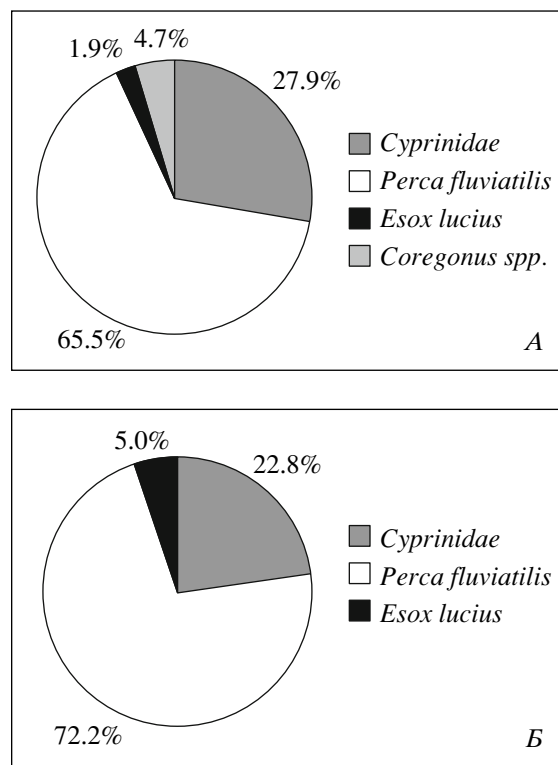

Рис. 4. А. Соотношение видового состава рыб с Итырхеей; Б. Соотношение видового состава рыб годового улова в Малом море оз. Байкал (данные из: Кожов, Мишарин, 1958)

ставляют косвенные материалы о сезоне добычи рыбы и типах орудий, используемых для ее ловли. В настоящее время Малое море оз. Байкал считается богатой питательной зоной для кормовых и нерестовых миграций рыб (Кожов, 1972; Kozhova, Izmet'seva, 1998; Sideleva, 2003): сороги, ельца, щуки, сига и омуля, представленных на Итырхее.

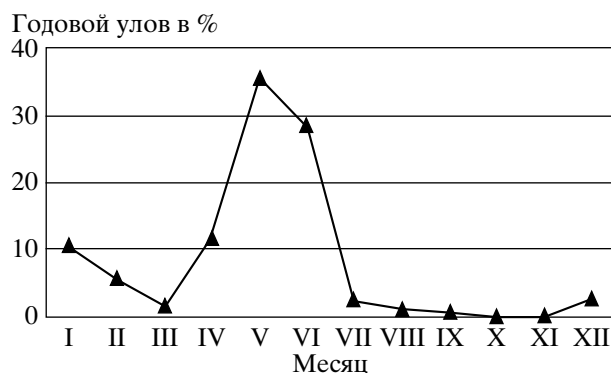

Рис. 5. Улов сороги в Малом море оз. Байкал по месяцам (данные из Кожов, Мишарин, 1958).

Например, омуль заходит в Малое море весной и летом (рис. 6) и подходит ближе к его берегам в южной части на глубину 30–50 м в мае и июне. Сиг обитает в Малом море на протяжении всего года на глубине от 20–120 м, но осенью заходит на нерест в Мухорский и Куркутский заливы на глубину 2–4 м (Кожов, Мишарин, 1958). Таким образом, сезонное распределение сига и омуля вблизи бухты Итырхей и наличие небольшого количества костей данных видов рыб на стоянке, представляет информацию о сезоне добычи рыбы и способах ее ловли.

Омуль и сиг являются глубоководными рыбами, добываемыми сетями в современном промыс-

ле. Их небольшое количество на стоянке показывает, что сиговые не являлись целенаправленными добываемыми видами рыб, и их присутствие в отложениях носит случайный характер ловли. Мелководная зона Куркутского залива (<5 м) не является местом обитания этих рыб, за исключением периода нереста (Sideleva, 2003). Омуль присутствует только в глубоких частях Малого моря в марте–июле (рис. 6) и редко заходит на глубину менее 20 м. В то время как отдельные особи могли находиться вблизи Куркутского залива, их присутствие на стоянке в значительном количестве было бы ограничено мартом–июлем.

Байкальский сиг, с другой стороны, — единственный представитель сиговых, заходящий в Мухорский залив на нерест в октябре–декабре (Кожов, Мишарин, 1958) и, возможно, также посещающий в прошлом и прилегающий к нему Куркутский залив (рис. 6). В связи с этим совмещение данных по наличию сиговых (и омуля, и сига) в этих заливах может только указывать на их ловлю на стоянке весной — поздней осенью. Дополнительными данными по использованию бухты в этот период являются результаты исследования годовых колец дентина на семи клыках нерпы, указывающих на добычу этого животного на стоянке с марта по июль (Weber et al., 1998), и присутствие нескольких костей водоплавающих птиц (Скрябин, 1971).

Окунь, сорога, елец и щука круглодичные обитатели бухты Итырхей и других мелководных зон

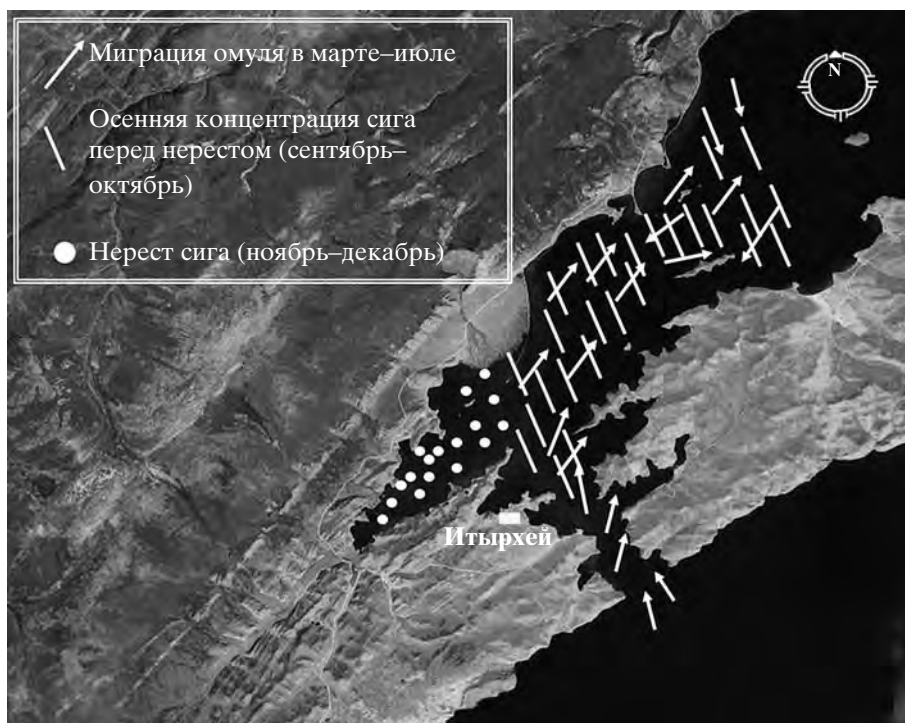

Рис. 6. Сезонное распределение омуля и сига в Малом море оз. Байкал (данные из Кожов, Мишарин, 1958).

Малого моря, промысел которых в наши дни основан на ловле удочками и сетями. Их основное количество добывается весной, во время концентрации рыбы на нерест (Кожов, Мишарин, 1958). В связи с этим, обилие этих видов рыб на стоянке может указывать на весенний улов, но естественно, этим не ограничиваясь. Фаунистические материалы Итырхее представлены в основном окунем, карповыми и, в меньшей степени, щукой и сиговыми. Данный видовой состав достаточно схож с соотношением добываемых прибрежных рыб в современных уловах Малого моря (рис. 4, А и 4, Б), основанного на добывании ставными сетями. Современный видовой состав также соотносится с представителями рыб, найденных в скоплениях костей ихтиофауны на Итырхее в слоях VIII и IV (поздний мезолит и развитый неолит соответственно). Эти скопления содержали в большом количестве остатки окуня и карповых и несколько костей щуки и сиговых в основном от минимального количества особей 23–24, и, возможно, отражали синхронный улов, процесс разделки или обработки. Подобные концентрации ихтиофауны были отмечены на ряде поселений Байкальского побережья (например, Улан-Хада, Берлога, Посольская) и относились к хозяйственно-бытовым ямам, служащим для консервации рыбы в заквашенном виде (Ивашина, 1979; Новиков, Горюнова, 2005; Хамзина, 1991). Интерпретация данных скоплений как ям для консервации рыб возможна, но не однозначна. Подобные ямы могли использоваться для различных целей, тем не менее анализ ихтиофауны Итырхее показал, что они, скорее всего, были остатками домашних отходов, так как элементы скелетов рыб не находились в каком-либо анатомическом сочленении, что указывает на их обработку или разделку до непосредственного помещения в эти ямы.

Среди рыб, найденных на Итырхее, только щука и окунь являются видами, распространенными и подходящими для ловли на крючок (Сабанеев, 1996). Карповые, в частности сорога, считаются наиболее трудными для поимки на крючок, в связи с тем, что им предоставлена достаточная кормовая база в Малом море (Sideleva, 2003). Кроме того, они являются пассивной рыбой и имеют очень маленькую ротовую полость, что требует наличия крючка маленького размера (Сабанеев, 1996). Очень маленькие крючки также необходимы для представителей сиговых, в связи с малым размером их ротовой полости. По этой причине в Северной Америке местное население почти никогда не добывает сигов ловлей на крючок, предпочитая вместо этого сети и ловушки (Rostlund, 1952). Современные данные по рыболовному промыслу в Малом море указывают на то, что карповые обычно ловятся совместно с окунем и щукой, особенно во время периода нере-

Количество экземпляров

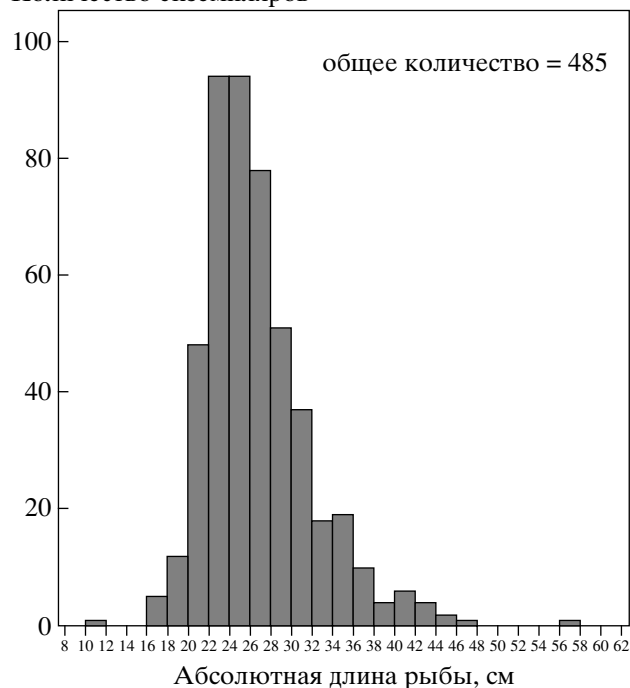

Рис. 7. Данные по реконструкции размеров длины окуня с Итырхее (объединенные данные с раскопок 1975–1976 и 2005 гг.).

ста. Способы массового лова, такие как сети и ловушки, наиболее продуктивны для их поимки в этот период в мае–июне (рис. 5). Присутствие рыб в одних отложениях, их обитание и нерест в одних водах в одно время может указывать на наличие одного способа лова (Needs-Howarth, 1999). В похожих условиях мелководные виды рыб Итырхее, обитающие в одних водах, приблизительно нерестящихся в одно и то же время, вполне возможно добываются одними и теми же способами, скорее всего сетями и ловушками. Несколько костей сиговых, найденных на стоянке, могли быть пойманы случайно сетями или ловушками во время основного нерестового периода чистиковых рыб.

Реконструкция размера окуня также применена как попытка восстановить способы добычи рыбы на Итырхее (Лозей, 2007; Losey et al., 2008). Используя современные образцы окуня из оз. Байкал, были разработаны методы для восстановления размера окуней, найденных на стоянке, детальное описание которых представлены в работе Лозей с соавторами (Losey et al., 2008). Полученные данные показали, что в тех культурных слоях Итырхее, где кости рыб многочисленны, основная длина окуня представлена в диапазоне 20–30 см. Почти во всех слоях присутствуют рыбы крупного размера, но почти полностью отсутствует окунь менее 17 см (рис. 7), что отражает

улов окуня определенного размера. Эксперименты с современными металлическими крючками указывают на то, что крючок определенного размера может использоваться для ловли довольно широкого диапазона размера рыбы, от маленького до большого (Ralston, 1982; Løkkeborg, Bjordal, 1992). Если бы рыболовные крючки являлись единственным способом рыболовства на Итырхее, то среди рыбы были бы окуни и маленького размера, особенно если добыча происходила с берегов в мелких водах, где обитает очень много неполовозрелой рыбы. Окунь Байкала достигает взрослой жизни приблизительно между 15 и 20 см в абсолютной длине. Тем не менее на Итырхее отсутствует неполовозрелый окунь. В связи с этим предполагается что, если бы крючки были единственным средством рыболовства, то они применялись бы исключительно в местах, где не обитает неполовозрелая рыба, т.е. в более глубокой воде (более 2–3 м) и с лодок, или на глубоководье зимой на льду.

Наиболее вероятный сценарий состоит в том, что на Итырхее в некоторой степени был и массовый способ добычи окуня. Сети с большими ячейками или ловушки успешно используются для поимки окуня во многих озерах и речных притоках (Craig, 1975; Le Cren et al., 1977). Ловушки создаются для поимки рыбы определенного размера и большинство рыб выше этого определенного размера не могут в них войти. Сети также характеризуются подобной выборочностью в размере особей, попадающих в них, что было продемонстрировано рядом проводимых экспериментов (Albert, 2004; Kurkilahti, Rask, 1996; Psuty-Lipska et al., 2006). Сеть определенного размера намного эффективна при добыче окуня размером относительно узкого диапазона, но более крупный окунь также ловится часто, поскольку его ключице спинные лучи запутываются в сетях. Эта форма выборочности, связанная с отсутствием рыб малого размера, изобилие рыб среднего размера и небольшое количество крупных, является схожей по распределению размеров окуня со стоянки Итырхей (рис. 7), указывающей на наличие массовых способов ловли (Лозей, 2007; Losey et al., 2008).

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Все приведенные сведения позволяют заключить, что ихтиофауна Итырхей наиболее сопоставима с рыболовным промыслом, сконцентрированным на прибрежных рыбах с применением нескольких способов ловли. Сети или ловушки использовались для поимки основной массы рыб на Итырхее, особенно в период с позднего мезолита по развитый неолит. Рыболовные крючки также применялись, но вероятно, были менее эффективны по сравнению с массовыми способами

рыбной ловли. Последнее особенно видно в слоях IX (средний мезолит) и I (бронзовый век), где было найдено всего несколько костей рыб (рис. 3), принадлежащих окуню и щуке, которые могли добываться крючком или другими индивидуальными способами ловли. К тому же, только один костяной стерженек рыболовного крючка был найден на стоянке (Новиков, Горюнова, 2005). Если бы ловля крючком была единственным способом рыболовства на Итырхее, логично было бы предположить их наличие в большем количестве.

Предположение о том, что способы добычи сетями или ловушками применялись древним населением Байкала не является новым. Плоские гальки с обработкой и без нее (интерпретируемые как грузила) давно используются как доводы в пользу наличия сетевого рыболовства на озере и его притоках (Новиков, Горюнова, 2005; Окладников, 1950; Свинин, 1976; Эверстов, 1988). Тем не менее наше исследование является первым в предоставлении прямого свидетельства наличия массовых способов рыболовства на оз. Байкал на основе ихтиофаунистических материалов. Рыболовство, основанное на таких способах, имеет аналоги во многих областях мира (Leach, 2006), но впервые они демонстрируются на примере оз. Байкал.

Этнографические сведения по рыболовству в Прибайкалье не многочисленны, но тем не менее предоставляют некоторую информацию по способам ловли рыбы. Это связано в первую очередь с тем, что группы, ведущие кочевой образ жизни, смотрели на рыбу как на источник питания с явным пренебрежением (Vainshtein, 1980). Несмотря на это, многие из них, населяющие Прибайкалье, занимались рыбной ловлей (Вяткина, 1969; Залкинд, 1970). Среди ольхонских бурят рыболовство являлось главным промышленным занятием, направленным в конце XVIII – начале XX в. в основном на улов омуля и в меньшей степени сига неводами и сетями (Жамбалова, 2000; Левин, 1897; Паллас, 1788). Среди других, например тунгусов (эвенков и эвенов), хотя данное занятие и не считалось основным источником существования, но тем не менее им промышляли в летнее время (Георги, 1777; Туров, 1990). Этнографические материалы также предоставляют дополнительную информацию и о способах рыболовства. Во-первых, рыбный промысел был непродолжителен и связан в основном с периодами миграций нерестовых рыб. Во-вторых, большинство индивидуальных методов ловли были направлены на использование острог с лодок или мостков для поимки крупной рыбы (таймень, сиг, налим, щука) и массовых с созданием изгородей и плетеных ловушек, известных среди русского населения под названием “морды”, “верши” и “корчаги” (Туров, 1990). На оз. Байкал и его притоках они использовались для лова в основном глубоководных рыб,

омуля, сига, хариуса (Георги, 1777; Жамбалова, 2000; Левин, 1897).

Применение этнографических материалов к археологическим реконструкциям имеет свои известные ограничения. Они дают нам возможность понять, что наличие массовой добычи рыбы существовало, это, возможно, и использовалось на водных просторах Прибайкалья, но, естественно, их применение к древности является спорным. Более того, до сих пор неясно, было ли использование сетей принесено русскими поселенцами, или их изобретение носило местный характер. В связи с этим материалы со стоянки Итырхей могут рассматриваться как значительное дополнение к существующим представлениям о древнем рыболовстве на оз. Байкал. Оно характеризуется наличием промысла, направленного на улов прежде всего прибрежных мелководных рыб (карповые и окунь), знанием и пониманием биологических и поведенческих характеристик рыб (в частности, период их весенней концентрации на нерест) и использованием массовых способов их поимки, особенно в период с 8000–4300 л.н. Таким образом, рыболовный промысел в Прибайкалье мог проводиться не только путем создания ловушек в устьях рек для поимки глубоководных рыб во время их сезонных миграций, демонстрируемых нам этнографическими данными, но и основываться на массовой добыче прибрежных видов рыб в заливах и бухтах оз. Байкал в древности.

Интересно, что большинство исследователей, занимающихся рассмотрением вопросов о древнем рыболовстве на Байкале, на основе этнографических данных, предположили, что омуль (*Coregonus autumnalis migratorius*) – наиболее добываемый вид рыбы на Байкале в наши дни, являлся также основным сезонным промысловым видом и у древних обитателей побережья (Свинин, 1976; Эверстов, 1988; Новиков, Горюнова, 2005). Тем не менее среди определяемых видов рыб на Итырхее *Coregonus spp.* составляют только 5%. В этом случае восприятие омуля как основного добываемого вида у древних обитателей Байкала является очень спорным. На сегодняшний день нет достоверных данных по наличию массовой добычи сиговых (сиг/омуль). Во-первых, нет детального анализа ихтиофауны с других стоянок, тем не менее их присутствие в небольшом количестве на некоторых из них (Цепкин, 1966; 1976) этого также не подтверждает. Во-вторых, анализы стабильных изотопов костных останков человека в Прибайкалье в неолите и бронзовом веке также не показали потребления омуля (Katzenberg, Weber, 1999).

С другой стороны, реконструкция промысла, основанная на типологическом анализе рыболовного инвентаря, важна и необходима, но, тем не

менее, несет в себе ограничения другого рода. Это связано с тем, что, во-первых, орудия рыболовства, как правило, не многочисленны на Байкальских стоянках. Во-вторых, наличие инвентаря указывает на то, что древние обитатели знали как добывать рыбу, но не показывает нам, в каком количестве происходил ее улов. Среди методологических аспектов по изучению древнего рыболовства данная статья предлагает вариант реконструкции рыбного промысла посредством исследования ихтиофауны, не ограничиваясь только определением видового состава рыб, но и с применением их биологических и поведенческих характеристик, материалов по современным уловам и восстановлением размеров добываемых видов. Совмещение этих данных предоставляет хороший потенциал для изучения древней системы жизнеобеспечения и понимания той роли, которая отводилась рыболовному промыслу.

Работа выполнена при поддержке гранта, предоставленного Т.Ю. Номоконовой от Canadian Circumpolar Institute в 2006 г., и Байкальского археологического проекта (University of Alberta и Иркутский государственный университет), возглавляемого А. Weber и финансируемого Social Sciences and Humanities Research Council of Canada. Особая благодарность выражается С.А. Черемисину за помощь в создании сравнительной остеологической коллекции современных Байкальских рыб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969.
- Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, веры, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Т. 3. СПб., 1777.
- Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск, 1989.
- Горюнова О.И. Ранние комплексы многослойного поселения Итырхей // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 4. Иркутск, 1978.
- Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984.
- Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986.
- Горюнова О.И., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Новые данные по хронологии многослойных поселений Приольхонья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996.
- Горюнова О.И., Кузьминский А.В. Керамические комплексы многослойного поселения Итырхей (Средний Байкал) // Науч.-теорет. конф. Секция археологии. Иркутск, 1976.

- Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры Ольхонских бурят. Новосибирск, 2000.
- Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М., 1970.
- Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск, 1979.
- Кожов М.М. Очерки по байкаловедению. Иркутск, 1972.
- Кожов М.М., Мишарин К.И. Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал. Иркутск, 1958.
- Конопатский А.К. Древние культуры Байкала. Новосибирск, 1982.
- Левин Н.П. Рыболовство и рыбопромышленность на Ольхоне // Изв. ВСОРГО. Вып. 28. Иркутск, 1897.
- Лозей Р.Дж. Реконструкция размеров рыб из археологических стоянок озера Байкал: методы и способы интерпретации // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007.
- Мамонтов А.М., Савельев Н.А., Игумнова Е.А. Состав рыб и возраст сига и хариуса в уловах мезо-неолитического охотника-рыболова по материалам археологического местонахождения Усть-Хайта (р. Белая – приток р. Ангары) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология и антропология. Т. I. Иркутск, 2007.
- Медведев Г.И. Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск, 1971.
- Новиков А.Г., Горюнова О.И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита – бронзового века) // Изв. лаборатории древних технологий. Вып. 3. Иркутск, 2005.
- Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Горюнова О.И. Предварительный анализ фаунистических материалов с многослойной стоянки Итырхей (Малое море, озеро Байкал) // Изв. лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск, 2006.
- Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Горюнова О.И. Зооархеологический анализ фаунистических материалов с многослойной стоянки Итырхей (Малое море, озеро Байкал) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007а.
- Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Горюнова О.И. Влияние методов полевых работ и тафономических процессов на костные остатки рыб с многослойной стоянки Итырхей (Малое море, озеро Байкал) // Изв. лаборатории древних технологий. Вып. 5. Иркутск, 2007б.
- Окладников А.П. Каменные рыбы // СА. 1936. № 1.
- Окладников А.П. К вопросу о назначении неолитических каменных рыб из Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 2. М.; Л., 1948.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 1, 2. Т. 18. М., 1950 (Материалы и исследования по археологии СССР).
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3. Т. 43. М., 1955 (Материалы и исследования по археологии СССР).
- Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. 3. СПб., 1788.
- Петри Б.Э. Сибирский неолит. Иркутск, 1926.
- Сабанеев Л.П. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Ч. 1, 2. СПб., 1996.
- Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Вопросы истории Сибири. Уч. зап. Т. 4. Вып. 1. Иркутск, 1971.
- Свинин В.В. У истоков рыболовства на Байкале // Изв. ВСОРГО СССР. Т. 69. Иркутск, 1976.
- Скрябин Н.Г. Условия обитания, численность и распределение водоплавающих птиц на Байкале // Изв. биолого-географического научно-исследовательского института при ИГУ им. А.А. Жданова. Иркутск, 1971.
- Студзитская С.В. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976.
- Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX в. Иркутск, 1990.
- Хамзина А.А. Сравнительный анализ фауны многослойных археологических памятников Итырхей, Улан-Хада, Берлога (Прибайкалье) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991.
- Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон) // Изв. БГНИИ при ИГУ. Т. 1. Вып. 1. Иркутск, 1924.
- Цепкин Е.А. Фауна рыб голоцена азиатской части СССР (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1966.
- Цепкин Е.А. К истории промысловой фауны и рыболовства в бассейне озера Байкал // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии. Т. 81. Вып. 6. М., 1976.
- Цепкин Е.А. Краткий обзор пресноводной четвертичной ихтиофауны Азиатской части СССР // Вопросы ихтиологии. 1986. Т. 26. № 3.
- Цепкин Е.А. Изменения промысловой фауны рыб континентальных водоемов Восточной Европы и Северной Азии в четвертичном периоде // Вопросы ихтиологии. 1995. Т. 35. № 1.
- Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Новосибирск, 1988.
- Albert A. Selectivity of gillnet series in sampling of perch (*Perca fluviatilis* L.) and roach (*Rutilus rutilus*) in the Coastal Sea of Estonia. Reykjavik, 2004.
- Bailey G., Parkington J. The archaeology of prehistoric coastlines: an introduction // The archaeology of prehistoric coastlines. Cambridge, 1988.
- Clark J.G.D. The development of fishing in prehistoric Europe // Antiquaries J. 1948. № XXVIII.
- Craig J.F. Seasonal variation in the catching power of traps used for perch, *Perca fluviatilis* L. // Freshwater Biology. 1975. № 5.
- Erlandson J.M. The archaeology of aquatic adaptations: paradigms for a new millennium // J. Archaeol. Research. 2001. № 9 (4).

- Katzenberg M.A., Weber A. Stable isotope ecology and paleodiet in the Lake Baikal region of Siberia // J. Archaeol. Science. 1999. № 26.
- Kozhova O.M., Izmet'eva L.R. Lake Baikal: Evolution and Biodiversity. Leiden, 1998.
- Kurkilahti M., Rask M. A comparative study of the usefulness and catchability of multimesh gill nets and gill net series in sampling of perch (*Perca fluviatilis* L.) and roach (*Rutilus rutilus* L.) // Fisheries Research. 1996. № 27.
- Leach F. Fishing in Pre-European New Zealand // Archaeofauna and New Zealand J. Archaeol. Special Publication. V. 15. New Zealand, 2006.
- Le Cren E.D., Kipling C., McCormack J.C. A study of the numbers, biomass, and year-class strengths of perch (*Perca fluviatilis* L.) in Windermere from 1941 to 1966 // J. Animal Ecology. 1977. № 46 (1).
- Løkkeborg S., Bjørdal Å. Species and size selectivity in long-line fishing: a review // Fisheries Research. 1992. № 13.
- Losey R.J., Nomokonova T., Goriunova O.I. Fishing ancient Lake Baikal: inferences from the reconstruction of harvested perch (*Perca fluviatilis*) size at Ityrkhei, Siberia // J. Archaeol. Science. 2008. № 35 (3).
- Mamontov A.M., Savel'ev N.A., Igumnova E.S. Species composition of fish from archaeological site Ust'-Khaita (Belaya River – tributary of Angara River) // Hydrobiologia. 2006. № 568 (S).
- Medvedev G.I. Results of the investigation of the Mesolithic in the stratified settlement of Ust'-Belaia // Arctic Anthropology. 1969. № 6 (1).
- Needs-Howarth S.J. Native Fishing in the Great Lakes – a Multidisciplinary Approach to Zooarchaeological Remains from Precontact Iroquoian Villages near Lake Simcoe, Ontario. PhD. Dissertation. Netherlands, 1999.
- Otway N.M., Craig, J.R. Effects of hook size on the catches of undersized snapper, *Pagrus auratus*. Marine Ecology Progress Series. 1993. № 93.
- Psuty-Lipska I., Madsen N., Draganik B., Blady W. Gill net selectivity for perch (*Perca fluviatilis*) in Szczecin Lagoon, Poland // Fisheries Research. 2006. № 80.
- Ralston S. Influence of hook size in the Hawaiian deep sea handline fishery // Canad. J. Aquatic Science. 1982. № 39 (9).
- Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. Cambridge, 1999.
- Rostlund E. Freshwater fish and fishing in Native America. V. 9. Berkeley; Los Angeles, 1952.
- Sideleva V.G. The Endemic Fishers of Lake Baikal. Leiden, 2003.
- Vainshtein S. Nomads of South Siberia: the pastoral economies of Tuva. Cambridge, 1980.
- Weber A., Link D.W., Goriunova O.I., Konopatskii A.K. Patterns of prehistoric procurement of seal at Lake Baikal: a zooarchaeological contribution to the study of past foraging economies in Siberia // J. Archaeol. Science. 1998. № 25.

Reconstruction of fish procurement on Lake Baikal (analysis of ichthyofauna from the Ityrkhei site)

T. Nomokonova, R. Losey, O. I. Goriunova

Summary

Fishing gear and fish remains are commonly found during the excavations of archeological sites in the Cis-Baikal region of Eastern Siberia. They have generated interest into the role of fishing played in subsistence economies of the prehistoric populations of this area. Site locations, fishing implements and ethnographic materials are traditionally used to understand ancient fish procurement. This paper is based on the analysis of ichthyofauna from the site Ityrkhei located on the west coast of Lake Baikal and occupied from the Late Mesolithic to the Iron Age. Faunal remains from Ityrkhei consist of 19729 animal bones; 19510 of those, or 98.89%, are fish remains. Based on the overwhelming domination of fish bones, fishing was in all likelihood the primary subsistence activity at the site during most of its occupation, and was most intense from the Middle Mesolithic through the Developed Neolithic (~8000-4300 BP). The fish taxa focused on were consistently representatives of family Cyprinidae and perch. Pike and whitefish/omul were also utilized, but to a much lesser extent. The behavioral and ecological characteristics of fish species identified at Ityrkhei, local fishery data, and perch size reconstruction have been used to understand to what extent the ancient inhabitants of Ityrkhei Cove were selective in their choices of fish, what season(s) they have been procured and what technology has been used.

ТЕРРАСНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЕ

© 2009 г. А. В. Борисов*, Д. С. Коробов**

*ИФХиБПП РАН, Пущино

**Институт археологии РАН, Москва

Северный Кавказ – один из древнейших очагов земледелия на планете. Многочисленные древние народы, населявшие его, использовали разные методы обработки земли. В том числе применялись системы землепользования, которые кардинально преобразовывали окружающую природу, образуя новые антропогенные ландшафты, связанные с сельским хозяйством. К ним в первую очередь относится террасное земледелие, с древнейших времен практиковавшееся на Кавказе.

Этот агрикультурный феномен на протяжении многих десятилетий привлекал внимание исследователей. Первым ученым, обратившим внимание на террасное земледелие на Северном Кавказе, был Н.И. Вавилов (1936. С. 80), поставивший его в один ряд с высокоразвитыми земледельческими горными культурами Азии и Южной Америки. Позднее В.Г. Котович высказал гипотезу о расцвете террасного земледелия в Дагестане в эпоху раннего средневековья (1965. С. 11). Традиции террасирования в Дагестане с 1980-х годов и по настоящее время изучаются М.А. Агларовым (1986; 2007). В.А. Кузнецов в работе 1971 г. (С. 71, 72) показал высокий уровень сельскохозяйственной техники у северокавказских алан и высказал гипотезу о существовании террасного земледелия в средневековой Алании. Исследования следов террасирования в районе Нижнего Архыза в начале 1970-х годов проводилось А.И. Ромашкевич (1988).

Что касается Кисловодской котловины, то впервые следы террасного земледелия здесь зафиксированы в 1958 г. А.П. Руничем, Н.Н. Михайловым и Г.Е. Афанасьевым (Афанасьев и др., 2002. С. 67). В конце 1990-х годов Г.Е. Афанасьевым применяется аэрофотосъемка для картографирования террасных полей в окрестностях Кисловодска, создается модуль климатического моделирования (Афанасьев и др., 2002).

Комплексные исследования участков террасного земледелия в Кисловодской котловине с середины 1990-х годов осуществлялись И.А. Аржанцевой совместно с почвоведом М.А. Скрипниковой, М.А. Бронниковой, И.В. Туровой (Turova et al., 2001). В настоящее время М.И. Скрипниковой проводятся самостоятельные исследования

участков террасного земледелия в регионе. Первоначально террасы рассматривались ею как элемент горного земледелия аланских племен конца I – начала II тыс. н.э. (Аржанцева и др., 1998. С. 12). В своих более поздних работах, основываясь на результатах радиоуглеродного датирования гумусового горизонта палеопочв склоновых участков, погребенных под террасами, М.И. Скрипникова соотносит время возникновения террасных полей со временем существования майкопской культуры (6400–5500 л.н.). Отмечается приуроченность террас к выходам на поверхность бронирующих пластов плотных горных пород, использование искусственного грунта при формировании террасовых полотен, а также увеличение ширины полотна террасы по направлению к подножью склона (Скрипникова, 2004. С. 181–184).

Д.С. Коробовым решались вопросы пространственной приуроченности участков террасного земледелия в междуречье Березовой и Кабардинки. Картографирование террас с помощью аэрофотосъемки и пространственный анализ в ГИС позволил предположить, что более 90% террас относятся к укреплениям эпохи раннего средневековья, поскольку расположены в зоне в 1 км вокруг них (Коробов, 2004). Следует отметить, что известны всего два поселения майкопского времени на данном тестовом участке (рис. 1). Это противоречит мнению М.И. Скрипниковой о приуроченности практически всех террас к поселениям майкопской культуры IV–II тыс. до н.э. (2004. С. 183). Даже самое первичное сопоставление ареалов террасирования Кисловодской котловины, распространенных практически повсеместно на высоте 900–1500 м (Афанасьев и др., 2004), с количеством обнаруженных здесь поселений майкопской культуры (14 поселений на 2001 г.; см.: Коробов, 2001) не позволяет согласиться с утверждением о высокой плотности земледельческого населения эпохи раннего бронзового века, сделанным М.И. Скрипниковой (рис. 1).

Ряд других проблем также остается нерешенным. Так, если о процессе создания террас существуют определенные гипотезы, то до сих пор неясно, что было с террасами на протяжении более чем пяти тысяч лет между майкопской и аланской культурами, в каком объеме использовались тер-

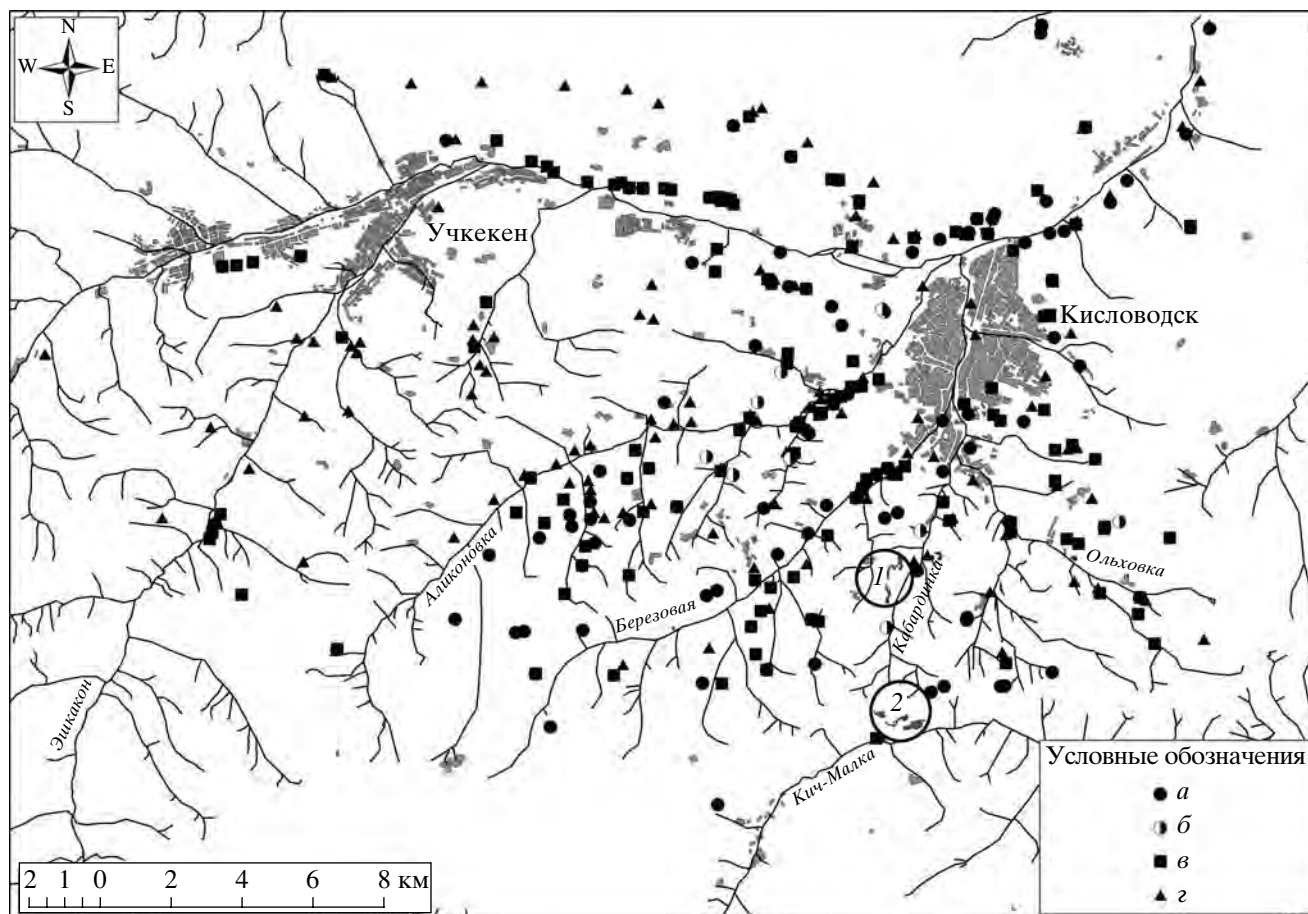

Рис. 1. Расположение тестовых районов исследования: 1 – левый берег р. Кабардинки (ЛБК); 2 – левый берег р. Кич-Малки. Условные обозначения: *a* – поселения кобанской культуры; *b* – поселения майкопской культуры; *v* – поселения аланской культуры; *z* – укрепления аланской культуры.

расные комплексы культурами бронзового и раннего железного века, какие агротехнические приемы использовались в производственной практике древних земледельцев. Попыткой ответа на эти вопросы и является данная работа.

ОБЪЕКТЫ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Предлагаемая статья освещает предварительные результаты совместного археолого-почвоведческого изучения следов террасного земледелия в Кисловодской котловине – своеобразном заповеднике археологических древностей Кавказа. Нами проведены предварительные исследования следов искусственного террасирования тестового участка в междуречье рек Кабардинка и Берзовая с помощью ГИС и аэрофотосъемки, о чем говорилось выше. В 2005–2008 годах были проведены полевые исследования террас в долинах рек Аlikоновка, Кабардинка, Сухая Ольховка, Кич-Малка и Перепрыжка. Рассмотрим некоторые общие вопросы древнего террасирования

на примере тестовых районов “Левый берег р. Кабардинки” (ЛБК) и “Кич-Малка” (рис. 1).

В пределах тестового района ЛБК в 2005 и 2007 гг. было выбрано три ключевых участка (рис. 2, 1, 2, 5). Участок 1, исследовавшийся в 2007 г., представляет собой каскад из трех крупных террас, хорошо выраженных в рельефе. На участке 2 в 2007 г. были исследованы две крупные террасы, а также каскад из нескольких мелких слабо заметных террас. На участке 3 в 2005 г. исследована крупная одиночная терраса. В районе “Кич-Малка” проводились исследования по склону, в верхней части которого сохранились две достаточно крупные террасы (рис. 2, 3), а в нижней, выположенной части склона заметны сельскохозяйственные участки с незначительным перепадом высот, представляющие собой наделы нерегулярной формы, разделенные между собой межевыми стенками в виде каменных валов (рис. 2, 4).

С помощью GPS проводилось картирование видимых контуров террас и межевых стенок, после чего они совмещались с топографической основой масштаба 1 : 25000. Одновременно прово-

Рис. 2. Вид ключевых участков в настоящее время: 1 – ЛБК-2007, участок 1; 2 – ЛБК-2007, участок 2; 3 – террасы на Кич-Малке; 4 – межевые участки на Кич-Малке; 5 – ЛБК-2005.

дидась инструментальная топоъемка современной поверхности. В наиболее информативных участках закладывались полнопрофильные почвенные разрезы (на рисунках обозначены буквой Б с номером – рис. 3). В тех случаях, когда для уточнения почвенно-ландшафтной ситуации заложение полнопрофильных разрезов не требовалось, проводилось бурение с помощью почвенного бура и отбор кернов из каждых 10 см профиля (места отбора кернов показаны буквой З с номером – рис. 4). При этом регистрировалась мощность почвенных горизонтов, цвет, степень гумусированности, гранулометрический состав и скелетность грунтов.

Рассмотрим почвенно-ландшафтную ситуацию каждого ключевого участка. При этом, исходя из того, что данная работа ориентирована в первую очередь на археологов и этнографов, мы не будем рассматривать свойства почв с позиций почвоведения, а коснемся лишь общих вопросов организации террасных комплексов.

Участок ЛБК-2005. Наши исследования террас в Кисловодской котловине были начаты в 2005 г. Первым объектом, рассмотренным с позиций археологического почвоведения, была одиночная крупная терраса шириной до 30 м и длиной более 200 м на левом берегу р. Кабардинка (рис. 3). Склон террасы был частично срезан при строительстве грунтовой дороги, и в обнажении были видны слои темного гумусированного грунта с включениями керамики и мелких угольков. На этой террасе была заложена серия почвенных разрезов. В разрезе Б-88 под слоем современного пахотного горизонта обнаружен слой делювиальных отложений мощностью до 30 см, который резко переходил в почвообразующую породу. Характер границ между горизонтами явно указывал на генетическую разнородность последних и активные эрозионные процессы, имевшие место в прошлом. Аналогичная ситуация наблюдалась и в разрезе Б-89.

В разрезе Б-90 под слоем желто-бурого суглинистого делювия залегал фрагментарно выраженный слой серовато-бурого суглинка мощностью до 20–30 см, представляющего собой нижнюю часть гумусового горизонта древней почвы. Этот слой резко, без переходных горизонтов сменяется почвообразующей породой – буровато-желтым карбонатным средним суглинком. Ниже по склону мощность погребенной почвы возрастает; в разрезе Б-92 она уже составляет 50 см, а в разрезе Б-94 – более 2 м. При этом в последних четырех разрезах заметна дифференциация погребенной почвы на генетические горизонты, что говорит о длительном времени ее функционирования.

Необычно высокой оказалась встречаемость фрагментов керамики кобанской культуры – до нескольких десятков в каждом почвенном разрезе.

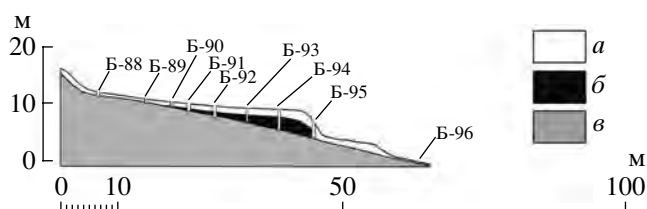

Рис. 3. Участок ЛБК-2005. Разрез террасы с нанесенными полнопрофильными разрезами и зондажами. Условные обозначения: а – делювиальный слой; б – погребенная почва; в – почвообразующая порода.

зе. Все фрагменты были небольшого размера, со сглаженными ребрами, что может свидетельствовать о неоднократном их перемещении в процессе обработки почвы. Неожиданным для нас оказалось обнаружение керамики в слое делювиальных отложений, перекрывающих погребенную почву (в этом же слое было найдено бронзовое шило; см.: Коробов, Райнхольд, 2007. С. 322. Рис. 34, 2), а также практически полное отсутствие керамики аланского времени.

Сверху погребенная почва перекрывается слоем делювия мощностью до 1 м. При этом в нижней части делювиального слоя, перекрывающего погребенную почву, в окраске грунтовой массы появляются буровато-серые тона и возрастает содержание гумуса.

Участок 1 ЛБК-2007. На данном участке сохранились три хорошо выраженные в рельефе крупные террасы и несколько меньших по размерам, не столь выраженных (рис. 4, 1). Строение почвенных профилей на всех террасах однотипное (рис. 4, 2). С поверхности залегает гумусовый горизонт современной почвы, мощностью около 20–30 см. Все террасы распахивались в середине XX в., в результате чего сформировался пахотный горизонт темно-серого цвета легкосуглинистого гранулометрического состава, с хорошо выраженной ореховато-зернистой, ореховатомкомковатой структурой. С распашкой связано и формирование на краю террас небольших валиков, представляющих собой развальные борозды, несколько сглаженные в результате эрозионных процессов.

Гумусовый горизонт современной почвы подстилается слоем делювиальных отложений, представленных суглинками буровато-желтого цвета комковато-глыбистой структуры. Мощность делювиального слоя варьирует от 30 до 90–100 см. Свойства делювиального слоя напрямую связаны со свойствами почвообразующих пород, расположенных выше участков склона. Почвообразующие породы на различных участках склона неодинаковы – от супесчаных отложений, до средних и тяжелых суглинков, поэтому гранулометрический состав делювиальных отложений также заметно

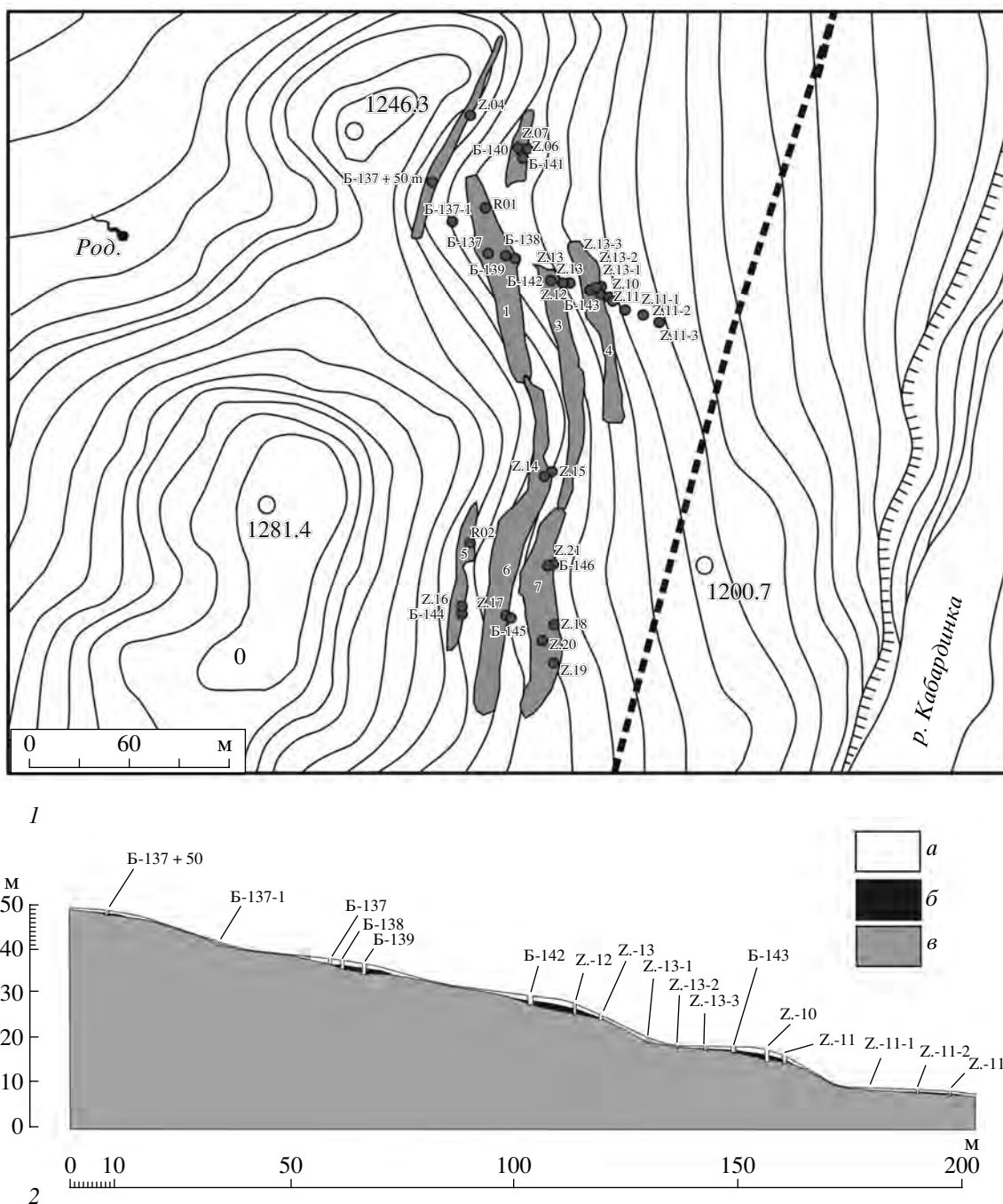

Рис. 4. Участок 1 ЛБК-2007. План (1) и разрез (2) террасы с нанесенными полнопрофильными разрезами и зондажами. Условные обозначения: а – делювиальный слой; б – погребенная почва; в – почвообразующая порода.

варьирует. В верхней части слой делювия незначительно прокрашен гумусом. В нижней части делювиального слоя на границе с погребенной почвой также появляются сероватые тона в окраске, что позволяет выделить слой гумусированного делювия, лежащий на погребенной почве.

Под слоем делювия залегает гумусовый горизонт погребенной почвы, резко выделяющийся темным буровато-серым цветом, хорошей гуму-

сированностью и оструктуренностью. На различных участках террас мощность гумусового горизонта варьирует. Максимальная мощность характерна для нижних участков террасы, где также наблюдается дифференциация почвенного профиля на горизонты А, АВ и, в отдельных случаях, В. Погребенная почва залегает непосредственно на почвообразующей породе, переход резкий, граница с породой ровная. Переходные горизон-

ты, характерные для естественных почв, на большей части террасы отсутствуют.

На участке 1 ЛБК-2007 самая верхняя терраса морфологически не выражена. Однако на глубине 60–70 см под современным гумусовым горизонтом и слоем делювиального наноса был обнаружен горизонт АС древней почвы, представленный серовато-бурым легким суглинком с фрагментами горизонта А и почвообразующей породы – желтой карбонатной супеси. С глубины 70 см залегает нетронутая почвообразующая порода.

Терраса 1 уже более заметна в рельефе, полотно террасы выположенное, шириной до 15 м. На этой террасе были заложены три почвенных разреза. Разрез Б-137 вскрыл лишь начало слоя погребной почвы, мощность которой здесь не превышает 10–15 см. В разрезе Б-139 мощность погребной почвы уже достигает 50 см, при этом выделяется горизонт АВ, что свидетельствует о длительности формирования почвенной толщи. В нижней части террасы в разрезе Б-139 мощность погребенного гумусового слоя уже достигает 90–100 см.

Для террасы 3 характерно аналогичное строение. Полотно террасы имеет еще меньший наклон поверхности, мощность делювиального шлейфа составляет от 70 до 90 см, мощность погребенной почвы в разрезе Б-142 составляет 50–70 см, в зондаже Z-12 – 70–90 см.

Поверхность террасы 4 практически горизонтальная. Мощность погребенной почвы увеличивается от 20–30 см в разрезе Б-143 до 70–90 см в зондаже Z-10. Для этой террасы характерна максимальная мощность слоя делювиальных отложений.

Во всех террасах отмечено значительное количество керамики кобанской культуры – до 20–30 фрагментов в каждом почвенном разрезе. При этом керамика встречается как в слое погребенной почвы, так и в нижней части делювиального слоя. Керамика более поздних эпох не обнаружена.

Ниже по склону террасных образований не отмечено. Этот участок также распахивался в 1950–1960 гг., что обусловило интенсивную эрозию почв. В настоящее время в почвенном профиле на данном участке выделяется лишь пахотный горизонт, резко переходящий в почвообразующую породу (зондаж Z-11-1). Однако в зондажах Z-11-2 и Z-11-3 на границе с почвообразующей породой обнаружен слой мощностью около 10 см с характерными сероватыми тонами в окраске. Очевидно, данный участок также был террасирован, и этот слой является остатками гумусового горизонта погребенных почв террас, полностью уничтоженных современной пахотой.

Участок 2 ЛБК-2007. На данном участке были исследованы два террасных комплекса, условно

названные “большие террасы” и “малые террасы” (рис. 5, 1). Для больших террас характерно строение, аналогичное описанным на участке 1 ЛБК-2007 (рис. 5, 2). Гумусовый горизонт подстилается слоем делювиальных отложений, в нижней части которого возрастает доля серых тонов в окраске. Под слоем делювия залегает погребенная почва, при этом в верхней части террасы погребенная почва сильно эродирована и представлена лишь нижней частью гумусового горизонта, в то время как в нижней части террасы мощность гумусового горизонта возрастает до 100–120 см и в его толще намечается дифференциация на генетические горизонты. Наилучшая сохранность погребенной почвы наблюдается в нижней части склона, здесь же максимальна мощность перекрывающего чехла делювиальных отложений.

Угол наклона поверхности террасы минимальный в верхней части склона, здесь поверхность террасы близка к горизонтальной. В нижней же части склона поверхность террас имеет уже выраженный наклон.

Как и в случае с участком 1 ЛБК-2007, во всех террасах отмечено значительное количество керамики позднего бронзового – раннего железного века.

Более сложная ситуация с малыми террасами (рис. 5, 3). В рельефе заметны шесть террас высотой до 1 метра с очень сглаженными очертаниями. Результаты зондирования показали, что ни в одной террасе нет хорошо выраженного морфологически гумусового горизонта. Террасы подвергались выборочной распашке в середине прошлого века, при этом в силу достаточной большой высоты и выраженности террас, распахивалось лишь их полотно, в то время как склон оставался нераспаханным. Под современным пахотным слоем здесь залегает слой делювия, резко сменяющийся почвообразующей породой. Лишь в зондаже Z-32 на границе с почвообразующей породой были отмечены сероватые тона в окраске почвенной массы, что может свидетельствовать об исходном присутствии погребенного гумусового горизонта.

Участок ниже террасы 8 распахивался полностью, и в настоящее время здесь не заметны террасные образования.

Участок “Кич-Малка”. Во всех рассмотренных выше случаях террасы располагались в верхней части склона. Средняя же часть склона распахивалась, а нижняя часть полностью преобразована при строительстве дороги и других объектов инфраструктуры. Лишь на участке “Кич-Малка”, благодаря его отдаленности от населенных пунктов, хорошо сохранилась и нижняя часть профиля склона. Распашке подвергалась лишь его центральная часть между разрезами Кт.9 и Б-151 (рис. 6, 1). В результате современная поверхность здесь полностью спланирована, однако остатки

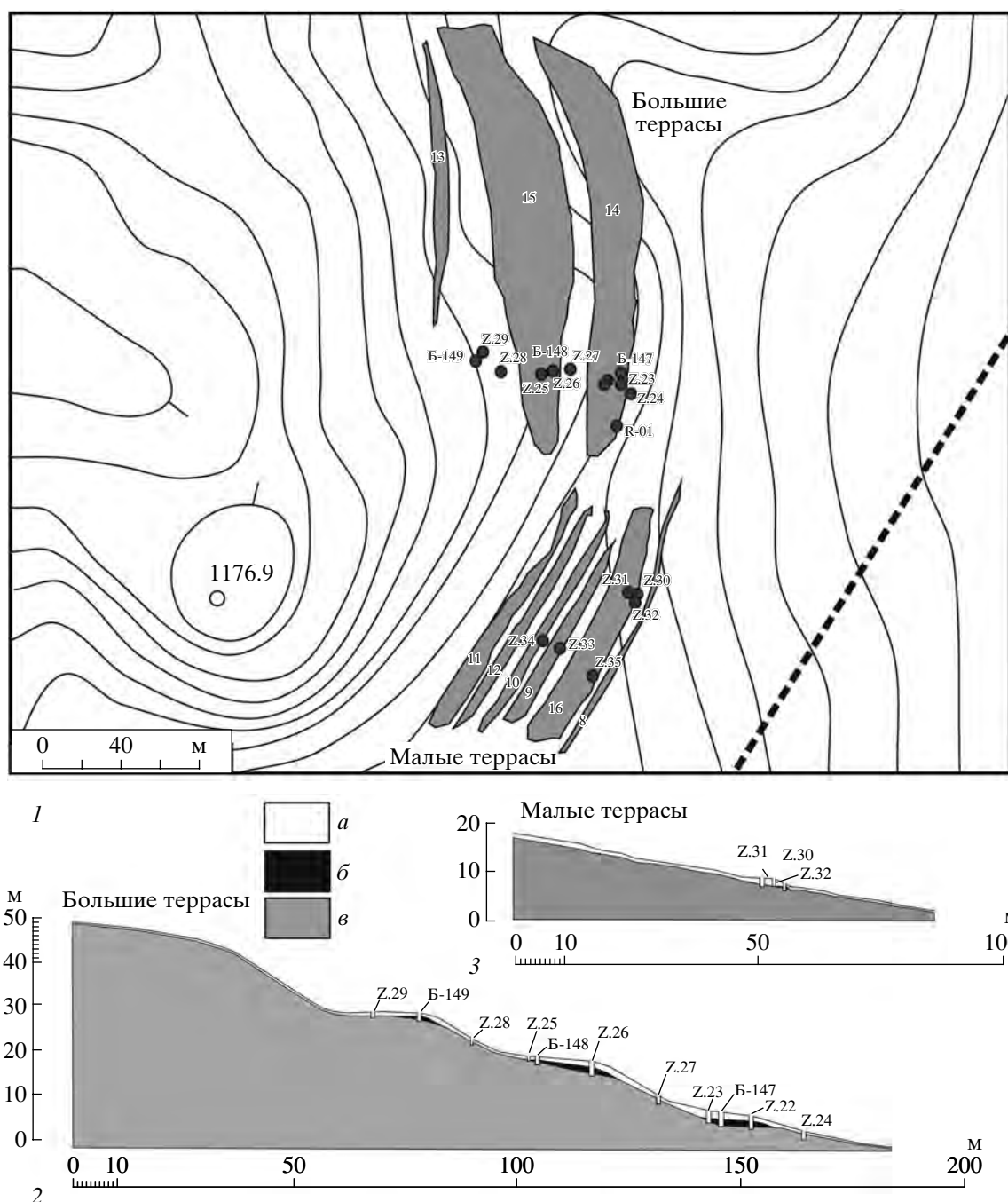

Рис. 5. Участок 2 ЛБК-2007. План (1) и разрезы (2 и 3) террасы с нанесенными полнопрофильными разрезами и зондажами. Условные обозначения: *a* – делювиальный слой; *б* – погребенная почва; *в* – почвообразующая порода.

древних террас сохранились (рис. 6, 2). Так, если в разрезе Кт.0 профиль почвы представлен лишь пахотным горизонтом, залегающим на почвообразующей породе, то в разрезе Кт. – 10 под пахотным слоем хорошо различим гумусовый горизонт древней почвы мощностью до 20–25 см.

Участок выше по склону сохранился в исходном состоянии. Здесь хорошо видны две террасы с погребенными гумусовыми горизонтами, зале-

гающими на карбонатном щебнистом опесчанном легком суглинке и перекрытыми слоем делювия (разрезы Кт.40, Кт.36 и Кт.12, Кт.14). Как и во всех рассмотренных выше случаях керамика встречалась достаточно часто, причем вся керамика однозначно относится к кобанской культуре.

Нижняя часть склона не распахивалась. Здесь на практически горизонтальной поверхности хорошо заметны валы из камней высотой до полу-

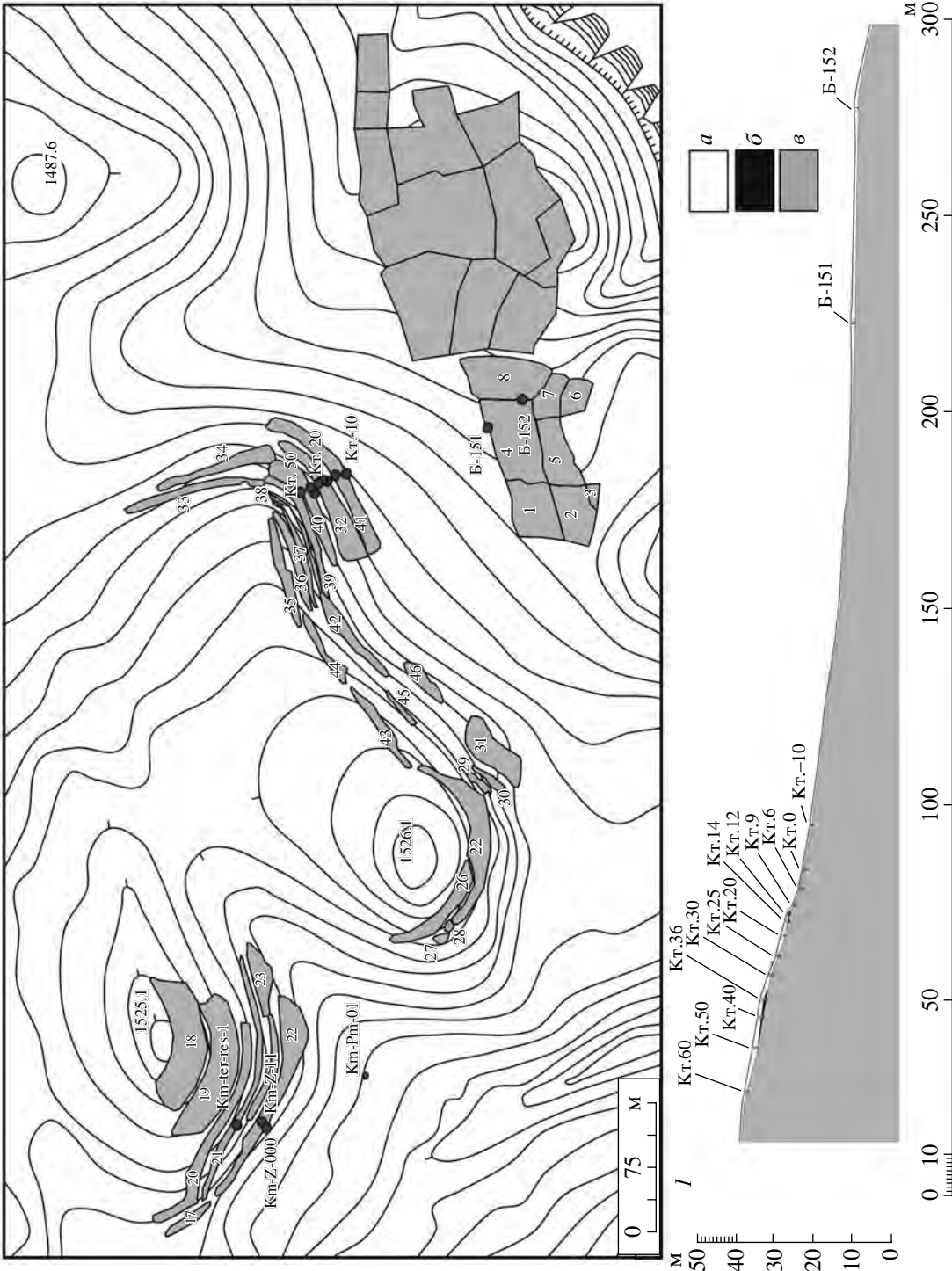

Рис. 6. Участок Кич-Малка. План (1) и разрез (2) террасы с нанесенными топографическими разрезами и зондажами. Условные обозначения: а – делювиальный слой; б – погребенная почва; в – почвообразующая порода.

Рис. 7. Террасы на выходах бронирующих плотных пород.

метра, задернованные с поверхности. Валы образовались в результате удаления камней из пахотного слоя (материк здесь представлен выходами известняка, залегающего в настоящее время на глубине 50–60 см) и, вероятно, выполняли функцию своего рода межевых границ участков. Очевидно, механизированная распашка этого участка была невозможна, благодаря чему он и сохранился.

Профиль почвы в разрезах Б-151 и Б-152 монотонный, без выраженной дифференциации на генетические горизонты и наличия делювиальных прослоек. Очевидно, развитие почв в этом месте не прерывали периоды активизации седиментационных процессов. Почва дерново-карбонатная, среднесуглинистая, цвет темно-серый, во влажном состоянии черный, структура ореховато-зернистая. В этих разрезах нами впервые было обнаружено большое количество керамики эпохи раннего средневековья. Причем если в нижних 20–30 см почвенного профиля преобладает керамика кобанской культуры, то в центральной его части, наряду с единичными фрагментами кобанской керамики, основную долю керамического материала составляет именно фрагменты аланской посуды. Верхние 15–20 см почвенного профиля не содержат артефактов.

Здесь же, на ключевом участке “Кич-Малка”, примерно в 1000 м западнее рассмотренных выше объектов были изучены террасные комплексы, приуроченные к выходам коренных плотных пород (разрез Km-ter-ras-1). Мощность делювиального чехла на данном участке весьма незначительна, и в отдельных местах на поверхность выхо-

дят горизонтально залегающие пласты известняка. Склон в этом месте покрывает каскад довольно высоких (до 3–5 м) и узких террас, поверхности которых точно повторяют контуры бронирующих пластов и располагаются параллельно друг другу (рис. 7).

Погребенная под слоем делювия почва залегает непосредственно на известняковой плите, имеет мощность до 30 см и перекрывается слоем карбонатного сильно опесчаненного легкого суглинка со значительным включением обломков известняка разного размера. Керамический материал в погребенной почве немногочисленный, и вся обнаруженная керамика относится к позднему бронзовому – раннему железному веку. Следует отметить, что пока это единственный известный нам случай, когда террасы устраивались на участках с естественным предпосылками для террасирования. И именно для таких комплексов характерно параллельное расположение полотен террас.

Проведенные исследования позволяют сформулировать некоторые предварительные заключения о древних земледельческих террасах Кисловодской котловины.

Установлено, что террасы создавались на участках с различным гранулометрическим составом почвообразующих пород и разным углом склонов. В подавляющем большинстве случаев террасы создавались на склонах, не имеющих естественных предпосылок для террасирования. На рис. 3, 2; 4, 2; 5, 2, 3 в разрезе хорошо видно, что исходно склон был ровным (горизонт почво-

образующей породы, обозначенный буквой *в*). Если провести гипотетическую линию, соединяющую участки под сохранившимся погребенным гумусовым горизонтом, то можно будет реконструировать исходную поверхность склона. Ниже этой линии будут располагаться участки с отрицательным балансом грунта (места искусственного перемещения плодородного слоя и эрозионного размыва подстилающих грунтов), выше – участки с положительным балансом грунта (собственно тело террас).

Определяющим фактором при создании террас являлась экспозиция склона, мощность и гранулометрический состав делювиальных отложений, малая щебнистость грунта и близость к поселению. Террасы располагались преимущественно на склонах южной, юго-западной и юго-восточной экспозиции. В зависимости от крутизны склона устраивались террасы двух типов – каскады из невысоких террас на пологих склонах и одиночные, двойные или тройные террасы на более крутых склонах. Чем круче склон, тем больше высота террас.

В наиболее благоприятных для сельскохозяйственной деятельности участках террасные поля изначально покрывали до 70–80% площади склонов. В первую очередь, вероятно, проводилось террасирование нижних пологих частей склонов. Эти участки характеризуются наиболее мощным гумусовым горизонтом, весьма незначительной активностью эрозионных процессов и поэтому наиболее благоприятны для земледелия. Здесь создавались каскады невысоких широких террас, которые мы условно назвали террасами второго типа. Трудозатраты на создание террас в таком случае также минимальны. К сожалению, в настоящее время практически все террасы, расположенные в нижней части склона, полностью разрушены механизированной распашкой в 1950–1960 г.

Затем, по мере необходимости, проводилось террасирование более крутых склонов, требующее уже гораздо более масштабных трудозатрат не столько на создание террасы, сколько на поддержание ее плодородия, так как в результате эрозионных процессов на поверхности террасы ежегодно откладывался слой неплодородного делювия, который надо было окультуривать. Создавались террасы первого типа – очень высокие, до 7–9 м, с шириной полотна до 20–30 м.

Определение времени создания террас на основе радиоуглеродного датирования гумусовых кислот погребенных почв не представляется нам перспективным, так как получаемый при этом возраст будет соответствовать среднему возрасту углерода в погребенной почве на момент строительства террасы, т.е. в значительной мере удревнен. Очевидно, в данном случае необходимо искать иные способы датирования. Мы предполагаем, что

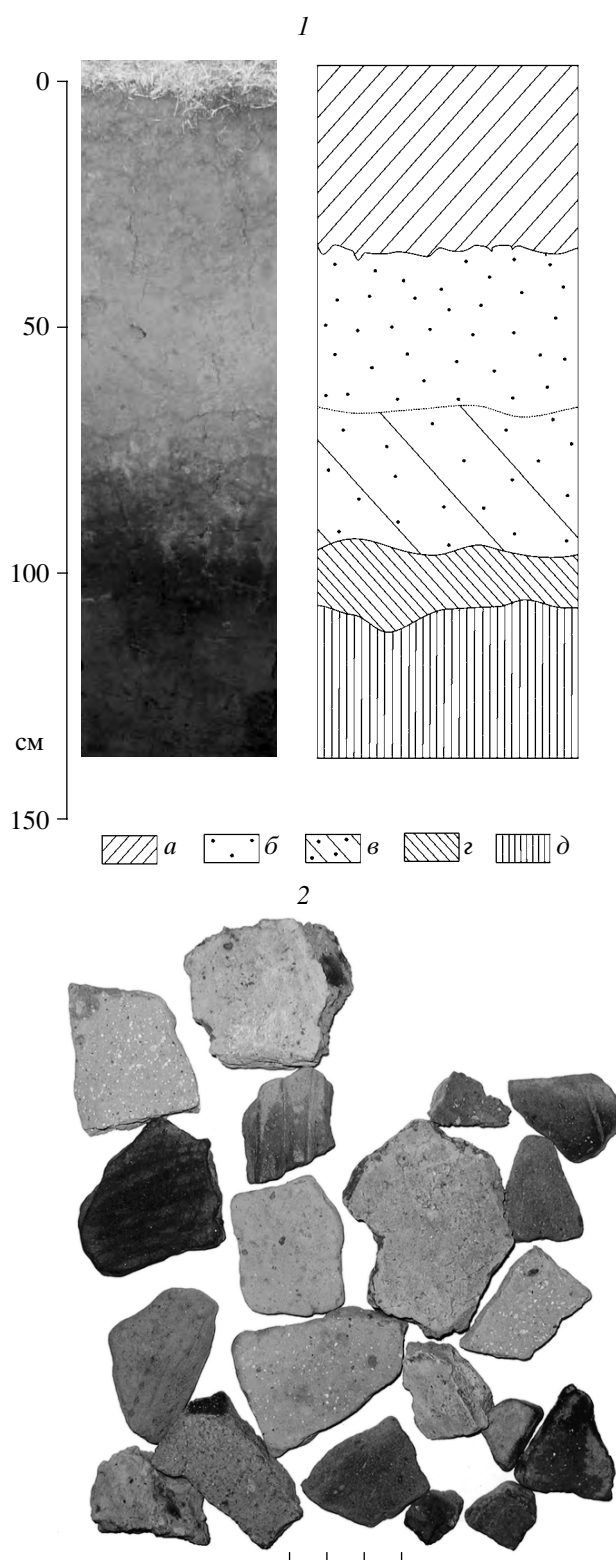

Рис. 8. Пример стратиграфии почвенного разреза Б-138 (1) и обнаруженной в нем керамики кобанской культуры (2). Условные обозначения: *а* – современная почва, *б* – материковый делювий, *в* – гумусированный делювий, *з* – погребенная почва, *д* – материк (почвообразующая порода).

террасы создавались во время существования кобанской культуры, на что указывает большое количество фрагментов кобанской керамики в почвенных разрезах во всех исследованных нами террасах (рис. 8, 2). Более древняя керамика в погребных почвах террас не обнаруживается.

Столь значительные масштабы сельскохозяйственной активности свидетельствуют о большой численности населения в регионе в это время, поэтому косвенным свидетельством возможности создания террас на рубеже поздней бронзы – раннего железного века являются около 100 крупных поселений кобанской культуры, открытые за последние 150 лет и зафиксированные в процессе разведок Кисловодского отряда 1996–2000 гг. (Коробов, 2001) (рис. 1). Формирование столь обширных террасных полей представляется возможным при весьма высоком уровне трудозатрат, который, в свою очередь, возможен при работе большесемейной общины на подобных участках земледелия. Именно такая община, по-видимому, была характерна для населения котловины в кобанскую эпоху, что подтверждается результатами исследования поселений с симметричной планировкой, недавно обнаруженных в регионе (Коробов, Райнхольд, 2008. С. 34–36).

Естественно, мы не отрицаем возможности создания отдельных террас во время существования майкопской культуры, но численность населения в Кисловодской котловине в эту эпоху, судя по единичным поселениям, была несопоставимо меньше численности кобанского населения, поэтому вряд ли стоит предполагать, что авторами подобных колоссальных преобразований ландшафта были носители майкопской культурной традиции.

Процесс создания террас можно реконструировать следующим образом. На первом этапе часть грунта из верхних двух горизонтов древней почвы до глубины залегания почвообразующей породы срезалась и перемещалась таким образом, что образовывалась своего рода горизонтальная ступенька поперек склона. В дальнейшем происходил ежегодный искусственный перенос материала верхних гумусовых горизонтов с вышележащей территории и привнос материала с обнажившейся почвообразующей породы в результате эрозионных процессов. Нами не встречены случаи, когда перед созданием террасы насыпался бы специальный уступ или ступенька из постороннего насыпного грунта. Погребенная агрикультурная почва всегда располагается непосредственно на почвообразующей породе, мощность плодородного слоя увеличивается в направлении к нижнему краю террасы, а его поверхность близка к горизонтальной. Дифференциация почвенного слоя на генетические горизонты свидетельствует о достаточно длительном времени формирования плодородного слоя. Поражает высокая

встречаемость керамики кобанского времени во всех террасах. Весьма вероятно, что эта керамика попадала в почву с навозом, привозимым с мест содержания животных на поселениях, однако это нуждается в дополнительном подтверждении.

Современная поверхность террас также всегда близка к горизонтальной по направлению вдоль склона, в то время в направлении поперек склона уровень поверхности полотна довольно существенно варьирует. Четкую горизонтально выдержанную и параллельную организацию поверхностей имеют лишь закрепленные террасы, расположенные на выходах бронирующих пластов плотных пород. Однако такие примеры единичны. Там же, где склоны сложены делювиальными отложениями различной природы, встречаются участки, где совершенно не прослеживается какая-либо закономерность в расположении террасных полотен. Отмечаются многочисленные смещения горизонтального уровня террасы, неестественные прогибы и наклоны, прерывистость полотна. Существует мнение, что причиной асимметрии и нерегулярности в организации террасных полотен является стремление их создателей максимально учесть все геолого-гидрологические характеристики склоновой поверхности; отвести избыточную влагу, или, напротив, сохранить ее (Скрипникова, 2004. С. 183). Мы не склонны считать, что в замыслы создателей террас входили столь сложные расчеты. Вероятно, террасы на достаточно крутых незакрепленных участках склонов изначально имели горизонтальную поверхность и располагались параллельно друг другу. Это обеспечивало максимальное влагонакопление и предотвращало развитие эрозионных процессов. Теперешнее их положение обусловлено перемещениями тела террас вниз по склону в результате природных процессов, аналогичных почвенному крипу – медленному течению почвенно-грунтовых масс под действием гравитационных сил. Это медленное сползание искусственных грунтовых образований по поверхности склона происходит с разной интенсивностью в зависимости от крутизны склона, размеров террасы, свойств грунта террасы и подстилающей поверхности. Вполне возможно, что выклинивание грунтовых вод под телом террасы будет способствовать более быстрому смещению, а в отдельных случаях и полному разрушению этого грунтового сооружения. Однако на настоящий момент это лишь предположение, требующее дополнительного инструментального изучения.

Что касается поразительной сохранности горизонтальной поверхности террас, наблюдаемой в разрезе склона, то здесь объяснение следует искать в особенностях протекания эрозионных процессов. На рис. 4, 2 и 5, 2, 3 хорошо видно, что поверхность террасного полотна тем ближе к горизонтальной, чем круче угол наклона и больше

водосборная площадь участка, прилегающего к террасе выше по склону. Атмосферная влага, стекая по склону, вызывает плоскостной смыв. При этом в нижней части склона, в месте его перехода в полотно террасы, скорость водного потока, а следовательно, и подъемная сила воды максимальны. Именно в этом месте происходит максимальный размыв почвы. Далее, при движении по полотну террасы скорость водного потока уменьшается, и происходит осаждение мелкозема из водной суспензии. Таким образом, террасы как бы сами поддерживают свою форму. К тому же поверхность террас была существенно скорректирована в результате механизированной распахивки в 1950–1960 гг.

В финале существования поселений кобанской культуры в Кисловодской котловине (ориентировочно это должно было происходить в VI в. до н.э.) антропогенное изменение ландшафтов в связи с земледельческой деятельностью достигло критического уровня. В этот момент террасы перестали использоваться как пахотные угодья. Здесь могли иметь место как социальные причины (уход, гибель населения, изменения хозяйственного уклада), так и экологические. Не исключено, что при создании террас первого типа происходил перенос дернового слоя с водораздельных участков на террасы (иначе трудно объяснить столь большие объемы погребенного плодородного грунта). В этом случае несколько экстремально влажных лет могли вызвать катастрофическую эрозию грунта на участках выше террас, где снимался дерновый слой и отсутствовал растительный покров. Водные потоки с привершинной зоны, несущие делювиальный материал, попадая на террасу, в первую очередь размывали плодородный слой в ее верхней части. В средней и нижней частях материал откладывался, формируя слой гумусированного делювия. Впоследствии начался процесс глубокого эрозионного размыва экспонированной выше по склону почвообразующей породы и погребение культурной почвы террас слоем делювиальных отложений. Данные явления в основном затронули террасы первого типа. На относительно выположенных нижних частях склонов, занятых террасами второго типа, интенсивность накопления делювия была значительно меньше, хотя и здесь плодородие почвы весьма заметно снизилось.

Неизвестно, что было с населением региона в этот период. Наверное, следует предполагать, что к моменту протекания описанных выше природных явлений население либо отсутствовало вовсе, либо его численность существенно сократилась. Так или иначе накопление слоя гумусированного делювия поверх погребенной почвы террас говорит о том, что население перестало поддерживать свои земледельческие угодья в надлежащем состоянии. Процессы привноса де-

лювиального материала шли и раньше (эти процессы, собственно, и являлись основной причиной роста террас вверх), но тем не менее кобанские земледельцы могли успешно с ними бороться, перекрывая и удобряя почву. Здесь же в слое гумусированного делювия хорошо заметно постепенное изменение цвета от серого до буровато-желтого, характерного для чистых делювиальных отложений (рис. 8, 1), что однозначно свидетельствует об отсутствии обработки и перемешивания почвы. Однако в слое гумусированного делювия нет и характерной слоистости – признака, который мог бы свидетельствовать о том, что его формирование протекало в течение нескольких лет, поэтому нельзя исключить возможность формирования этого слоя в течение одного сезона. В этом случае, если кобанское население тогда еще существовало, в результате катастрофических эрозионных процессов общество почти полностью лишилось земледельческой базы.

К моменту появления в регионе носителей аланской культуры (около IV в. н.э.) террасы первого типа на верхних частях склонов представляли собой покрытые мощным чехлом делювия абсолютно неплодородные участки, на которых почвообразование было лишь на начальных этапах развития, а мощность гумусового горизонта, вероятнее всего, не превышала 5–10 см. Естественно, ни о каком земледелии на этих террасах не могла идти речь, поэтому аланское население и не использовало террасы первого типа. Однако на выположенных участках в нижней части склонов, где интенсивность эрозионных процессов была значительно меньше, плодородие почвы успело восстановиться, и эти участки могли использоваться в аланское время. Аланское население либо использовало сохранившиеся террасы второго типа, рекультивируя их, либо создавало новые каскады террас в тех местах, где в результате активных процессов накопления делювиального материала террасированные склоны были полностью сглажены. Подтверждением этому является большое количество аланской керамики, обнаруживаемое в погребенной почве на террасах в нижней части склонов, в то время как на верхних террасах аланской керамики нет. С точки зрения трудозатрат на обработку почвы каскады небольших террас в нижней части склонов, представляющие собой небольшие земельные участки, могут создаваться и обрабатываться с помощью примитивных пахотных орудий типа сохи силами малых семей. Данный тип социальных связей характерен для эпохи раннего средневековья (Коропов, 2003. С. 178, 179) и может отражать особенности землепользования алан, населявших котловину в I тыс. н.э. В целом же представляется, что масштабы земледельческой деятельности в эпоху раннего средневековья были значительно меньше, чем в поздний бронзо-

вый – ранний железный век, несмотря на весьма высокую плотность аланского населения в Кисловодской котловине (рис. 1).

Изучение следов террасного земледелия в Кисловодской котловине только начинается, но уже сейчас можно утверждать, что этот феномен – один из наиболее древних и самых масштабных примеров земледельческого преобразования территории и формирования палеоагрогенных ландшафтов. Исследование данных ландшафтов планируется продолжить в будущем, что, возможно, позволит ответить на ряд вопросов, нерешенных в настоящей работе.

Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 05-06-80112.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азларов М.А. Террасное земледелие Дагестана (Вопросы генезиса, культурной типологии и социальной роли системы) // *Studia Praehistorica*. 8. Sofia, 1986.
- Азларов М.А. Дагестан – один из исходных центров мирового террасного земледелия // *Вестн. Дагестанского научного центра*. № 28. Махачкала, 2007.
- Аржанцева И.А., Седов С.Н., Скрипникова М.И. Аланские поселения I тыс. до н.э. Кисловодской котловины: палеоландшафтные реконструкции систем жизнеобеспечения // Юбилейные Междунар. XX “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1998.
- Афанасьев Г.Е., Кислов А.В., Чернышев А.В. К проблеме террасного земледелия на Северном Кавказе (новые методические подходы) // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. Вып. 1, 2. М., 2002.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004.
- Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // *Природа*. 1936. № 2.
- Коробов Д.С. Географо-информационная система “Археологические памятники Кисловодской котловины” // Интернет-сайт “Скифика-Кельтика”: <http://www.archaeology.ru> ONLINE/Korobov/korobov.html, 2001.
- Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. н.э. СПб., 2003.
- Коробов Д.С. Применение ГИС и аэрофотосъемки при картографировании следов древнего земледелия в Кисловодской котловине // *Круглый стол “Геоинформационные технологии в археологических исследованиях”* (Москва, 2 апреля 2003 г.). М., 2004. (CD-ROM).
- Коробов Д.С., Райнхольд С. Работы в Кисловодской котловине // *АО–2005*. 2007.
- Коробов Д.С., Райнхольд С. Новый тип поселений кобанской культуры в окрестностях Кисловодска // *КСИА*. 2008. Вып. 222.
- Котович В.Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // *СА*. 1965. № 3.
- Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
- Ромашкевич А.И. Горное почвообразование и геоморфологические процессы. М., 1988.
- Скрипникова М.И. Изучение древнего земледелия в горах Кавказа // *Древний Кавказ: ретроспекция культур*. XXIV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Москва, 15–19 марта 2004 г. М., 2004.
- Turova I., Bronnikova V., Chichagova O. Slope terracing as an example of early medieval landscape exploitation and transformation in piedmonts of the North Caucasus // *Proceed. 1st Int. Conf. on Soils and Archaeology*. Szazhalombatta, 2001.

Investigations of terraced agriculture in the Kislovodsk basin

A. V. Borisov, D. S. Korobov

Summary

The article presents the preliminary results of joint archeological and pedological investigations of terraced agriculture in the Kislovodsk basin. In 2005–2008, the authors investigated terraces in the valleys of Alikonovka, Kabardinka, Sukhaya Olkhovka, Kich-Malka and Perepryzhka. They discovered that the terraces belonged to two types depending on the steepness of the slope: single, double or triple terraces on the steeper slopes (type 1) and cascades of low-level terraces on the flatter ones (type 2). Pottery from the soil profiles and samples showed that terraces of the first type had appeared during the period of Koban culture. That was the most ancient pottery from the buried soils on the terraces. The terraces must have been abandoned at the end of Koban habitation in the basin, since at all the investigated terraces the buried soil is covered over with strong deluvial deposits. The Alanic population, which had appeared here in the 1st millennium AD, either used the remaining terraces of the second type, or created new cascades, as testified to by the large amounts of Alanic pottery in the buried soil of the terraces in the lower part of the slopes. The investigations continue, and future research shall answer the questions that are still unresolved.

ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОДВИНЬЯ)

© 2009 г. В. С. Нефёдов

Институт археологии РАН, Москва

Височные кольца являются характерным и оригинальным элементом металлического женского убора культуры смоленских длинных курганов (КСДК) VIII–X вв. Носителей именно этой археологической культуры наиболее убедительно отождествляют с кривичами средневековых письменных источников (Шмидт, 1968. С. 224; Енуков, 1990. С. 3, 4, 151; Булкин, 1995. С. 230, 231). Основной ее ареал охватывает территорию Северо-Западной Смоленщины и Северной Белоруссии. В настоящей работе рассматриваются височные кольца, найденные в погребальных комплексах восточной части этого ареала – в Смоленском Поднепровье и Подвинье¹.

Среди погребального инвентаря “смоленских” курганов, относящихся к КСДК, удалось идентифицировать 52 височных кольца, большинство из которых сохранилось в обломках, иногда сильно оплавленных². 46 колец происходят из 34 погребений в 14 могильниках (рис. 1), остальные шесть – из нескольких (не менее трех) депаспортизованных комплексов, которые раскопаны В.И. Сизовым в Смоленской губернии в конце XIX – начале XX в. Количество погребений с височными кольцами составляет около четверти погребальных комплексов КСДК на изученной территории, содержащих какие-либо металлические женские украшения, а также бусы.

Необходимо учитывать, что погребения КСДК совершались по обряду трупосожжения, в основном трупосожжения на стороне (Енуков, 1990. С. 29, 30), поэтому часть предметов, в том числе изготовленных из цветных металлов, оказалась практически полностью расплавленной или могла вообще не попасть в раскопанное погребение. Следовательно, для изучения доступен не весь изначально имевшийся в комплексе инвентарь, и уверенно говорить о полном комплекте женских украшений (включая набор височных колец) из каждого конкретного погребения не приходится.

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Е.А. Шмидта и С.С. Ширинского, любезно предоставивших мне возможность использовать неопубликованные материалы проведенных ими раскопок.

² Исследованные материалы хранятся в ГИМ, ГЭ и Смоленском государственном музее-заповеднике.

Тем не менее на основе приведенных выше статистических данных можно предположить, что далеко не всех кривических женщин хоронили с височными кольцами.

Типология височных колец КСДК разработана Е.А. Шмидтом (1970. С. 226, 227) и В.В. Енуковым (1990. С. 53, 54). Она вполне продуктивна и мало отличается от приведенной ниже, но для более полной характеристики этой группы украшений нуждается в некоторых уточнениях и комментариях.

Тип 1. Перстнеобразные кольца со спиральным завитком на одном конце.

Вариант 1. С завитком наружу – пять экз. в четырех погребениях (рис. 2, 1–3).

Вариант 2. С завитком внутрь – три экз. в двух погребениях (рис. 2, 4).

Кольца типа 1 имеют, как правило, заходящие концы (в одном случае сомкнутые), диаметр около 2.5–3.5 см. Они сделаны из проволоки медного сплава толщиной около 1.5 мм, один конец которой раскован в узкую пластину и скручен в 1–2 оборота, второй иногда заострен.

Тип 2. Серповидные кольца с заходящими концами. Имеют уплощенное расширение на одном или обоих концах, которое заканчивается спиральным завитком наружу. Завитки такие же, как у колец типа 1, варианта 1.

Вариант 1. С одним уплощенным концом, в котором пробито четыре–шесть отверстий для крепления мелких трапециевидных подвесок, – 9 экз. в 9 погребениях. Существует три разновидности профилировки пластинчатой части: плоское сечение – четыре экз. (рис. 2, 5); с декоративным валиком по внешнему краю лицевой стороны – два экз. (рис. 2, 6, 7); с валиками по обоим ее краям – три экз. (рис. 2, 8). Иногда плоская часть украшалась пуансонным или штихельным орнаментом. На кольцах этого варианта известно три разновидности орнамента, каждая из которых встречена по одному разу (рис. 2, 5–7).

Вариант 2. С двумя уплощенными симметрично заходящими концами без отверстий – 35 экз. в 25 погребениях. Вдоль средней линии двух пла-

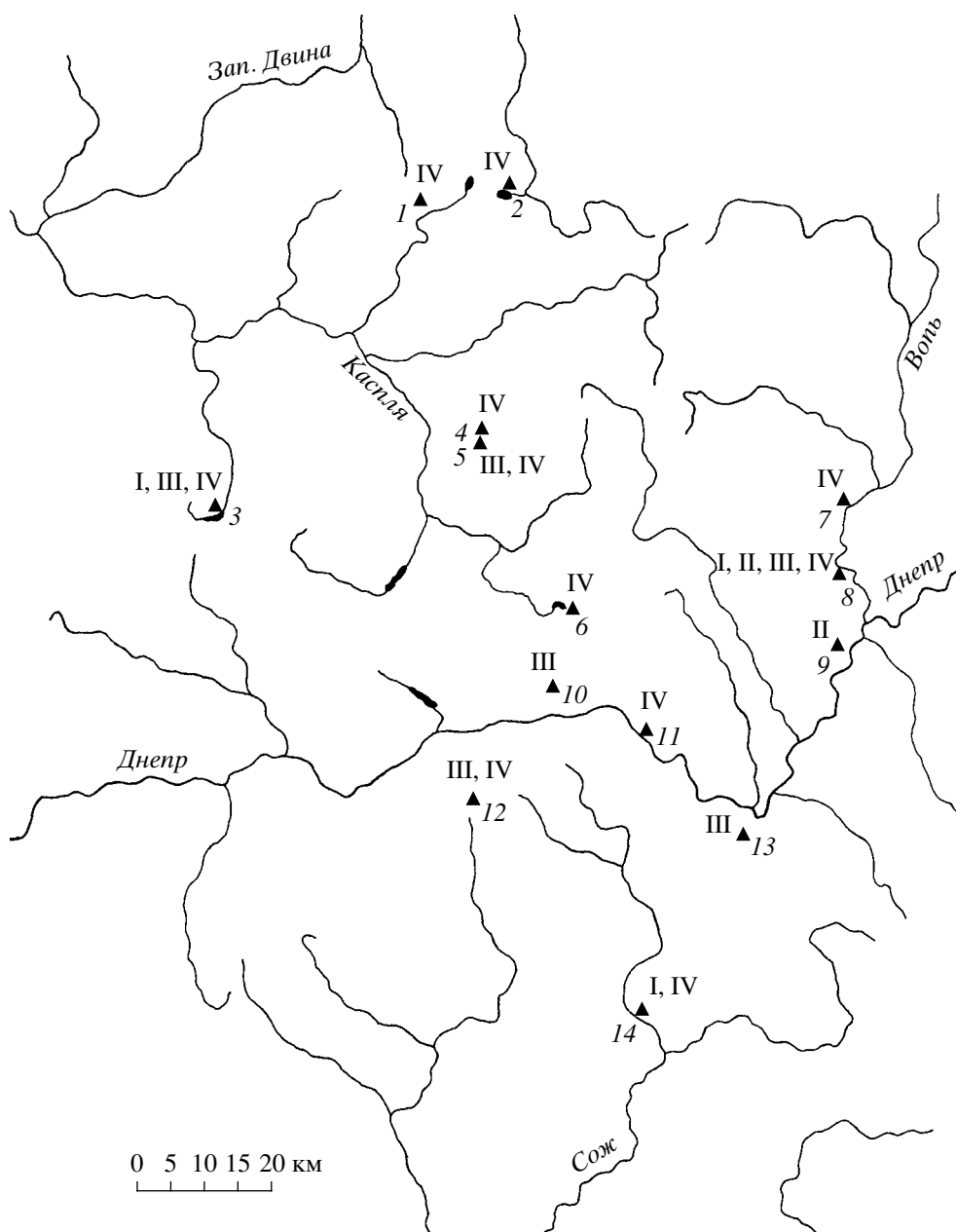

Рис. 1. Височные кольца в могильниках КСДК Смоленского Поднепровья и Подвинья. I – *тип 1*, вариант 1; II – *тип 1*, вариант 2; III – *тип 2*, вариант 1; IV – *тип 2*, вариант 2. 1 – Шугайлово; 2 – Пржевальское (Слобода); 3 – Заозерье; 4 – Дроково; 5 – Акатово; 6 – Заборье; 7 – Михайково; 8 – Сельцо (Ярцево); 9 – Городок (Пнёва Слобода); 10 – Купники (Василёвщина); 11 – Колодня; 12 – Цурковка; 13 – Арефино; 14 – Слобода-Глушица.

стинчатых концов, с лицевой стороны кольца проходит декоративный валик, как бы продолжающий округлую в сечении дужку. Часто плоские части украшались пуансонным или штихельным орнаментом, симметричным относительно декоративного валика (не менее 16 экз.). Присутствует как минимум пять разновидностей декора, но обычно использовалась одна: гравированный вогнутый зигзаг – не менее 9 экз. (рис. 2, 9), остальные встречаются редко или в единичных случаях (рис. 2, 10–13).

Н.В. Ениосова изучила состав металла и технологию изготовления пяти серповидных височных колец варианта 2, найденных на Центральном поселении Гнёздова (практически все они являются ювелирным ломом). Анализ показал, что гнёздовские экземпляры сделаны из латуни двумя способами, сочетающими литье в пластичную форму, холодную ковку и нанесение орнамента (Ениосова, 1998. С. 265; 2001. С. 215). Можно предположить, что так же изготавливались височные кольца *типа 2*, происходящие из смолен-

ских длинных курганов. Большинство из них сделано из медного сплава (латунь?), меньшая часть – из низкопробного серебра, что визуально определяется для некоторых находок, очищенных от коррозии. Диаметр колец варианта 1 составляет около 4,5–6 см, варианта 2 – около 5,5–7 см.

Височные кольца *типа* 1 и *типа* 2, варианта 1 могли носить и в качестве серег. Их конструкция, в том числе заостренность концов некоторых колец *типа* 1, вполне допускает эту интерпретацию. Относительно височных колец *типа* 2, варианта 2 такую возможность трудно себе представить.

Как отмечалось выше, большинство украшений из цветных металлов, найденных в смоленских длинных курганах, сильно повреждено во время трупосожжения, и не все они могли попасть в погребения при преобладавшем трупосожжении на стороне. Поэтому, в частности, учтенное количество перстнеобразных колец (*тип* 1) несомненно составляет гораздо меньшую долю от первоначального, чем учтенное количество серповидных колец (*тип* 2). Ведь последние зачастую можно определить даже по небольшим и деформированным обломкам. Следует также отметить, что ни в одном погребальном комплексе не удалось выявить более двух височных колец, независимо от их типологической принадлежности.

Кольца *типа* 2, варианта 1, в отличие от остальных, ни разу не найдены парами, только по одному или в сочетании с кольцами *типа* 2, варианта 2 (три случая). В то же время именно для них характерна ярко выраженная правая и левая асимметрия. Поэтому отсутствие их находок парами явно вызвано неполнотой археологических источников. Однажды встречено сочетание колец *типа* 1, варианта 1 и *типа* 2, варианта 2. Других сочетаний разных вариантов не прослежено.

По-видимому, в КСДК типичной была ситуация, когда женщина носила по одному кольцу у каждого виска. Очевидно, эти пары всегда состояли из колец одной разновидности, с одинаковым орнаментом или без орнамента. Некоторые кривичские женщины носили две пары височных колец (или пару височных колец и пару серег), принадлежащих к двум разным вариантам.

По имеющимся в настоящее время данным, височные кольца *типа* 1, варианта 1 существовали в КСДК с VIII по X в., как и сама археологическая культура. Одно из колец *типа* 1, варианта 2 найдено в комплексе, датирующемся не позднее третьей четверти VIII в. (Пнёва Слобода, к. 1; о датировке см.: Нефёдов, 2000. С. 196). Серповидные кольца варианта 1 найдены в погребениях середины – второй половины VIII в. (например, Цурковка, к. 2, п. 3 + 4; см.: Нефёдов, 2000. С. 193–195; 2003. С. 63–64) и в I строительном ярусе Земляного городища Старой Ладogi (ок. 750–765 гг.; Ря-

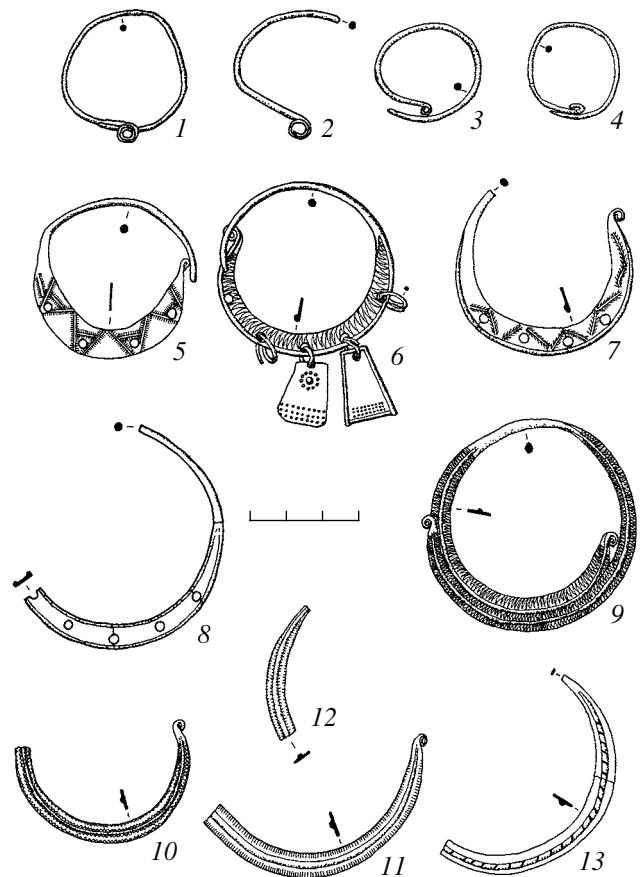

Рис. 2. Типология височных колец КСДК. 1–3 – *тип* 1, вариант 1; 4 – *тип* 1, вариант 2; 5–8 – *тип* 2, вариант 1; 9–13 – *тип* 2, вариант 2. 1 – Заозерье, к. 5, п. 2; 2, 13 – Слобода-Глушица, к. 11, п. 1; 3, 10 – Михайково; 4 – Сельцо, к. 8(9) (1903 г.); 5 – Арефино, к. 4(6) (1881 г.); 6 – Цурковка, к. 2, п. 2; 7 – Сельцо, к. 12, п. 2; 8 – Акатово, к. 3, п. 4; 9 – Заозерье, к. 3, п. 2; 11 – Пржевальское, к. 39; 12 – Шугайлово, к. 3, п. 3.

бинин, 1985. Рис. 23, 9), но отсутствуют в достоверных комплексах X в. Серповидные кольца варианта 2 бытовали на всем протяжении существования КСДК. Они известны в погребениях середины – третьей четверти VIII в. (Цурковка, к. 2, п. 1; см.: Нефёдов, 2000. С. 192–196; 2003. С. 63, 64) и второй – третьей четверти X в. (в том числе Заозерье, к. 5, п. 4; к. 59, п. 2 (Шмидт, 1980. Л. 60; 1983. Л. 12)), а также в материалах тех же десятилетий X в. на поселениях Гнёздова (см. выше) и Городка на Ловати (Горюнова, 1991. С. 40). Вероятно, кольца *типа* 2, варианта 1 возникли немного раньше или практически одновременно с кольцами *типа* 2, варианта 2, и раньше последних (не позднее конца IX – начала X в.) вышли из употребления.

Серповидные височные кольца несомненно были изобретением носителей культуры смоленских длинных курганов. Они редко встречаются

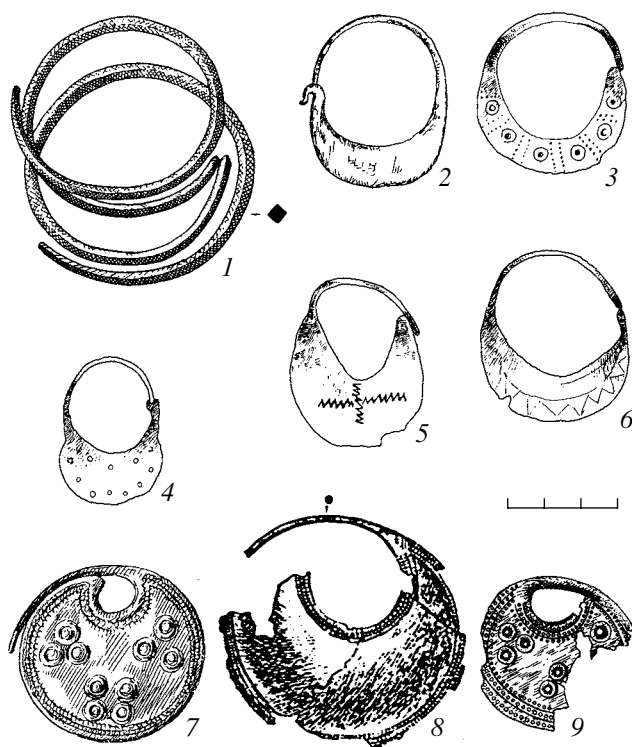

Рис. 3. Восточнолитовские височные кольца середины I тыс. н.э. (1), “лунничные” серьги VIII–IX вв. кёттлахской культуры (2–6) и “лунничные” височные кольца X–XI вв. района белорусско-латвийского пограничья (7–9). 1 – Pakraugle; 2 – Flaschberg; 3 – Mejica; 4 – München; 5 – Köttlach; 6 – Wallersdorf; 7 – Zilupe; 8 – Sauleskalns; 9 – Лесная.

за пределами ее основного ареала, причем иногда в составе кладов и в виде ювелирного лома. Их стандартность, при наличии определенного разнообразия, заставляет предположить единое происхождение этого типа украшений. Проблема их происхождения обсуждалась Е.А. Шмидтом и В.В. Седовым, однако ее следует еще раз рассмотреть в настоящей работе.

Е.А. Шмидт обратил внимание на сходство серповидных височных колец с пластинчатыми шейными гривнами, бытовавшими в последней четверти I тыс. н.э. в Латгалии, Восточной Литве и у мордвы (Шмидт, 1970. С. 227). Аргументированные возражения против такого сопоставления приведены В.В. Седовым (1994. С. 93; 1995. С. 235), и с ними трудно не согласиться. Непосредственным прототипом рассматриваемых украшений Е.А. Шмидт считает восточнолитовские височные кольца с заходящими концами (1970. С. 234). Те кольца, на которые ссылается исследователь, представляют собой заостренные на обоих концах и скрученные в 1.2–1.3 оборота отрезки довольно массивного дрота четырехгранного сечения, т.е. имеют мало общего с серповидными (рис. 3, 1). По мнению литовских археологов, они

датируются IV–V или V–VI вв. (Volkaite-Kulikauskiene, 1959. P. 36, 37, 343. Pav. 8, 10; Lietuvos..., 1978. P. 144, zemel 2). В последней трети I тыс. н.э. височные кольца не входили в состав женского убора восточнолитовского населения (Volkaite-Kulikauskiene, 1975). Следовательно, ни морфология, ни хронология этих украшений не позволяют считать их прототипами височных колец КСДК.

В.В. Седов в работах 1990-х годов высказал предположение о том, что серповидные височные кольца происходят от некоторых разновидностей серег кётлахской культуры (расположена в междуречье Верхнего Дуная и Верхней Савы) через переходное типологическое звено так называемых лунничных височных колец, присутствующих на западе лесной зоны Восточной Европы (Седов, 1994. С. 94, 95; 1995. С. 236; 1999. С. 189–192). По мнению исследователя, переселение отдельных групп карantanцев – носителей кётлахской культуры – в Восточную Европу (в числе других “днaйских славян”) было вызвано притеснениями со стороны аваров (Седов, 1999. С. 201, 202; 2000. С. 23).

Эти представления невозможно принять по целому ряду как общеисторических, так и источниковедческих соображений. Неясно, по каким причинам альпийские славяне (карantanцы) стали бы переселяться в конце VII – начале VIII в. на Верхний Днепр. Карantanия никогда не входила в состав Аварского каганата (располагавшегося восточнее, т.е. на пути предполагаемого переселения), в политическом отношении тяготея к своим западным соседям – баварам, лангобардам и франкам, а к востоку и северо-востоку от центральной Австрии, Словении и северо-западной Хорватии кётлахские серьги с плоским расширением нижней части почти не встречаются. По мнению П. Корочец, они возникли не раньше VIII в. (Korošec, 1979. S. 303–306. Pril. 3), причем уже самые ранние из них (распространенные также в Баварии) имеют существенные отличия от серповидных височных колец: отсутствие завитка на конце (иногда его заменяет крючок, на который застегивалась дужка), иное оформление плоской части, другие композиции декора (рис. 3, 2–6). По указанным причинам они не могут рассматриваться в качестве прототипов интересных нас украшений.

Что касается восточноевропейских “лунничных” височных колец (рис. 3, 7–9), то они весьма отдаленно напоминают как кётлахские, так и серповидные; к тому же, в отличие от них, являются прессованными, а не литыми. Кроме того, они датируются второй половиной X – XI в. (от основной группы оторван только экземпляр IX (?) в. из Старой Ладоги: Davidan, 1993. S. 30. Abb. 9, 23) и представляют собой, очевидно, специфическое локальное явление, характерное для территории бе-

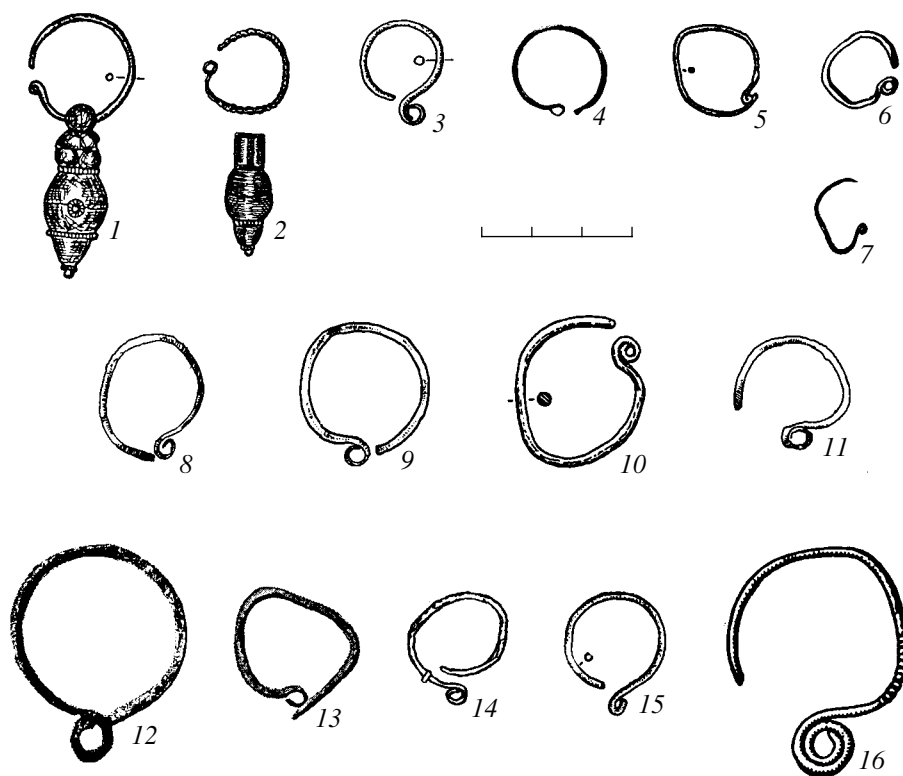

Рис. 4. Перстнеобразные серьги со спиральным завитком наружу VII–IX вв. Подунавья и соседних территорий. 1–7 – славяно-аварские могильники; 8–11 – кёттлахская культура; 12–15 – Нижнее Подунавье; 16 – Южный Буг. 1, 2 – Zwölfaxing; 3 – Sommerein; 4 – Pókaszeptek; 5 – Székkutas; 6 – Pilismarót; 7 – Gyód; 8 – Judovska Vas; 9 – Ptujski grad; 10 – Biskupija; 11 – Črnolj; 12 – Кюлевча; 13 – Гарван; 14 – Нови Пазар; 15 – Dodești; 16 – Семенки.

лорусско-латвийского пограничья. В этом районе сконцентрированы почти все их находки (Плоткин, 1972. С. 41; Мачинский, Мачинская, 1988. С. 52; Седов, 1995. С. 236 – в последней работе учтено большинство публикаций). Не исключено, что “лунничные” кольца являются поздними дериватами серповидных височных колец, но обратное генетическое соотношение невозможно в первую очередь по хронологическим причинам.

Представляется наиболее вероятным, что серповидные височные кольца происходят от бытовавших, в частности, в той же культуре смоленских длинных курганов перстнеобразных колец или серег с завитком наружу (*mun 1*, вариант 1). Особенно ярко проявляется конструктивное сходство перстнеобразных колец варианта 1 и серповидных варианта 1. Кроме того, диаметр последних ненамного превышает таковой колец *mun 1*. Серповидные кольца варианта 2 имеют больше отличий от перстнеобразных варианта 1, но также обладают сходными признаками: идентичными завитками на концах и декоративным валиком, визуально продолжающим дужку по всей окружности лицевой стороны предмета.

По-видимому, серповидные височные кольца возникли на территории Смоленского Поднепровья в период формирования КСДК, т.е. не позже середины VIII в., в результате усложнения перст-

необразных колец варианта 1. Форма и размеры колец *mun 2*, варианта 1 заставляют предположить, что они происходят непосредственно от перстнеобразных, а более сложные кольца *mun 2*, варианта 2 являются следующим этапом развития этих украшений.

Перстнеобразные височные кольца или серьги со спиральным завитком наружу, бытовавшие в КСДК, входят в широкий круг аналогичных украшений, которые к концу I тыс. н.э. распространились на большей части территории расселения славян, от Верхней Эльбы и Восточных Альп до Приильменья и Поволжья и от бассейна Вислы до Нижнего Подунавья (некоторые ранние находки см. на рис. 4). В славянских древностях лесной зоны Восточной Европы (Смоленское Поднепровье, Поволжье) они появляются не позднее середины VIII в. Кратко рассмотрим вопрос о территории и времени возникновения этой разновидности украшений.

Появление перстнеобразных височных колец с завитком наружу у западных славян обычно датируют концом VII – началом VIII в. (Musianowicz, 1949. S. 127–132, 192, 193. Tabl. XII; Krumphanzlová, 1974. S. 50; Korošec, 1979. Pril. 3). В славяно-аварских могильниках Среднего Подунавья эти украшения характерны для позднеаварского периода (после 700 г.) (Lippert, 1969. S. 36, 37, 97.

Tab. 4; Čilinska, 1975. S. 77, 81; Garam et al., 1975. P. 268, 276, 277; Kiss, 1977. P. 43; Daim, Lippert, 1984. Abb. 15). Однако пара таких серег из погребения 180 могильника Зоммерайн (восточная Австрия) (рис. 4, 3) найдена в той части памятника, которая, по мнению авторов публикации, функционировала во второй фазе среднеаварского периода, т.е. в последней четверти VII в. (Daim, Lippert, 1984. S. 119. Karte 36). Отметим также достаточно известную находку аналогичного кольца на пеньковском селище VI–VII вв. у с. Семенки на Южном Буге (рис. 4, 16). Изделие происходит из сооружения VIII, относящегося к позднему этапу жизни на поселении, и найдено совместно с обломком пальчатой фибулы VII в. (Хавлюк, 1974. С. 207).

Таким образом, перстнеобразные височные кольца или серьги со спиральным завитком наружу появились у западных и южных славян не позднее конца VII в., а немного позже проникли в лесную зону Восточной Европы. Произошло это, очевидно, в связи с новым этапом славянского расселения, в результате которого сформировалась и культура смоленских длинных курганов. Развитие оригинальных серповидных колец из перстнеобразных могло произойти под влиянием знакомства пришлого славянского населения с некоторыми разновидностями византийских и центральноевропейских серег. Например, с литыми серьгами, имевшими серповидное расширение в нижней части и звездообразную “подвеску”. Последние были популярны в Среднем и Нижнем Подунавье в VII – начале VIII в. и известны на юге Восточной Европы – на Пастырском городище (где были созданы их оригинальные варианты), нескольких синхронных ему памятниках, а также вкладах второй группы “древностей антов” по О.А. Щегловой конца VII – первой половины VIII в. (Айбабин, 1973; Čilinska, 1975. S. 70–72, 80; Щеглова, 1990. С. 176–182; Приходнюк, 2005. С. 41, 42 и др.).

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на одну проблему. Смена височных колец КСДК браслетообразными завязанными височными кольцами, произошедшая у кривичей во второй половине X – начале XI в., была одним из эпизодов многообразной культурной трансформации, приведшей к образованию древнерусской культуры в изучаемом регионе и на соседних территориях. Возможно, эта смена не покажется столь резкой и феноменальной, если предположить, что прототипами браслетообразных были перстнеобразные завязанные височные кольца. Последние, наряду с другими вариантами перстнеобразных колец, в том числе характерными для КСДК, довольно широко бытовали у славянских жителей Гнёздова во второй половине X в. (Пушкина, 1987. С. 53). Тот факт, что их носили именно как височные кольца, подтверждается их расположением по бокам черепа в нескольких хорошо сохранившихся женских ингумациях Гнёз-

довского некрополя (Авдусин и др., 1978. Л. 97; 1981. Л. 72; Пушкина, 1995. Л. 23). Прототипами этих украшений являлись, очевидно, различные подвески скандинавского происхождения, основой которых было колечко с аккуратной двусторонней завязкой концов. В их числе подвески с напускными бусинами и амулетами, которые также представлены в Гнёздове серией находок (Спицын, 1905. Рис. 10, 11, 19; Новикова, 1991. Рис. 4, 7; 5, 3, 6, 10).

Развитие многих групп височных колец у западных и восточных славян (например, с S-видным завитком, ромбоцитковых, лучевых–лопастных) сопровождалось постепенным увеличением их диаметра. Поэтому предложенная схема представляется вполне логичной, тем более что провололочные кольца небольшого диаметра (3–5 см) с завязанными концами существовали у кривичей и в XI в. По-видимому, основными факторами, которые способствовали усвоению местным населением традиции ношения завязанных височных колец, были ориентировка на престижные образцы раннегородской культуры (ср.: Лесман, 1998. С. 160, 161) и приблизительное сходство новой разновидности височных украшений с существовавшими в этом регионе в предшествующий период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А., Каменецкая Е.В., Пушкина Т.А. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 8395.
- Авдусин Д.А., Каменецкая Е.В., Пушкина Т.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции МГУ в 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 8961.
- Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. 1973. № 3.
- Булкин В.А. Кривичи и словене в верховьях Днепра и Двины // Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995.
- Горюнов В.М. Начальная история древних Лук (X – начало XI в.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.
- Ениосова Н.В. Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнёздова // Тр. VI МКСА. Т. 4. М., 1998.
- Ениосова Н.В. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Матер. науч. семинара. 2000. Псков, 2001.
- Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990.
- Лесман Ю.М. Варяжское наследие в женской субкультуре Древней Руси // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб., 1998.
- Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, русский север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского севера. Л., 1988.
- Нефёдов В.С. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли: Матер. науч. семинара. 1996–1999. Псков, 2000.

- Нефёдов В.С. Некоторые замечания об украшениях культуры смоленских длинных курганов из раскопок в Старой Ладоге // Ладоба – первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003.
- Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991.
- Плоткин К.М. Балтские элементы в нижних горизонтах Старой Ладогы // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972.
- Приходнюк О.М. Пастырське городище. Київ; Чернівці, 2005.
- Пушкина Т.А. Височные кольца Гнёздовского комплекса // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М., 1987.
- Пушкина Т.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции МГУ в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 19226.
- Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994.
- Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
- Седов В.В. Летописный рассказ о происхождении славян с Дуная и археологические реалии // Восточная Европа в древности и средневековье. XII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2000.
- Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. 1905. Вып. 15.
- Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.
- Шмидт Е.А. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968.
- Шмидт Е.А. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 7. Смоленск, 1970.
- Шмидт Е.А. Отчет о разведках и раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 7781.
- Шмидт Е.А. Отчет о раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 9225.
- Шеглова О.А. О двух группах “древностей антов” в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
- Čilinska Z. Frauenschmuck aus dem 7.–8. Jahrhundert im Karpatenbecken // Slovenská archeológia. T. XXIII. № 1. Bratislava, 1975.
- Daim F., Lippert A. Das awarische Gräberfeld von Sommerein am Leithagebirge, NÖ. Wien, 1984.
- Davidan O. Kunsthandwerkliche Degenstände des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga. Köln; Bonn, 1993.
- Garam É., Kovrig I., Szabó J., Török G. Avar Finds in the Hungarian National Museum. Budapest, 1975.
- Korošec P. Zgodnjeresrednjevska arheološka slika karantanskih slovanov. Ljubljana, 1979.
- Krumphanzlová Z. Chronologie pohřebního inventare vesnických hřbitovů 9. až 11. věku v Čechách // Památky archeologické. T. LXV. № 1. Praha, 1974.
- Kiss A. Avar Cemeteries in County Baranya. Budapest, 1977.
- Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. IV. Vilnius, 1978.
- Lippert A. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Zwölfaxing in Niederösterreich. Wien, 1969.
- Musianowicz K. Kablaczkzi skroniowe – próba typologii i chronologii // Swiatowit. T. XX (1948/49). Warszawa, 1949.
- Volkaite-Kulikauskiene R. Senoves Lietuviu moteru galvos dangai ir jos papuošalai // Iš Lietuviu kultūros istorijos. II. Vilnius, 1959.
- Volkaite-Kulikauskiene R. Kai kuriu VIII–XI a. rytu Lietuvos moteru galvos papuošalu klausimu // Тр. АН Литовской ССР. Сер. А. Т. 4 (53). Вильнюс, 1975.

Temple rings of Smolensk long mounds culture (based on the material from graves in the Smolensk region)

V. S. Nefedov

Summary

The article analyses temple rings of Smolensk long mounds culture, 8th–10th cc. Temple rings were a major constituent element within the complex of woman's metal ornaments. The article analyses their typology, chronology and origin. Temple rings are divided into two types (ring-shaped and crescent-shaped), with each of the types comprising two variants. There is no doubt that the crescent-shaped temple rings are typical of Smolensk long mounds culture only. It is impossible to accept the hypotheses that they have their origin in East Lithuanian and “lunulae-shaped” earrings/emple rings; they appear to have emerged during the formation period of the culture under study as a more sophisticated version of the ring-like temple ornaments with looped outside terminals (type 1, variant 1). The latter became popular among the Slavic population of Central and Southern Europe starting with the end of the 7th c., and reached the forest zone of Eastern Europe during further Slavic expansion to the territory. The article also considers the origin of armllet-shaped temple rings with knotted terminals, which were popular in the region during the Ancient Rus' period, starting from the end of the 10th–11th cc. Ring-shaped temple rings with knotted terminals appear to have been their immediate prototype, and a more distant prototype can be found in Scandinavian pendants, also ring-based, which were frequently encountered in early urban centers like Gnezdovo in the second half of the 10th c.

ТЕХНОЛОГИЯ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПЕРМИ ВЫЧЕГОДСКОЙ

© 2009 г. А. В. Бирюков*, В. И. Завьялов**, Э. А. Савельева*

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

**Институт археологии РАН, Москва

Предки коми-зырян впервые упоминаются в “Повести временных лет” под именем “пермь”. Начало систематического и планомерного археологического изучения культуры перми восходит к 60-м годам XX в. В результате проведенных исследований Э.А. Савельевой была выделена вымская культура перми вычегодской, первоначально датированная X–XIV вв.; обоснована ее принадлежность предкам коми-зырян, выявлены этнографические особенности, выделены локальные варианты (1971). С 1970-х годов начались стационарные раскопки памятников вымской культуры, ареал которой включает среднее и нижнее течение р. Вычегда с ее притоками Вымь и Сысола а также долины рр. Вашка и Луза (в настоящее время археологическими раскопками исследованы 30 могильников и поселений). Итоги этих исследований были обобщены в монографии Э.А. Савельевой “Вымские могильники” (1987), в которой проведен источниковедческий анализ более тысячи погребальных комплексов, скорректированы хронологические рамки вымской культуры (XI–XIV вв.). Средневычегодскому варианту культуры перми вычегодской посвящена работа К.С. Королева (1997). Выводы исследователей нашли отражение в коллективной монографии “Археология Республики Коми” (1997). Таким образом, в настоящее время накоплена достаточно репрезентативная источниковая база по культуре предков коми-зырян.

До 1990-х годов в исследовании кузнечного производства Европейского Северо-Востока использовались традиционные археологические методы. Была проделана большая работа по классификации изделий из железа (всего насчитывается более тысячи артефактов из черного металла), разработана их хронология, выявлены как общие для финно-угорских территорий и севера Восточной Европы типы орудий труда и предметов быта, так и специфические местные, обусловленные ведущей ролью промысловой охоты в экономике местного населения (Савельева, 1987).

В 1990-е годы появились первые публикации по технологии кузнечного производства перми вычегодской, в которых были выделены наибо-

лее распространенные технологические схемы, определены традиционные технологии и технологии, освоенные местными кузнецами, общий уровень их профессионального мастерства (Завьялов, 1992; 1996; Зыков, 1992). Итоги этих исследований нашли отражение в монографии “Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе” (Терехова и др., 1997).

В 2001–2005 гг. В.И. Завьяловым и А.В. Бирюковым продолжены археометаллографические исследования средневекового кузнечного производства на Европейском Северо-Востоке. В настоящее время исследовано 242 кузнечных изделия из 11 могильников и одного поселения вымской культуры (табл. 1). Аналитические материалы частично введены в научный оборот (Бирюков, 2005; Бирюков, Савельева, 2005; Бирюков и др., 2006). Они использовались также в монографии и докторской диссертации одного из авторов (Завьялов, 2005; 2006).

В данной статье предпринята попытка обобщить все результаты металлографических анализов железных изделий перми вычегодской, определить специфические черты местного кузнечного ремесла, роль традиций и инноваций в его развитии, а также особенности кузнечных поковок отдельных памятников. Результаты анализов и схемы изготовления большинства исследованных предметов уже опубликованы (см. список литературы в конце статьи).

Наиболее массовую серию изделий представляют ножи (104 экз.). Выявлено восемь основных технологических схем их изготовления (табл. 2).

Схема трехслойного пакета зарегистрирована на 46 ножах (44% от общего количества исследованных). Для средней полосы в основном использовалась малоуглеродистая сырцовая сталь, лишь на четырех клинках стальная полоса среднеуглеродистая (0.4–0.6% углерода) и на одном высокоуглеродистая (0.7–0.8% углерода). Ножи изготовлены как с применением термообработки (28 экз.), так и без нее (18 экз.). В последнем случае в центре клинка оказывалась мягкая сталь, зачастую уступающая по микротвердости железу боковых полос. Из термообработанных орудий 22 прошли

Таблица 1. Предметы, подвергшиеся металлографическому анализу по категориям вещей и памятникам вымской культуры

Категория предметов	Могильники											Жигановское поселение	Итого
	Кичиль-косский I	Кичиль-косский II	Бѣдзьдѣльскій	Жиганов-ский	Петкой-ский	Шойна-ты III	Шойна-ты II	Пезмог-ский	Небдин-ский	Чежты-ягский	Ленский		
Ножи	47	1	16	14	2	1		1	1	4	2	15	104
Наконечники стрел	11	3	11		1			1		3		1	31
Топоры	14	1	1	3							1		20
Кресала	6	1	7				2	3		2	1		22
Наконечники копий	9	1											10
Наконечники сулицы	4			1						1	1		7
Наструг	6		4		1					2	1		14
Тесло	4	1											5
Ложкарники	5			1						1			7
Клинья	5												5
Стамеска	1	1	1	1								2	6
Шилья	2												2
Острога		1											1
Ножницы			2										2
Удила	1									1			2
Серп												1	1
Волочило	1												1
Пешня			1										1
Гвоздь			1										1
Итого	116	10	44	20	4	1	2	5	1	14	6	19	242

резкую закалку, а шесть – закалку с последующим отпуском. В одном случае все три полосы оказались железными, но для средней подобрано более твердое фосфористое железо (микротвердость феррита 297–322 кг/мм²).

Необходимо отметить, что по “классической” схеме трехслойного пакета (кузнечная сварка двух железных полос твердого фосфористого железа и полосы высокоуглеродистой стали между ними с последующей закалкой) изготовлен лишь один предмет – нож из погр. 36 Кичилькосского I могильника. Интересно, что этот нож относится к группе I по классификации Р.С. Минасяна, а не к группе IV, как большинство ножей, изготовленных по классической трехслойной схеме. По комплексу сопутствующих вещей это погребение датируется XIII в.

Основываясь на хронологии вымской культуры (Савельева, 1987), установлено, что технологическая схема трехслойного пакета является самой распространенной на всем протяжении ее существования. Так, среди материалов Кичилькосского могильника трехслойные ножи составляют 56.5%,

на Жигановском могильнике и поселении – 40%, на Бѣдзьдѣльском могильнике – 31.2%.

Вварка стального лезвия в железную основу зафиксирована на 17 клинках (16.3% от общего числа исследованных). На семи ножах отмечена резкая закалка, на двух – закалка с последующим отпуском. В качестве материала для сварной полосы использовалась, как правило, малоуглеродистая и лишь в двух случаях среднеуглеродистая сталь. Ножи с сварными лезвиями появляются, видимо, в конце XI – начале XII в. (более вероятно, в начале XII в.), и их количество постепенно возрастает к XIII в. В Новгороде ножи, изготовленные по схеме вварки, появляются во второй половине X в. (Завьялов, Розанова, 1990. С. 157–159), но уже к концу XII в. уступают свои позиции ножам с наварными лезвиями (Колчин, 1959. С. 54; 1982. С. 164).

Технология наварки стального лезвия выявлена на пяти ножах (4.9% от числа исследованных). Два ножа изготовлены по схеме косой наварки стального лезвия, один из них подвергнут резкой закалке, второй отличается более низким каче-

Таблица 2. Взаимовстречаемость технологических схем изготовления ножей на памятниках вымской культуры

Технологические схемы	Моги́льники										Жигановское поселение	Итого
	Кичиль- косский I	Кичиль- косский II	Ыджыдъ- ельский	Жиганов- ский	Петкой- ский	Шойна- ты III	Пезмог- ский	Небдин- ский	Чажтыг- ский	Ленский		
Торцевая наварка				1							2	3
Косая наварка				2								2
Вварка	1	1	7	1			1		1	2	3	17
Трехслойный пакет	26		5	6	1				2		6	46
Сварка из двух полос	1		1		1							3
Ковка из стали	13		2	3							1	19
Ковка из железа	3			1				1	1		1	7
Цементация	2					1					2	5
Неопределена	1		1									2
Итого	47	1	16	14	2	1	1	1	4	2	15	104

ством работ, что, возможно, отражает процесс освоения местными кузнецами новой технологии. Три ножа изготовлены по технологии торцевой наварки лезвия. У одного из этих ножей лезвие наварено на пакетированную основу. Качествоковки и сварки хорошее, два изделия подвергнуты резкой закалке. Два ножа, изготовленные по схеме торцевой наварки, датируются XII–XIII вв. (Савельева и др., 1993. С. 156), один – XIII–XIV вв. (Савельева, 1987. Рис. 37). В Приуралье данная схема чрезвычайно редко использовалась при изготовлении ножей. Среди материалов из древнерусских памятников наварка является ведущей технологической схемой с середины XII до XV в. (Колчин, 1982. С. 164; Завьялов, Розанова, 1990. С. 179; Завьялов, 2002. С. 140). Необходимо отметить, что ножи, изготовленные по наварной технологии, найдены лишь на Жигановском могильнике и поселении, расположенных рядом с древнерусским Пожегским городищем, и могли быть изготовлены пожегскими кузнецами.

Сварка из двух полос (стали и железа) является одной из древнейших сварных технологических схем. Кузнецами вымской культуры она использовалась редко и зафиксирована лишь на двух ножах, один из которых был подвергнут закалке с последующим отпуском.

Пять ножей (4.9% от числа исследованных ножей) прошли химико-термическую обработку: сквозную (два экз., один из них подвергнут мягкой закалке) и локальную (три экз., один подвергнут резкой закалке и еще один – закалке с последующим отпуском) цементацию. Один нож датируется XI–XII вв., два – XII–XIII вв. (Савельева, 1987. Рис. 37; Савельева и др., 1993. С. 156). Технология цементации получила сравнительно не-

большое распространение в кузнечном производстве перми вычегодской, так же как и у других пермских племен Приуралья и в кузнечестве Северной Руси в целом (Завьялов, 1988а; б; 2006; Терехова и др., 1997. С. 261, 262).

Из простых технологий чаще всего использовалась ковка из железа – семь ножей (6.9%), в трех случаях применялось твердое фосфористое железо. Из стальных изготовок отковано 18 ножей (18.3%). Применялась мягкая сырцовая сталь (исключение составляет один нож из высокоуглеродистой стальной заготовки, содержание углерода 0.7–0.9%). Термообработка зафиксирована лишь на четырех ножах, которые подверглись резкой закалке или резкой закалке с последующим высоким отпуском. Один нож откован из специально подготовленной пакетной заготовки, сваренной из чередующихся двух стальных и двух железных полос, и прошел закалку с отпуском. Стальные ножи представлены в комплексах, охватывающих все хронологические периоды. Они происходят из Кичилькосьского I, Ыджыдъельского, Жигановского могильников и Жигановского поселения (табл. 2).

Из деревообрабатывающего инструментария наиболее представительной категорией являются топоры (19 целых и 1 обломок). Отмечены четыре технологические схемы их изготовления – вварка, наварка, ковка целиком из стальной заготовки и цементация.

По схеме вварки стального лезвия изготовлены 13 топоров, восемь из них термообработаны (резкая закалка и закалка с последующим отпуском). На шлифах с лезвий пяти топоров обнаружена трехслойная структура. В данном случае (так как анализ лезвия производился не на всю

глубину) можно предположить, что применялся не трехслойный пакет в обычном его понимании, а глубокая варка стального лезвия. Схема глубокой варки обнаружена лишь на топорах, датированных XI–XII вв. из Кичилькосьского I могильника. Подобные орудия известны в Старой Ладоге и веском поселении Крутик, (Хомутова, 1984. С. 204, 208; Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 100; Завьялов, 2002. С. 30). В целом технология варки при изготовлении топоров отмечается исследователями как прием, характерный для средневекового финского ремесла (Терехова и др., 1997. С. 262).

По технологии наварки изготовлены три топора: два целых и обломок. При изготовлении одного из них применялась наварка стального лезвия на основу из сырцово́й стали, при этом термообработке (закалке с последующим отпуском) подверглась лишь режущая кромка лезвия. Целый топор датируется XI в., обломок – XII–XIII вв. (Савельева, 1987. Рис. 37). Возможно, они являются привозными, так как технология наварки на топорах не характерна для памятников вымской культуры. На древнерусских памятниках она фиксируется с XI в. (Колчин, 1959. С. 25, 26).

Три топора откованы из сырцово́й стали, один из них относится к XI–XII вв., два – к XIII в. Один топор откован из кричного заготовки с последующей цементацией лезвия и закалкой (содержание углерода 0.5–0.6%) (Савельева, 1987. Рис. 37). В целом по технологии простойковки изготовлено четыре топора.

При изготовлении втульчатых тесел применялись технологические схемы наварки стального лезвия (четыре экземпляра), на одном зафиксирована варка лезвия. Лезвия трех тесел сохранили структуру закалки с последующим отпуском или мягкой закалки.

Исследовано 14 настрогов (Савельева, 1987. Рис. 37; Савельева, Зеленский, 1986; Савельева, 2005. С. 101). Четыре изготовлены по технологии наварки стального лезвия на железную основу, четыре откованы из трехслойной заготовки, три – из сырцово́й стали и три – из кричного железа. Восемь настрогов прошли закалку. В технологии изготовления настрогов прослеживается тенденция перехода от простых технологий к сложным. Из пяти настрогов в XI–XII вв. четыре изготовлены из цельнометаллических заготовок, в XII–XIII вв. из шести один откован из железа и один из стали, остальные выполнены в технологии наварки (3 экз.) и трехслойного пакета (1 экз.).

Из шести исследованных резцов у четырех стальное лезвие наварено на железную, стальную или пакетированную основу, сваренную из полос железа и сырцово́й стали. Два резца изготовлены по технологии трехслойного пакета. Стальная полоса одного резца сохранила структуру закалки с отпуском и еще двух – резкой закалки.

Исследовано шесть стамесок, три из них относятся к XII–XIII вв., две – к XIII в. (Савельева, 1987. Рис. 37; Савельева и др., 1993. С. 156). Две стамески откованы из стальной заготовки, одна – из кричного железа, две – по технологии варки в стальную или железную основу (одна стамеска сильно повреждена коррозией, поэтому технология ее изготовления не определена).

Достаточно представительна коллекция исследованных предметов вооружения: наконечников копий (10 экз.), стрел (31 экз.), сулиц (7 экз.). Четыре из десяти наконечников копий откованы целиком из сырцово́й стали, два из кричного железа и один из железной заготовки с последующей цементацией. Наконечники копий и стрел, изготовленных в подобных технологиях, встречаются как на древнерусских (Колчин, 1953; 1978. С. 190), так и на приуральских памятниках (Завьялов, 1988а; б; 2005; Терехова и др., 1997. С. 255).

Три наконечника копий изготовлены по схеме наварки стального лезвия на основу из малоуглеродистой стали (Завьялов, 1992. С. 174; Зыков, 1992. С. 163). Все три наконечника отличаются высоким качеством работ; два из трех прошли термообработку. Отметим, что наконечники, изготовленные простойковкой из стальных заготовок, термообработке не подвергались. По аналогичной схеме выполнен однотипный наконечник копья из погр. 40 Лоемского могильника (Зыков, 1992. С. 163), оставленного пришлым финским населением, в культуре которого прослеживается древнерусское культурное воздействие (Савельева, 1995). На древнерусских памятниках технология наварки при изготовлении копий является более распространенной (из 38 экз. исследованных Б.А. Колчиным, 10 изготовлено по технологии наварки) (Колчин, 1978. С. 190). Наиболее вероятно, что наконечники с наварными лезвиями – привозные и изготовлены русскими мастерами. Эта технология зафиксирована на чепецких наконечниках боевых копий (пик), также являющихся импортными или подражанием русским образцам (Перевошиков, 2002. С. 66).

Из семи наконечников сулиц шесть изготовлены путем вырубki шипов. Материалом для этих наконечников служили железо (4 экз.) и сталь (как сырцовая – 1 экз., так и цементированная – 1 сулица и 1 острога). Простые технологии изготовления наконечников сулиц характерны не только для вымской, но и для других пермских культур Приуралья.

Один наконечник сулицы (Чежтыягский могильник) изготовлен по технологии наварки шипов. Этот экземпляр датируется XII–XIII вв. Технология наварки шипов зафиксирована также на наконечнике дротики из погр. 37 Лоемского могильника, который относится к XIII–XIV вв. (Савельева, 1995; Зыков, 1992. С. 164). Учитывая,

что сулицы с наварными шипами представлены только на двух памятниках, один из которых оставлен пришлой группой населения (Лоемский могильник), а второй (Чежтыягский могильник) расположен в западном ареале вымской культуры (на нижней Вычегде), наиболее вероятно их древнерусское происхождение. Эта технология встречается и на других средневековых памятниках пермского населения Приуралья (Терехова и др., 1997. С. 256), в частности – родановских (Зыков, 1987. Рис. 1).

Среди исследованных наконечников стрел преобладают откованные из железа (17 из 31). Эта технология является наиболее рациональной для изготовления одноразовой продукции, какой по сути являлись стрелы. В семи случаях (в том числе при изготовлении единственного исследованного боевого наконечника) использована наварка (из них в пяти – наварка шипов), в четырех – заготовка, сваренная из двух пластин. Таким образом, 35,5% наконечников стрел изготовлены с использованием сварки, что не характерно для данной категории предметов (из 30 исследованных металлографически родановских наконечников лишь на одном зафиксирована наварка стального лезвия). Большинство наконечников стрел из памятников чепецкой и родановской культур отковывались из железа и лишь сравнительно редко применялась сварка обычного и фосфористого железа (Завьялов, 1988а; б; 2006. С. 40, 41).

На двух наконечниках зафиксирована цементация. При изготовлении одного наконечника использован металлолом, еще одного – сталь. По сравнению с двушипными наконечниками сулиц, на двушипных наконечниках стрел наварка шипов использовалась гораздо чаще (зафиксирована на 5 из 14 наконечников стрел и только на 1 из 6 наконечников сулиц). Во всех случаях металл, из которого изготовлены шипы и основа наконечника, почти идентичен. На четырех из пяти изделий эта технологическая схема встречена на типах, редко встречающихся на памятниках вымской культуры (черешковые наконечники с упором, закрученным черешком и втульчатые наконечники), что позволяет предположить их древнерусское происхождение. В то же время из восьми двушипных наконечников стрел, широко распространенных на вымских памятниках, технология наварки зафиксирована только на одном, что свидетельствует о ее древнерусском происхождении. Из пяти наконечников два датированы XII–XIII вв., один – XIII в., т.е. временем появления на Вычегде и Выми древнерусских памятников.

Бытовые предметы изготавливались в основном из кричного железа (четыре клинышка, гвоздь, удила и одно шило). Волочило и пешня изготовлены из кричного железа с высоким содер-

жанием фосфора, одно из исследованных шильев – из заэвтектидной стали с содержанием углерода около 1,2%, обладавшей высокой твердостью. Это единственный зафиксированный в регионе случай применения подобной стали. Оптимальной технологией изготовления этих бытовых изделий является простаяковка.

Из 22 исследованных кресал только на десяти обнаружены схемы, полностью отвечающие функциональному назначению этих орудий, – схема торцевой наварки (шесть экз.) стальной пластины на ударную часть основы орудия (основа предмета откована из железа или сырцово-й стали),ковка целиком из среднеуглеродистой стальной или пакетированной заготовки (три кресала) и цементация (одно кресало). Четыре кресала подверглись закалке, 12 откованы из кричных заготовок. Такие кресала не могли быть использованы по своему функциональному назначению, если только не имели полностью утраченных стальных ударных частей.

В целом в технологии изготовления кресал прослеживается тенденция перехода от цельно-стальных или выполненных с использованием цементации кресал к изготовленным с помощью торцевой наварки. Если к периоду XI–XII вв. относятся три кресала, изготовленные из стальных заготовок или с помощью цементации, и три кресала, изготовленные путем наварки, то к XII–XIV вв. – три наварных кресала и одно цельно-стальное (Савельева, 1987. Рис. 37; 2005. С. 101; Королев, 1980. С. 122–125).

При изготовлении ножиц применена цементация заготовки. Содержание углерода уменьшается от 0,8% на крае шлифа до 0,2% к центру. Лезвия дополнительно подвергнуты закалке.

Серп, найденный на Жигановском поселении, изготовлен из малоуглеродистой стали, датируется XII–XIII вв. и, бесспорно, связан с пришлым русским населением, обитавшим на расположенном поблизости Пожегском городище (Савельева и др., 1993. С. 156. Рис. 7).

Всего на памятниках вымской культуры зафиксировано применение восьми различных технологических схем: трехслойный пакет, косая и торцевая наварка, вварка стального лезвия, цементация, сварка из двух пластин, простаяковка из железа и стали.

Самой представительной является группа предметов, изготовленных по технологии трех-слойного пакета (53 предмета, что составляет 22,1% изделий). Она применялась при изготовлении инструментов, которые должны были иметь твердое режущее лезвие, в первую очередь на ножах. Наибольшая часть изделий, прошедших термообработку (25 изделий – закалку и 5 – закалку с отпуском), изготовлена именно по этой технологии. Трехслойная технология является ведущей

вплоть до второй половины XIII в. и характерна в целом для финского ремесла Приуралья.

Вварка зафиксирована на 32 предметах (13.3%), 13 из которых прошли дополнительную термообработку. Эта технология использовалась в основном при изготовлении ножей и топоров. По имеющимся данным, на вымских памятниках вварка появляется в XII в. и широкое распространение получает в конце XII–XIII в. Схема вварки характерна для кузнечного производства пермских племен Приуралья, однако в культуре перми вычегодской выявлены некоторые специфические особенности, в частности глубокая вварка лезвия топоров, которая не встречена среди чепецких и родановских древностей.

Косая наварка зафиксирована на 28 предметах (11.7%), семь из которых прошли дополнительную термообработку (три – закалку и четыре – закалку с отпуском). Она, в отличие от предыдущих схем, чрезвычайно редко использовалась при изготовлении ножей (2 экз.). Зато по этой схеме изготовлены большинство деревообрабатывающих орудий (топоры, тесла, наструги, резцы (15 экз.) и наконечников копий и стрел (11 экз.)). Использование наварной технологии для изготовления деревообрабатывающего инвентаря и ее почти полное отсутствие при производстве ножей характерно также для железообработки чепецкой и родановской культур (Терехова и др., 1997. С. 262; Завьялов, 2005). Что касается оружия, выполненного по технологии косой наварки, то наиболее вероятно, что оно является древнерусским, так как применение технологической сварки не характерно для пермского оружия (Завьялов, 2006. С. 40, 41). Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что оружие из памятников перми вычегодской, изготовленное по сварным технологиям, отличается более высоким качеством исполнения и в ряде случаев принадлежит к крайне редким в регионе типам. Торцовая наварка на кузнечных изделиях вымской культуры, так же как чепецкой и родановской, встречается редко. Она выявлена лишь на восьми предметах – трех ножах и пяти кресалах (3.3%), из которых пять прошли термообработку (закалку). Не исключено, что ножи с наварными лезвиями из Жигановского могильника и поселения имеют древнерусское происхождение.

Сварка из двух полос (стали и железа, или мягкого и твердого железа) является одной из древних сварных технологических схем. Вычегодскими пермянами она использовалась редко и отмечена лишь на шести предметах (три ножа и три наконечника стрел).

Технология цементации также получила сравнительно небольшое распространение (14 предметов различных категорий – пять ножей и шесть предметов вооружения), что составляет 7.9%, из

которых дополнительную термообработку прошли четыре (три – закалку и один – закалку с отпуском). На средневековых памятниках Приуралья цементация также является редким приемом (Завьялов, 1988а; б; 2005; Терехова и др., 1997. С. 261, 262).

Простой ковкой из стальных заготовок изготовлены 34 предмета (14.2%), среди которых преобладают орудия с режущей рабочей частью. В абсолютном большинстве случаев использовалась малоуглеродистая сырьевая сталь, и лишь на трех предметах зафиксирована специально полученная цементированная сталь. Всего же сталь применялась при производстве 170 предметов (включая орудия, изготовленные по схемам технологической сварки). Но даже при изготовлении сварных конструкций цементированная сталь использовалась крайне редко (всего в 11 случаях).

Простой ковкой из железа изготовлены 66 предметов (27.5%). При этом если для одних изделий в силу их специфики такая схема изготовления допустима (наконечники стрел, гвоздь, удила, волочило, клинья, наконечники сулиц, наконечники копий), то для других она ухудшала их функциональные качества (ножи, кресала, стамеска, наструги). Возможно, в данном случае мы имеем дело как с предметами, изготовленными по упрощенной технологии специально для погребального обряда (напомним, что большинство из исследованных предметов происходят из могильников), так и с изделиями, утратившими свою рабочую часть в ходе эксплуатации. Достаточно часто использовалось твердое (с микротвердостью свыше 221 кг/мм²) фосфористое железо (до трети железных поковок). Применение подобного материала было характерно для пермского кузнечества в рассматриваемое время (Завьялов, 1988а; б).

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что в развитии кузнечного производства вымской, родановской и чепецкой культур прослеживаются единые закономерности, которые проявляются в широком распространении ножей с трехслойными клинками и отсутствии ножей с наварными лезвиями, изготовлении топоров с вварным лезвием и применении вварки при изготовлении ножей, целенаправленном использовании сырьевой стали и фосфористого железа (Завьялов, 1999. С. 82). Изделия, выполненные по технологии трехслойного пакета, вварки, цементации, являются продукцией местных мастеров, по схемам косой и торцовой наварки (прежде всего ножи из Жигановского поселения и могильника, а также оружие), вероятно, изготовлены русскими кузнецами.

По уровню развития кузнечного производства культура перми вычегодской не отличалась от родановской и чепецкой. Об этом свидетельству-

ют применение сложных технологических схем, удовлетворительное качество операций. Однако в сравнении с чепецкой и родановской культурами среди предметов из вымских памятников гораздо меньше термообработанных изделий. Одной из особенностей вымской культуры являлось длительное использование и широкое распространение схемы трехслойного пакета, появившейся в XI в. и применявшейся без изменений вплоть до конца XIII в. С XII–XIII вв. в кузнечном производстве перми вычегодской прослеживаются определенные древнерусские влияния, проявляющиеся в появлении наконечников копий и стрел с наварным лезвием и с наварными шипами, единичных находок ножей с наварными лезвиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирюков А.В.* Технология изготовления предметов вооружения вымской культуры // *Studia Juvenalia*. Вып. 2. Сыктывкар, 2005.
- Бирюков А.В., Завьялов В.И., Савельева Э.А.* Технология кузнечного производства на Европейском Северо-Востоке (бассейн рек Вычегда и Луза). Сыктывкар, 2006.
- Бирюков А.В., Савельева Э.А.* Технология изготовления кузнечных изделий Кичильковский I могильника // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья. МАЕСВ. 2005. Вып. 17.
- Голубева Л.А., Кочкуркина С.И.* Белозерская весть. Петрозаводск, 1991.
- Завьялов В.И.* Черная металлообработка у древних коми-пермян // Новые археологические памятники Камско-Вятского региона. Ижевск, 1988а.
- Завьялов В.И.* Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I – начале II тыс. н.э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988б.
- Завьялов В.И.* Железообработка перми вычегодской по материалам вымских могильников // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992.
- Завьялов В.И.* Русские инновации в кузнечном ремесле перми вычегодской // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 1. Сыктывкар, 1996.
- Завьялов В.И.* Кузнечное производство на средневековых памятниках Среднего Прикамья (родановская культура) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999.
- Завьялов В.И.* Ножи древнего Белоозера: технологический аспект // РА. 2002. № 1.
- Завьялов В.И.* История кузнечного ремесла пермян: Археометаллографическое исследование. Ижевск, 2005.
- Завьялов В.И.* История кузнечного ремесла пермских народов (эпоха средневековья): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С.* К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990.
- Зыков А.П.* Технология кузнечного производства в Верхнем Прикамье в начале II тыс. н.э. // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск, 1987.
- Зыков А.П.* Материалы по технологии кузнечного производства вымской культуры // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992.
- Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. 1953. № 32.
- Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.
- Колчин Б.А.* Оружейное дело Древней Руси (техника производства) // Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М., 1982.
- Королёв К.С.* Пезмогский могильник // Древние памятники Северного Приуралья. МАЕСВ. 1980. Вып. 8.
- Королёв К.С.* Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997.
- Перевоицков С.Е.* Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002.
- Савельева Э.А.* Пермь вычегодская. М., 1971.
- Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
- Савельева Э.А.* Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. МАЕСВ. 1995. Вып. 13.
- Савельева Э.А.* Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья. МАЕСВ. 2005. Вып. 17.
- Савельева Э.А., Зеленский В.С.* Хронология погребальных комплексов Ыджидьельского могильника // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. МАЕСВ. 1986. Вып. 10.
- Савельева Э.А., Кленов М.В., Зеленский В.С.* Жигановское поселение // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. МАЕСВ. 1993. Вып. 12.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.
- Хомутова Л.С.* Кузнечная техника на земле древней веси X в. // СА. 1984. № 1.

Blacksmithing technology of the Vychegda Perm**A. V. Biruykov, V. I. Zav'yalov, E. A. Savel'eva****S u m m a r y**

The archeological culture of the Vychegda Perm belongs to the ancestors of the modern Komi-Zyrians. The iron items have been categorized and their chronology has been determined, revealing both the types of tools and household utensils that were common throughout the Finno-Ugric territories and the specific local types. The article presents an attempt to summarize the results of metallographic analysis, to determine the specific of local blacksmithing and the correlation between traditional and innovative techniques, and to single out the features which characterized forging at each individual site. It has been established that in the Vychegda Perm culture blacksmithing was at the same level as in Rodanovo and Chepetskaya cultures. Nonetheless, in comparison with Chepetskaya and Rodanovo cultures the Vym sites yied much less heat-treated items. The widespread and long-term usage of the three-layer scheme, which had appeared in the 11th c. and was used unchanged up to the end of the 13th c., is one of the specific features of Vym culture. Starting from the 12th–13th cc., Vychegda Perm blacksmithing demonstrates certain Ancient Rus influence.

ЛУЧИННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ В ДРЕВНЕМ НОВГОРОДЕ

© 2009 г. В. И. Поветкин

Новгородский Центр музыкальных древностей

Две части быта древних новгородцев – инструментальные звуки и искусственное освещение – неожиданным образом соприкоснулись. Внимание автора привлекли находимые при раскопках в Новгороде железные предметы хозяйственного назначения, которые были оформлены звончатыми привесками – “воркунцами”. Среди них разновидности кованого железного светца (Поветкин, 2008. С. 114, 115. Табл. 2, 3). Таковых найдено не менее шести. Это, понятно, редкие находки, ибо общее число светцов, обнаруженных в старой части Новгорода как при плановых раскопках, так и случайно, давно превысило те шесть десятков, о которых сообщалось в 1982 г. (Колчин, Янин, 1982. С. 83). И все же именно звончатый светец объединил в себе признаки звучащего устройства и осветительного прибора. Именно размышления о нем как о сложном объекте древнего быта способствовали выявлению в культурных отложениях Новгорода бесспорных образцов лучинных огарышей – деревянных лучин, вставлявшихся в специальные железные зажимы и горением своим освещавших жилища. Вколотый острием, *пятником* (Даль, 1995. С. 158), в деревянный стояк переносной *светец* с прикрепленными к нему подвижными звенящими при встряхивании колечками в каких-то случаях использовался для подачи сигналов (рисунок, 2). При этом не терялось его главное предназначение, присущее светцам вообще, – в пружинных зажимах удерживать горящую лучину. Когда лучину требовалось погасить, ее высвобождали из зажима и в виде большого или малого *огарка*, *огарыша*, *огарышка* бросали в стоявшее под светцом корыто с водой. К примеру, лучинное освещение в крестьянской избе, а также необходимые для этого принадлежности и момент, когда девушка зажигает от горящей лучины еще одну лучину, показаны на литографии П. Вдовичева 1830 г. (рисунок, 1). Таково вступление к вопросу, в котором дальнейшее внимание будет уделено не звуковым качествам означенного типа светцов, ибо это интерес музыкальной археологии, а собственно лучинному освещению.

Этнографы, а иногда и археологи, полагающие, что применение на Руси железных светцов началось уже в X в., не всегда сопровождают свои публикации примерами надежно датированных находок светцов и сопутствующих им образцов

лучин. Предыдущие публикации на тему древних осветительных приборов могут быть дополнены новыми сведениями (Зеленин, 1991. С. 308–312; Бломквист, 1956. С. 270–278; Розенфельдт, 1997. С. 10–12).

Открытые на нескольких раскопах в Новгороде разновидности светцов – одно-, двух- и трехлучинные, с шумящими колечками или чаще без них, – происходят из отложений XIV–XV вв. и более поздних веков. Из тринадцати светцов, найденных на Неревском раскопе, лишь один образец, по сведениям Б.А. Колчина, извлечен из слоя второй половины XIII в. (1959. С. 97, 98. Рис. 83). Возможно, выпадающая из общего строя его датировка нуждается в уточнении.

Интерес представляют находки на Белоозере. Там, по сообщению Л.А. Голубевой, до 1973 г. было выявлено 17 железных светцов – однолучинных и двухлучинных. Из них пять датированы XI в., один из слоя XII в. 11 – XIII в. (Голубева, 1973. С. 126. Рис. 44, 5, 7). О тех же находках спустя 30 лет С.Д. Захаров сообщает, что их 16 и все они однолучинные. Он включил их в состав хронологической группы второй половины XIII–XIV в., но ссылаясь на Л.А. Голубеву, отмечает их бытование и в XI в. (Захаров, 2004. С. 60, 61). Значит, огромная разница в датировке белозерских и новгородских кованых светцов пока остается без объяснения. Из новгородских датировок выпадает и суздальский светец XII в. Его рисунок без указания на конкретные источники приводит в своей работе Е.Э. Бломквист (1956. С. 273. Рис. 56, в). Нет оснований говорить и о якобы найденных в Старой Ладге кованых железных светцах X в.: ни Н. Бранденбург, ни Репников, ни современные исследователи не отмечают таких древностей; светец для лучины там был найден в перекопанных напластованиях вместе с вещами XVII в. (Бранденбург, 1887. С. 326). Между тем недавние археологические находки на селище Минино I близ Кубенского оз. в Вологодской обл. показали, что найденные в средневековых жилых комплексах семь светцов относятся ко времени не позднее середины XIII в. Эти светцы – однолучинные с прямыми планками – сопоставимы с образцами, открытыми на Белоозере, число которых, кстати, по уточненным данным, составило 29 экз. (Адаменко и др., 2008. С. 42. Рис. 25).

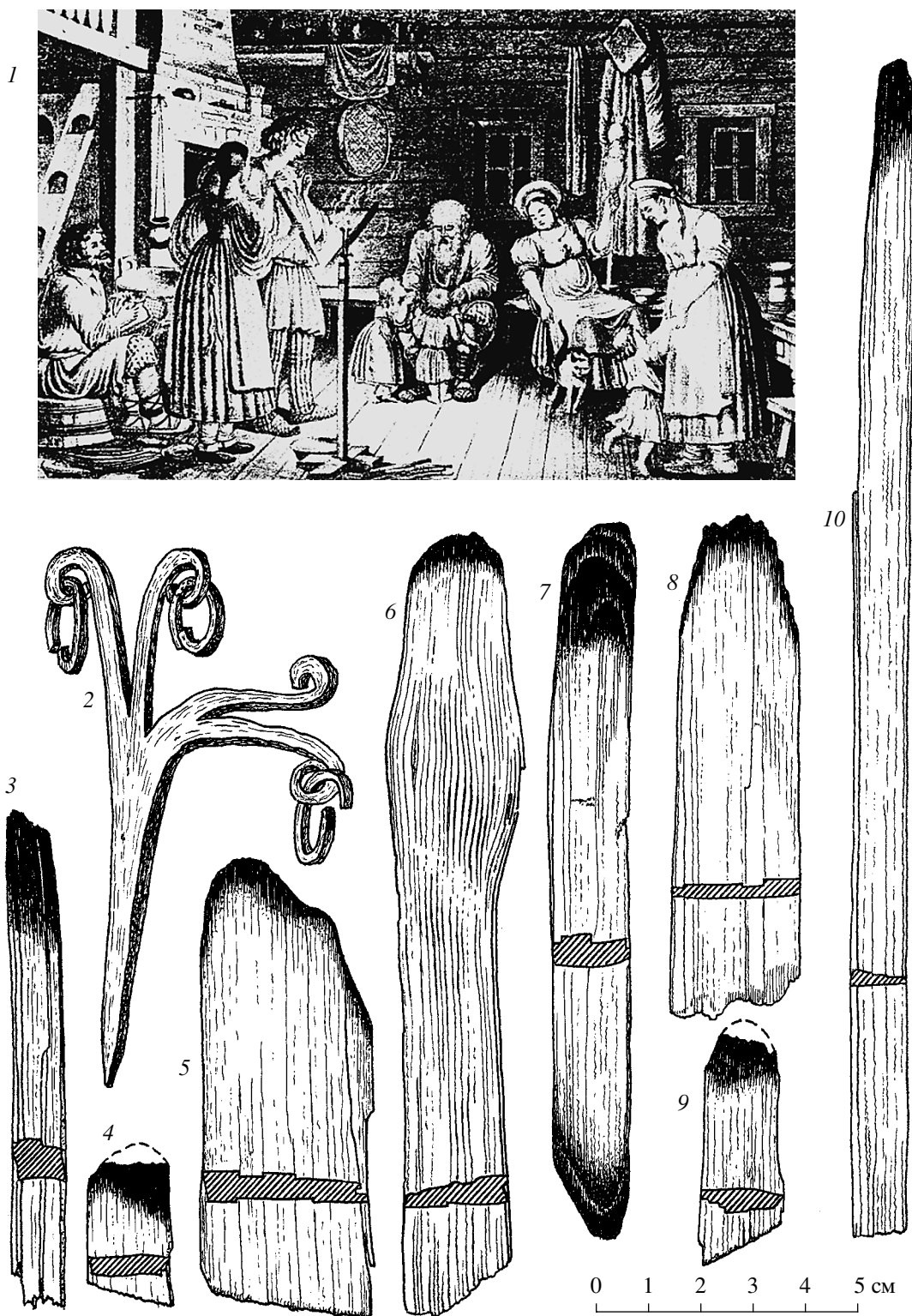

Рисунок. 1 – П. Вдовичев. Вечер в крестьянской избе. 1830-е гг. Литография; 2 – светец со звончатыми подвесками-кольцами, железо (Торг., колодец, № 172); 3–10 – огарыши лучин, сосна (Яма № 3 близ НЦМД).

Об археологических находках в Пскове тонкой и длинной изготовленной из смолистых древесных пород лучины, о скоплениях таковой в отдельных ме-

стах, т.е. о заготовках впрок, сообщает Н.А. Лобанов, к сожалению, без хронологических оценок. Он ссылается на раннее письменное упоминание лучи-

ны в Новгородской первой летописи под 1204 годом: “Лоучины зажгыше поустиша на хоромы” (Лобанов, 1992. С. 118–121). Здесь требуется уточнение: заготовленная лучина не обязательно предназначалась для светцов. Она могла использоваться для самых различных хозяйственных нужд, в частности, для растопки печи. Горящая печь хотя и использовалась как источник света, но все же не являлась специальным осветительным приспособлением. Неуместно здесь и летописное свидетельство о лучинах: сообщение об осаде Царяграда с использованием бочек, наполненных смоляными дровами и подожженными лучинами, к осветительным приборам прямого отношения не имеет (Новгородская первая ..., 2000. С. 48). Следует учитывать и другой факт, отмечаемый в поздней деревенской жизни: когда не было светца, незажиточные люди лучину для освещения избы нередко просто вставляли в щель в бревенчатой стене. При этом во избежание пожара они должны были вовремя гасить огарыши в воде. Такие случаи могли иметь место и в древнем быту, и возможно, еще до изобретения специальных железных лучинодержателей. Но все это нуждается в конкретных подтверждениях.

Археологическим свидетельством лучинного освещения, причем, понятно, не всегда и не обязательно совмещенного с традицией использования кованых светцов, могли бы стать непосредственно огарыши самих лучин. Выявить таковые в культурных отложениях в Новгороде или еще где-либо — значит научиться их отличать от несгоревших дров, от всевозможных следов древних пожаров. Счастливый случай представился в 2007 г.

В период с 20 июня по 8 июля на линии прокладки подземных коммуникаций от “дома Берга”, т.е. от дома № 24 улицы Большой Московской, через территорию Центра музыкальных древностей к дому № 32 Михайловой улицы были выкопаны четыре ямы глубиной до 4 м от дневной поверхности. Темно-коричневая сильно унавоженная земля, поднятая из ям ковшом экскаватора, содержала остатки жизнедеятельности средневековых обитателей этих мест.

Археологическое наблюдение, затрудненное спецификой коммуникационных земляных работ, успешнее прошло на месте ямы № 3, выкопанной вблизи здания Центра музыкальных древностей. Площадь ямы 2,5 × 4,5 м, глубина 4 м. Примерная толщина техногенного слоя 160–180 см. Толщина культурного слоя в этой возвышенной части Славенского конца может достигать 8–9 м. По договоренности с строителями работ землю из этой ямы не вывезли, как из других ям, за пределы старой части города, а ее удалось разбросать по соседствующим травяным площадкам, расстелить ковром. Постепенно в ней обнаружили вещи не

только сравнительно поздние, но и те, которые встречаются при плановых раскопках в Новгороде в слоях XV, XIV и даже, быть может, конца XIII в. Таковы, например: обломок каменной многосторонней литейной формы, железные уши для котлов, скобы двухшпильные малые лодочные; два ножа для ремесленных работ, два кованых железных колечка, какие бывают на светцах или других хозяйственных предметах — для звона; отходы медного производства; бронзовая, по-видимому, ременная ажурная накладка; оловянная двухчастнолитая предназначавшаяся, возможно, для бубенца дробина¹; кожаные остатки двух некогда добротно изготовленных поршней и абсолютно целый кошелечек с завязками; превосходной сохранности можжевелевый ткацкий челнок; обломок трепала; два траверса; часть точеной из клена тарели; токарная бобышка; дубовый копыл от хозяйственных саней; поплавок, один из сосновой коры, другой из бересты со следами прошивки древесным корешком и крупной продавленной на нем в три линии старославянской буквой — N и многое другое. Самым же главным открытием явились не просто образцы продолговатых лучин-заготовок, их тоже найдено немало, но именно лучинные огарыши (рисунок, 3–10) всего 653 шт. При этом еще огромная их часть осталась в отвале, труднодоступном для обследования (находки переданы в фонд Новгородского Центра музыкальных древностей).

Изредка это узкие тоненькие лучинки, иногда утолщенные до 7 мм (рисунок, 3), в редких случаях тонкие и одновременно достигающие ширины 35–40 мм (рисунок, 5), а обычно это лучины толщиной 2–3 мм и шириной 20–25 мм. При этом видно, что дерево, кроме отдельных образцов, расслоено по годовым кольцам. Длина огарышей различна. Если лучина догорала до железного держателя светца, то оставался и затем гасился в воде огарок длиной не более 20–30 мм; кстати, короткие огарочки — а их десятки и сотни — почти бесспорно указывают на их использование именно в светце, а не в щели бревенчатой стены (рисунок, 4); если же лучину хотели погасить раньше, нежели она догорит до конца, то, судя по нашим находкам, в корыто с водой попадали крупные огарыши — длиной до 250 мм (рисунок, 10). Довольно часто длина их 70–100 мм.

Найденные образцы огарышей с одного конца обломаны или обрублены, с другого — обгоревшие, нередко в виде черной шапочки или язычка. С таким заостренным концом некоторые огарыши поразительно похожи на сохранившуюся в дестких играх деревянную пластинчатую шумелку, вуялку, жужжалку, вращаемую на нитке во-

¹ Выражаю признательность А.И. Зайцеву за его участие в работе по поиску предметов из черных и цветных металлов.

круг себя (Поветкин, 2003. С. 113, 114. Табл. 1, 7, 8) – это, кстати, еще одно сближение предметов лучинного освещения со звукоизвлекающими объектами. Встречаются огарыши и с двумя горелыми концами (найдено 17); значит, извлеченные из корыта с водой, подсушенные, они заряжались в светец вторично (рисунок, 7). Д.К. Зеленин отмечает, что у белорусов не жгут лучину с двух концов: с помощью ее огарков черт может легко навредить человеку (1991. С. 312). В Новгороде такого поверья, похоже, не было. По облику огарыша, характеру обгорелой его макушки иногда можно определить, в каком пружинном зажиме светца он закреплялся – вертикальном или горизонтальном.

Корыто с водой, с опавшими от сгоревших лучин древесными углями и сброшенными в него лучинными огарками время от времени выплескивалось вблизи от жилища или мастерской, находившейся здесь в древности. В пользу мастерской говорят некоторые из находок, например изделия и отходы токарного производства, а также многочисленные отходы кожевенного производства, заготовки древесного угля, остатки производства вещей из медных и латунных пластин. Постепенно поблизости образовался слой, насыщенный отходами лучинного освещения.

Было ли общим правилом выплескивать светцовое или лучинное корыто за порог или же этот факт характерен только для раскопанного участка – предстоит выяснить. Понятно, в каких-то случаях мокрые огарыши выбрасывались в горящую печь, в каких-то – за порог. Стоит сразу же заметить, что в отвалах ям № 1 и 4, а главное, в земляном выбросе из ямы № 2, расположенной всего лишь в пяти метрах от ямы № 3, не обнаружено ни одного огарыша. Значит, скопления остатков лучин – не повсеместны, они всегда будут сопутствовать жилому строению и указывать на него.

Вообще относительно искусственного освещения в древнем Новгороде возникает множество вопросов. Один из них, например, касается периодов в году, когда пользовались освещением. По старому поверью, как отмечал Д.К. Зеленин, “после Благовещенья грех зажигать огонь”, т.е. с Благовещенья (25 марта ст. ст.) и до Ильина дня (20 июля ст. ст.), местами и до Успенья (15 августа ст. ст.), избы не освещались. Работа при искусственном освещении начиналась 1, 8 или 14 сентября (Зеленин, 1991. С. 312; Бломквист, 1956. С. 270). В городе с плотной деревянной застройкой в целях пожарной безопасности с определенного ночного часа мог действовать запрет на освещение. Отдельного разговора заслуживают другие типы местных осветительных приборов – восковые, сальные свечи, масляные светильники и прочие. Было бы важно определить различия

между храмовым и бытовым освещением. Мы же соприкоснулись с самым простым и доступным. Но и здесь не все ясно.

Какое дерево шло на лучину, пригодную для освещения? Д.К. Зеленин говорит о русских: “Они пользуются лучиной почти исключительно в виде длинных и тонких березовых и осиновых щепок, а смолистое сосновое дерево жгут лишь при ловле рыбы острогой” (1991. С. 101, 311). “На изготовление лучины, – сообщает Е.Э. Бломквист, – шли сосна, береза, осина, дуб, клен, ясень” (1956. С. 271). К сожалению, авторы не делают ссылок на конкретные документы. В обоих примерах почему-то важное место отведено березе и осине. Причиной тому мог стать среднерусский лирический песенный сюжет, в котором лучина – *березовая*, иногда *осиновая*, не жарко горящая, выступает как предвестие судьбы к образу сердечно томящейся красной девицы (Собрание народных песен Киреевского, 1986. С. 209, 210. № 273, 274):

Лучина, лучинушка <i>березовая</i> ,	А что-ж ты, лучинушка,
<i>Березовая</i> поерзывала,	<i>Не жарко горюшь?</i>
<i>Осиновая</i> поскрипывала;	<i>Не светло светить?</i>

Кроме того, как отмечал А.В. Терещенко, во время святочных гаданий “берут *березовую* лучину, обмакивают в воде и зажигают. Горящая с искрами лучина означает болезнь; потухающая при горении – близкую смерть; горящая ясно – долгую жизнь” (Терещенко, 2007. С. 677). В Новгородских материалах и письменных документах находим и другие сведения о лучине.

Из общего числа найденных огарков были выбраны для микроскопического анализа семь различных по внешнему облику образцов; предполагалось таким образом выявить разные породы древесины. Однако определение, проведенное Л.В. Кокуца в Лаборатории консервации мокрой археологической древесины при НГОМЗ, показало, что все они изготовлены исключительно из сосны. Кажется, единственным способом производства лучин в древности было расслоение соснового полена по годовым кольцам.

По существу то же встречаем в традиционном местном народном быту – и выбор смолистой не сучковатой породы дерева, и способ производства лучины. В рассказах селян нужно отличать лучину для освещения, как правило, сосновую, от лучины, щепы, дранки, стружки осинового, березовой или опять же сосновой, еще какой-либо, идущей на растопку печи, на кровлю избы, на различные щепные, лучинные изделия.

Документ XVIII в. гласит: “*Жжением сосновых лучин*, которые крестьяне весьма часто вместо свечей употребляют, воздух... еще скорее повреждается, нежели от наихужшей ворвани” (Словарь русского языка XVIII в., 2000. С. 249). Б.В. Шергин в одной из своих поморских былей “Старые старухи” живо и весьма достоверно со-

общает о лучине, напоминая о ее характерной для Севера России древесной породе: “То ли дело *соснова* лучинушка! Сядешь около – светло и рукам тепло. И хитрости никакой нету. Нащепал хоть воз – и живи без заботы” (Шергин, 1989. С. 169).

В Архангельском крае, отмечает В.И. Даль, *лучевое полено*, лучинное, приготовленное для лучины, парят в печи, и оно легко дерется на пластинки. У псковичей и тверичан *лучинник*, а у вятчан и вологжан *лучевник* – это косарь; тупик, большой нож или отломок косы, для щепанья лучины (Словарь русского языка XVIII в., 2000. С. 248; Даль, 1955. С. 275).

В восточных краях нынешней Новгородской обл., со слов местных жителей, лучину заготавливают, вымачивая *сосновое* дерево в болоте, пруду, озере, где оно со временем расслаивалось. Такое топкое место, яма для полоскания белья, замачивания льна, конопли, соломы могло именоваться – *мочавина*, *мочилище*. Для заготовки лучины, или *щепы*, *драни*, использовались и специальные ножи – *щепалка*, *дралка*. “Драли лучину из *сосняка* – *дранье*”. “*Лучиново полено, от него откалывают лучину*”. *Гонот* – в одних деревнях это “*полено, которое цепляют на лучину*. *Гонот* – то, с чего лучину *строгают*, а в *светец торнут*, так и *держится*”. В других деревнях, заметим: “*Гонот* – это полено, из которого лучину *щепают на растопку*. *Гонот* обычно берут *березовый, реже осиновый*”. “*Гоноток* – тонкие метровые рейки. *Гоноток* делали из *сосны, соснового дерева*. Они *узенькие, длиной по метру*, как на *щекотурку* идут. А у меня маленький *гоноток*, я *цеплю от него в самовар*, Это *гоноточек*”. *Огоноток* – это часть полена, из него “делали лучину, которой освещалась изба”. *Огоношки* – мелкая лучина (возможно, то же, что и *огарышки*. – В.П.). *Лучининка* – тонкая щепочка сухого дерева. *Гаркий* – значит такой, который хорошо горит. “*Осиновы-то дрова худые, не гаркие*”. *Лучинником* здесь, в новгородских селах, называют *сосновый и еловый лес, идущий на изготовление лучины*. *Лучинником* был поименован в деревне Боровно Окуловского района и небольшой кованый светец – подарок Центру музыкальных древностей от известного художника Д.С. Кондратьева. В районе Малой Вишеры говорили: “*Светец деревянной, на четырех ножках, только щемялочки железные, в их лучину совали, жгли лучину, чтоб светло было*”. *Щемялочки железные* – это то, что мы называем пружинными зажимами светца. *Светило* – светец: “*Светило было, применялось для освещения избы на поседках*”. *Лучение* – способ ловли рыбы ночью при лучинном свете. Обо всем этом узнаем из Новгородского областного словаря (Новгородский областной словарь, 1992. С. 8, 34, 101, 102; 1994. С. 53, 54, 128; 1995. С. 21, 115).

Лучина в праздничной народной жизни – большой символ. Ею в новгородской колядке предлагается одаривать колядовщиков (Традиционный фольклор Новгородской области, 1979. С. 133):

Не то хлеба ломтину,	Не то с полки пирога,
Не то денег полтину,	Не то <i>лучины гоноток</i> .

Встречаем лучину, по сообщению И.П. Сахарова, и в такой бытовавшей в средней России детской игре, как “Захарка”: “Дети зажигают концы лучинок, махают ими по воздуху, приговаривая (Сахаров, 1989. С. 162):

Гори, гори жарко!	Жена на кобылке,
Приехал Захарка,	Детки на санках,
Сам на тележке,	В черных шапках.

В данном варианте прибаутки, очень вероятно, подразумевается образ светца с составляющими его деревянными и металлическими частями и лучинными огарышками – детками в черных шапках.

Независимо от того, где крепилась лучина – в стене или в светце, под нею ставился сосуд – иногда с песком, а обычно с водой – корыто, ушат, лоханка – для опадающих углей и сбрасываемых лучинных огарышей. “Вода в бочке под горящей лучиной, – вспоминает свое архангельское детство А.Е. Мусин, – была зеркалом, дополнительным источником света, причем таинственно красивым”.

В замечательной книге В.И. Белова “Лад”, посвященной северному русскому быту, говорится о подростке, постигавшем ремесло плотника: “Сделать топорище – значит сдать первый экзамен. Дед, или отец, или старший брат подавал мальчишке свой топор и сухую *березовую плашку из лучинных запасов*”. Обращаем внимание на последние слова. Не ясно, о каких березовых лучинных запасах идет речь: то ли для освещения, то ли, что более вероятно, для растопки печи. В книге встречаем важные сведения и о непосредственно горящей лучине, правда, без указания породы дерева: “Обращение с горящей лучиной у опытной хозяйки было просто виртуозным. Держа *горящую лучину в зубах*, она ухитрялась нести два полных ведра через сарай и поветь, по лестнице и в хлевы. *Лучина, воткнутая в стенную щель*, горела, пока она поила скотину. Кстати, в темные осенние ночи, а также в жесткий ночной мороз из деревни в деревню ходили с *горящим пучком лучины*. Он горел сильно, ровно и долго освещая путь, защищая и от холода и от зверя”. И далее встречаем то, что совпадает с нашим ранее высказанным примечанием о неслучайном сходстве обгоревшей лучины-дранки с пластинчатой жужжалкой: “Обычная *лучина* служила зимним вечером для многих фокусов. Чтобы сделать “*жужжалку*” достаточно было иметь кусок *дранки* и плотную холщовую нить” (Белов, 1989. С. 43, 206, 264. Фото на с. 219, 273).

О светцах, большом и малом, впервые письменно сообщается в Книге расходной Николаевского Корельского монастыря 1551 г.: “На Коломогорах ковал три скобы большие дверные да коло, да скамейку, да *светец болюи въ трапезу*, да *светчик маленькой*” (Словарь русского языка XI–XVII вв., 1996. С. 138). В Сибири в XVII веке *светильня* – подставка для лучины: “*Пуд светилен*”. Там же в Сибири в XVIII в. *лучица* – лучина (Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–первой половины XVIII в., 1991. С. 72, 138). Ранее того о лучине, применявшейся для разных нужд в домашнем быту и которой выплачивался натуральный оброк, говорится в писцовых книгах Новгородской земли конца XV и отчасти первой половины XVI в. Очень характерны соотношения: “8 возовъ дровъ, возъ лучины”, “16 возовъ дровъ, 2 воза лучины” и т.д. (Новгородские писцовые книги..., 1862. С. 360–363; 1905. С. 421). В тех же книгах идет речь о ловле рыбы с лучиной: “...да пять рыбъ, какие *ся лучятъ*” (Новгородские писцовые книги..., 1859. С. 651). О лучине, лучинном свете, причем в церковном или монастырском быту, сообщают документы XVII в.: “Ладану да свечъ не будем жечь, пиво да вино и с *лучиною* пьем” (Словарь русского языка XI–XVII вв., 1981. С. 310, 311).

В середине XIX в. А.В. Терещенко в своем семиротнике “Быт русского народа” писал: “Простые или бедные люди жгли *лучины сосновые*, которые поныне в употреблении. Иностранцы, бывавшие у нас по делам посольским в XVI и XVII вв., говорят единогласно, что путь их в ночное время *освещали лучинами*, которые горели так светло, как бы самое солнце светило среди дня” (Терещенко, 1997. С. 93). Тогда же и И.М. Снегирев к слову “*Лучинка* с верою, чем не свечка?” сделал пояснение: “*Лучины*, вместо свечъ, употреблялись за всеношными въ Троицко-Сергиевом м(онастыре) въ XV веке” (1995. С. 208). Данное свидетельство, быть может, следует принять как самое раннее упоминание о способе освещения лучиной. Кроме того, здесь же, как и из других документов, узнаем, что лучина горела не только в избах, но и в монастырях, причем иногда и во время обрядовых церемоний. Видимо не случаен факт обнаружения в 2007 г. двух светцов на Дворищенском XVIII и XIX раскопах прямо вблизи стен Никольского собора.

Ныне, когда археологические образцы лучин и лучинных огарышей стали узнаваемыми среди прочих деревянных находок, возникла мысль поискать их на большой территории Троицкого XIII и XIV раскопов, где вскрыты напластования XI в. и где сохраняются отвалы из отложений XII в. Результаты такого поиска поразительны: ни малейших признаков лучин. Выходит, что в XI–XII и первой половине XIII в. в Новгороде лучиной для освещения жилищ еще не пользовались. Вероят-

но, в практике были другие осветительные приборы – восковые и сальные свечи, масляные светильники.

Видимо, не случаен факт обнаружения в разных концах Новгорода нескольких десятков кованых светцов именно в слоях XIV и последующих веков, кроме единственного экземпляра второй половины XIII в. Наиболее вероятной датировкой лучинных огарышей, найденных близ Центра музыкальных древностей, также следует признать XIV–XV вв. Всему этому есть еще и дополнительные подтверждения.

26 июля 2007 г. возле северной стены кирпичного здания, возводимого на месте бывшего деревянного Дома В.С. Передольского, в земляном отвале, поднятом из ямы примерно четырехметровой глубины, было найдено несколько изготовленных опять-таки из сосны лучинных огарышей (переданы вместе с другими находками в Центр по организации археологических исследований при НГОМЗ). Их также, по-видимому, надо датировать XIV–XV вв.

Надежно к XIV в. относятся отложения на Пятницком раскопе в Старой Руссе, в которых 12 августа 2007 г. были обнаружены в большом количестве образцы лучинных огарышей (переданы в фонд материалов Старорусской археологической экспедиции НовГУ и НГОМЗ). От показательных новгородских находок их не отличить: также обгоревшие – с одного или двух концов, тот же способ щепания – по годовым кольцам, те же формы и размеры, наконец, как показал лабораторный анализ, та же порода древесины – сосна. Это уже, третье, место обнаружения лучинных огарышей, возможно, подтверждает предположение: огарыши, погашенные в корыте, размокшие, проще было вместе с водой выплеснуть за порог, нежели заниматься их сушкой. Вероятнее всего, так поступали многие. Очень подходящий случай, чтобы на указанном раскопе по мере углубления в культурные отложения проследить, в каком хронологическом ярусе находки огарышей прекратятся. Станет ясно, с какого времени жители данной местности, усадьбы или отдельного строения пользовались лучинным освещением.

Из последних находок отметим: 24 марта 2008 г. в Великом Новгороде на Десятинном I раскопе (руководитель О.М. Олейников) на участке с остатками тесной бревенчатой застройки в слое, предварительно датированном XIV в., были найдены характерные сосновые расслоенные по годовым кольцам щепочки, небольшие обломки. Будучи целыми, удлинненными, они могли бы использоваться как лучины. Замечено, что такие нередко сопутствуют находкам огарышей. И действительно вскоре удалось выявить четыре огарыша. Далее в том же месте было обнаружено еще 32 огарыша, среди них два, обгоревшие с обо-

их концов. Основное место их залегания площадка внутри небольшого сруба (Десят.-I, уч. 1, пл. 130/140, яр. 4, кв. Д-2). Находки эти (число их в ходе раскопок приумножилось) по всем признакам совпадают с описанными выше новгородскими и старорусскими образцами лучинных огарышей. В ходе работ на Десятинном-I раскопе впервые в новгородской практике удалось определить хронологическую границу появления огарышей – свидетельств лучинного освещения – это рубеж XIII–XIV вв.

И последний по-своему показательный факт 26 марта 2008 г. при археологическом досмотре ямы, выкопанной на глубину 2.5 м. с восточной стороны дома №13/10 по Михайловой улице, в земляном унавоженном отвале были найдены два обломка сосновых лучинных заготовок и один очень хорошей сохранности огарыш. В чем значение этой маленькой одинокой находки? Она уверенно сообщает, что в данном месте в XV или XVI в. располагалось жилое строение. Ни один из многочисленных “домашних” предметов, археологически открываемых в Новгороде, столь убеждающим качеством не обладает. Лучинный огарыш вдруг становится серьезным инструментом к “чтению” культурных отложений.

Теперь с уверенностью можно сказать, что свод древностей Великого Новгорода пополнился хозяйственными “сигнальными” приспособлениями, которые обнаруживают себя на *пограничье* с различными сторонами древнего быта. Одно из таких редко встречаемых сигнальных приспособлений – это оформленный звенящими подвесками-колечками железный *кованый светец*. Попытка полнее представить его позволила увидеть и его прямое предназначение как осветительного прибора.

Впервые в российской практике археологических исследований в 2007 г., сначала в Новгороде, причем в двух местах, затем в Старой Руссе, а затем – в 2008 г. опять дважды в различных местах Новгорода выявлены остатки деревянных лучин, использовавшихся для освещения древних жилищ – *огарки* или *огарыши*.

Археологические и этнографические материалы говорят об одном: характерной на Новгородской земле древесной породой, пригодной для лучинного освещения, оставалась именно *сосна*. В исключительных случаях, понятно, в ход шло любое подручное дерево. В отдельных более южных краях помимо сосны, возможно, использовались еще береза и осина. Последний вывод делается прежде всего на основе песенного сюжета. Это существенная поправка к тем энциклопедическим сообщениям, в которых лучину из сосны, березы, осины, дуба, клена, ясеня, применявшуюся для самых разных хозяйственных нужд, причем без разделения на географические пояса, без уче-

та местных традиций, обобщая – всю относили к осветительным приборам.

Важно и другое: как показывают археологические образцы, сосновая лучина всегда, за редчайшим исключением, заготавливалась способом *расслоения дерева по годовым кольцам*. Видимо, такое расположение слоев в лучине способствовало ее равномерному горению. Кроме того, это системный признак, по которому в раскапываемом культурном слое можно распознавать образцы лучин, их заготовки и огарыши, отличать их от пожарных крупных и мелких головешек.

Областной Новгородский словарь наряду с другими источниками поведал о многих деталях, названиях и способах применения лучинного освещения *именно в местном новгородском быту*, что важно для понимания соответствующих археологических находок.

Большое скопление огарышей в одном месте, в частности, в отвале ямы № 3, соответствует письменным сведениям о том, что в конце XV в. *лучина для освещения заготавливалась возами*.

Находки железных светцов XI–XIII в. на Белом оз. и на селище Минино I близ Кубенского оз., так и в Суздале, возможно, говорят о *более ранней, нежели в Новгороде*, традиции лучинного освещения. Или же для суздальских и белозерских светцов XI и XII вв. *датировка нуждается в уточнении*.

Применительно же к Новгороду определились ранние письменные документы с упоминанием о лучинном освещении и о кованых из железа светцах. Такие документы появились *не ранее XV, а в основном в XVI–XVII вв.*, т.е. явно позднее материальных археологических свидетельств – сосновых лучинных огарышей *XIV в.*, а также железных светцов, ранний из которых был датирован второй половиной XIII в.

Лучинным освещением пользовались не только в жилищах простых горожан, но и в *монастырях, храмах*.

Пока что складывается впечатление *единовременного залегания в культурном слое светцов и лучин*, что может говорить об их взаимосвязи, т.е. светцы, похоже, появились сразу или вскоре после начала активного использования лучин для освещения.

Удивляет следующее: самый, казалось бы, *доступный способ освещения – лучинный – археологически в Новгороде не отмечается в слоях XI–XII вв., но хорошо прослеживается в отложениях более поздних, с конца XIII – начала XIV в.* Возникает множество вопросов. Возможно, на данном этапе изучения наше впечатление обманчиво. Быть может, что-то упущено. Но с появлением такого *ключа к ответам, как лучинные огарыши*, уже в ближайшем будущем следует ожи-

дать убедительных открытий, дополнений к имеющемуся материалу.

Непритязательные с виду остатки древних лучин спустя некоторое время в Старой Руссе, Великом Новгороде, Пскове или еще где-либо своим присутствием или, напротив, отсутствием смогут дополнять рассказ о конкретном раскапываемом участке. Постепенно, когда на срезе культурных отложений неоднократно определится граница появления лучин в древнем быту, – сейчас в новгороде это рубеж XIII–XIV вв. – *они могут стать датирующими предметами*, как шиферные пряслица, стеклянные наручи, различные типы бубенцов или, скажем, те же кованые железные светцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаменко О.Н., Зайцева И.Е., Захаров С.Д. и др. Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2008.
- Белов В.И. Лад. М., 1989.
- Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. (Тр. ИЭ АН СССР; Т. XXXI).
- Бранденбург Н.Е. О раскопках в Староладожском городище (Рюриковой крепости) 1884–1885 гг. // ЗОРСА ИРАО. 1887. Т. IV.
- Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2, 4. М., 1955.
- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.
- Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Лобанов Н.А. Освещение в древнем городе // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. 2000. Т. 3.
- Новгородские писцовые книги, изд. Археографическою комиссиею. Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г., первая половина. Т. I. СПб., 1859.
- Новгородские писцовые книги, изд. Археографическою комиссиею. Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г., вторая половина. Т. II. СПб., 1862.
- Новгородские писцовые книги, изд. Археографическою комиссиею. Книги Шелонской пятины. Т. V. СПб., 1905.
- Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 2. Новгород, 1992.
- Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 5, 6. Новгород, 1994.
- Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 10, 12. Новгород, 1995.
- Поветкин В.И. Музыкальное прошлое Великого Новгорода и его окружи (открытия 2002 г.) // ННЗ. Вып. 17. Великий Новгород, 2003.
- Поветкин В.И. Бубенцы и колокольчики среди прочих шумящих и ударных приспособлений в обиходе древних новгородцев // Новгородский исторический сборник. Вып. 11 (21). СПб., 2008.
- Розенфельдт Р.Л. Осветительные приборы // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. (Археология).
- Сахаров И.П. Сказания русского народа. М., 1989.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. М., 1996.
- Словарь русского языка XVIII в. Вып. 11. СПб., 2000.
- Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.
- Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1995.
- Собрание народных песен П.В. Киреевского. Тула, 1986.
- Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. 1. М., 1997.
- Терещенко А.В. История культуры русского народа. М., 2007.
- Традиционный фольклор Новгородской области / Изд. подг. В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов. М.А. Лобанов, В.В. Митрофанова. Л., 1979.
- Шергин Б.В. Древние памяти. Поморские были и сказания. М., 1989.

The use of splinters for lighting in ancient Novgorod

V. I. Povetkin

Summary

The article presents an analysis of the wood splinters (luchiny) used for lighting that were discovered by the author in Novgorod. The analysis also uses ethnographic data and folklore. The dating of the luchiny can be correlated with the time period when iron splint-holders were in use.

К РАДИОКАРБОНОВОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН

© 2009 г. А. А. Выборнов,* Н. Н. Ковалюх,** В. В. Скрипкин**

* Самарский государственный педагогический университет

** Институт геохимии окружающей среды НАН Украины, Киев

Восточная часть Среднего Поволжья привлекает внимание неолитоведов не только в связи с разработкой проблем елшанской культуры (Выборнов, 2005. С. 152–158) (рисунок). Не менее значимы вопросы соотношения памятников развитого неолита с культурами Нижнего Поволжья и Среднего Подонья (Выборнов, 2006. С. 277–286). Для их конкретизации исследователям необходимы новые данные по абсолютной хронологии. Благодаря усилиям коллектива специалистов (Выборнов и др., 2008), в Киевской радиоуглеродной лаборатории было получено 60 дат по единой методике.

Для елшанской культуры по костям с Ивановской стоянки была получена дата еще в 90-е годы XX в. – 8020 ± 90 (Ле-2343) (Тимофеев, Зайцева, 1997. С. 100). Елшанская керамика с данного памятника изготовлена из илистой глины и подразделяется на две разновидности: без примеси шамота и с примесью шамота (Васильева, 2007. С. 27–29). Первая получила дату – 7930 ± 90 л.н. (Ki-14568), а по второй – 7780 ± 90 и 7680 ± 90 л.н. (Ki-14567). И если первая хорошо согласуется с датой по костям, то две другие тождественны датам стоянки Усть-Ташёлка, в керамике которой И.Н. Васильева также обнаружила примесь шамота. По керамике II Старо-Елшанской стоянки (Васильев, Пенин, 1977. С. 7. Рис. 4), территориально близкой Ивановской, имеются два определения: 6820 ± 80 л.н. (Ki-14413) и 6760 ± 80 (Ki-14569), очень близкие озименковским. Таким образом, полученные значения позволяют предполагать существование стоянок елшанской культуры в восточной части Среднего Поволжья от начала VI тыс. до начала V тыс. до н.э.

Материалы луговского типа представлены в Заволжье комплексами со стоянок Красной городок (Кузьмина, Ластовский, 1994. С. 31. Рис. 4, 1, 2): 6730 ± 100 л.н. (Ki-14078) и 6550 ± 130 (Ki-14117); Ильинка (Мамонов, 1988. С. 101. Рис. 8): 6740 ± 70 (Ki-14111) и 6680 ± 70 (Ki-14145); Красный Яр VII: 6540 ± 80 (Ki-14580), даты которые совпадают с комплексом Луговое III на правом берегу Волги: 6700 ± 100 (Ki-14584). Типологически близкие комплексы карамышевской группы Верхнего Подонья имеют и сходную дату – 6570 ± 100 (Смо-

льянинов, 2006. С. 290). В Среднем Поочье обнаружена типологически близкая керамика на стоянке Городок I (Выборнов и др., 2004. С. 175. Рис. 7, 1, 6, 8), что подтверждается и полученными датами: 6870 ± 100 (Ki-14114) и 6760 ± 90 (Ki-14075). Примечательно, что в такой же хронологический интервал попадают наиболее архаичные комплексы в Верхнем Поволжье: от 6870 ± 100 л.н. до 6500 ± 100 л.н. (Костылева, Зарецкая, 2004. С. 52–54; Зарецкая, Костылева, 2008. С. 5–13). По мнению Ю.Б. Цетлина, собственно верхневолжская культура берет начало от 6690 ± 110 и 6670 ± 140 л.н. (2007. С. 201). В этой связи представляется весьма перспективной дальнейшая разработка версии о восточном импульсе при формировании культур Волго-Окского междуречья (Выборнов, 2000а. С. 16; Мамонов, 2000. С. 52; Костылева, 2003. С. 213–218; Никитин, 2006. С. 97–101; Цетлин, 2007. С. 197–207).

Здесь необходимо обратить внимание на то, что керамика луговского типа продолжает бытовать (по крайней мере, в восточной части Среднего Поволжья) и в более позднее время. Об этом свидетельствовало ее обнаружение в одном комплексе с посудой других типов. На первый взгляд, можно было предполагать их одновременность. Но сумма различных показателей говорила об обратном. Теперь появились и радиоуглеродные подтверждения: по Максимовской стоянке (Выборнов, Пенин, 1979. С. 7. Рис. 2, 3; 4): 6470 ± 80 л.н. (Ki-14412) и 6420 ± 80 л.н. (Ki-14411), по Красному Яру VII – 6280 ± 90 л.н. (Ki-14586). Другие аргументы будут изложены ниже.

Накольчатая традиция в восточном Заволжье появляется достаточно рано. По керамике с Ивановской стоянки (Моргунова, 1995. С. 108, 109. Рис. 6, 7) получены даты: 7060 ± 100 л.н. (Ki-14118), 6980 ± 80 л.н. (Ki-14079), 6930 ± 90 (Ki-14119) и 6840 ± 90 л.н. (Ki-14080). Столь древние показатели не должны вызывать отрицательные реакции по ряду причин. Исследователи отмечали значительную роль степного населения в появлении накольчатой традиции в лесостепном Поволжье и Приуралье (Васильев, Выборнов, 1988; Моргунова, 1997. С. 11). А.И. Юдин даже утверждал прямую миграцию носителей орловской культуры в

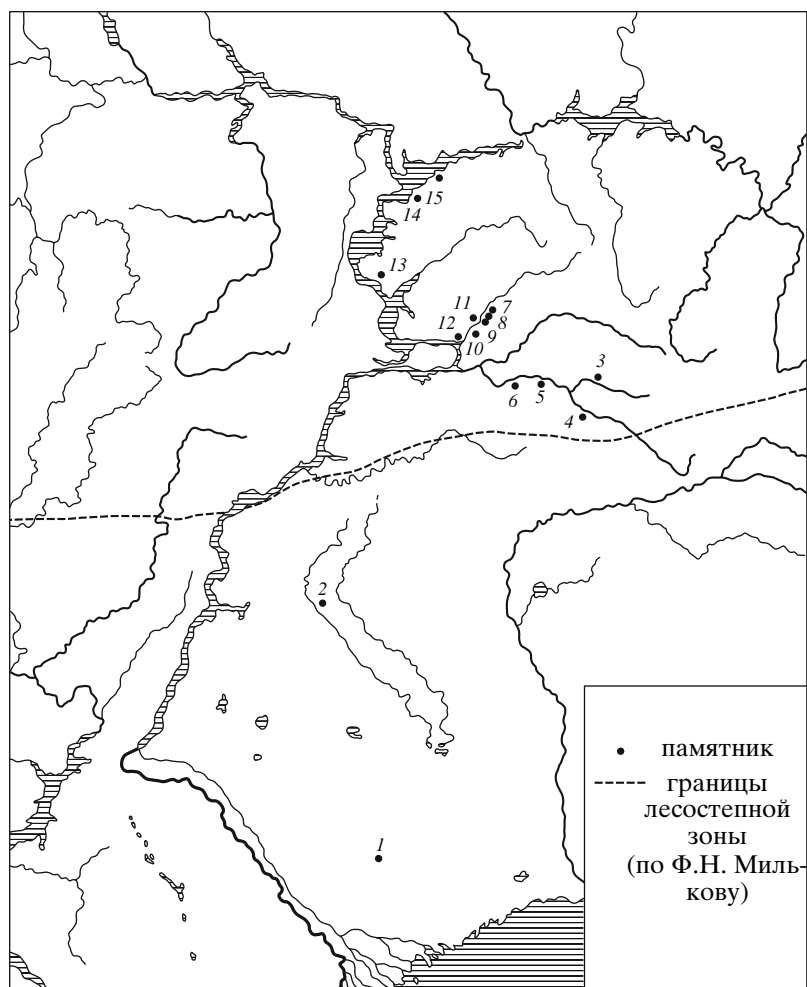

Рисунок. 1 – Тентексор I; 2 – Варфоломеевская; 3 – Ивановская; 4 – Старо-Елшанская; 5 – Виловатовская; 6 – Максимовская; 7 – Ильинская; 8 – Лебяжинская IV; 9 – II Большераковская; 10 – Лебяжинская I; 11 – Красный городок; 12 – Красный Яр VII; 13 – Лесное Никольское; 14 – IV Тетюшская; 15 – II Шербетская.

южные районы Волго-Уральской лесостепи (2001. С. 62, 63). Здесь нет противоречия. На Ивановской стоянке керамика с накольчатый орнаментом представлена двумя вариациями. Первая группа не содержит ряда ямок под венчиком, а орнаментальные композиции геометризуются. Вторая часть имеет ямочно-жемчужный пояс под срезом, а узоры более упрощенные. Таким образом, первая аналогична орловской, а вторая является собой местную модификацию, сложившуюся на основе елшанской культуры и пришлого населения (Выборнов, 2007. С. 98–102). Типологические разработки были дополнены технологическим анализом накольчатой керамики Ивановской стоянки, проведенным И.Н. Васильевой. Исследователь приходит к выводу, что группа керамики с геометрическими узорами фиксирует равное распространение традиций илов и илистых глин – так проявляется процесс смешения разных групп населения. Илы характерны имен-

но для степных культур типа орловской, а илистые глины – для лесостепной елшанской культуры. Вторая группа отражает их дальнейшее развитие, когда господствуют илы, но сохраняется и местная традиция (Васильева, 2007. С. 30–32, 35–37). Иначе говоря, типологические варианты совпали с технологическими. Теперь появилась возможность проверить ситуацию на хронологическом уровне. По керамике третьего слоя Варфоломеевской стоянки получены даты для накольчатой керамики: 7080 ± 80 л.н. (Ki-14110) и 7120 ± 90 л.н. (Ki-14144), что почти совпадает с определениями ивановской керамики. С другой стороны, эти значения хорошо согласуются с вышеприведенной датой Старо-Елшанской стоянки – 6820 ± 80 л.н. Таким образом, типолого-технологические выводы полностью совпали и с хронологическими определениями. Это позволяет более достоверно и обоснованно представить про-

цесс возникновения накольчатой традиции в восточной части Среднего Поволжья.

Дальнейшее ее развитие хорошо прослеживается как в южной, так и в северной частях лесостепного Поволжья. По накольчатой керамике стоянок: Лесное-Никольское (Вискалин, 1997. С. 37. Рис. 9) в Ульяновской обл. получена дата 6570 ± 170 л.н. (Ki-12169); Виловатовская на р. Самара (Васильев и др., 1980. С. 163, 164. Рис. 6, 7) – 6320 ± 90 л.н. (Ki-14090), 6020 ± 90 л.н. (Ki-14125), 5910 ± 80 л.н. (Ki-14124); II Щербетская на Волге (Халиков, 1969. С. 55. Рис. 13) – 6620 ± 90 (Ki-14134), 6270 ± 90 л.н. (Ki-14531), 6530 ± 90 (Ki-14098), 6090 ± 90 л.н. (Ki-14530); IV Тетюшская в устье Камы – 6170 ± 90 л.н. (Ki-14452) (Габяшев, 2003. С. 165. Рис. 22). На первый взгляд, образуется хронологический разрыв между комплексом с накольчатой керамикой Ивановской стоянки и перечисленными выше. Однако необходимо сделать одно пояснение. На Ильинской стоянке помимо неорнаментированной керамики, имеющей дату 6740 ± 70 л.н., представлена посуда с наколами (Мамонов, 1988. С. 100–102. Рис. 7–9), которая типологически и технологически (по И.Н. Васильевой) не отличается от первой группы. На этом основании вполне допустимо предположение об их хронологическом сосуществовании. Здесь же необходимо напомнить о том, что исследователи отмечали неоднократное воздействие южных степных культурных образований на население лесостепи (Васильев, Выборнов, 1988; Выборнов, 2002. С. 56, 57). Об этом свидетельствует и тот факт, что керамика с треугольными наколами на Виловатовской стоянке, судя по определениям И.Н. Васильевой, изготовлена большей частью из илов, что наиболее характерно для второй группы накольчатой керамики Ивановской стоянки, развивающей традиции орловской неолитической культуры Нижнего Поволжья. Разновременные импульсы с юга подтверждаются и наличием на Виловатовской стоянке керамики с овальными наколами как по технологии, так и по типологии аналогичной южной тентексорского типа (Выборнов, 2000а. С. 206, 207. Рис. 21; 22, 1–5). По керамике стоянки Тентек-сор I получена дата 6640 ± 80 л.н. (Ki-14101). Важно подчеркнуть, что по фрагментам данной стоянки в лаборатории г. Уппсала (Швеция) профессор Г. Посснерт получил дату 6690 ± 40 л.н., совпадающую с определением, полученным в Киевской лаборатории.

Здесь необходимо отметить наличие на данных памятниках кроме посуды, украшенной наколами, значительного числа неорнаментированных фрагментов. Причем речь идет не только о стенках от верхних частей сосудов. Встречаются горшки, на которых единственным узором является горизонтальный ряд ямочно-жемчужных вдавлений под срезом венчика. Технологически

они идентичны фрагментам с наколами и выделять их в более архаичную группу безосновательно. Напрашивается иной вариант. Данная традиция, появившись в первой половине V тыс. до н.э., продолжает свое развитие вплоть до его финала, поэтому полученные датировки по таким стоянкам, как Максимовская и Красный Яр VII, вполне приемлемы. Аналогичная ситуация прослеживается и для двух других типов нанесения орнамента: прочерченного и с ногтевидными насечками. Они хорошо представлены в одном комплексе с накольчатой традицией. Но их появление теперь можно связывать с более ранним временем. Объясняется это находками подобной керамики вместе с сосудами луговского типа на стоянке Ильинка, кроме того они тождественны по технологии изготовления. К тому же даты: 6770 ± 90 л.н. (Ki-14464) для прочерченной (Мамонов, 2002. С. 161. Рис. 3, 6) и 6670 ± 90 л.н. (Ki-14113) для насечек (Мамонов, 1988. С. 103. Рис. 10, 9, 12; 2002. С. 162. Рис. 4, 9, 10) совпадают с определениями по неорнаментированной посуде – 6740 ± 70 л.н. Здесь следует обратить внимание, что сосуществование неорнаментированной посуды с ямочным пояском под венчиком и сосудов, украшенных прочерками, а порой и зубчатым штампом, не является чем-то из ряда вон выходящим. То же можно видеть в днепро-донецкой культуре (Телегин, 1996. С. 54. Рис. 13, 3, 4). Примечательно, что и на данной территории памятники подобного типа датируются схожим хронологическим диапазоном. Необходимо подчеркнуть, что на Ильинской стоянке представлена и керамика с орнаментом, выполненным коротким зубчатым штампом (Мамонов, 1988. С. 103. Рис. 10, 3, 6, 11, 13; 2002. С. 162. Рис. 4, 1, 8). Причем по технико-типологическим параметрам она сходна с сосудами неорнаментированными, накольчатыми и с насечками. Поэтому не следует исключать их одновременность, тем более что на внутренней поверхности одного сосуда неорнаментированного типа представлены отпечатки короткозубого штампа (Мамонов, 1988. С. 101. Рис. 8, 9).

Что же касается определений возраста памятников с накольчатой керамикой Заволжья, то они в определенной мере совпадают со значениями для поселений с аналогичной посудой в западной части Среднего Поволжья.

В свое время исследователи по материалам Виловатовской стоянки выделили группу керамики, орнаментированную коротким изогнутым зубчатым штампом (Васильев и др., 1980. С. 162–170. Рис. 8–10). Она отличалась от классической гребенчатой посуды камской культуры. Наличие этой группы керамики и на ряде других пунктов позволило специалистам рассматривать ее в качестве составной части средневожской культуры (Васильев, Выборнов, 1988. С. 27–30; Выборнов, 2000а. С. 177–183. Рис. 208, 209). По наличию

Радиоуглеродные даты неолитических памятников Среднего Поволжья

Памятник	Лабораторный индекс и номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	Материал – керамика
Ивановская	Ki-14568	7930 ± 90	1σ 7040(30.3%)6870 BC 6860(37.9%)6680 BC 2σ 7080(95.4%)6590 BC	Елшанская
Ивановская	Ki-14631	7780 ± 90	1σ 6690(68.2%)6470 BC 2σ 7050(95.4%)6400 BC	»
Ивановская	Ki-14567	7680 ± 90	1σ 6600(66.3%)6430 BC 2σ 6700(93.9%)6340 BC	»
Ивановская	Ki-14118	7060 ± 100	1σ 6020(68.2%)5800 BC 2σ 6090(95.0%)5720 BC	Накольчатая
Ивановская	Ki-14079	6980 ± 80	1σ 5980(8.7%)5950 BC 5920(59.5%)5770 BC 2σ 6010(95.4%)5710 BC	»
Ивановская	Ki-14119	6930 ± 90	1σ 5900(68.2%)5720 BC 2σ 5990(93.3%)5940 BC 5930(86.1%)5660 BC	»
Ивановская	Ki-14080	6840 ± 90	1σ 5800(68.2%)5630 BC 2σ 5910(91.4%)5610 BC	»
Старо-Елшанская стоянка	Ki-14413	6820 ± 80	1σ 5780(68.2%)5630 BC 2σ 5880(91.8%)5610 BC	Без орнамента
Старо-Елшанская стоянка	Ki-14569	6760 ± 80	1σ 5730(63.2%)5610 BC 5580(5.0%)5560 BC 2σ 5800(95.4%)5510 BC	»
Старо-Елшанская стоянка	Ki-14570	6480 ± 80	1σ 5520(65.2%)5360 BC 2σ 5560(91.7%)5300 BC	»
Ильинская	Ki-14111	6740 ± 70	1σ 5720(61.5%)5610 BC 5580(6.7%)5560 BC 2σ 5740(94.4%)5510 BC	»
Ильинская	Ki-14145	6680 ± 70	1σ 5670(68.2%)5520 BC 2σ 5720(95.4%)5480 BC	»
Ильинская	Ki-14619	6760 ± 90	1σ 5730(59.6%)5610 BC 5590(8.6%)5560 BC 2σ 5810(94.1%)5510 BC	Прочерченная
Ильинская	Ki-14464	6640 ± 100	1σ 5640(68.2%)5480 BC 2σ 5730(90.1%)5460 BC 5450(5.3%)5370 BC	»
Ильинская	Ki-14147	6770 ± 90	1σ 5740(60.6%)5610 BC 5590(7.6%)5560 BC 2σ 5810(93.9%)5510 BC	С насечками
Ильинская	Ki-14113	6670 ± 100	1σ 5660(62.9%)5510 BC 5500(5.3%)5480 BC 2σ 5740(93.0%)5470 BC	»
Ильинская	Ki-14146	5730 ± 80	1σ 4690(65.3%)4490 BC 2σ 4730(87.7%)4440 BC 4430(4.9%)4360 BC	Зубчатая
Ильинская	Ki-14112	5620 ± 80	1σ 4540(68.2%)4350 BC 2σ 4680(95.4%)4330 BC	»
Красный городок	Ki-14078	6730 ± 100	1σ 5730(68.2%)5530 BC 2σ 5800(95.4%)5470 BC	Без орнамента
Красный городок	Ki-14117	6550 ± 130	1σ 5620(68.2%)5370 BC 2σ 5730(95.4%)5280 BC	»
Красный яр VII	Ki-14580	6540 ± 80	1σ 5620(9.5%)5580 BC 5560(45.25%)5460 BC 5450(7.8%)5420 BC 5410(5.6%)5380 BC 2σ 5630(95.4%)5340 BC	»

Таблица. Продолжение

Памятник	Лабораторный индекс и номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	Материал – керамика
Красный яр VII	Ki-14586	6280 ± 90	1σ 5360(44.3%)5200 BC 5180(23.9%)5070 BC 2σ 5470(95.4%)4990 BC	»
Красный яр VII	Ki-14462	5780 ± 100	1σ 4730(64.3%)4500 BC 2σ 4900(95.4%)4350 BC	Накольчатая
Максимовская I	Ki-14411	6420 ± 80	1σ 5480(68.2%)5320 BC 2σ 5540(95.4%)5210 BC	Без орнамента
Максимовская I	Ki-14412	6470 ± 80	1σ 5490(65.9%)5340 BC 2σ 5560(92.7%)5200 BC	»
II Большераковская	Ki-14835	6310 ± 90	1σ 5380(54.0%)5200 BC 5170(6.1%)5140 BC 2σ 5480(95.4%)5050 BC	»
Лебяжинка IV	Ki-14469	6080 ± 90	1σ 5210(5.5%)5170 BC 5080(60.3%)4840 BC 2σ 5260(95.4%)4770 BC	»
Лебяжинка IV	Ki-14470	5980 ± 90	1σ 4960(61.0%)4770 BC 4760(7.2%)4720 BC 2σ 5250(95.4%)4600 BC	Прочерченная
Лебяжинка IV	Ki-14468	5970 ± 80	1σ 4950(60.8%)4770 BC 4760(7.4%)4720 BC 2σ 5100(95.4%)4600 BC	Без орнамента
Лебяжинка IV	Ki-14081	5930 ± 90	1σ 4940(68.2%)4690 BC 2σ 5040(94.3%)4580 BC	Накольчатая
Лебяжинка IV	Ki-14120	5880 ± 90	1σ 4850(66.4%)4610 BC 2σ 4950(95.4%)4490 BC	»
Лебяжинка IV	Ki-14083	5690 ± 80	1σ 4620(60.2%)4450 BC 2σ 4720(95.4%)4350 BC	Зубчатая
Лебяжинка IV	Ki-14122	5590 ± 80	1σ 4500(68.2%)4340 BC 2σ 4620(91.6%)4320 BC	»
Лебяжинка IV	Ki-14082	5420 ± 80	1σ 4350(51.3%)4220 BC 4200(10.2%)4160 BC 2σ 4370(91.4%)4040 BC	Гребенчатая
Лебяжинка IV	Ki-14121	5360 ± 90	1σ 4330(12.3%)4280 BC 4260(55.9%)4040 BC 2σ 4350(95.4%)3980 BC	»
Лебяжинка I	Ki-14820	6020 ± 90	1σ 5040(68.2%)4790 BC 2σ 5250(95.4%)4650 BC	Без орнамента
Виловатовская	Ki-14090	6320 ± 90	1σ 5380(55.5%)5200 BC 5170(4.8%)5140 BC 2σ 5480(95.4%)5050 BC	Накольчатая
Виловатовская	Ki-14088	6160 ± 100	1σ 5260(68.2%)4950 BC 2σ 5350(95.4%)4800 BC	Зубчатая
Виловатовская	Ki-14127	5980 ± 100	1σ 5000(60.9%)4770 BC 4760(7.3%)4720 BC 2σ 5250(95.4%)4600 BC	»
Виловатовская	Ki-14125	6020 ± 90	1σ 5040(68.2%)4790 BC 2σ 5250(95.4%)4650 BC	Накольчатая
Виловатовская	Ki-14124	5910 ± 80	1σ 4910(6.5%)4870 BC 4860(61.7%)4680 BC 2σ 4960(95.4%)4540 BC	»

Таблица. Окончание

Памятник	Лабораторный индекс и номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	Материал – керамика
Виловатовская	Ki-14087	6010 ± 80	1σ 5000(68.2%)4770 BC 2σ 5250(93.1%)4650 BC	Зубчатая
Виловатовская	Ki-14833	5920 ± 90	1σ 4920(11.9%)4870 BC 4860(56.3%)4680 BC 2σ 5030(95.4%)4540 BC	»
Виловатовская	Ki-14126	5880 ± 90	1σ 4850(66.4%)4610 BC 2σ 4950(95.4%)4490 BC	»
Виловатовская	Ki-14089	5960 ± 80	1σ 4940(58.5%)4770 BC 4760(9.7%)4720 BC 2σ 5060(94.3%)4670 BC	»
Виловатовская	Ki-14089	5755 ± 80	1σ 4710(68.2%)4500 BC 2σ 4800(94.0%)4450 BC	»
Виловатовская	Ki-14085	5840 ± 100	1σ 4800(64.2%)4580 BC 2σ 4940(95.4%)4450 BC	Накольчатая
Виловатовская	Ki-14086	5840 ± 90	1σ 4800(65.8%)4580 BC 2σ 4940(95.4%)4450 BC	»
Лесное-Никольское III	Ki-12169	6570 ± 170	1σ 5640(65.8%)5360 BC 2σ 5850(95.4%)5050 BC	»
Лесное-Никольское III	Ki-14582	5400 ± 90	1σ 4340(42.9%)4210 BC 4200(11.7%)4160 BC 4130(13.7%)4050 BC 2σ 4370(93.6%)3990 BC	Гребенчатая
II Щербетская	Ki-14134	6620 ± 90	1σ 5620(65.8%)5480 BC 2σ 5720(95.4%)5460 BC	Накольчатая
II Щербетская	Ki-14098	6530 ± 90	1σ 5560(65.8%)5460 BC 2σ 5630(95.4%)5320 BC	»
II Щербетская	Ki-14530	6090 ± 90	1σ 5210(6.7%)5170 BC 5080(50.1%)4900 BC 4890(8.7%)4850 BC 2σ 5260(95.4%)4780 BC	»
II Щербетская	Ki-14531	6270 ± 90	1σ 5340(39.7%)5200 BC 5180(28.5%)5060 BC 2σ 5500(95.4%)4950 BC	»
IV Тетюшская	Ki-14452	6170 ± 90	1σ 5260(68.2%)4990 BC 2σ 5320(92.1%)4900 BC	»
Тентек-сор I	Ki-14101	6640 ± 80	1σ 5630(61.7%)5510 BC 5500(6.5%)5480 BC 2σ 5720(95.4%)5470 BC	»
Тентек-сор I	Ua-35227	6695 ± 40	1σ 5660(37.4%)5610 BC 5590(30.8%)5550 BC 2σ 5720(5.9%)5680 BC 5670(89.5%)5520 BC	»
Варфоломеевская, 3 слой	Ki-14110	7080 ± 80	1σ 6020(63.1%)5870 BC 5860(5.1%)5840 BC 2σ 6080(94.2%)5770 BC	»
Варфоломеевская, 3 слой	Ki-14144	7120 ± 90	1σ 6070(66.1%)5880 BC 2σ 6210(95.4%)5780 BC	»
Городок I	Ki-14114	6870 ± 100	1σ 5840(66.4%)5660 BC 2σ 5930(90.4%)5610 BC	Без орнамента
Городок I	Ki-14075	6760 ± 90	1σ 5730(59.6%)5610 BC 5590(8.6%)5560 BC 2σ 5810(94.1%)5510 BC	»

Перевод радиоуглеродной даты BP в календарную дату BC проводился с помощью программы OxCal Version 3.9 2003 года [Radiocarbon, 43(2A), 355-363.2003.OxCal Program v3.9, Radiocarbon Accelerator Unit, University of Oxford].

В таблице в графе с калиброванными интервалами указаны также вероятности нахождения даты в каждом из интервалов: например, (1σ 5210(12.1%)5160 BC) вероятность нахождения калиброванной даты в интервале 5210–5160 BC соответствует 12.1%.

синкретических образцов гребенчато-накольчатого типа предполагалось ее сосуществование на определенной этапе с накольчатой традицией. Полученные даты подтверждают эту версию. По зубчатой керамике стоянки Виловатое (Васильев и др., 1980. С. 166. Рис. 8, 1, 7) получены четыре даты: 6160 ± 100 (Ki-14088), 6010 ± 80 л.н. (Ki-14087), 5980 ± 100 л.н. (Ki-14127) и 5960 ± 90 л.н. (Ki-14089).

Первое, на что надо обратить внимание, – совпадение определений с датами сходной зубчатой керамики в западной части Среднего Поволжья. Выделяемая зубчатая керамика по своим особенностям сопоставлялась с посудой днепро-донецкой культуры. В настоящее время допустимо более конкретное сравнение этих комплексов в хронологическом ракурсе. Если по фрагментам данного типа с Виловатовской стоянки даты 6190–5840, то для посуды с короткозубой орнаментацией с территории Северного Донца по памятникам Туба-2 и Серебрянское (Манько, 2006. С. 219. Рис. 99; С. 220. Рис. 100, 1; С. 233. Рис. 113, 1, 244. С. 234. Рис. 114, 4) получены сходные определения: 6220 ± 90 л.н. – 6070 ± 90 л.н.; 5840 ± 80 л.н. – 5780 ± 200 л.н. (Манько, 2006. С. 16). Затем, небезынтересно отметить дальнейшее сосуществование в одном хронологическом диапазоне как поздненакольчатой, так и гребенчатой традиций в интересующем регионе. На это указывают и полученные значения: по накольчатой посуде со стоянки Лебяжинка IV (Выборнов и др., 2007. С. 149. Рис. 26, 4; С. 150. Рис. 27, 5): 5930 ± 90 л.н. (Ki-14081) и 5880 ± 90 л.н. (Ki-14120), а для гребенчатой (Выборнов и др., 2007. С. 133. Рис. 10, 1–4) 5690 ± 80 (Ki-14083), 5590 ± 80 л.н. (Ki-14122); по накольчатой с Красного Яра VII (Выборнов, 2000а. С. 197. Рис. 12, 4) – 5780 ± 100 л.н. (Ki-14462), а на Лесном-Никольском гребенчатая (Вискалин, 1997. С. 36. Рис. 8, 5) – 5400 ± 90 л.н. (Ki-14582). И вновь приходится констатировать близкие хронологические рамки для аналогичных комплексов на правобережье Волги.

Один из наиболее дискуссионных вопросов – культурно-хронологическое соотношение памятников с накольчатой и гребенчатой орнаментациями в северной части Среднего Поволжья (Бадер, 1970; Халиков, 1969; Третьяков, 1972; Выборнов, 1976; Габышев, 1978). Учитывая наличие на некоторых памятниках среди основной массы накольчатой посуды группы фрагментов с зубчатым штампом и, наоборот, допускалось их сосуществование уже с ранних фаз развития (Выборнов, 1986. С. 10, 11; 2000б. С. 65, 66). Полученные даты (см. табл.) подтверждают это предположение. Более того, сходная ситуация констатируется и в западной части Среднего Поволжья. Что же касается более северных лесных районов, то и здесь наблюдается близкая картина. Поскольку эти территории выходят за рамки данной работы,

можно ограничиться лишь общими сравнительными данными. Так, накольчатая традиция здесь фиксируется со второй половины V тыс. до н.э., а гребенчатая система орнаментации датируется как минимум третьей четвертью V тыс. до н.э. (Выборнов и др., 2008; Выборнов и др., 2008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев, 1988.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габышев Р.С. и др. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Васильев И.Б., Пенин Г.Г. Елшанские стоянки на р. Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
- Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007.
- Вискалин А.В. Новые данные по неолиту Ульяновского Поволжья // Историко-археологические изыскания. Вып. 2. Самара, 1997.
- Выборнов А.А. К вопросу о хронологическом соотношении гребенчато-накольчатых и гребенчатых комплексов в неолите Волго-Камья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Выборнов А.А. Соотношение неолитических памятников лесной и лесостепной зон Волго-Камья // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург, 1986.
- Выборнов А.А. Средневожская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара, 2000а.
- Выборнов А.А. Неолит Прикамья // Российская археология: достижения XX и перспектива XXI вв. Ижевск, 2000а.
- Выборнов А.А. Проблемы изучения неолита лесостепного Поволжья // Современные проблемы истории и философии. Самара, 2002.
- Выборнов А.А. О раннем неолите Поволжья // Новые гуманитарные исследования. Самара, 2005.
- Выборнов А.А. Проблемы изучения неолита Волго-Камья // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии. Самара, 2006.
- Выборнов А.А. Два аспекта в изучении волго-уральской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной сфере Евразии: проблемы изучения и историографии. Уфа, 2007.
- Выборнов А.А., Габышев Р.С., Галимова М.Ш. и др. Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестн. музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2. Пермь, 2008.
- Выборнов А.А., Гусенцова Т.М., Ковалюх Н.Н. и др. К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск, 2008.
- Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Ластовский А.А. и др. Новые радиоуглеродные даты для неолита лесостеп-

- ного Заволжья // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 1. Пенза, 2008.
- Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиокарбоновой хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // РА. № 4. 2008.
- Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В., Челянов В.П. Ранний комплекс поселения Городок I на р. Ранове в Рязанской области // Исторические исследования. Вып. 5. Самара, 2004.
- Выборнов А.А., Мамонов А.Е., Королев А.И., Овчинникова Н.В. Неолитическая керамика стоянки Лебяжinka IV в лесостепном Поволжье // Вестн. СГПУ. Ист. фак. Самара, 2007.
- Выборнов А.А., Пенин Г.Г. Неолитические стоянки на р. Самаре // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978.
- Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тыс. до н.э. Казань, 2003.
- Зарецкая М.Е., Костылева Е.Л. Радиоуглеродная хронология начального этапа верхневолжской ранне-неолитической культуры (по материалам стоянки Сахтыш-2а) // РА. № 1. 2008.
- Костылева Е.Л. Основные вопросы неолитизации центра Русской равнины // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003.
- Костылева Е.Л., Зарецкая Н.Е. Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2004.
- Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красной Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1994.
- Мамонов А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
- Мамонов А.Е. Хронологический аспект изучения елшанской культуры // Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000.
- Мамонов А.Е. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. Вып. 5. Самара, 2002.
- Манько В.О. Неоліт південно-східної України. Київ, 2006.
- Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Моргунова Н.Л. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита–энеолита–ранней бронзы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997.
- Никитин В.В. Общие черты и специфические элементы ранне-неолитической посуды лесного Поволжья, степных и лесостепных районов Волго-Донского междуречья // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006.
- Смольянинов Р.В. Неолит Верхнего Дона // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии. Самара, 2006.
- Телегин Д.Я. Днепро-донецкая культурная общность // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны европейской части России и Сибири // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1997.
- Третьяков В.П. Ранне-неолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. 1972. Вып. 131.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Цетлин Ю.Б. О происхождении верхневолжской культуры // Влияние природной среды на развитие древних обществ. Йошкар-Ола, 2007.
- Юдин А.И. О чертах сходства орловской и волго-уральской неолитических культур: контакты или миграции? // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001.

On the radiocarbon chronology of the Middle Volga Neolithic: Eastern region

A. A. Vybornov, N. N. Kovalyukh, V. V. Skripkin

Summary

The article publishes new radiocarbon identifications for the sites in the Eastern part of the Middle Volga obtained through an original method. According to the data in question, Elshanskaya culture evolved in the 6th millennium BC. The Pinware tradition appeared at the beginning of the 5th and existed until the first quarter of the 4th millennium BC. The comb ornament system appeared somewhat later and existed until the middle of the 4th millennium BC.

К ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ ГЛЕБОВНЫ МОШКОВОЙ

В 2009 г. отмечает юбилей Марина Глебовна Мошкова, профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН.

М.Г. Мошкова родилась в Киеве. В 1952 г. она закончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1955 г. – аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ныне – Институт археологии РАН) и постоянно работает в этом институте с 1956 г. В 1956 г. она защитила кандидатскую диссертацию “Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья”, а в 1989 г. – докторскую диссертацию на тему “Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности”.

Основные научные интересы Марины Глебовны связаны с археологией ранних кочевников евразийских степей.

Со студенческих лет и по 1980 г. она принимала активное участие в различных экспедициях, работавших на Украине, в Дагестане, Нижнем Поволжье, Нижнем Подонье, на Южном Урале и в Казахстане. Она руководила отрядом в составе

экспедиции К.Ф. Смирнова, а затем и возглавляла Оренбургскую (впоследствии Южно-Уральскую), Западно-Казахстанскую, Цимлянскую, Багаевскую экспедиции. Огромный опыт полевой работы Марина Глебовна успешно использовала в своей научно-исследовательской деятельности. Она автор множества публикаций; среди них немалую долю составляют труды, которые еще на долгие годы останутся классическими в сарматоведении. М.Г. Мошкова внесла также большой вклад в дело издания монографий и сборников, в которых она выступила в качестве ответственного редактора и автора предисловий. Таких изданий насчитывается около трех десятков. Так она фактически дала путевку в жизнь книгам, которые навсегда останутся в историографии отечественной археологии.

Первые самостоятельные исследования М.Г. Мошковой были связаны с памятниками савромато-сарматской эпохи Южного Приуралья. Смолоду Марине Глебовне удалось исключительно плодотворно совмещать практику полевых изысканий со скрупулезным археологическим анализом различных категорий находок, деталей погребального обряда.

Главным итогом этого периода ее научной деятельности становится основательная работа “Памятники прохоровской культуры” (1963), которая и сегодня остается настольной книгой исследователей ранних этапов становления сарматской культуры. Одновременно она работает над научным редактированием фундаментального труда своего учителя, К.Ф. Смирнова (1964). Сам факт, что исключительно требовательный к себе и к другим ученый доверил главное, быть может, детище своей научной жизни именно Марине Глебовне, говорит о многом, и этот факт не нуждается в дополнительных комментариях.

В конце 60-х и в 70-е годы XX в. самостоятельно и вместе с К.Ф. Смирновым М.Г. Мошкова продолжает интенсивные полевые работы в Волго-Уральском регионе, Зауралье и на территории Западного Казахстана. В начале 70-х годов ее учеником и соратником на многие годы становится работавший в то время в Уральске Б.Ф. Железчиков, к которому до конца его дней Марина Глебовна относилась с особой теплотой. Это были первые работы исследовательницы с казахстанскими материалами. Опыт, приобретенный тогда, расширил знания М.Г. Мошковой в области археологии ранних кочевников казахстанского и среднеазиатского регионов. Этот опыт ей еще пригодится, когда на ее плечи ляжет тяжелая но-

ша ответственного редактирования тома “Археологии СССР”, посвященного ранним кочевникам восточного ареала евразийских степей (1992).

История ранних кочевников Приуралья и в дальнейшем остается в центре научных интересов М.Г. Мошковой, но в начале 70-х годов она обращается к полевой археологии Волго-Донских степей. В конце 1970-х годов начинаются раскопки Лебедевского могильника в Западном Казахстане. Этот памятник имеет особое значение в сарматской археологии: среди раскопанных там курганов целая серия относится к позднесарматскому времени. До раскопок Лебедевского могильника считалось, что области Южного Приуралья и прилегающие к ним степи Западного Казахстана практически не были заселены. Однако уже первые разработки М.Г. Мошковой показали, что эти районы в первые века н.э. не только входили в ареал культур позднесарматского типа, но и являлись областью расселения могущественных объединений.

Основные же усилия исследовательницы были направлены в 1980-е годы на подготовку двух томов “Археологии СССР”, посвященных проблемам истории и археологии ранних кочевников евразийских степей. Для “европейского” тома ею был написан большой раздел по археологии савромато-сарматской эпохи и (совместно с А.И. Мелюковой) предисловие к нему. М.Г. Мошковой было также поручено ответственное редактирование “азиатского” тома (1992), в котором она выступила также в качестве соавтора нескольких центральных разделов, в том числе теоретических. Данная работа впервые обобщила главные достижения археологии Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана и собрала вместе многочисленных авторов, имевших весьма разнообразные подходы к изучению древностей этого обширнейшего региона. Ее успешным завершением мы обязаны в первую очередь Марине Глебовне. Несомненно, оба эти тома “Археологии СССР” еще на многие годы останутся актуальными для специалистов в области археологии позднего бронзового и раннего железного веков.

Практически одновременно с работой над этими двумя изданиями М.Г. Мошкова готовит защиту своей докторской диссертации, посвященной основным проблемам теории изучения скифо-сарматского мира, и успешно справляется и с этой задачей (1989). Являясь стойкой последовательницей концепции Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова о неразрывной культурно-исторической связи различных этапов развития культуры ранних кочевников Волго-Уральского региона, она дополняет эту концепцию новыми данными, подкрепляет ее с теоретической точки зрения. М.Г. Мошкова и в последние годы принципиально и порой резко

выступает против безответственных и бездоказательных попыток ревизии хронологии и периодизации этих культур.

Бережное сохранение памяти о своих учителях, об их вкладе в науку – одна из основ существования любой научной школы. Хорошо понимая это, Марина Глебовна в специальных публикациях подчеркивает их огромный вклад в строительство фундамента отечественной археологии. Марина Глебовна и сама сделала многое для развития теоретических подходов к проблемам истории и археологии ранних кочевников. Являясь преданной ученицей и соратницей К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошкова на протяжении всей своей научной биографии последовательно развивает его идеи и всеми силами поддерживает созданную им научную школу сарматоведения. Она много сделала для того, чтобы и сегодня исследования в этой романтичной области отечественной археологии продолжались не только в стенах родного для нее института, но и в археологических центрах Поволжья, Приуралья, Подонья – везде, где теперь работают ее собственные ученики. Она стояла у истоков организации периодической международной конференции по проблемам сарматской истории и археологии, является одним из общепризнанных лидеров в этом важном направлении отечественной науки. Сегодня Марина Глебовна продолжает активно разрабатывать конкретные вопросы сарматоведения. Но главным ее достижением в последнем десятилетии, безусловно, является издание четырех корпусов, посвященных статистической обработке материалов сарматской эпохи.

Помимо научной работы Марина Глебовна отдает много времени и сил научно-организационной деятельности. В 1993–2002 гг. она являлась заведующей Отделом скифо-сарматской археологии; ныне – она член ученого совета ИА РАН, член редакционного совета журнала “Российская археология”. Кроме этого М.Г. Мошкова входит в состав диссертационного совета кафедр археологии и этнологии истфака МГУ, является координатором секции археологии в РГНФ, членом постоянного оргкомитета конференции “Проблемы сарматской археологии и истории”. Она продолжает руководить аспирантами, передавая им свои богатые знания и опыт. Марина Глебовна пользуется заслуженным авторитетом и уважением сотрудников института, в котором она проработала всю жизнь. Не случайно именно она была избрана коллективом Института археологии в качестве представителя института на общем собрании РАН.

От всего сердца хочется пожелать Марине Глебовне здоровья, творческого долголетия, новых успехов на поприще, которое стало делом всей ее жизни.

Сотрудники Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

© 2009 г. П. М. Соколов

Волгоградский государственный университет

Наконечники копий – довольно редкая находка для Нижнего Поволжья скифского времени. Они были обнаружены здесь в 18 погребениях из 393, что составляет 4.5% от величины выборки. Все находки наконечников копий в Нижнем Поволжье были сделаны в погребальных комплексах. Таким образом, копия занимают третье место среди савроматского вооружения по распространенности после лука со стрелами и мечей.

Практически все погребения, среди инвентаря которых содержались наконечники копий, были основными в курганах и совершались чаще всего в больших подквадратных или подпрямоугольных ямах. Погребенные – взрослые мужчины. Еще одна характерная черта рассматриваемых погребений с копьями – наличие в их инвентаре практически полного набора вооружения: наконечники стрел, меч и ворворки, в одном из комплексов – панцирь со шлемом. Почти во всех случаях погребенного сопровождало большое количество разнообразной напутственной пищи. Среди инвентаря отсутствуют украшения и предметы культа (зеркала, каменные столики, костяные ложечки и пр.). Наконечники копий являются своеобразным маркером профессиональных воинских мужских погребений. Можно предположить, что копье также маркирует высокий социальный статус погребенного.

Наконечники копий из погребений савроматского времени Нижнего Поволжья ранее уже привлекали внимание исследователей. Так, К.Ф. Смирнов не только классифицировал наконечники копий и рассмотрел вопрос происхождения тех или иных типов, но и объяснял факт не распространенности копий у кочевников Поволжья в отличие от скифов, не особенностями погребального обряда, а реальным составом контингента воинов кочевников VI–IV вв. до н.э. Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Копейщиков в составе савроматского войска было немного, и они не выделяются в какую-либо самостоятельную группу войск. Автор насчитал 15 наконечников копий из савроматских погребений и случайных находок с территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Смирнов, 1961. С. 70, 71). Е.К. Максимов называет лишь 6 погребений с территории всего Нижнего Поволжья,

где были обнаружены наконечники копий. Все приведенные в его статье артефакты датированы второй половиной VI–IV в. до н.э. Кроме того, отмечено, что такие же типы были распространены в то же время и в Причерноморье (Максимов, 1960. С. 102). В отличие от скифов, савроматы, по мнению А.М. Хазанова, использовали копия гораздо реже в силу того, что у этих племен рано получили распространение длинные всаднические мечи, частично заменявшие копия (1971. С. 45).

При рассмотрении вооружения кочевников Нижнего Поволжья исследователи традиционно сопоставляли его со скифским. Фундаментальной работой, посвященной скифским копьям, является свод А.И. Мелюковой. В нем приводится типология наконечников копий, рассматриваются источники происхождения тех или иных форм наконечников и исследуется место копий в паноплии скифского вооружения. Высказано мнение, что в Скифии были распространены наконечники копий длиной от 1.5 до 2.2 м (Мелюкова, 1964. С. 43). Эти выводы впоследствии уточнены Е.В. Черненко: учтено 28 новых, не известных А.И. Мелюковой находок копий в погребениях, где можно было достоверно установить их длину – во многих случаях до 3.2 м. В связи с этим высказана мысль о том, что к IV в. до н.э. длина скифских копий существенно увеличивается, что отразилось на тактике скифского конного боя (Черненко, 1984. С. 234). Но эта гипотеза впоследствии не получила развития. С.М. Перевалов считает, что тактику конного боя с использованием длинных копий впервые применили сарматы, а у скифов длинные “штурмовые” пики не получили широкого распространения (1999. С. 67). С.Ю. Янгулов, не соглашаясь с этой мыслью, привел данные о находках длинных скифских копий из Елизаветовского могильника и высказал мнение, что длинные копия были довольно распространенным оружием у елизаветовских скифов и появились на Нижнем Дону уже во второй четверти V в. до н.э. (2001. С. 360, 361).

Таким образом, рассматривая копия из погребений Нижнего Поволжья скифского времени, следует обратить внимание на классификацию и

хронологию наконечников копий, а также их положение в могиле и длину.

Данная категория инвентаря очень плохо сохраняется в погребениях. Поэтому восстановить первоначальную форму и размеры часто не представляется возможным. Удалось измерить лишь 11 хорошо сохранившихся наконечников копий. Самые длинные происходят из кургана 15 могильника Аксеновский I (рис. 1, 12) и кургана 34 могильника Жутово. Общая длина первого наконечника составляет 53 см (Шилов, Очир-Горьева, 1997. С. 138), второго – около 50 см (Мамонтов, 1965. С. 6). Большинство нижеволжских находок имеют длину от 30 до 45 см, хотя встречаются экземпляры длиной 22 или 26 см. Как видно из приведенных данных, многие савроматские наконечники копий имели довольно большую длину. Использование таких наконечников свидетельствует о том, что нижеволжским кочевникам скифского времени были известны длинные копья или, как их называет Е.В. Черненко, “штурмовые пики” (1984. С. 234).

В Нижнем Поволжье было найдено лишь два погребения, где наконечники копий и втулки лежали на одной оси, что позволяет восстановить первоначальную длину копья. В погребении кургана А12 у с. Блюменфельд длина копий была примерно равна росту погребенных, т.е. составляла несколько меньше 2 м (Граков, 1999. С. 11). В погребении 2 кургана 11 могильника Солодовка I наконечник и вток располагались на одной оси, что позволяло установить длину копья – 3.43 м. Копье такой длины могло использоваться только для ведения конного боя.

В Нижнем Поволжье в настоящее время найдено не так много наконечников копий скифского времени, но все же можно выделить по крайней мере два их вида. Они различаются по форме поперечного сечения пера наконечника и оформлению втулки. Большинство наконечников имеют перо либо линзовидной, либо ромбической формы в поперечном сечении. При этом с линзовидным сечением сочетается листовидная форма пера, а с ромбическим – узкая ланцетовидная. Поэтому представляется возможным выделить следующие типы. 1. Наконечники копий с узким ланцетовидным пером, ромбическим в сечении, часто несомкнутой втулкой без кольца на конце втулки. Наконечники этого типа, как правило, довольно длинные (более 40 см), что позволяет считать их наконечниками длинных штурмовых пик. Это подтверждается также тем, что именно такой наконечник имело длинное (3.43 м) копье из Солодовки (рис. 1, 1). Но есть и исключения, которые, возможно, являются переходными образцами между двумя выделенными типами. Примером может служить наконечник копья из кургана 7 могильника Белогорье III (рис. 1, 8). У него

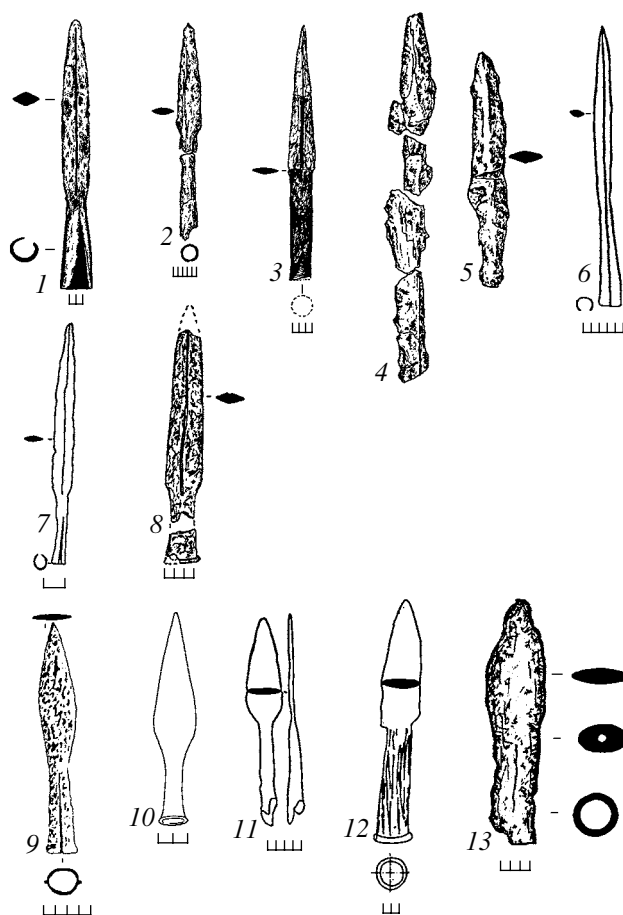

Рис. 1. Наконечники копий скифского времени Нижнего Поволжья. Тип 1: 1 – Солодовка I, 11/2; 2 – Бережновка Южная гр., 5/9; 3 – Вертячий, 5/2; 4, 5 – Блюменфельд А12; 6, 7 – Аксеновский, 13/1, 15/1; 8 – Белогорье III, 7. Тип 2: 9 – Эльтон 10/9; 10 – Вост. Маньч, левый берег, I гр., 21/8; 11, 12 – Аксеновский I, 11/1, 15/1; 13 – Березовка, 4/1.

узкое ланцетовидное, ромбическое в сечении перо сочетается с сомкнутой втулкой с кольцом на конце. Кроме того, этот наконечник имеет небольшую длину – 30 см (Матюхин, 1996. С. 164). 2. Наконечники копий с листовидным пером, линзовидным в сечении, сомкнутой втулкой с кольцом на конце. Наконечники этого типа зачастую довольно небольшой длины (до 35–40 см). Можно предположить, что этими наконечниками снабжались копья небольшой длины, применявшиеся для метания и пешего боя (рис. 1, 9–13).

Выделение этих типов довольно условно, так как число находок наконечников копий в Нижнем Поволжье очень мало. В данном случае речь идет даже не о типах, а о видах копий. Скорее всего можно согласиться с К.Ф. Смирновым в том, что копейщики не составляли отдельный воинский контингент у кочевников Поволжья. Копья были принадлежностью знати, а в могилах они

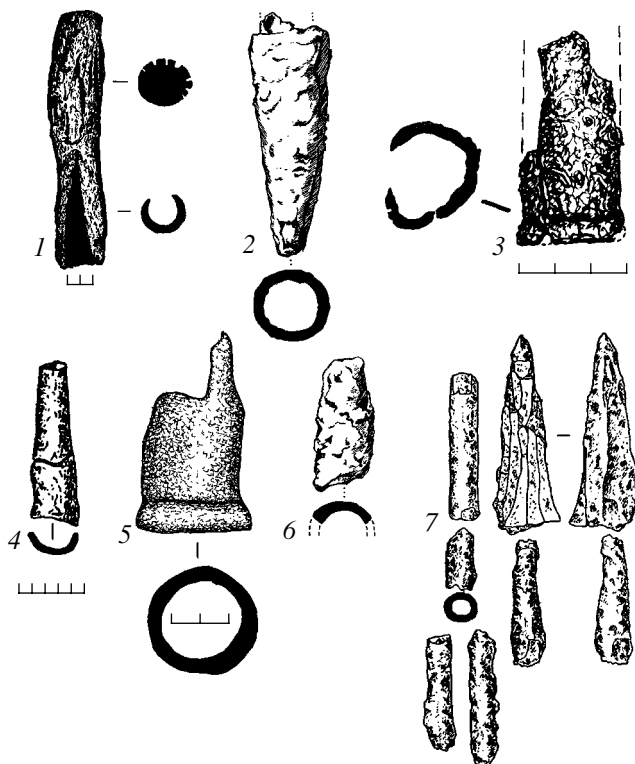

Рис. 2. Втоки (1, 2) и фрагменты наконечников копий (3–7) скифского времени Нижнего Поволжья. 1 – Солодовка I, 11/2; 2, 6 – Никольский, 1/1; 3 – Короли, 7/1; 4 – Бережновка II, 16/1; 5 – Фриденберг II, 5/2; 7 – Никольский, А12.

могут быть маркером социального статуса погребенного (Янгулов, 2001. С. 362).

Самыми древними из известных в настоящее время наконечников копий, видимо, являются наконечники из кургана А 12 у с. Блюменфельд. Их можно датировать по набору стрел концом VI – первой половиной V в. до н.э. Найденные в этом погребении наконечники копий принадлежат к первому типу приведенной выше классификации. Такие наконечники появляются в Поволжье на рубеже VI–V вв. до н.э. К середине – второй половине V в. до н.э. относятся наконечники копий из комплексов Солодовка I, 11/2 (рис. 1, 1) и Аксеновский I, 15/1 (рис. 1, 12). Примечательно, что в погребении из кургана 15 могильника Аксеновский I находились наконечники копий обоих типов. Вместе с тем это самое древнее погребение с наконечником копья второго типа. Большинство наконечников копий обоих типов происходит из погребений рубежа V–IV вв. до н.э.

Наконечники копий савроматского времени Нижнего Поволжья несколько отличаются от скифских. Во-первых, копья – очень распространенная категория инвентаря в Скифии. Во-вторых, ранние скифские наконечники копий имеют продольное трубчатое ребро (Ильинская, 1968.

С. 91). В Нижнем Поволжье неизвестно ни одного наконечника копья с трубчатым ребром. В то же время на территории Скифии встречаются наконечники копий остролистной формы с ромбическим сечением пера: Куриловка, 68/2 (Ковпаненко, 1981. С. 107), Белозерка, 4/1 – курган середины IV в. до н.э. (Плешивенко, 1991. С. 58, 71). Тем не менее в Скифии в конце VI в. до н.э. появляются наконечники копий без ребра с лавролистным пером, а в середине V в. до н.э. – узкие длинные наконечники остролистной формы с ромбическим в сечении пером (Ильинская, 1968. С. 91). Наконечники копий второго типа имеют ряд сходных черт с наконечником из погребения 2 кургана 25 могильника Лебедевка VI (Железчиков и др., 2006. С. 106).

Учитывая что копья появляются в Нижнем Поволжье на рубеже VI–V вв. до н.э., можно сделать вывод о том, что наконечники копий Нижнего Поволжья скифского времени развиваются под скифским влиянием, но отличаются определенным своеобразием.

Вместе с наконечниками копий в погребениях иногда встречаются втоки – составная часть копья, которая представляет из себя металлическую полую трубку, один из концов которой закрыт. Втоки одевались на противоположную наконечнику часть древка копья. Это могло делаться либо для продления срока службы конца древка, либо для придания копью лучшего баланса. В Нижнем Поволжье втоки были найдены в 5 погребениях. В основном они представляли из себя цилиндрическую полую металлическую трубку с глухим концом (рис. 2, 1). В погребении 1 кургана 1 могильника Никольский вток (рис. 2, 2) имел коническую форму (Засецкая, 1979. С. 95).

На наконечники копий надевались особые футляры, которые должны были предохранять боковые лезвия пера от затупления и зазубривания. Такие футляры были найдены в кургане Блюменфельд, А 12. Они были сделаны из бедренных костей какого-то крупного животного. Один из них с двух сторон гравирован в виде морды волка, другой – длинный гладкий с двумя дырочками по бокам для ношения на веревке или ремешке, когда футляр снимался с копья (Граков, 1999. С. 11. Рис. 3, 10).

Копья не получили широкого распространения у кочевников Нижнего Поволжья савроматской эпохи. Обнаруженные здесь наконечники копий имеют ряд общих черт со скифскими и отличаются, как уже отмечалось, локальным своеобразием. Наиболее ранние копья относятся к рубежу VI–V вв. до н.э., но большинство – ко второй половине V–IV вв. до н.э. На протяжении VI–IV вв. до н.э. в Нижнем Поволжье бытует два вида наконечников копий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Граков Б.Н.* Памятники скифской культуры между Волгой и Уральскими горами // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 2006.
- Засецкая И.П.* Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Тр. Гос. Эрмитажа. Вып. 20. Л., 1979.
- Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
- Ковпаненко Г.Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.
- Максимов Е.К.* О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья // Тр. Саратовского обл. музея краеведения. Вып. 3. Саратов, 1960.
- Мамонтов В.И.* Отчет о раскопках Жутовского отряда астраханской экспедиции в 1965 г. // Архив ВОКМ. Ф. № 21.
- Матюхин А.Д.* Курганы-кенотафы раннего железного века в саратовском правобережье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Вып. 1. Саратов, 1996.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. М., 1964 (САИ; Вып. Д1-4.).
- Перевалов С.М.* Сарматский конто́с и сарматская посадка // РА. 1999. № 4.
- Плеши́венко А.Г.* Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961. (МИА; № 101).
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Черненко Е.В.* Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Шилов В.П., Очир-Горяева М.А.* Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский I, II // МИА России. 1997. Вып. 1.
- Янгулов С.Ю.* К вопросу об использовании скифами длинных копий в V–IV вв. до н.э. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17. Азов, 2001.

Spearheads from the Lower Volga region, Scythian time

P. M. Sokolov

Summary

Spearheads are a fairly uncommon find in the Lower Volga region of the Scythian time. They have been found in 18 of 393 burials. The article considers the classification and chronology of the items, the positioning of the spearheads in the graves, and their length. Two types of spearheads have been provisionally identified. Most of the spears date to the second half of the 5th – the 4th cc. BC, and the earliest ones – to the border of the 6th and the 5th cc. The spears show Scythian features and specific local ones.

ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО КОЧЕВНИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В УРОЧИЩЕ ИЛЕКШАР (ЮЖНОЕ ПРИУРАЛЬЕ)

© 2009 г. С. Ю. Гудалов

Орский гуманитарно-технологический институт

В начале XXI столетия на территории Западного Казахстана активизировались полевые археологические исследования, результатом которых стало появление новых интересных источников по истории и культуре древних кочевников как Южного Приуралья, так и степной полосы Евразии в целом. На протяжении ряда лет экспедиция Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии провела раскопки курганов у аула Ульгули (Илекшар) в Чингирлауском районе. В данном урочище на территории около 10 × 10 км оказалось более 25 некрополей разных эпох – от бронзы до позднего средневековья. Центральную же часть микрорайона, безусловно, “венчает” “царский” курган Караоба (Верблюд-гора), расположенный на плато, в 5 км от русла Илека. В 2003 г. был подвергнут раскопкам курган 1 в могильнике Илекшар I.

Могильник Илекшар I расположен на небольшом возвышении первой надпойменной террасы Илека у обрыва к пойме реки, в 1.5 км к В от аула Ульгули (Илекшар). Он состоял из 16 земляных курганов, расположенных цепочкой длиной 420 м, ориентированной по линии СВ–ЮЗ (рис. 1). Крупнейшие объекты – курганы 1 и 2 – находятся в южной части цепочки.

Курган 1 был крупнейшим в группе. Он имел земляную насыпь полусферической формы высотой 5 м и диаметром 48 м. На вершине его наблюдалась воронка диаметром до 25 м и глубиной более 1 м. Вокруг кургана просматривался ров диаметром 12 м и глубиной до 1 м. Геодезическая съемка показала наличие узкого удлиненного понижения в юго-западной части кургана, что, как выяснилось позже, соответствовало направлению грабительского хода в могильную яму. Раскопки кургана велись при помощи бульдозера с оставлением трех параллельных бровок, ориентированных с С на Ю, с шириной траншей около 6.5 м и двух боковых восточного и западного сегментов (рис. 2)¹. В верхних слоях обеих траншей по центру наблюдалась мешанина перекопа, в котором встречались разрозненные кости челове-

ческих скелетов (не менее 10) очень позднего происхождения.

Стратиграфия кургана. Первый слой составлял гумус мощностью 20–50 см (на периферии и над грабительской воронкой). В центре наблюдался затек грабительской воронки шириной в устье 4 м и 1.5 м – внизу. Фиксировалось чередование слоев гумуса и белой материковой глины. В нижней части воронки, на уровне погребенной почвы и выше на 0.5 м, в большом количестве встречались человеческие кости (8 черепов и другие кости скелета) и предметы одежды (резиновые калоши и пр.).

Погребенная почва мощностью 20 см зафиксирована на глубине 4.7 м от нулевой отметки. В центре кургана на погребенной почве зафиксирован настил диаметром 33–36 м из тонких (до 3 см) деревянных плах шириной около 15 см. Он прерывался в центре у грабительской воронки. На периферии кургана по всем профилям наблюдался глиняный вал толщиной 20 см, шириной 1.5–3 м, занимавший площадь диаметром 36 м и окаймлявший наброс из гумуса, конусовидной в разрезе формы, высотой 25–40 см. Выше вала зафиксирована площадка из суглинка и гумуса. Высота ее в центре 1–1.2 м, у подошвы – 0.2–0.3, ширина – 12–13 м. На краю площадки (над нею) наблюдался мощный слой из глиняных и гумусных блоков (самана), размерами от 15 × 30 до 30 × 60 см, чередующихся с прослойками белой глины и гумуса. Эта структура, видимо, представляла собой развал мощной стены шириной не менее 3 м. Следует заметить, что глиняные блоки наблюдались по периферии, покрывая верхние слои кургана (под гумусом) на глубину до 2 м. Ниже них структура кургана представляла собой последовательный развал глиняной стены (по периферийным бровкам он зафиксирован в виде 7–8 конусов рыхлой супеси, обращенных вершинами вверх).

В южной части западной бровки по обоим срезам хорошо наблюдался разрыв в глиняном склепе, заваленном саманом. Особенно четко это было видно по восточному срезу. Судя по тому, что по западному срезу в данной части не наблюдался разрыв в материке, логично предположить, что это был вход в основную могилу, прорубленный сквозь глиняную стену. А так как он был завален

¹ На плане раскопа кургана дана большая часть погребальной площадки, не захватывающей рва вокруг кургана.

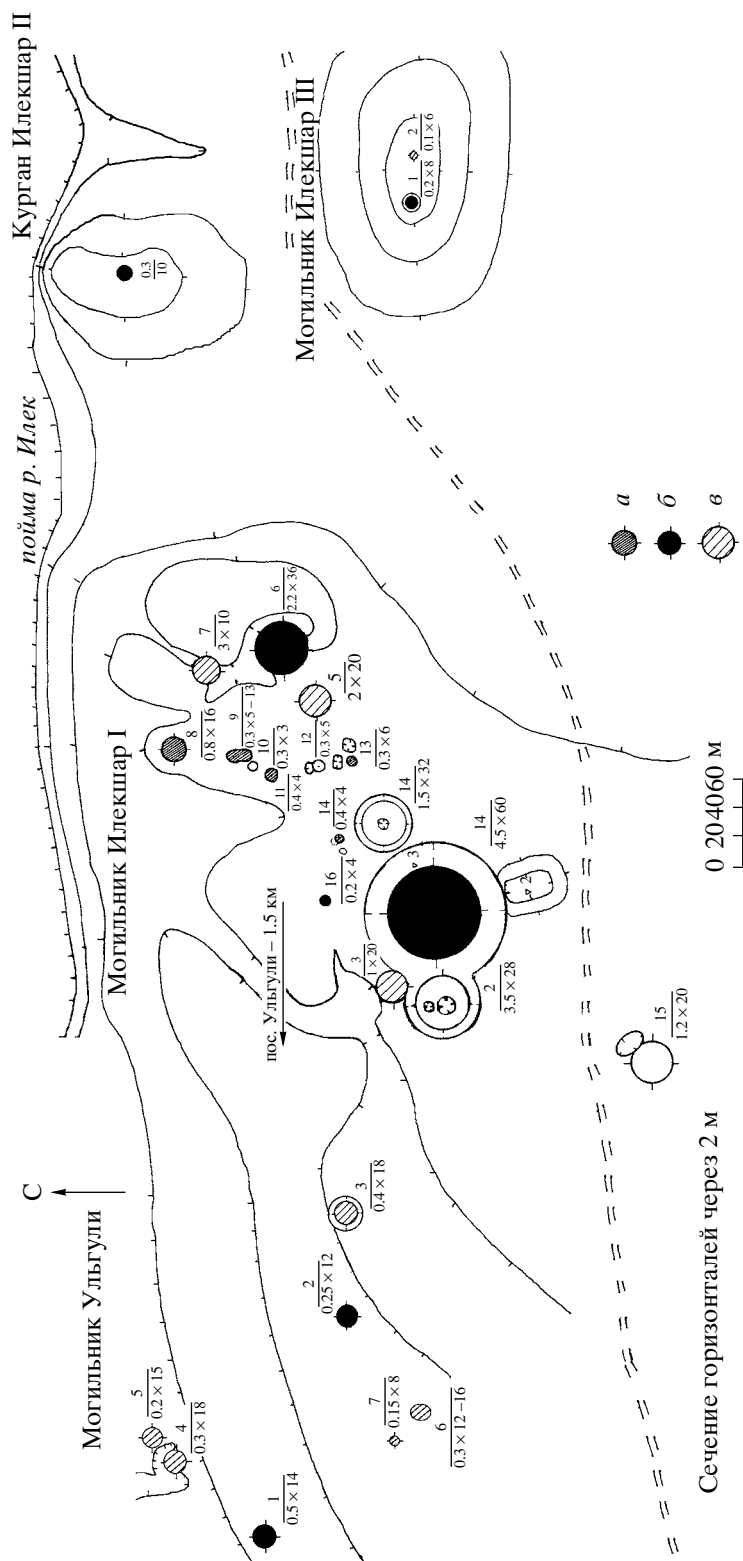

Рис. 1. План расположения моги́льников у с. Ульгу́ли. Условные обозначения: а – курганы, раскопанные в 2001 г., б – в 2003 г.; в – в 2004 г.

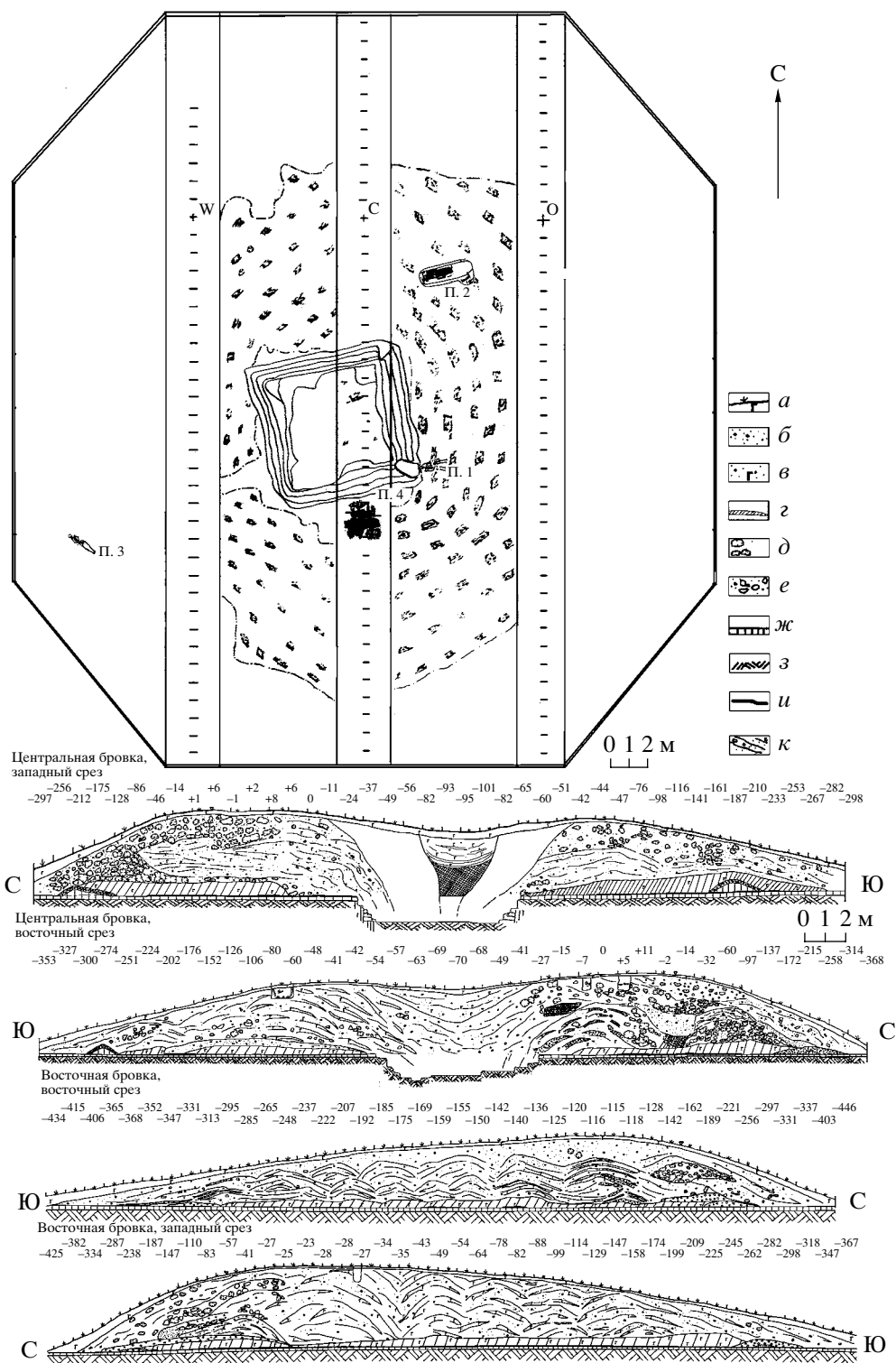

Рис. 2. Могильник Илекшар I. План и разрезы кургана 1. Условные обозначения: а – гумус; б – суглинок; в – гумусированный суглинок (выкид); г – грунтовая “подушка”; д – глиняные блоки; е – развал глиняных блоков; ж – погребенная почва; з – материк; и – слой материковой глины; к – развалы сооружения.

и задерновался, можно говорить, что этот лаз был сделан в древности.

Наземная глиняная конструкция имела форму квадрата около 36 м в поперечнике и шириной

стен до 3 м. Ее внутреннее пространство было покрыто тонкими неотесанными досками. Судя по тому, что в южной части центральной бровки развал из саманных блоков был не такой мощ-

ный, как в северной, можно предположить, что с юга был проход в могильную яму. Именно с южной стороны, у края могильной ямы размещалось сопровождающее захоронение двух коней.

Погребение коней. Скелеты двух лошадей располагались на погребенной почве на настиле у южной стенки основной могилы (№ 4) на животе с подогнутыми в коленях ногами, ориентированные мордами на С (рис. 3). Шеи их были вытянуты и повернуты к западу. В пасти вставлены железные кольчатые удила (рис. 4А, 8, 9), крепившиеся на бронзовых двудырчатых псалиях с окончаниями в виде голов лошадей и верблюдов (рис. 3, 6, 7). Рядом с мордами коней найдены остатки узды: бронзовые пронизи, выполненные в зверином стиле (рис. 3, 4, 5; 4А, 2), железная и бронзовая подпружные пряжки (рис. 3, 2, 3), бронзовая коническая бляшка (рис. 4А, 19) и железные кольчатые пронизки, покрытые золотой фольгой (рис. 4А, 5, 6). Под брюхами коней среди кожаных ремней лежали бронзовые распределительные бляхи, выполненные в скифском зверином стиле: две одинарные, представленные фигурками кошачьего хищника (рис. 4А, 3) и две тройчатые (рис. 4А, 1, 4), на которых изображена сцена терзания хищниками кошачьей породы копытного животного (косули?).

Основное погребение 4. Погребение располагалось в центре кургана, имело форму квадрата со скругленными углами (рис. 3). Яма ориентирована по сторонам света, с отклонением в 30°. Длина сторон могилы на уровне погребенной почвы 8.2–8.3 м. Яма по форме имела вид ступенчатой пирамиды, обращенной вершиной вниз, а по углам могилы были ступеньки-уступы: пять ступенек шириной 20–40 и высотой 15–25 см, общая ширина – до 1.5 м. Глубина могилы – 1.5 м от уровня погребенной почвы. Яма оказалась основательно разграбленной.

В заполнении ямы найден фрагмент стенки сосуда из “финикийского” стекла (рис. 4Б, 6), бронзовый наконечник стрелы (рис. 4А, 16) и фрагмент клинка железного меча (рис. 4Б, 10). В юго-восточном углу на дне в беспорядке лежали кости человеческого скелета (бедренные, берцовые, плечевые) и бронзовый наконечник стрелы (рис. 4А, 17). В 1 м южнее этих находок лежали фрагменты черепа. Инвентарь, оставшийся после грабителей, крайне скуден, но показателен. В грабительской воронке в центре ямы от уровня погребенной почвы до дна могилы встречались железные пластинки защитного панциря (рис. 4Б, 1, 3, 5, 7–9, 11). В юго-восточном углу найдено шесть сильно окисленных бронзовых наконечников стрел (рис. 4А, 10–15) и золотая тисненная бляшка в виде ромба (рис. 4А, 18). Все наконечники стрел – трехлопастные, со сводчатой головкой, имеющей утопленную (рис. 4А, 10–16) или

внешнюю втулку (рис. 4А, 17). По центру, у южной стенки на дне были расчищены фрагменты лепного сосуда (рис. 4Б, 2, 4) и кости животного (мелкого рогатого скота).

Несмотря на неоднократные ограбления, памятник содержит в себе важную информацию историко-культурного порядка. Его хронологическая позиция четко определяется набором бронзовых трехлопастных наконечников стрел со сводчатой головкой, относящихся к VI и IX типам отдела трехлопастных наконечников стрел (Смирнов, 1961. Табл. III), а также рядом предметов, выполненных в зверином стиле. Среди последних обращают на себя внимание бронзовые подпружные бляхи-тройчатки из захоронения коней. Аналог им случайно обнаружен в Павлодарском Прииртышье (Арсланова, 1963. С. 100, 101). А.К. Акишев обоснованно датирует бляху из Восточного Казахстана VII–VI вв. до н.э., найдя в ней сходство с раннескифскими древностями (1976. С. 188). Илекшарские же предметы, стилистически несколько иные, занимают чуть более позднюю хронологическую позицию. Сочетание находок в рассматриваемом комплексе позволяет датировать его концом VI – серединой V в. до н.э.

Пышность погребального обряда и разнообразие сопровождающего инвентаря, о чем можно судить даже на основании имеющихся находок, позволяют отнести памятник к числу погребений знатных кочевников Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. По ряду признаков он сближается с синхронными захоронениями кочевой аристократии региона. В частности, это наличие подкурганных деревянных конструкций, характерных для захоронений кочевнической знати Южного Приуралья в скифскую эпоху (Смирнов, 1964. С. 82; Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 145). Как правило, эти конструкции опирались на глиняный вал², окаймляющий погребальную площадку (Мошкова, 1972. Рис. 6; Пшеничнюк, 1995. Рис. 6, 1; 7, 1; 10, 1; Гаврилюк, Таиров, 1993. Рис. 1). Особый характер захоронения подчеркивает наличие под курганом сопровождающих погребений ввздузданных коней (Смирнов, 1964. С. 101). Хочется обратить внимание на то, что в Южном Приуралье захоронения лошадей, как правило, располагаются на погребенной почве у южного края могильной ямы и обращены при этом мордами на север (Смирнов, 1964. Рис. 26, 29). Отметим тип могильной ямы. Она больших размеров и имеет вид ступенчатой пирамиды, обращенной вершиной вниз. Таковые чрезвычайно редки, по крайней

² Многократные полевые наблюдения, документально фиксируемые в ходе раскопок, позволили автору строк высказать предположение о том, что курганы являются древними архитектурными сооружениями (Гуцалов, 2007), поддержанное и другими исследователями (Борисов и др., 2007. С. 111–116). Однако в настоящей работе этот аспект не рассматривается.

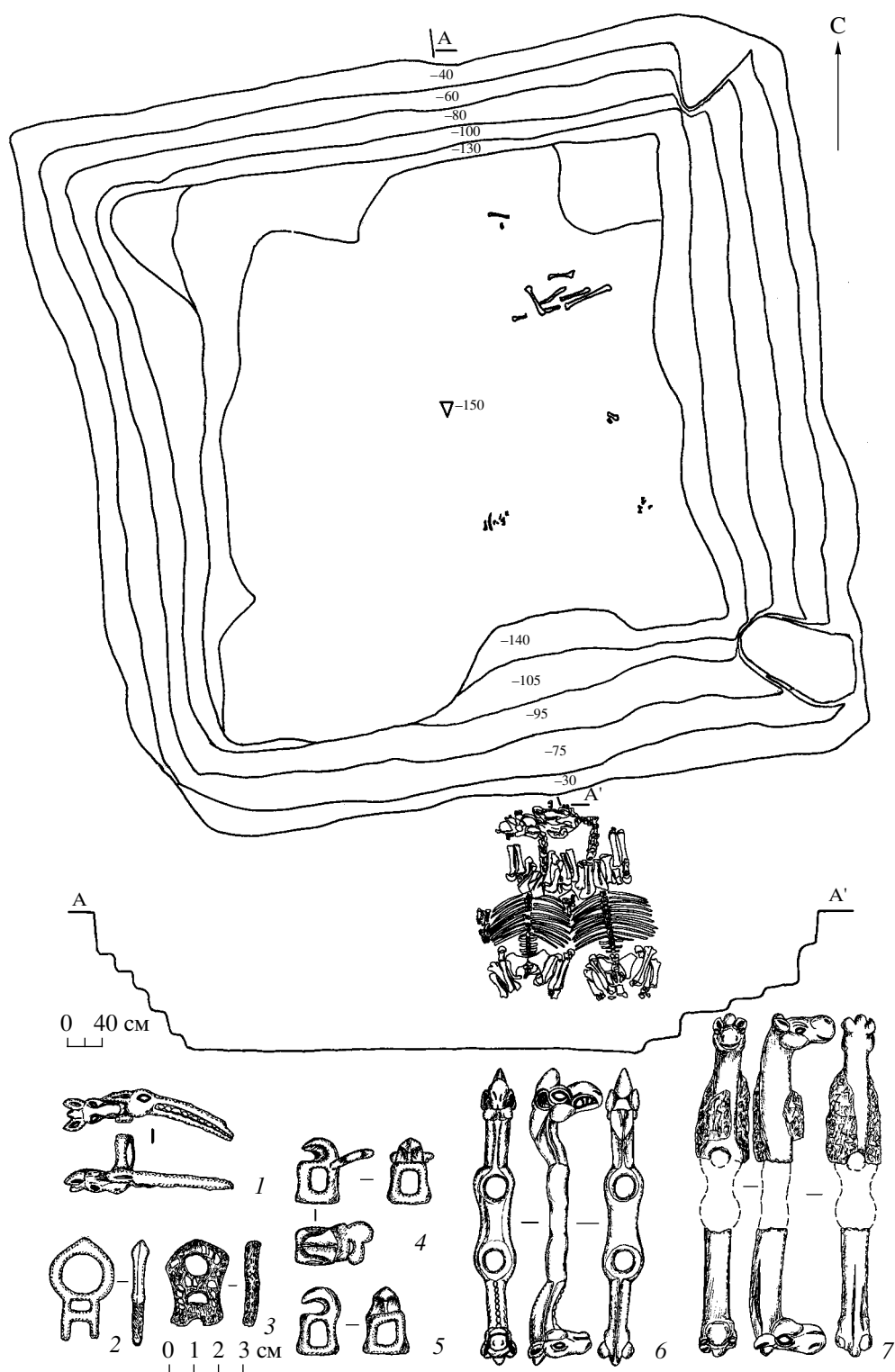

Рис. 3. Могильник Илекшар I. План и разрез погребения 4 в кургане 1. Инвентарь: 1, 2, 4-6 – бронза; 3 – железо; 7 – бронза и железо.

мере на территории Южного Приуралья аналоги мне неизвестны. Не вдаваясь в семантическую сущность данного типа захоронений, стоит сказать, что эта особенность подчеркивает и особый характер погребения.

В культурном плане основное захоронение в кургане 1 могильника Илекшар I тяготеет к курганным захоронениям из Лебедевского могильника. Там для погребений кочевой знати также приносили настилы в качестве деревянных подкурган-

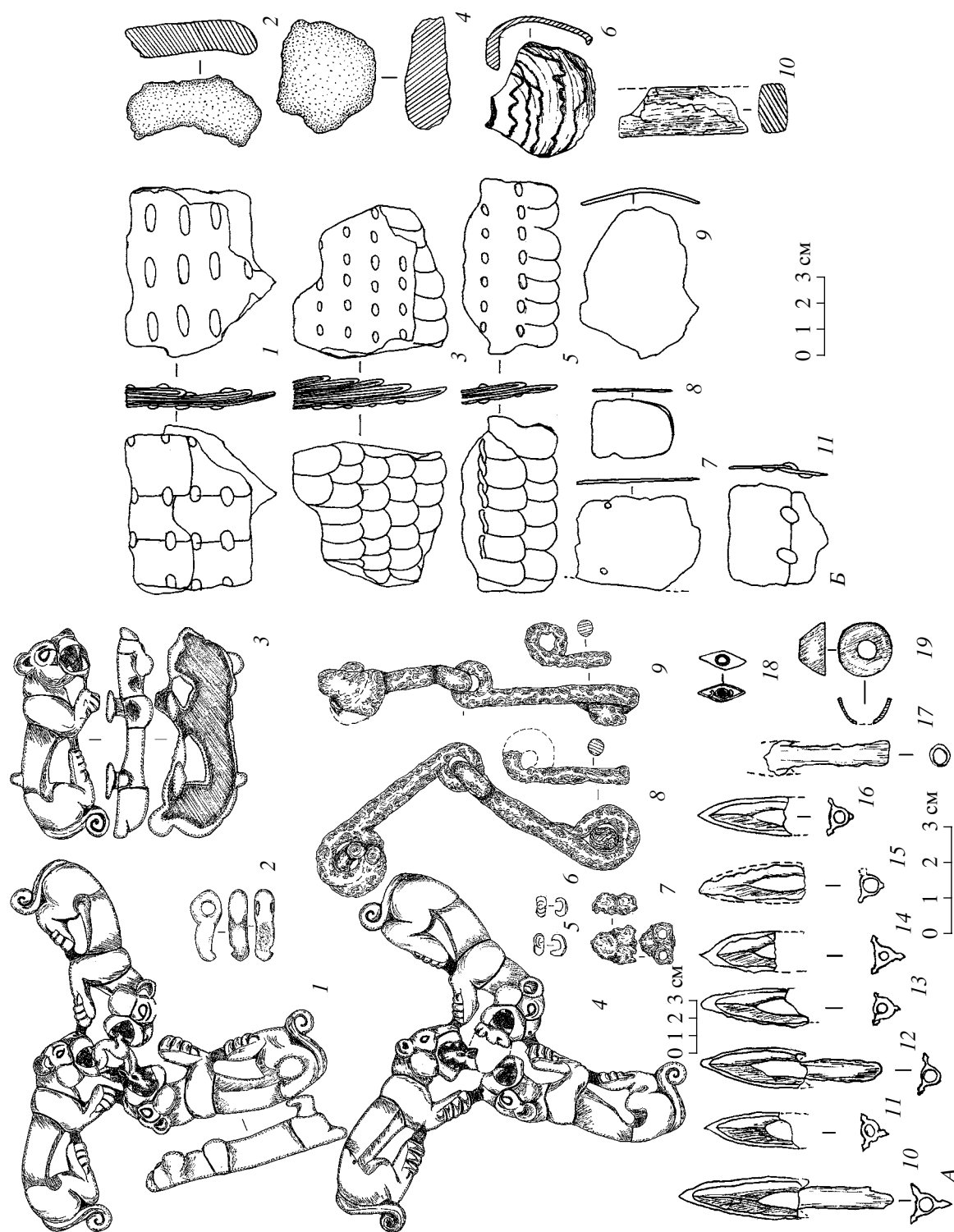

Рис. 4. Могилище Илекшар I, курган 1, погребение 4. Инвентарь. А: 1-4, 10-17, 19 – бронза; 5, 6 – железо и золото; 7-9 – железо; 18 – золото; В: 1, 3, 5, 11 – бронза и железо; 2, 4 – глина; 6 – стекло; 7-9 – бронза; 10 – железо.

ных конструкций (Железчиков и др., 2006. С. 16, 17; Рис. 34, а. Гуцалов, 2007. С. 77–80), а среди могильных ям преобладают большие прямоугольные или подквадратные. Впрочем, могилы указанных форм широко представлены и в некрополях среднего течения Илека (Смирнов, 1964. Рис. 18, 1; 31; 40, 1; Моргунова, Трунаева, 1993. Рис. 13, 14), хотя типы деревянных конструкций над могилами – иные.

Наличие в могильной яме остатков металлического доспеха, богатой узды и фрагмента “финикийского” стеклянного сосуда подтверждает выдающийся характер погребального комплекса. Защитный панцирь очень редок в южноуральских степях в конце VI – середине V в. до н.э. К этому времени относится также находка железных чешуек панциря в заполнении центральной ямы кургана 2 могильника Покровка 2 (Моргунова, Трунаева, 1993. С. 16). Типологически доспех номадов Южного Приуралья в рассматриваемое время близок тому, что был распространен у кочевников Восточной Европы в VII–V вв. до н.э. (Скорый, 1984. С. 86, сл.). Исключительный характер рассмотренных находок как среди древностей восточноевропейских кочевников, так и в исследуемом регионе также свидетельствует о том, что под курганом 1 могильника Илекшар I был погребен знатный кочевник.

Автор выражает глубокую признательность А.А. Бисембаеву за предоставленную возможность публикации материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.

Арсланова Ф.Х. Интересная находка из Прииртышья // Вестн. АН КазССР. № 10. Алма-Ата, 1963.

Борисов А.В., Журавлев А.Н., Шинкарь О.А. и др. Особенности архитектуры кургана 3 могильника Аксай III в бассейне Есауловского Аксая // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.) М., 2006.

Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М., 1993.

Мошкова М.Г. Савроматские памятники Северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972 (МИА; № 153).

Пшеничник А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.

Скорый С.А. Доспех скифского типа в Средней Европе // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА; № 101).

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М., 1964.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988.

Burial of a noble nomad at Ilekshar (South Urals), Scythian time

S. Yu. Gutsalov

Summary

The article presents the results of investigations of mound 1 at Ilekshar I cemetery near river Ilek, South Urals. The structure of the mound and the double horse burial near the wall of the main grave (burial 4) in the center of the mound have been investigated. Even though the site had been looted several times, the funeral rite and the grave goods (bronze arrowheads and artifacts in the animal style) from the 6th–5th cc. BC allow to interpret the grave as a burial of a noble nomad.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2009 г. М. А. Балабанова

Волгоградский государственный университет

Исследования половозрастных особенностей населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья и Южного Приуралья показали большое количество несоответствий, присущих популяции вообще и палеопопуляции в частности, выраженных в нарушениях половозрастной стратификации (Балабанова, 2000а; Батиева, 2000; Яблонский, 2005; Скрипкин, 1984. С. 79; Сергацков, 2000. С. 226. Табл. 20, 22; Кривошеев, 2005. С. 140, 154, 164). Поэтому для данного древнего населения не представляется возможным выявить демографические закономерности, но для понимания некоторых, в том числе и исторических процессов, стоит рассмотреть половозрастную структуру как суммарной и локальных выборок, так и серий из отдельно взятых могильников.

С момента публикации моей статьи по некоторым показателям демографии позднесарматского общества накопился значительный материал (Балабанова, 2000а). Сейчас выборка из могильников позднесарматского времени почти удвоилась, и в связи с этим есть возможность пересмотреть показатели ее половозрастной структуры.

Прежде чем приступить к выявлению половозрастной структуры исследуемой серии, следует напомнить, что позднесарматская выборка складывается из антропологического материала курганных могильников. Размеры курганов небольшие и содержат чаще всего одно основное погребение (Скрипкин, 1984. С. 59, 60, 65; Мошкова, 1989а. С. 191; Кривошеев, 2005. С. 120, 121. Табл. 3. С. 317; Сергацков, 2000. С. 226. Табл. 20). Парные погребения в комплексах этого времени – большая редкость на всей территории распространения культуры (Мошкова, 1989а. С. 191). Позднесарматские погребальные комплексы часто группируются в достаточно крупные курганные могильники, иногда достигающие 30 и более курганов, как в приуральских могильниках: Лебедевка, Покровка-10, в курганных группах Абганерово, Ютаевка и Кривой Луки дали достаточно массовый материал¹. При составлении антропо-

логической выборки главным критерием было включение всех доступных для изучения костяков.

В общей сложности в демографические подсчеты был включен материал, насчитывающий 542 костяка из 132 могильников. Такое большое количество могильников связано с тем, что в позднесарматскую выборку включен не только материал из крупных могильников, но и из отдельных курганов, содержащих одно индивидуальное погребение. Наибольшее количество костяков дали курганные группы Абганерово, Кривой Луки, Старицы, Кузина хутора, Кермен Толги, Купцын Толги, Калиновки, Бережновки и др.

Для выяснения половозрастных особенностей позднесарматского общества важным критерием является понимание принципа формирования позднесарматских могильников. Крупные могильники этого времени располагаются чаще всего по террасам больших и малых рек. Такое относительно большое количество курганов, локализованных на одном месте, предполагает более или менее длительное проживание кочевой группы на конкретной территории.

По поводу хозяйственной специфики ранних кочевников, известных под этнонимом сарматы, до сих пор не сложилось единого мнения. Чаще всего предполагается наличие у них постоянных летовок и зимовок. На таких стоянках сарматы изготавливали обильно представленную в их материальной культуре лепную керамическую посуду, которая, по мнению некоторых авторов, являлась свидетельством малоподвижности сарматов (Смирнов, 1984. С. 88; Акбулатов, 1999. С. 29, 30). А.М. Хазанов, напротив, считал, что все сарматское население кочевало, а на зиму возвращалось к постоянным жилищам (1975. С. 12).

Ряд исследователей предполагают у сарматов, с одной стороны, длительные меридиональные перекочевки, с другой – дальние широтные и радиально-круговые с обязательными зимовками (Ягодин, 1971. С. 103–107; Железчиков, 1984. С. 4, 5; Железчиков, Железчикова, 1990. С. 77; Таиров, 1993. С. 15–19; Мошкова, 1989б. С. 204).

Как показывает источниковедческий материал и научные разработки, расположение могиль-

¹ Сведения по позднесарматскому времени могильника Лебедевка были любезно предоставлены мне М.Г. Мошковой, за что я ей очень благодарна. Сведения по могильнику Покровка-10 взяты из статьи Л.Т. Яблонского (2005).

ников напрямую связано с характером кочевания. В связи с тем что система кочевания у сарматов в письменных источниках освещена слабо, это позволяет обратиться к археологическим данным и этнографическому материалу по сарматам, кочевникам средневековья и нового времени казахстанских, южноуральских и волго-донских степей.

На основе этих данных можно предположить следующие варианты оформления позднесарматских могильников в связи с их формами кочевания.

Во-первых, в позднесарматском обществе, как и в любом другом, имелись крепкие хозяйства, которые в определенное время года осуществляли длительные перекочевки с непрерывным перемещением по маршруту, на котором оставляли могильники или отдельные захоронения. Эта практика кочевания описана у средневековых кочевников, казахов и калмыков (Рубрук, 1957. С. 185; Толыбеков, 1971. С. 467, 468, 471; Батмаев, 2002. С. 277). Возможно, такой вариант кочевания у сарматов объясняет наличие впускных погребений и одиночных курганов². Известно, что умершего члена кочевой группы часто хоронили на том месте, где его настигла смерть (Фиельструп, 2002. С. 108; Толыбеков, 1971. С. 472, 473). Место погребения выбиралось на путях у воды и оно мыслилось как новое кочевье умершего (Фиельструп, 2002. С. 109; Батоева и др., 2002. С. 147, 148).

Во-вторых, кроме богатых хозяйств были группы, кочующие эпизодически или кочующие на малые расстояния, которые проживали на одной и той же территории по несколько месяцев. У них было минимальное или недостаточное для кочевания количество скота. Для выпаса своего небольшого стада таким хозяйствам не требовались обширные и богатые травостоем пастбища (Марков, 1976. С. 158, 159; Толыбеков, 1971. С. 501, 502; Батмаев, 2002. С. 277; Акбулатов, 1999. С. 29). У таких групп можно предположить наличие кладбищ, локализованных как на летниках, так и на зимниках (Плетнева, 2003. С. 13, 16).

Перечисленные варианты, видимо, имели место и у изучаемой группы сарматов, что объясняет дисперсную концентрацию их могильников и отдельных курганов. В любом случае существование постоянных летников или временных стойбищ также предполагает кладбища или отдельные могилы при них, поскольку человек может умереть в любое время года, а везти хоронить умершего сородича в летнее время на кладбище зимника не всегда было возможно. Хотя отдельные примеры, очевидно, имели место и в погребальной практике сарматов, как это описано у ка-

захов и у киргизов. Уважаемого и почетного члена сообщества, умершего на стороне, независимо от времени года, везли хоронить на родовое кладбище (Фиельструп, 2002. С. 110–113).

Данные рассуждения позволяют достаточно уверенно говорить о том, что, согласно погребальной практике исследуемой группы древних кочевников, отдельные представители одной и той же палеопопуляции (аила, улуса, хотона, куреня и т.д.), представленные археологическим материалом, оказываются в разных выборках. После смерти одни из них захоранивались на кладбищах зимников, другие – на кладбищах летников, а третьи – еще где-то. Это становится совершенно очевидным при сравнении керамического материала из могильников Волго-Донского междуречья и Заволжья, когда обнаруживаются совершенно идентичные экземпляры, что наводит на мысль об одном и том же мастере, их изготавливавшем³.

Вместе с тем, используя этнографический материал, невозможно хотя бы предположительно определить относительную численность кочевой группы, поскольку в целях рационального использования пастбищ в зимнее время года совместно кочевало небольшое количество хозяйств. Летние пастбища чаще всего располагались по долинам рек, а стойбища были более многочисленными. При этом один “кочевой аул” располагался от другого на расстоянии видимости. Такая практика кочевания была характерна для многих народов. У казахов, калмыков и у других кочевников описаны самые разные размеры кочующей орды (аулов, айлов, хотонов, улусов и т.д.): от 6–8 иногда до 8–12 юрт у монголов, от 5 до 70 юрт у казахов. У калмыков чаще всего хотон насчитывал от 25 до 35 кибиток. У зауральских башкир редко более 10 хозяйств и т.д. (Марков, 1976. С. 110, 141, 169; Сдыков, 2004. С. 123; Батмаев, 2002. С. 145; Акбулатов, 1999. С. 28). Иногда аулы объединялись в более крупные образования, насчитывавшие от 100 до 1000 и более кибиток (Батмаев, 2002. С. 171–182; Колесник, 2003. С. 150, 179, 228–243).

Несмотря на гипотетичность данных рассуждений, все же можно считать, что отдельные позднесарматские могильники оставляла какая-то одна кочевая группа типа аула, аила, хотона и пр. Этому не противоречит и хронологический диапазон погребений одного могильника, имеющих достаточно узкую дату. Основной материал позднесарматских погребений датируется второй половиной II – первой половиной III в.

Другой вопрос, которому уделяется внимание в статье, это какими критериями позднесарматская кочевая группа руководствовалась при со-

² По подсчетам массового материала, впускные погребения составляют всего 10% от общего числа позднесарматских погребений (Скрипкин, 1984. С. 65; Кривошеев, 2005. С. 317. Табл. 3).

³ Здесь высказано мнение волгоградских археологов, за что я им благодарна.

оружии кургана и погребения? Ответ на этот вопрос является еще одной целью нашего исследования.

Теперь уже стало традиционным представлять палеодемографические данные в виде таблиц смертности исследуемого населения, которые включают в себя всю демографическую информацию (Acsadi, Nemeskeri, 1970; Angel, 1969; Романова, 1989; Медникова, Бужилова, 1998; Алексеева и др., 2003).

В современной палеоантропологии для кочевого и оседлого населения раннего железного века Нижнего Поволжья и сопредельных территорий накоплен богатый положительный опыт палеодемографических реконструкций (Алексеев, Гохман, 1970; Козинцев, 1971; Матвеева, 1999; Медникова, 2000; Романова, 1989; Батиева, 2000; 2001; 2005; Богатенков, 1999; 2000; Балабанова, 2000а; б; Яблонский, 2005). Всю эту информацию автор использует для сравнительного анализа с исследуемой группой древнего населения.

Таблицы дожития составлялись только для взрослого населения по следующему принципу объединения материала: выборки из отдельно взятых могильников; локальные группы, включающие материал нескольких могильников, но тяготеющий к определенным географическим реперам, предположительно могильники крупных кочевых объединений. Например, в одну группу был собран материал из могильников, расположенных по террасам Есауловского Аксяя или же по террасам р. Иловли и прилегающих к ним территориям и т.д. Кроме того, для получения представления о половозрастной структуре всей археологической культуры, таблица дожития вычислялась по суммарной и хронологическим группам.

В результате проведенного анализа всех групп получены достаточно интересные результаты, перекликающиеся с уже известными данными и являющиеся практически стандартными для позднесарматского общества. Любой уровень исследования, за небольшим исключением, дает близкие параметры демографии, и все группы различаются деформацией половозрастной структуры, что не соответствует критериям модельной палеопопуляции. На основе таблиц дожития построена сводная таблица, в которой приведена демографическая информация, которая ниже интерпретируется (таблица).

В первую очередь, исследуемое население характеризуется относительным долголетием. Ожидаемая продолжительность жизни оказалась для суммарной позднесарматской выборки – 41,6 лет с учетом немногочисленности детских погребений (таблица). По всем локальным группам этот признак также превышает 40-летний рубеж. Лишь в группах из бережновского могильника, ахтубин-

ской и иловлинской возраст дожития немного не доходит до 40-летнего рубежа, хотя и очень высокий: 38,5–39 лет. Следует отметить, что группа из Авиловского могильника отличается от всех остальных значительным количеством молодых людей, что сказывается в целом и на иловлинской группе. В этом могильнике в основном были похоронены мужчины, умершие в молодом возрасте, за исключением трех индивидуумов, которые в момент смерти, возможно, преодолели 40-летний возраст. Средняя продолжительность жизни в этой группе – 30,8 лет. Все мужские погребения, кроме одного, с воинской атрибутикой (наличие в погребении меча или кинжала).

Такие же высокие значения возраста смерти дают и хронологические группы поздних сарматов, но со временем намечается тенденция к повышению среднего возраста дожития. У ранней группы поздних сарматов средний возраст смерти 40,5 лет, у поздней – 42 года с учетом детей.

В обширном палеодемографическом обзоре из работы коллектива авторов по антропологии средневекового могильника Мистихали и других публикаций по населению раннего железного века с поздними сарматами сопоставимы по значению этого признака несколько палеопопуляций, почти синхронных позднесарматской. В эту группу входят поздние сарматы Покровки-10, выборки из могильников: Сакар-чага 1, Николаевки (Казацкое) и Золотой Балки (поздние скифы), Клинь Яра 3 (неэлитный участок, сарматы первых веков нашей эры) и др. (Яблонский, 1999. С. 37, 38. Табл. 8; 2005. С. 48. Табл. 1; Богатенков, 2000. С. 31. Табл. 2; Алексеева и др., 2003). Высокий возраст смерти имеют элитные группы, оставившие средневековые могильники салтово-маяцкой культуры Дмитриевское и Маяцкое, и некрополь Мистихали (Бужилова, 2005. С. 158; Алексеева и др., 2003. С. 24. Табл. 9). Возраст смерти в этих группах тоже превышает 40 лет как у мужчин, так и у женщин. Совершенно очевидно, что в любое время, как и для эпохи раннего железного века, так и средневековья, высокий возраст дожития связан с социальным статусом, а значит, с высоким экономическим уровнем отдельных групп. Для исследуемой группы сложно связать высокий возраст дожития с социальным статусом и благополучием, так как большая часть погребений, где были похоронены пожилые люди, с обывательской точки зрения не являются элитными, так как бедны инвентарем. Видимо, здесь руководствовались другими принципами.

На основе имеющегося материала трудно определить другой демографический показатель – детскую смертность. Как уже было сказано, захоронений детей в позднесарматских курганах очень мало, и, конечно, количество их не отражает истинную картину детской смертности. Все

Некоторые демографические показатели позднесарматских серий второй половины II–IV в.

Могильник, выборка	№	A (Aaam/Aaaf)	♂	♀	Дети под- ростки	♂/♀	Взрослое население	C15-35 (Cm15-35/Cf15-35)	C50+ (C50 + m/C50 + f)
Калиновка	26	41.4 (48.4/28.5)	15 (57.7)	9 (34.6)	2 (7.7)	1.7	24 (92.3)	14.3 (0.0/60.0)	33.3 (50.0/0.0)
Бережновка	19	39.0 (44.7/32.2)	9 (47.4)	10 (52.6)	–	0.9	19 (100)	35.3 (12.5/55.5)	23.5 (37.5/32.2)
Абганерово	40	39.9 (40.4/37.1)	32 (80.0)	6 (15)	2 (5)	5.2	38 (95.0)	32.4 (32.2/33.4)	24.3 (25.8/16.7)
Акса́й	27	41.7 (43.9/34.6)	19 (70.4%)	6 (22.2%)	2 (7.4%)	3.2	24 (92.6%)	32.0 (26.3/50.0)	32 (36.8/16.7)
Кривая Лука	54	45.7 (46.9/44.5)	37 (68.5)	14 (25.9)	3 (5.6)	2.6	51 (94.4)	16.3 (19.5/18.2)	57.1 (63.9/45.5)
Старица	20	42.4 (41.9/36.9)	13 (65)	7 (35)	–	1.9	20 (100)	35.0 (30.8/50.0)	25.0 (23.1/25.0)
Кузин хутор	21	46.5	15 (71.4)	6 (28.6)	–	2.5	21 (100)	20.0	60.0
Кузин хутор [1]	27	47.1 (46.2/43.8)	19 (70.4)	8 (29.6)	–	2.4	27 (100)	18.5 (15.9/25.0)	51.9 (52.6/50.0)
Кермен Толга	20	42.2 (47.2/39.1)	9 (45.0)	9 (45.0)	2 (10.0)	1.0	18 (90)	10.6 (11.1/37.7)	42.1 (55.6/37.5)
Купцын Толга	16	43.6 (44.2/32.5)	13 (81.2)	3 (19.8)	–	4.3	16 (100)	25.1 (30.8/66.6)	43.8 (53.8/0.0)
Джангар	13	41.9 (42.7/–)	11 (84.6)	2 (15.4)	–	5.5	13 (100)	30.8 (25.0/–)	38.5 (41.7/–)
Авиловский-II	12	30.8 (30.5/–)	11 (91.7)	1 (9.3)	–	11	12 (100)	66.6 (70.0/–)	0.0 (0.0/–)
Перегрузное-I	12	40.0 (43.8/35.0)	7 (58.3)	5 (41.7)	–	1.4	12 (100)	41.6 (33.4/60.0)	33.3 (50.0/20.0)
Суммарная группа	542	41.6 (43.1/37.1)	362 (66.8)	165 (30.4)	15 (2.8)	2.2	527 (97.2)	23.7 (28.1/46.5)	34.2 (38.2/25.2)
Суммарная без деформации	156	40.4 (41.4/37.6)	114 (73.1)	42 (26.9)	–	2.7	–	36.2 (26.8/42.5)	27.0 (29.5/20.0)
Суммарная с деформацией	345	42.1 (44.3/36.6)	235 (68.1)	110 (31.9)	–	2.1	–	31.6 (24.5/49.1)	40.0 (44.0/26.4)
Акса́йская группа	102	41.0 (43.5/38.2)	68 (66.7)	30 (29.4)	4 (3.9)	2.3	98 (96.1)	33.7 (31.0/41.6)	38.9 (40.8/29.2)
Астраханская группа	198	42.4 (45.8/39.2)	129 (65.2)	63 (31.8)	6 (3.0)	2.0	192 (97)	23.5 (20.5/32.7)	41.4 (52.0/24.1)
Чограйская группа	31	45.2 (47.4/42.9)	17 (54.8)	13 (41.9)	1 (3.2)	1.3	30 (96.8)	22.7 (11.8/30.8)	54.8 (41.2/46.2)
Иловлинская группа	37	38.5 (39.1/42.8)	27 (73.0)	8 (21.6)	2 (5.4)	3.4	35 (94.6)	35.3 (40.7/25.0)	26.5 (22.2/37.5)
Ахтубинская группа	39	39.0 (47.0/29.7)	25 (64.1)	11 (28.2)	3 (7.7)	2.3	36 (92.3)	22.3 (8.3/66.6)	25.0 (37.5/0.0)
Заволжская группа	69	41.4 (44.8/36.3)	45 (65.2)	24 (34.8)	–	1.9	69 (100)	24.7 (16.7/43.5)	27.0 (33.3/14.3)
2/1 II–1/2 III вв.	181	40.5 (43.7/38.0)	112 (61.9)	63 (34.8)	6 (3.3)	1.8	175 (96.7)	33.7 (28.6/40.0)	32.6 (37.5/30.0)
2/1 III–IV вв. н.э.	106	42.0 (45.4/40.6)	67 (63.2)	34 (32.1)	5 (4.7)	2.0	101 (95.3)	23.5 (22.7/39.1)	35.3 (42.5/19.4)

Примечание: № – объем выборки; A(AaAm/Aaaf) – средний возраст смерти в группе (отдельно по мужчинам и женщинам); C(15–35) – процент индивидумов в возрастной группе 15–35 лет (отдельно по мужчинам и женщинам); C50+ – процент индивидумов в финальной возрастной когорте (отдельно по мужчинам и женщинам), [1] – объем единичная серия средних и поздних сарматов из могильника Кузин хутор.

рассматриваемые в работе группы дают очень низкий процент детских костяков. Среди опубликованных синхронных и близких по времени групп нет ни одной с такими же значениями (Романова, 1989. С. 70. Табл. 2; Богатенков, 2000. С. 31. Табл. 2; Алексеева и др., 2003. С. 32–34. Табл. 10). Частота этого показателя составляет всего лишь 2.8% от общей численности суммарной выборки. Несколько выше процент детей в локальных группах, но редко превышает 7.0% рубеж. В приуральских могильниках процент детских костяков составляет 7.0% в могильнике Покровка-10 и 8.2% – Лебедевка⁴. Он тоже низкий и, конечно, не отражает реальную детскую смертность. В некоторых курганных могильниках дети вообще отсутствуют (Бережновка, Авиловский-II, Старица и др.). В хронологических группах количество детей почти не меняется и остается низким (таблица).

Такое распределение детских захоронений в позднесарматских могильниках можно объяснить, видимо, тем, что детей хоронили под курганами в исключительных случаях. Возможно, это были случаи, когда смерть взрослого сородича совпадала со смертью ребенка, или были какие-то другие причины помещения детей под курганами, о которых мы можем лишь строить предположения. В изучаемой группе позднесарматских курганов нет ни одного ребенка моложе 10–12 лет, для которого бы сооружалась отдельная могила, а значит, и курган. В погребениях вместе с взрослым чаще хоронили младенцев, очень редко встречаются дети 1–3 лет и лишь дважды дети 7–8 лет. Достаточно редко встречаются и погребения подростков. В исследуемой выборке всего четыре подростка 10–14 лет, которым отдельно насыпался курган, и скорее всего это были юные женщины.

Очень похожая ситуация с детскими захоронениями зафиксирована Е.Ф. Батиевой на материалах курганов хазарского времени. В курганах с ровиками, которые являются, по мнению некоторых ученых, этническим определителем хазар, детей очень мало, около 5.5%. Среди них нет ни одного ребенка моложе 6 лет (Батиева, 2005. С. 79. Табл. 2). Кстати, у данной средневековой группы есть еще похожие демографические критерии, которые роднят их со своими предшественниками, поздними сарматами, о чем будет сказано ниже.

Такая система распределения детских захоронений невольно наводит на мысль о существовании у них особых способов погребения. Подобная практика не исключается, но она из области догадок, пока еще ни чем не подкрепленных. Вообще, по особым способам захоронения детей имеется

достаточно информации как в археологической, так и в этнографической литературе.

Для предшествующих сарматских групп процент детских захоронений соотносим с другими древними культурами. Так, по данным раннесарматских курганов-кладбищ, детские захоронения составляют от 16.7 до 50% (Балабанова, 2000б. С. 85. Табл. 23). Не менее 20% детских захоронений выявлено в разных районах локализации памятников при анализе базы данных по раннесарматской культуре (III–I вв. до н.э.) (Скрипкин, 1997. С. 179. Табл. 1). У средних сарматов хотя и сокращается количество детских захоронений, тем не менее оно несопоставимо с их количеством у поздних сарматов. По среднесарматским погребениям могильника Бережновка II детские костяки составляют 17%, а в могильнике Бердия – 27.3%. На основе статистической базы по среднесарматской культуре, обработанной И.В. Сергацковым (2002. С. 90, табл.), процент детских костяков в целом по культуре составляет 14.3%. В отдельных районах от 5.4% в могильниках южной части Волго-Донского междуречья до 22% в могильниках Нижнего Дона. Интересные результаты по детской смертности дал разновременный материал могильника Перегрузное-I. Так, в раннесарматской группе отмечена высокая детская смертность, которая составила больше половины: 51.4%. В среднесарматской количество детей резко сокращается и составляет всего лишь 15.4%, а в позднесарматской выборке дети вообще отсутствуют (Балабанова, в печати).

Таким образом, появление традиции постепенного сокращения детских захоронений под курганами начинается с рубежа эр и ко второй половине II–IV в. н.э. достигает минимальных значений. Такое распределение детских захоронений в сарматских культурах, возможно, является еще одним свидетельством гипотезы формирования позднесарматской общности в недрах среднесарматской. Те люди, которые потом оформились в позднесарматское общество вместе с пришлыми группами, видимо, культивировали традицию избирательности при погребениях под курганами. И в первую очередь именно дети лишались такой возможности. Объяснить, чем обусловлен был такой обряд, довольно сложно.

У поздних сарматов “ощущается дефицит” захоронений не только детей, но и женщин (таблица) (Балабанова, 2000а. С. 202; Батиева, 2000. С. 2; Яблонский, 2005. С. 46). Резкое преобладание мужчин отмечается почти во всех выборках, кроме Бережновки и Кермен Толги (таблица). В объединенной группе на 362 (68.7%) мужчин приходится 165 (31.3%) женщин. Соотношение по полу составляет 2.2. Близкое соотношение по полу и в остальных позднесарматских группах, кроме перечисленных выше. Преобладание мужчин над

⁴ Сведения о половозрастном составе лебедевского могильника любезно предоставлены мне М.Г. Мошковой.

женщинами от 1.4 раза в могильнике Перегрузное-I до 11.0 в могильнике Авиловский-II. В Бережновке и в Кермен Толге количество мужчин и женщин приближается к нормальной пропорции 1 : 1. По локальным группам этот признак имеет не такие значительные колебания, как в курганных группах, и варьирует от 1.3 в чограйской группе до 3.4 в иловлинской. В остальных группах он чуть больше или чуть меньше двух единиц. Обычно такую половозрастную деформацию в палеопопуляциях принято считать действием по- смертного отбора, связанным с худшей сохранностью женских костяков. В нашем случае нет никаких оснований для такого высказывания, так как весь позднесарматский материал, за небольшим исключением, очень хорошей сохранности

Вообще, есть достаточно примеров, где в древних популяциях наблюдается деформация половой структуры либо в сторону преобладания мужчин, либо в сторону женщин, и объясняют эту причину по-разному. Практически все исследователи отмечают, что незначительное преобладание мужчин над женщинами характеризует общество номадов. Интересно, что в курганах с ровиками⁵ хазарского времени женщин в 2.5 раза меньше, чем мужчин (Батиева, 2005. С. 79. Табл. 2). Диспропорция по полу засвидетельствована и в других средневековых кочевнических могильниках (архивный материал автора).

Принято считать, что подвижные группы характеризуются малым количеством детей и женщин. Поскольку не вызывает сомнений тот факт, что позднесарматское общество формировалось на основе миграций, и скорее всего мужских миграций, то становится понятной приведенная выше картина половозрастных перекосов.

Похожая ситуация зарегистрирована на могильнике джетыясарской культуры Косасар 2. По мнению исследователей, “устойчивое преобладание мужчин над женщинами” вместе с остальным антропологическим комплексом характеризует статус мужчин как мигрантов с типом специализации воинов-всадников (Медникова, Бужилова, 1993. С. 269; Медникова, 2000. С. 72; Бужилова, 2005. С. 152).

В демографической ситуации хронологических групп никак не отразились предполагаемые процессы освоения и адаптации ранней группы к условиям окружающей среды, где ранняя группа второй половины II – первой половины III в. н.э. должна была бы по идее испытать стресс. Значения всех приведенных выше признаков в хронологических группах сопоставимы и не различаются как между собой, так и со значениями суммарных и локальных групп: женщин в 2 раза меньше, чем мужчин, а детей – около 5%.

⁵ Эти археологические комплексы связывают с этническими хазарами.

Кроме этого, для выяснения эпохальной изменчивости важно рассмотреть и такой демографический показатель, как процентное соотношение мужчин и женщин по возрастным когортам. Так, в суммарной серии на долю людей, умерших в молодом возрасте (15–35 лет), приходится около 23.7%. Несколько выше этот показатель у населения, не практиковавшего обычай деформации: соответственно 26.2 и 31.6% в группе его практиковавших. По этому признаку наблюдаются значительные гендерные расхождения, что практически закономерно, так как имеет место во всех группах. На долю молодых мужчин приходится в среднем 28.1% от общего числа мужчин, а на долю молодых женщин – 46.5%. При делении выборки на мужчин с деформированными головами и без деформации, доля молодых мужчин с недеформированными головами чуть выше (26.8%), чем с деформированными (24.5%). То же самое наблюдается у женщин, доля молодых женщин в деформированной части достигает 42.5%, а в недеформированной – 46.5%. По различным локальным группам выведенная закономерность повторяется. В аксайской группе доля молодых мужчин составляет 31.0%, а молодых женщин – 41.6%; в заволжской соответственно 16.7 к 46.5%; в астраханской – 20.5 к 32.7%; в чограйской – 11.8 к 30.8%; в ахтубинской – 8.3 к 66.6%. И лишь в иловлинской группе доля молодых мужчин составляет 40%, а молодых женщин – 25%. В отдельно взятых могильниках также молодые женщины чаще умирали, чем мужчины.

Из приведенного выше следует, что пики смертности в молодом возрасте присутствуют и у мужчин, и у женщин. Причем у женщин в некоторых группах больше половины умирали в молодом возрасте: группы из Калиновки, Бережновки, Аксая, Старицы, суммарная, ахтубинская и др. Доля молодых мужчин по группам чаще превышает 20% и составляет одну треть от общего количества умерших.

Будет интересно заметить, что со временем хронологические группы поздних сарматов стареют: в ранней группе молодых людей 33.7%, а в поздней всего 23.5%. Сохраняется и выявленная закономерность по полу: в ранней группе соотношение молодых мужчин к молодым женщинам 25.6 к 46.7%; в поздней – 22.8 к 29.2%.

Совсем по-другому распределяется количество пожилых людей, доживших до 50 лет (C50+)⁶. Как уже отмечено по этому признаку почти все позднесарматские группы демонстрируют достаточно благополучную ситуацию. В суммарной серии до интервала 50 и более лет дожило около 34.2%. Такой большой процент “долгожителей” не изве-

⁶ Возраст старше 50 лет определялся при полной облитерации всех черепных швов, кроме височных и очень сильной стертости зубов (по: Кирьянов и др., 1989. Рис. 10).

стен ни в одной палеопопуляции. Достаточно большой процент пожилых людей, но все же не намного ниже, чем в позднесарматских группах, отмечено у «тагарцев» группы Туран 1–3 и у поздних скифов из Николаевки (Казацкое) (Романова, 1989. С. 202. Табл. 7; Алексеева и др., 2003. С. 29–36. Табл. 10). Много людей, доживших до 45–55 лет, и в поздней группе (IV–V вв. н.э.) Танаиса, что в рамках нашей проблемы вызывает особый интерес (Батиева, 2001. С. 227). Дело в том, что существует научная гипотеза об оседании позднесарматского населения в нижнедонских и причерноморских городах в качестве горожан, составляющих значительный их процент. Таким образом, если предположить, что позднее население Танаиса преимущественно составляли сарматы, то, видимо, они сохранили традицию избирательного погребения людей преклонного возраста и на городском некрополе.

Часть позднесарматского общества, практиковавшая обычай деформации, чаще доживала до преклонного возраста, чем та, которая его не практиковала: 40.0 и 27.0%. Аналогичные различия имеются и в разнополых выборках, всегда этот показатель выше в деформированной части и у мужчин. В суммарной группе в ранг «долгожителей» попало 38.2% мужчин и 25.2% женщин. Деформированная часть мужчин умирала в возрасте 50 и старше лет с частотой в 44.0%, а недеформированная их часть – 29.5%. У женщин с деформированными головами около 26.4% преодолели 50-летний возраст, а без деформации – только 20.0%. Среди позднесарматских могильников выделяются группы, в которых около половины умерших достигли возраста в 50 лет (Кривая Лука, Кузин хутор и др.). Вообще, все выборки из могильников также демонстрируют высокие показатели С50+, даже если они не достигают 40% барьера, они не ниже 20%. В Бережновском их всего 23.5%, несколько больше в Старицком: 25% и т.д. (таблица). По локальным группам этот показатель распределяется следующим образом. Больше всего пожилых людей в локальной чограйской группе, в могильниках Кривая Лука, Кузин хутор и др. Здесь более половины погребенных преодолели 50-летний рубеж. Совсем нет пожилых людей в авиловской группе, а меньше всего их в бережновской, ахтубинской, абганеровской и др. В хронологических группах старше выглядят мужчины поздней группы памятников: соответственно 45.5 к 35.7%, а моложе женщины – 19.4 к 30.0%.

Таким образом, в любой позднесарматской выборке, за исключением иловинской, достаточно высокая смертность выпадает на финальный отрезок возрастной шкалы.

Анализ цифрового материала по смертности различных возрастных групп дает возможность

предположить наличие стрессовых ситуаций у мужчин и у женщин позднесарматского общества в определенном интервале, которые приводили к летальному исходу. Риск смертности женщин в молодом возрасте традиционно связывают в палеодемографических работах с осложнениями, выпадающими на период беременности и родов. Вообще-то, смертность женщин в фертильном возрасте является постоянно действующим, но не единственным фактором, повышающим их летальность. Кроме этого, смертность женщин, возможно, была связана с большей их уязвимостью эндогенным и экзогенным воздействиями, так как им как кочевницам долгое время приходилось находиться в ограниченном пространстве кибитки – основного жилища сарматов. Отсюда и большая подверженность их инфекционным заболеваниям (Перерва, 2005. С. 220, 221).

Что касается мужской части исследуемой общности, здесь смертность в молодом возрасте скорее всего связана с участием в военных операциях. Об этом свидетельствует большое количество травм боевого характера со смертельным исходом на костях молодых мужчин (Перерва, 2002. С. 145–148; архив автора).

Итак, некоторые приведенные демографические показатели позднесарматского общества: высокий возраст дожития, гендерная диспропорция, малое количество детей; большое количество «долгожителей» и др. – значительным образом связаны с социально-экономическими факторами и являются отражением их. Мною уже высказывалась гипотеза о том, что позднесарматская культура, весь археологический комплекс, которой реконструируется исключительно по погребальным сооружениям, скорее всего отражает особенности какой-то отдельной и особой части общества. Этот тезис подкрепляется и исключительным единообразием их морфологического облика. Несмотря на то что население формировалось на основе субстратного и пришлого компонентов, на всей огромной территории от Приуралья на востоке и до Нижнего Дона и Северного Причерноморья на западе их общий тип диагностируется как тип длинноголовых европеоидов без локальной изменчивости, как это имело место у ранних и средних сарматов (Балабанова, 2000б; 2004. С. 247; Круц, 1993; Яблонский, 2005).

Каковым было это общество во всем своем многообразии, трудно говорить, не имея никаких доказательств и строя лишь предположения. Массовый сравнительный материал доказывает особое положение этой группы на фоне как всего сарматского населения, так и остального древнего антропологического массива восточноевропейских степей. Используя приведенные выше демографические показатели, можно предполо-

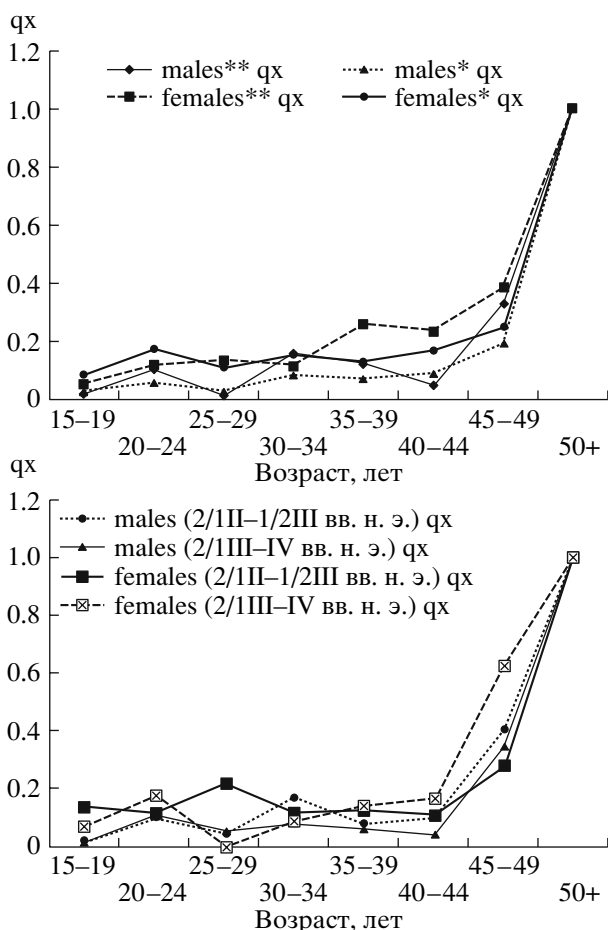

Рисунок. Возрастная динамика вероятности смерти (qx) у мужчин и женщин с деформацией и без деформации и в хронологических группах. (males* – мужчины с искусственной деформацией головы; males** – мужчины без деформации головы; females* – женщины с искусственной деформацией головы; females** – женщины без деформации головы).

жить у них тщательную избирательность при помещении умершего под курганной насыпью. Чем они руководствовались, пока трудно установить.

В результате проведенного анализа можно выделить следующие критерии половозрастной структуры, характеризующие позднесарматское общество.

1. Все демографические показатели, характеризующие стандартную палеопопуляцию, не применимы к позднесарматскому обществу, так как здесь нарушена половозрастная структура, и вряд ли можно использовать понятие палеопопуляция к любому объединению позднесарматского материала.

2. Трудно судить об уровне детской смертности, так как детские костяки или совсем отсутствуют, или их очень мало в позднесарматских курганах. Имеющийся материал по детям может свидетельствовать, что только малую часть детей

хоронили под курганами и чаще всего при сопровождении взрослых людей.

3. Значительная диспропорция полов, преобладание мужчин над женщинами вместе с практически полным отсутствием детей, так как она фиксируется по археологическим погребальным комплексам, может являться красноречивым показателем мобильности позднесарматских групп. Вероятно, остальных женщин они включали в свой состав извне, а возможно, как применительно к детям использовали иную погребальную практику.

4. Позднесарматское население отличалось высокими “благополучными” показателями средней продолжительности жизни. Максимальная смертность и у мужчин, и у женщин регистрируется в возрасте старше 40–50 лет.

5. Довольно высока смертность и в молодом возрасте, особенно женской части. Вместе с тем причины проявления кумулятивного стрессового воздействия в молодом возрасте (15–35 лет) скорее всего у мужчин и у женщин были разные. У женщин высокая смертность, видимо, связана с фертильностью, а у мужчин – с участием их в боевых действиях.

6. Реконструируемая модель половозрастной структуры позднесарматской культуры позволяет высказать предположение, что мы имеем дело с военизированными кочевниками, которые время от времени направляли наиболее активную часть молодых и зрелых мужчин на свою защиту, внаем, на грабительский набег (балц, барамта) и т.д. Погибшие на стороне воины, как и некоторые женщины, возможно “иноплеменницы”, не хоронились в могильниках рода или кочевой группы.

7. Тщательная избирательность при погребениях на позднесарматском кладбище является одним из критериев, определяющих это общество как нестандартное. Жизнеспособность реконструируемой модели была очень низкой и могла нормально существовать лишь при посредстве постоянных контактов с другими группами населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников южного Урала (VII в. до н.э. – IV в. н.э.). Уфа, 1999.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени могильника Кокэль // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Матер. по археологии и антропологии могильника Кокэль. Т. III. Л., 1970.
- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антрополого-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003.
- Балабанова М.А. Демография поздних сарматов // Нижневолжский археологический сб. Вып. 3. Волгоград, 2000а.

- Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М., 2000б.
- Балабанова М.А. Краниология населения раннего железного века восточноевропейских степей // Антропология на пороге III тыс. М., 2004.
- Балабанова М.А. Антропологические особенности сарматов локальной группы могильников Есауловского Аксая (V в. до н.э. – первая половина II в. н.э.) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2006.
- Батиева Е.Ф. Некоторые особенности позднесарматских могильников Нижнего Подонья // Донские археологические чтения. Ростов н/Д., 2000.
- Батиева Е.Ф. Новые данные по антропологии некрополя Танаиса // Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.
- Батиева Е.Ф. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // ДА. № 3, 4. Ростов н/Д., 2005.
- Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002.
- Батоева Д.Б., Галданова Г.Р., Николаева Д.А., Скрынникова Т.Д. Обряды в традиционной культуре бурят. М., 2002.
- Богаatenков Д.В. Палеодемография могильников позднескифского времени (Неаполь Скифский, Золотая Балка, Николаевка) // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). М., 1999.
- Богаatenков Д.В. Палеодемография могильников Николаевка (Казацкое), Золотая Балка, Неаполь Скифский // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология, археология. М., 2000.
- Бужилова А.П. *Ното сарпиенс*: История болезни. М., 2005.
- Железчиков Б.Ф. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.
- Железчиков Б.Ф., Железчикова Е.Б. Ранние кочевники Южного Приуралья и Заволжья в VI–III вв. до н.э. // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.
- Кирьянов Н.А., Малгонова Н.Н., Рамонова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях. М., 1989.
- Козинцев А.Г. Демография тагарских могильников // СЭ. 1971. № 6.
- Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М., 2003.
- Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005.
- Круц С.И. Сарматы Таврии по антропологическим данным // Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
- Матвеева Н.П. Материалы к палеодемографической характеристике саргатской общности // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. Новосибирск, 1999.
- Медникова М.Б. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология, археология. М., 2000.
- Медникова М.Б., Бужилова А.П. Палеодемографический анализ могильника Косасар-2 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетысарская куптура. Ч. 2. М., 1993.
- Медникова М.Б., Бужилова А.П. Палеодемография в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989а.
- Мошкова М.Г. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989б.
- Перерва Е.В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2002.
- Перерва Е.В. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII в.). Воронеж, 2003.
- Романова Г. П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы // ВА. 1989. Вып. 2.
- Рубрук Вильгельм. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957.
- Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. Алматы, 2004.
- Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
- Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников в I–II вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Среднесарматская культура. Вып. III. М., 2002.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
- Скрипкин А.С. Анализ сарматских погребальных памятников в III–I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Раннесарматская культура IV–I вв. до н.э. Вып. II. М., 1997.
- Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тыс. н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
- Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX в. (Политико-экономический анализ). Алма-Ата, 1971.

- Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975.
- Яблонский Л.Т.* Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников) М., 1999.
- Яблонский Л.Т.* К антропологической характеристике населения Южного Приуралья позднесарматского времени (по материалам могильника Покровка 10) // Вестн. антропологии. Вып. 12. М., 2005.
- Ягодин В.Н.* К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тыс. н.э. // АЭБ. 1971. № IV.
- Acsadi G., Nemeskeri J.* History of human life span and mortality. Budapest, 1970.
- Angel J.* The bases of paleodemography // Amer. J. Physical Anthropology. 1969. V. 31.

The sex-age structure of the Late Sarmatian population in the Lower Volga

M. A. Balabanova

Summary

The article presents the results of a demographic study of Late Sarmatian materials from the Lower Volga. The author notes that standard paleodemographic methods couldn't be applied to the series in question due to the extent of their sex-age deformation. The present study demonstrates that such "deficient" information could be integrated with data on the funeral rites and with the available ethnographic testimony on the life of traditional nomads in Eurasia. The author is of the opinion that the average life span within the Late Sarmatian population was quite high. The herein presented sex-age structure model of Late Sarmatian culture allows to assume that these were militarized nomads, and that the most militant part of the population, adult young males, from time to time took part in defensive action, plundering, or were hired out as mercenaries.

ЗОЛОТАЯ МАСКА ИЗ КЕРЧИ

© 2009 г. О. В. Шаров

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Трактовка знаменитого керченского комплекса с золотой маской как погребения царицы Боспора была принята в большинстве ведущих научных работ XIX – начала XX в. В большинстве трудов, посвященных археологии позднеантичного Боспора, об этом комплексе писалось как о “погребении Царицы в Золотой маске”, “погребении жены” или “супруги царя Рескупорида” (Ашик, 1850. С. 140–142; Жиль, 1861. С. 244, 252; Gille, 1860. P. 227; Benndorf, 1878. S. 8. Taf. II; Ebert, 1921. S. 336, 337; Minns, 1913. P. 433–435; Марти, 1926а. С. 12, 13; 1926б. С. 48 и др.). Эти устойчивые взгляды были связаны с тем, что о поле погребенного человека исследователи судили либо на основании первичного описания маски автором раскопок, либо на основании отдельных деталей погребального инвентаря (бусы, браслеты, серьги, флакончик для духов, веретено, вуаль на лице). Вот описания из первого рапорта 1837 г. А.Б. Ашика: “Маска золотая, представляющая женское лицо натуральной величины, найденная на лице погребенной, весом 62 золотника” (РА ИИМК РАН. Ф. 6. Д. 47. Л. 22). Самое подробное ее описание было приведено Ф.А. Жилем: “Наша маска представляет, кажется, черты женщины, переступившей тридцатилетний возраст. Наверху маска срезана так, что нельзя судить по ней о высоте лба, а только догадываться. Может быть, волосы женщины низко опускались на лоб. Что часто замечается на древних статуях и, между прочим, на женской статуе нашего заглавного листа. Несколько передернутые мускулы лица, впадина на правой стороне губ, полузакрытые глаза, положение зрачков, правый более приподнятый ко лбу, левый обращенный к носу, из чего можно заключить, что в минуту смерти женщина несколько косила, наконец, выражение неподвижности и спокойствия в целом облике, все это доказывает, что на маске изображены черты лица женщины в минуту ее кончины. Что касается до работы, то ясно, что маска выкована из золотого листа самым смелым и решительным образом. Следы молотка на ней видны совершенно ясно. Выбранный для нее лист золота был первоначально толщиной около одной линии, но от ударов молотка он понемногу расплюснулся и в местах, наиболее выдающихся вперед, например, на глазах и на носу, золото до того тонко, что просвечивается и даже имеет скважины. Внутри маски видны следы

тонкой материи, которою художник, как это и теперь имеется, обложил наковальню, дабы несколько смягчить ее противодействие. Мы наконец думаем, что он имел перед собою гипсовый слепок, снятый с лица умершей тотчас после ее кончины, и что, когда золотая маска была готова, на что потребовалось, может быть, не более суток, она была положена на лице покойницы, которое, для изъявления печали или по чувству уважения к умершей, желали покрыть в гробу” (Древности..., 1854. С. 12, 14. Табл. 1). Традиция описания маски как женской была продолжена в работе известных ученых Н.П. Кондакова и И.И. Толстого: “Особенно интересна золотая маска, которой было прикрыто лицо умершей. Маска эта выбита из золотого листа, имевшего толщину около линии, но при чеканке расплюсченного местами так, что он просвечивает; на внутренней стороне его видны следы материи, которою обложена была наковальня, дабы ослабить силу ударов молотком. Мастер, видимо, работал с маски (гипсовой), снятой немедленно после кончины погребенной, на что указывают несколько передернутые мускулы лица, впадина на правой стороне губ, отчасти положение глазных яблок, по-видимому, лицо не успело еще принять мертвой неподвижности” (Кондаков, Толстой, 1889. С. 66–68. Рис. 94).

Нужно отметить, что эта точка зрения до середины XX в. была преобладающей. Но существовала еще начиная с середины XIX в. и иная точка зрения, не замеченная большинством исследователей античного Боспора. Оказалось, что впервые мнение о том, что в этом кургане может быть похоронен сам царь Рескупорид, было высказано задолго до этого прекрасным знатоком античности – академиком Л.Э. Стефани. В “Путеводителе по античному отделению Эрмитажа” представлены подробные описания золотых предметов из этого комплекса, которые хранились с 1852 г., с момента открытия Нового Эрмитажа, в Кабинете императрицы Александры Федоровны. Об этом ранее упоминает и Ф.А. Жиль: “Эта маска весом в 62 золотника и бывшая над ней повязка хранится ныне в Эрмитажном музее под стеклянным колпаком в Кабинете Ея Величества Государыни Императрицы” (Древности..., 1854. С. 12). Л.Э. Стефани при описании обелиска II в кабинете императрицы пишет следующее: “Этот венец,

которого работа не показывает тонкого вкуса, был найден в одной гробнице и на *одном покойнике* (выделено здесь и далее автором. – *О.Ш.*) с большой золотой маской, помещенной ниже его. В том же саркофаге были найдены еще две серьги, которые, по-видимому, указывают на женщину, и уздечка, заставляющая предполагать, что здесь лежал *мужчина*. Черты лица маски носят, очевидно, *более мужской*, чем женский характер. Изображение всадника на венце также говорит в пользу предположения *мужского покойника*. Вероятнее всего, что в гробнице были похоронены муж и жена вместе, и что маска и венок, находившийся в гробнице непосредственно над маской, *принадлежали мужу*. Надпись серебряной ложечки, найденной в той же гробнице и хранящейся в этом же обелиске, показывает, что гробница относится к VI столетию понтийской эры, или к III столетию по Р.Х., а надпись серебряной чаши, там же найденной, делает вероятным, что *покойник был одним из боспорских царей, носящих имя*

Рескупорида” (Стефани, 1856. С. 74). После смерти Императрицы Александры Федоровны в 1860 г. кабинет императрицы, где хранились “самые удивительные золотые керченские вещи” был расформирован и вскоре в 1863 г. появился зал VII “Древностей Боспора Киммерийского”, в котором уже не было четкого разделения на золотые и прочие древности. В путеводителях по этому залу (Двадцатиколонный зал Эрмитажа. – *О.Ш.*) этот комплекс называется просто могилой, где найдена золотая маска, без уточнений пола и имени (Путеводитель, 1864. С. 71, 72; 1872. С. 79–81; 1886. С. 79–81).

Как уже было отмечено выше, эти различные варианты атрибуции данного комплекса, несмотря на высокий авторитет Л.Э. Стефани, не получили широкого научного признания как среди русских, так и европейских исследователей и оказались в XX в. прочно забытыми. В середине XX в. вышел целый ряд отечественных работ, где

вновь был поднят вопрос об идентификации погребения с золотой маской, и некоторые именитые авторы пришли к выводу, что в этой гробнице был похоронен сам царь Рескупорид III. При этом они опирались совсем на иные доказательства, чем Л. Стефани. Один из авторов этой концепции В.Ф. Гайдукевич пишет следующее: “В 1837 году в одном из курганов, расположенных за Керченским предместьем Глинище, была раскопана гробница, в которой оказался мраморный саркофаг с останками царя Рескупорида III или одного из членов его семьи... Особый интерес вызывает большое серебряное блюдо, в центре которого выгравирован лавровый венок и монограмма, по-видимому, обозначающая два слова “ΑΥΤ(ΩΝΕΙΝΟΥ) Β(ΑΣΙΛΕΩΣ)”. На оборотной стороне вычеканена точечными буквами надпись “Ρῆσκουπόρει βασιλέως” (“царя Рескупорида”) и обозначение веса блюда. Есть основание думать, что блюдо это было подарено боспорскому царю Рескупориду III римским императором Каракаллой, собственное имя которого было Марк Аврелий Антонин” (Гайдукевич, 1949. С. 421–424; Gajdukevič, 1971. S. 443, 444). Е.О. Прушевская пишет следующее: “Золотая маска из погребения, которое можно считать погребением самого Рескупорида III, носит портретные черты” (Прушевская, 1955. С. 351). В.В. Кропоткин, разбирая импортную серебряную посуду из этого комплекса, почти слово в слово повторил все выводы В.Ф. Гайдукевича о подарке блюда боспорскому царю императором Каракаллой и атрибутировал комплекс как погребение Рескупорида III или одного из членов его семьи (Кропоткин, 1970. С. 27, 87). Можно отметить, что во всех этих работах уже не разбираются остальные типы вещей из комплекса, не анализируется сама золотая маска и лишь на основании принадлежности серебряного блюда царю Рескупориду и расшифровки монограммы постулируется вывод, что в кургане погребен именно царь Рескупорид III, живший во времена Каракаллы.

Несмотря на эти работы, до сих пор сосуществуют две различные точки зрения: часть ученых склоняется к выводу, что это мужское царское погребение, часть – что это погребение его жены или наложницы, и поэтому в научной литературе можно встретить разные названия этого комплекса: погребение царицы с золотой маской, погребение царя Рескупорида III, царская гробница жены Рескупорида III и т.д. (Щукин, 2005. С. 425–427; Šarov, 1994. S. 426. Abb. 7; 2003. S. 46–48. Abb. 16a; Šarov, Kazanski, 2006. P. 93–95). Мне кажется, что проблему определения, кто из членов царской семьи похоронен в мраморном саркофаге, можно попытаться решить с помощью антропологического анализа маски. Один из самых известных антропологов И.И. Гохман любезно согласился в 2004 г. осмотреть золотую маску на

предмет определения: какое лицо она могла копировать – мужское или женское? И.И. Гохман провел первое антропологическое исследование керченской маски и обработал первичные результаты. По полученным данным, эта маска очень реалистически воспроизводит лицо мужчины среднего возраста европеоидного облика. С одной стороны, можно было бы считать проблему решенной, но когда обращаешься вновь к материалам погребения, данное определение повисает в воздухе. По всем деталям костюма, включая бусы, серьги, флакончик, веретено, сотни бляшек, усыпавших одежду (560 шт.), вуаль-накидку на голову, – это погребение должно считаться женским. Размеры костяка А.Б. Ашиком тоже указаны – 150 см. Не совсем увязываются с этим ростом размеры самой золотой маски, высота лица – 22.5 см, при обрезанной верхней части лба, так как сверху маски крепилась золотая диадема, и соответственно маска явно должна была по пропорциям соотношения к общему размеру тела принадлежать человеку иного роста (не менее 170–175 см. – *О.Ш.*). По остальным деталям: оружие – два меча, две парадные конские упряжи, особый тип диадемы, аналогии которым встречены только в мужских комплексах Керчи (Šarov, 2003. Abb. 9, 11, 23), комплекс мог бы считаться мужским. Таким образом, предварительно можно высказать, как минимум, два варианта объяснения этого необычного факта: либо это одновременное захоронение мужчины и женщины, как предполагал еще в 1856 г. Л. Стефани, совершенное по “особому” обряду, и тогда вся информация А.Б. Ашика (1850. С. 140–142) об открытии комплекса может быть подвергнута сомнению, либо это захоронение знатной женщины, возможно царицы, но с мужской золотой маской на лице. Фантастичны обе версии, и, несомненно, самым уязвимым моментом является наличие в данном комплексе золотой маски. Все ее описания сходятся в одном, что маска сделана по гипсовому посмертному слепку (Кузнецов, 1906. С. 23–25). Это оказалось еще одним общим заблуждением, так как, по мнению Р.С. Минасяна, гипсовый слепок при работе чеканом обязательно бы разбился, и работа с золотым листом толщиной до 0.5 мм могла вестись только по деревянной резной модели. Об этом свидетельствует как отсутствие следов обработки внутренней поверхности маски, так и отсутствие царапин, которые появились бы при работе с более твердым материалом. Я нашел подтверждение этим выводам в результатах экспертизы трасологической лаборатории Музея искусств и ремесел в Гамбурге (Museum für Kunst und Gewerbe im Hamburg). По заключению трасологов, золотая маска, происходящая из раскопок городского некрополя Сидона I–II вв., была изготовлена чеканом по деревянной резной модели, обернутой тонкой кожей (Rieth, 1973). Следует

отметить, что отпечатки материи также хорошо читались на оборотной стороне керченской маски. В римское время золотые погребальные маски были известны на периферии античного мира — на восточной окраине Великой Римской империи: в Сирии и Месопотамии. Они в основном происходят из грабительских раскопок. В тех случаях, когда известны условия их находок, они также лежали на лице. Эти маски передают индивидуальные черты лица, т.е. развитие традиции шло по линии создания портрета, но эти маски очень грубой работы и изготовлены из тонкой золотой фольги. Их вес колеблется от 35 до 70 г. (Rieth, 1973. Fig.1, 2). В этом же “восточном” стиле изготовлена золотая маска из Ольвии, которая также передает индивидуальные черты лица: прямой, широкий нос и длинные усы (Šarov, 2003. Taf. 17a, b). Вероятно, при работе с тонкой золотой пластинкой можно было обойтись и без деревянной резной основы и работать только с гипсовым слепком, но это невозможно было сделать при работе с керченской маской весом 264 г. По стилю исполнения (мастерство резчика по дереву и последующая работа чеканщика) керченская золотая маска явно близка к прекрасным образцам античных скульптур, чего нельзя сказать об остальных известных на сегодня золотых масках. Так кому же принадлежала золотая маска? Царю, царице или знатному боспорянину, боспорянке? Я склоняюсь к мнению, что золотая маска вполне могла принадлежать одному из царей Боспора, правивших в III в. (Sharov, Kazanski, 2006. P. 94–100), но это не исключает и других самых разнообразных версий. Л. Стефани считал, что “очень возможно, что имя Рескупорида вырезано на серебряном блюде в память царя этого имени, подарившего сосуд лицу, похороненному в гробнице, и, следовательно, это не царская гробница” (Стефани, 1856. С. 74). Если мы принимаем первую точку зрения о двух погребенных сразу, то возникает целый ряд вопросов — как можно разделить погребальный инвентарь на мужской и женский при условии описания этого комплекса автором раскопок как единого? Условно к мужскому погребению можно отнести диадему, маску, оружие, две конские упряжи, вероятно, серебряный сервиз, включая серебряное блюдо с надписью “царя Рескупорида”, и бронзовую посуду, но при этом в комплексе нет вещей, которые можно было бы отнести к мужскому костюму. Зато в изобилии представлены предметы, относящиеся к женскому костюму: золотые бляшки, вуаль, две низки бус, серьги, браслеты, перстни, туалетный флакон, пиксида с амурами, бронзовое зеркало, кожаный кошелек и т.д. Деление комплекса на два условных погребения, исходя из этого, вряд ли возможно, тем более что А.Б. Ашик пишет, что при открытии погребения присутствовал сам градоначальник, чиновники и жители города, и все

видели после поднятия крышки саркофага “...остов с золотым лицом, диадемою на голове и в полном наряде. Одежда царицы, усеянная золотыми украшениями; ткань, которою покрыта была голова, ниспадала до пояса и сохранила свой цвет. Эта ткань была шерстяная с золотыми узорами и другими украшениями; но едва к ней коснулся воздух, то все разлетелось в пыль, и остались только золотые блески” (Древности..., 1854. С. 10). Если это так, и мы доверяем сведениям А.Б. Ашика об открытии этого комплекса, то скорее всего нужно рассматривать второй вариант, т.е. речь может идти об особом обряде погребения, ритуале, по которому на лик женщины положили мужскую золотую маску, а рядом отдельные предметы мужского инвентаря и, возможно, царские регалии (скипетр). Мы не знаем, почему был совершен этот странный обряд и с какими культами он был связан, но при обращении к материалам восточных римских провинций можно найти некоторые материалы, подтверждающие существование подобной традиции. Речь идет о находках в начале XIX в. двух золотых мужских масок в некрополе Ниневии, одна из которых была обнаружена с монетой Максимиана (235–238 гг.) в каменном саркофаге, а во втором погребении — золотая маска, изображающая пожилого мужчину с бородой, лежала, по сведениям О. Бендорфа, на лице женщины (Benndorf, 1878. Taf. XIV, 1, 2). Таким образом, золотая маска продолжает хранить свои секреты, и на вопросы — почему рост погребенной не соответствовал по пропорциям размерам маски, почему положили мужскую маску на лик женщины, пока нет ответа. Можно закончить эту небольшую статью словами Ф.А. Жилия: “Кто была эта женщина, которой бранные останки преданы были земле с венцом на голове, со скипетром, драгоценными вещами и в украшенной золотом одежде? Начертанное точками по-гречески, на серебряном блюде, имя Рескупорида, по-видимому, показывает, что покойница была женой или любовницей Царя этого имени; но тут опять должно сделать вопрос, которого именно, потому что от Тиберия до Константина встречается восемь Боспорских Царей, называвшихся Рескупоридами” (Древности..., 1854. С. 14).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашик А.Б. Часы досуга с присовокуплением писем о Керченских древностях. Одесса, 1850.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Древности Боспора Киммерийского / Под ред. Ф.А. Жилия. СПб., 1854.
- Жиль Ф.А. Музей Императорского Эрмитажа. Описание различных собраний, составляющих музей с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и образовании музея нового Эрмитажа. СПб., 1861.

- Кондаков Н.П., Толстой И.И. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. СПб., 1889.
- Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе. М., 1970 (САИ; Вып. Д1-27).
- Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение. Казань, 1906.
- Марти Ю.Ю. Путеводитель по керченским древностям. Керчь, 1926а.
- Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926б.
- Прушевская Е.О. Художественная обработка металла (торевтика) // Античные города Северного Причерноморья. Л., 1955.
- Путеводитель по залу VII "Древностей Босфора Киммерийского". СПб., 1864.
- Путеводитель по залу VII "Древностей Босфора Киммерийского". СПб., 1872.
- Путеводитель по залу VII "Древностей Босфора Киммерийского". СПб., 1886.
- Стефани Л.Э. Путеводитель по античному отделению Эрмитажа. СПб., 1856.
- Шукин М.Б. Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Benndorf O. Antike Sepulcralmasken und Gesichtshelme. Wien, 1878.
- Ebert M. Südrussland in Altertum. Berlin, 1921.
- Gajdukevič V.F. Das Bosporianische Reich. Berlin, 1971.
- Gille F. Musée de l'Ermitage Imperiale: Notice sur la formation de ce Musée et description de diverses collections qu'il renferme avec une introduction historique sur l'Ermitage de Catherine II. SPb., 1860.
- Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Rieth A. Goldene Masken. Antike Welt. Berlin, 1973.
- Šarov O. Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg, 1994.
- Šarov O. Gräber der sarmatischen Hochadels am Bospore // Kontakt-Kooperation-Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrhundert nach Christus. Marburg, 2003.
- Sharov O., Kazanski M. Les Rois au Masque D'Or. // Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. BAR. 2006. Int. Ser. 1535. Oxford.

The gold mask from Kertch

O. V. Sharov

Summary

Most of the leading publications from the 19th – the first half of the 20th cc. interpreted the famous Kertch assemblage containing the Gold mask as a burial of a Bosporean queen. The interpretations were based either on descriptions of the mask as that of a woman or on the specifics of the grave goods. Several studies from the middle of the 20th c. expressed the opinion that the grave belonged to king Rescuporides III. The opinion was based only on the inscription "of king Rescuporides" on the back of a silver dish and on deciphering the "ANTB" monogram in the central plafond as that of "Antoninus Caracalla", ally of Rescuporides III. The author is of the opinion that anthropological analysis of the mask can determine which member of the royal family (king or queen) is buried in the marble sarcophagus. The data obtained by I.I. Gohman in 2004 shows that the mask is a quite realistic image of a middle-aged Europeoid male. This is supported by the two swords, ceremonial horse harness and diadem of a special type. On the other hand, the costume details (beads, earrings, phial, spindle, plaques, veil) indicate that the grave may have been that of a woman. The author inclines to the opinion that the burial was carried out in accordance with a special ritual, in the course of which a man's gold mask (that of the king?) was placed over the face of the buried noblewoman (the queen?), and grave goods for a man's burial were placed by her side.

ФИБУЛЫ СЕРИИ “ЧУДОВИЩНЫЕ” В ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ

© 2009 г. В. И. Кулаков

Институт археологии РАН, Москва

Двучленные фибулы с высоким иглоприемником составляют особый отдел в массиве украшений ряда древнегерманских племен эпохи римского влияния. Часть этого отдела составляет серия серебряных застежек крупных размеров (рис. 1) с накладными декоративными дисками (в западно-европейской литературе известны как “чудовищные” фибулы – *Monströse*). Они характерны преимущественно для населения Центральной и Северной Европы фазы С (т.е. в позднеримское время). К востоку от р. Висла, на границе известной римлянам “земли варваров” (*Barbaricum Solim, Germania Libera*) с территорией, определенной античным географом Клавдием Птолемеем как “Европейская Сарматия” (Щукин, 2005. С. 59, 60), находки застежек указанного отдела отмечались в малом количестве. Их находки на юге Восточной Европы были изучены признанным в русской археологии специалистом по фибулам римского времени А.К. Амброзом, поддержавшим выдвинутую для таких фибул датировку Х.И. Эггерса – со II в. н.э. (Амброз, 1966. С. 72–74).

Родоначальник изучения провинциально-римских и “варварских” фибул Северной Европы О. Альмгрен нашел фибулам серии *Monströse* (далее М) место в группе VII “Двучленные фибулы с высоким иглоприемником” (Almgren, 1923. Taf. IX). Специфическое название артефактов этой серии связано с крупными размерами и сложностью конструкции фибул М, резко выделяющими их из массива прочих фибул *Barbaricum*. Наиболее яркой чертой фибул М является устройство на спинке, ножке и над пружиной фибулы умбоновидных или дисковидных (“коробчатых”) накладок, весьма ненадежно крепившихся к корпусу фибулы на тонких шплинтах. Роскошный вид застежке такой сложной конструкции дополнительно придавала золотая фольга, покрывавшая указанные накладки. Такая специфика фибул М сделала очевидным их церемониальное значение, так как упомянутая вполне хрупкая конструкция к ежедневному или даже относительно частому употреблению не пригодна.

К фибулам М, по О. Альмгрену, относятся: тип AVII, 216 – с S-видной спинкой длиной около 3 и иглоприемником длиной более 3 см, тип AVII, 217 – имеет очертания и параметры, сходные с артефактами типа AVII, 216, при этом внешнее тон-

кое ребро пластинчатого паяного иглоприемника прикрывается накладкой в виде удлинённого овала, тип AVII, 220 – с S-видной спинкой длиной около 2.5 см, тип AVII, 221 – очертания и параметры, сходные с артефактами типов AVII, 216 и AVII, 217, при этом накладка на внешнее ребро иглоприемника имеет две дополнительные округлые накладки (рис. 1, 216, 217).

В современной археологической литературе наши западноевропейские коллеги констатируют для фазы C_{1b} – позднеримское время, около 250–275 гг. н.э., в статье используется хронологическая версия У. Лунд Хансен–Я. Тейрала (Кулаков, 2003а. С. 11, 12) – связь фибул М в ареалах вельбарской и западнобалтской культур с застежками, украшенными кольцевой гарнитурой. Из Балтии и от низовий Вислы застежки М вместе с мигрирующими группами “гото-гепидов” попадают в Поднепросторье, где известны на раннем этапе существования черняховской культуры как “импорт” из Балтии (Godłowski, 1994. S. 485). Центром производства древнейших форм этой весьма малочисленной группы украшений по концентрации их находок считаются острова Фюне и Борнхольм. Необычность вида застежек М привела современных исследователей к выводу о сакральном смысле этих предметов, считающихся важной деталью древнегерманского женского церемониального убора (Levada, 2000. P. 463). Эта интерпретация предназначения фибул М подчеркивается присутствием на некоторых экземплярах из западной части Балтии самых ранних рунических надписей. Вместе с железными гребнями фибулы М для середины III – начала IV в. н.э. в Восточной Европе считаются подтверждением “...прямых и непосредственных контактов носителей черняховской культуры с выходцами из Дании; из Ютланда, с островов Зеланд и Фюне” (Щукин, 2005. С. 147).

М.Б. Щукин в своей новейшей книге упомянул о наличии в Балтии лишь двух находок фибул *Monströse* (2005. С. 147). На самом деле в Балтии, как показывают результаты сбора информации в дельте р. Висла, в исторической Пруссии и на правом берегу р. Неман, наличествуют семь находок фибул *Monströse* группы Almgren VII (рис. 2). Пункты этих находок находятся в основном вне северо-восточной границы вельбарской культу-

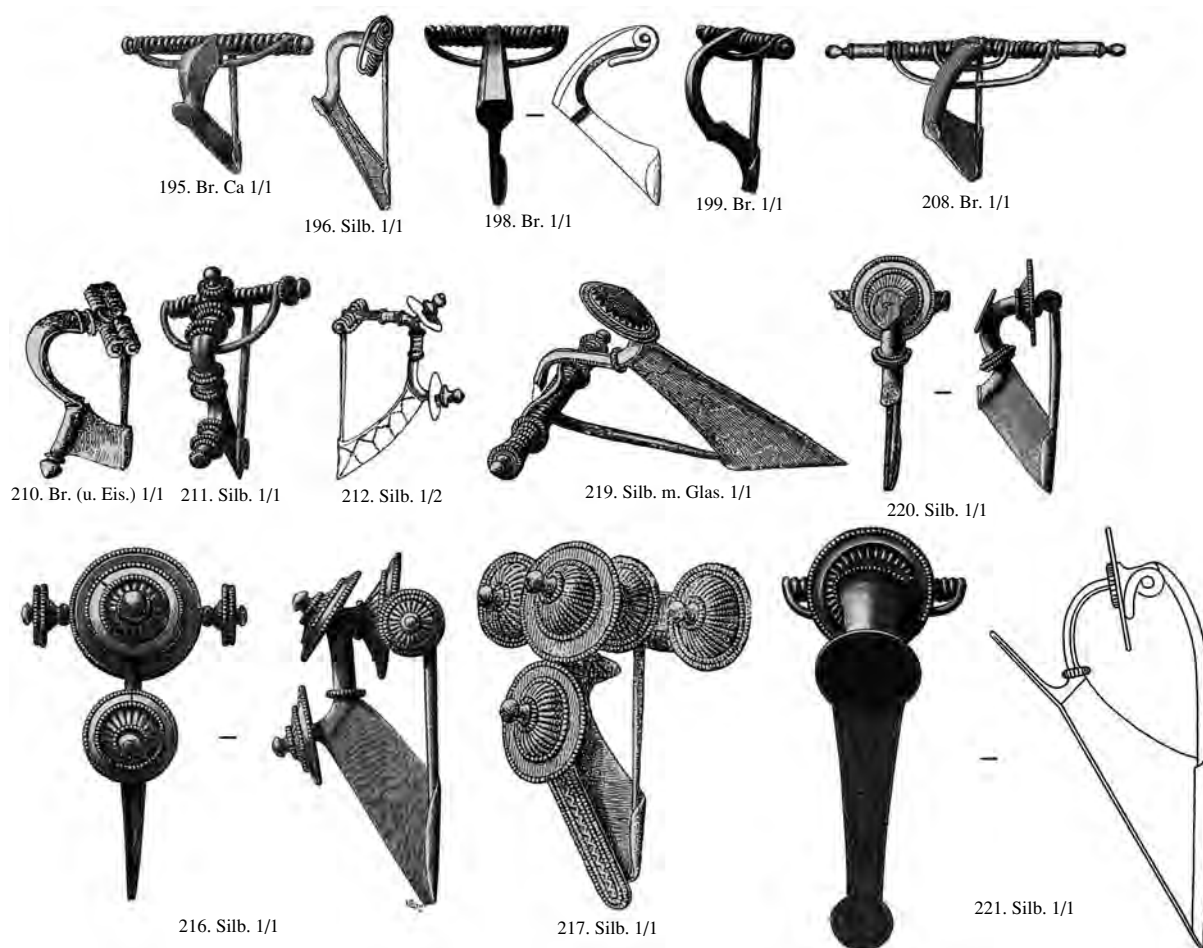

Рис. 1. Фибула серии “Чудовищные” (Monströse) и их непосредственные предшественницы в составе типологической группы Almgren VII (по: Almgren, 1923. Taf. IX).

ры, обозначенной большинством исследователей по р. Пасленка (бывш. Passarge-Fluß). В приводимом ниже каталоге номера находок фибул М представлены как продолжение нумерации И. Вернера, чья карта (Werner, 1988. Abb. 5) послужила основой для размещения находок фибул Monströse на восточных рубежах Barbaricum.

КАТАЛОГ

фибул Monströse, найденных в Балтии

Фибулы 1–6, по карте Й. Вернера (рис. 2), найдены вне Балтии.

7. Бывш. Гребитен, Зеленоградский район Калининградской обл. (ehem. Grebieten, Kr. Samland) – серебряная, покрытая серебряной фольгой фибула типа AVII, 217 (рис. 3, 2, б), обнаружена в погр. G(Nord)–177 в урне высотой 71 см, украшенной по венчику пальцевыми (?) вдавлениями, по плечу – несколькими глиняными ленточными налепками. Вместе с фибулой в урне обнаружены побывавшие на погребальном костре: пара железных

арбалетовидных (?) фибул, железные удила с бронзовыми кольцами. Рядом с урной обнаружен камень-куронт (Bjäck, 1888. S. 176–180. Taf. V, 1a, b). Специфическое отличие фибулы М из G(Nord)–177, выделяющее ее (как и другие фибулы Поморья и Балтии) от застёжек, представленных в классической схеме О. Альмгрена, – наличие четырех (?) цилиндрических выступов, отходящих от круглой шайбовидной накладки, помещенной на пружину застёжки. Судя по обнаружению в могиле пары фибул, комплекс принадлежит женщине. Находка в составе комплекса удил сопоставима с находками аналогичных деталей конского снаряжения в женских погребениях X в. могильника Каур/Кауп (Кулаков, 1989. С. 90). Очевидно, эти находки для различных исторических эпох символизируют власть погребенной германской женщины над усадьбой хозяйством, которое включало и конский табул.

8. Веклице (Weklice, stan. 7, woj. Warmińsko-Mazurskie), погр. 150 – пара серебряных позолоченных фибул, близких типу AVII, 217. Правда, на-

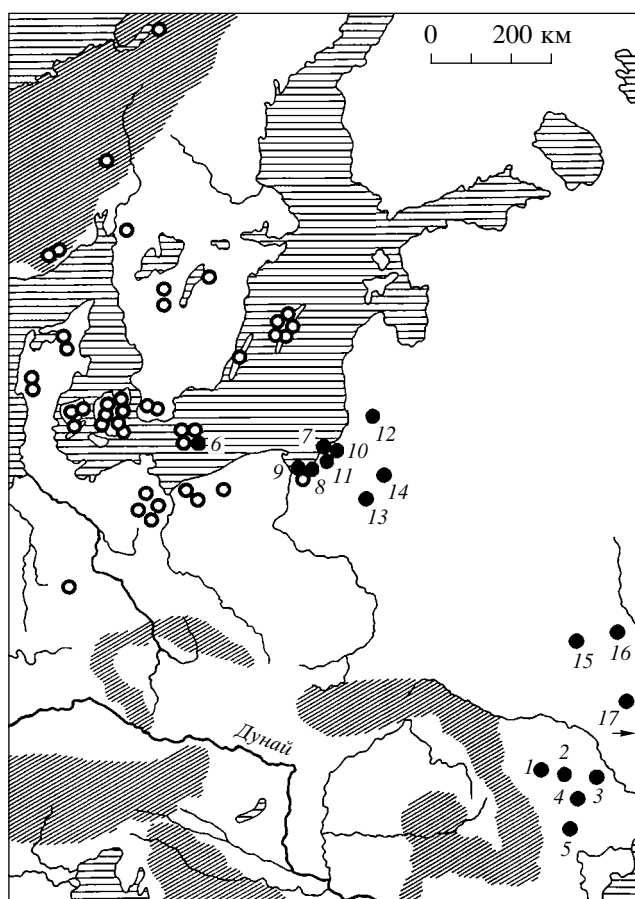

Рис. 2. Распространение фибул Monströse на фазах C₁ и C₂: 1 – Todirenni; 2 – Vasilica; 3 – Budești; 4 – Dančeny; 5 – Chanska; 6 – Slusegaard; 7 – Grebieten; 8 – Weklіce; 9 – Lubieszewo; 10 – Lauth; 11 – Brandenburg; 12 – Lietuva; 13 – Polowity; 14 – Grunajki; 15 – Petrikivtsy; 16 – Novopolovetskoje; 17 – Medvedoka (по: Werner, 1988. Abb. 5, с добавлениями М. Левады и автора).

ходки из Веклиц отличается от указанного типа застежек М трапецевидная накладка на внешнюю сторону ножки фибулы (рис. 4, 1). Накладки на иглоприемники имеют басменные изображения мужских голов, окруженных псевдожемчужным декором. Фибулы вместе с третьей арбалетовидной застежкой (серебряная, покрытая золотой фольгой) находились на груди костяка с северной ориентировкой, лежавшего на правом боку в деревянном гробу (рис. 4). В руках скелета, прижатых к груди, находились остатки мешочка (из шерстяной ткани, застегнут бронзовой арбалетовидной фибулой), наполненного амулетами (бусины-подвески в бронзовой оплетке, четыре подвески-каури, медвежий коготь в бронзовой оправе, три янтарные бусины, вставленные в бронзовые кольца, и различные стеклянные бусины). На шее костяка находились остатки двух ожерелий с янтарными грибовидными и стеклянными бусинами. На бедрах выявлены остатки

двух поясов (один – с бронзовыми пряжкой и подвеской, другой – шириной 7 см, с мощными прямоугольными накладками и овальной пряжкой типа Madyda-Legutko E2–3) с четырьмя окончани-ями ремней и ножом (стиллетом?) в кожаных ножнах. Комплекс датируется фазой C_{1b} и началом фазы C₂ (Okulicz-Kozaryn, 1992. S. 143). Судя по обнаружению в могиле пары фибул, комплекс принадлежит женщине. Специфическое отличие фибулы М из Weklіce/Веклице – наличие трех цилиндрических выступов, отходящих от круглой шайбовидной накладки, помещенной на пружину застежки.

9. Лубешево (Lubieszewo, stan. 2, woj. Warmińsko-Mazurskie), погр. 10 – пара серебряных, частично покрытых золотой фольгой фибул типа AVII, 217 (рис. 5, 1, 2), обнаруженная в женском труположении. Костяк имел северную ориентировку. Вместе с парой упомянутых фибул с остатками костяка обнаружены ожерелье из 22 янтарных 8-видных бусин и 49 бусин голубого стекла, бронзовая арбалетовидная подвижная фибула типа AVI, 161, серебряная (с золотой плакировкой) фибула с кольцевой гарнитурой типа AVI, 168, три серебряных перстня с завязанными концами типа Beckmann 16, фрагмент бронзовой пряжки типа Madyda-Legutko H19, несколько глиняных шариков (фишки для игры?), два сосуда-приставки типа Wolagiewicz XVIII и прочий инвентарь (рис. 5). Находки в погр. 10 Lubieszewo/Лубешево позволяют датировать этот комплекс финальной стадией фазы C₂ (Jonakowski, 2001. S. 187).

Фибулы М из этого погребения имеют, как и находки из Weklіce/Веклице, изображения мужских голов на продолговатых щитках, прикрывающих торцы иглоприемников. Специфическая особенность фибулы М из Lubieszewo – наличие четырех (?) цилиндрических выступов, отходящих от круглой шайбовидной накладки, помещенной на пружину застежки. Этот признак, а также накладка с изображением мужской головы сближают фибулу из Lubieszewo/Лубешево с находкой из погр. 600 могильника S. usegaard/Слюсегорд (Bornholm/o. Борнхольм) (Werner, 1988. Abb. 6, 3a, b).

10. Малое Исаково, Гурьевский район (ehem. Lauth, Kr. Samland) – серебряная фибула небольших размеров с позолоченными деталями, обнаруженная в одном из погребений римского времени в 2000 г., экспонируется в Калининградском областном историко-художественном музее. Ввиду необходимости подробной авторской публикации данной интереснейшей находки, сделанной музейным сотрудником К.Н. Скворцовым, подробное описание, а также типологический и хронологический анализ данной фибулы М в настоящей статье отсутствует.

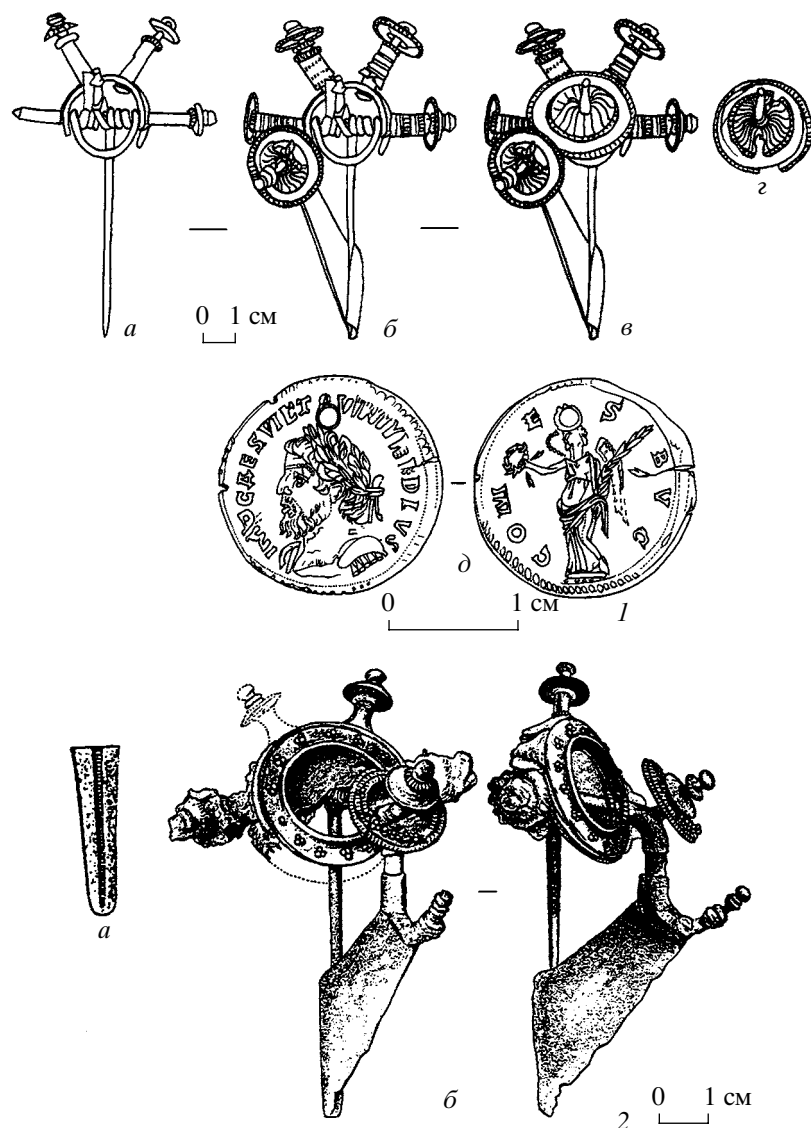

Рис. 3. Фibuла и ауреус из могильника Brandenburg/Ушаково (1) и фibuла из бывш. Grebieten/Гребитен – G(Nord)–177 (2).

11. Ушаково, Гурьевский район (ehem. Brandenburg, Kr. Heiligenbeil) – серебряная фibuла с позолоченными деталями, обнаруженная на грунтовом могильнике (частично перекрыт зданием орденой кирхи св. Николая, выстроенной к 1320–1340 гг.), типа AVII, 217 (рис. 3, 1, а–в). Она была найдена в начале XXI в. “копателями” при выемке погребения вместе (?) с прекрасно сохранившейся римской золотой монетой, превращенной в древности в подвеску (рис. 3, 1, д), и остатками лепной урны с горизонтальными глиняными налепами, связанной с германским населением нынешних датских островов (прежде всего – Bornholm/о. Борнхольм). Один из калининградских нумизматов в 2002 г. обратился в Калининградский музей с просьбой определить упомянутую золотую монету и фibuлу, происходившие из

этих “раскопок”. Сотрудник музея К.Н. Скворцов определил монету как ауреус одного из “солдатских” императоров Викторина (в Галлии – 268–270 гг. н.э.), а фibuлу отнес к типу розетковидных застёжек типа Lund Hansen 3. Летом 2003 г. балтийская экспедиция ИА РАН провела в непосредственной близости от места обнаружения фibuлы раскопки, которые подтвердили существование здесь частично разрушенного грунтового могильника позднеримского времени (Кулаков, 2003б). Фibuла – некомплектна, демонтирована “копателем”, из-за этого рисунок (рис. 3, 1, а–з), осуществленный по серии фотографий, не полностью воссоздает реальную ситуацию. Специфическое отличие фibuлы М из Brandenburg/Ушаково – наличие четырех цилиндрических высту-

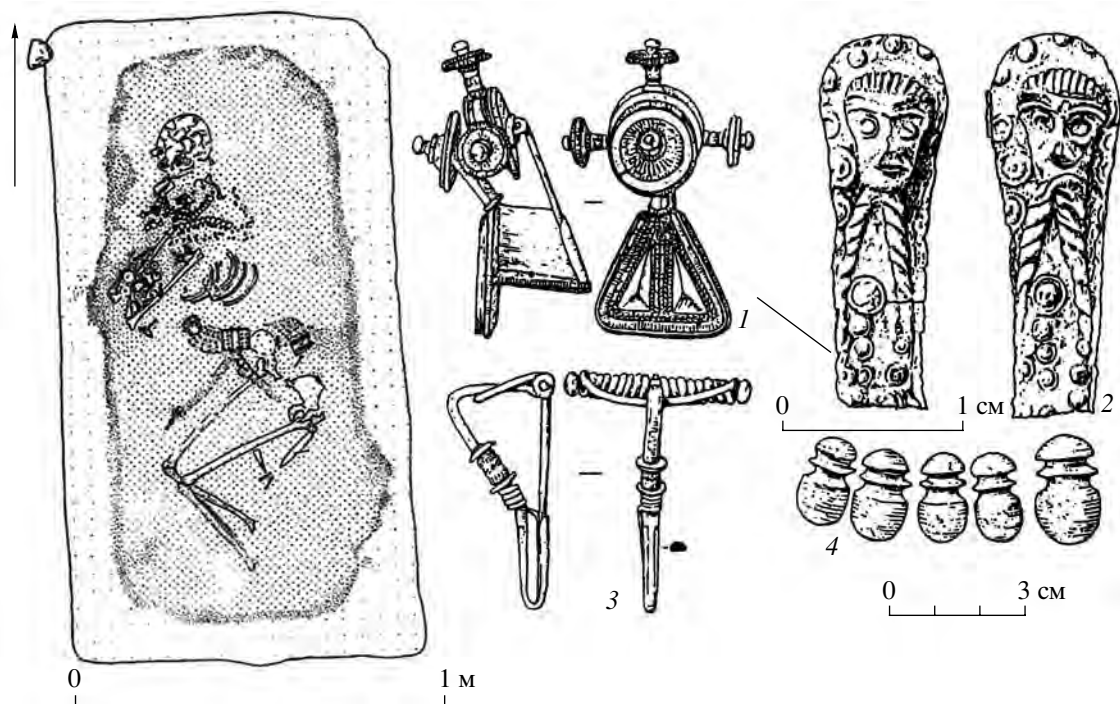

Рис. 4. Погр. 150 грунтового могильника Weklice/Веклице-7: план (слева) и часть инвентаря (справа). На плане стрелками указаны места положения фибул Monströse.

пов, отходящих от круглой умбовидной накладки, помещенной на пружину застежки.

12. Литва (Lietuva < Karionmuzejaus Vitauto Didžiojo, Kaunas) – бронзовая фибула типа AVII, 221 (рис. 6, 1), с остатками серебряной фольги от нижней шайбы (верхняя шайба сохранилась) на овальной накладке на торец иглоприемника, найденная на территории Литвы без точного указания пункта и условий находки. Эта фибула считается М.М. Михельбертасом “импортом” из Скандинавии, поступившим в Балтию на рубеже фаз C_{1b}–C₂ (третья четверть III в. н.э.) (Michelbertas, 2000. S. 65. Abb. 2). Специфическое отличие фибулы М из Lietuva/Литвы – наличие трех цилиндрических выступов, отходящих от круглой шайбовидной накладки, помещенной на пружину застежки.

13. Polowity/Половиты, woj. Warmińsko-Mazurskie (ehem. Polwitten, Kr. Mohrunen) – серебряная фибула типа AVII, 221 (рис. 6, 2), частично покрытая золотой фольгой, обнаруженная в погр. б/№ (труположение?) непосредственно перед началом Второй мировой войны и поэтому так и не введенная в широкий научный оборот (Gaerte, 1937. Abb. 5).

14. Грунайки (Grunajki, woj. Warmińsko-Mazurskie, ehem. Grunajken), погр. D – серебряная фибула типа AVII, 221 (рис. 6, 3). Дуга тетивы и часть иглы фибулы – железные, результат древнего ремонта (?). Следы крепления к спинке фибулы

декоративной накладки отсутствуют (утрачены при ремонте или же накладки не было вообще). К пластине, покрывающей торец иглоприемника, в древности крепилась при помощи двух заклепок серебряная орнаментированная пластина, частично сохранившаяся. Верхний и нижний края дуги фибулы снабжены декоративными кольцами. Фибула обнаружена в “семейном” погребении, содержавшем под общей каменной кладкой шесть урн с остатками проведенных на стороне трупосожжений (рис. 6, 3). Урна, содержавшая фибулу, сохранилась лишь в виде скопления немногочисленных красноглиняных фрагментов. Вместе с фибулой М в развале этой урны с обломками кальцинированных костей найдены железная арбалетовидная фибула с подвижным иглоприемником (длина ножики 10 см), двухчастная железная пряжка, фрагмент бронзовой накладки с двумя отверстиями и циркульным орнаментом, фрагмент ножа (длина 10 см), нож длиной 13.5 см с остатками деревянных ножен длиной 5.5 см, глиняное пряслице биS-видной формы (Stadie, 1919. S. 411, 412. Abb. 184). Специфическое отличие фибулы М из Grunajki/Грунайки – отсутствие каких-либо шайбовидных накладок и цилиндрических выступов. Судя по специфике набора инвентаря, погребение содержало останки женщины.

Подчеркнем наличие у фибул из Восточного Поморья и с территории исторической Пруссии трех (фибулы из Weklice/Веклице, Lietuva/Литвы,

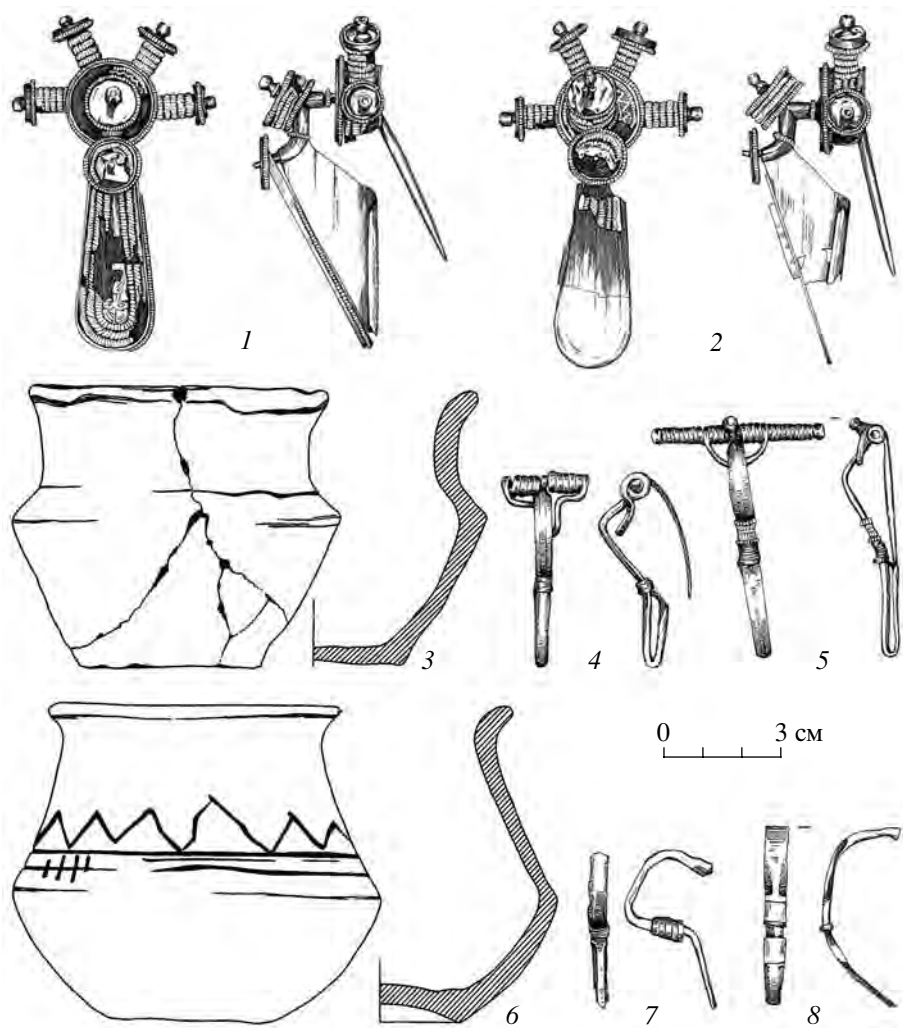

Рис. 5. Часть инвентаря погр. 10 Lubieszewo/Лубешево.

Polowity/Половиты, Grunajki/Грунайки) и четырех (бывш. Grebieten/Гребитен, Brandenburg/Ушаково, Lubieszewo/Лубешево) цилиндрических выступов, крепившихся по периметру дисковидной или умбовидной накладки, перекрывавшей пружину и дугу застежки. Многочисленные фибулы М, найденные в Скандинавии, места находок которых показаны на карте И. Вернера (рис. 2) не залитыми черным цветом окружностями, очень редко имеют такие детали. Как правило, скандинавские фибулы М, типологизированные М. Макепранг, восходят к типу AVII, 217 (MIV) и обладают наряду с круглой шайбовидной накладкой на дужке фибулы (группообразующий признак) и прямоугольной (тип МХ) накладкой, перекрывающей пружину застежки (Mackeprang, 1943. Taf. 1–3). Исходный для этого типологического ряда тип фибул MIV датируется в скандинавском материале фазой C_{1b} (Lund Hansen, 1987. Fig. 20; Ethelberg, 1992. Fig. 4). Дериваты этих фибул, со-

ставляющие тип МХ, распространяются по Северной Европе позднее и фактически неизвестны на берегах Южной Балтии. Как правило, на фазе C₂ (около 275–325 гг. н.э.) указанные дериваты, в современной археологической науке обозначенные как фибулы типа Matthes B (с полукруглыми пластинами) и Matthes C (с прямоугольными пластинами), распространены довольно узкой полосой от датских островов на севере до верховий р. Эльба на юге (Voß, 1998. S. 150. Abb. 13) и, очевидно, служат прототипами для некоторых видов позднейших пальчатых фибул (Bügelfibeln).

Их непосредственными предвестниками для Восточного Поморья являются находки, сделанные М. Петжаком на вельбарском могильнике Прущ Гданьски (пункт 7, погр. 150; пункт 5, погр. 17) и относимые к проблемной для Балтии фазе C₃ – около 300–350 гг. н.э. (Pietrzak, Tyszyńska, 1988). Другие поздние версии фибул М на ин-

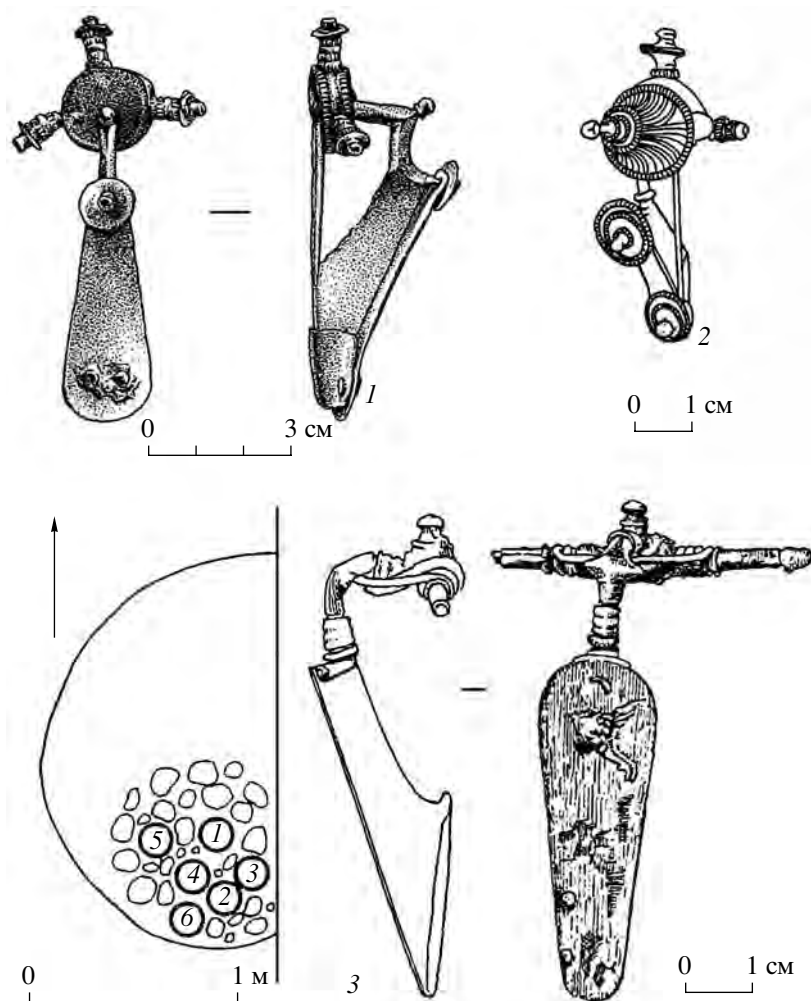

Рис. 6. Фибулы Monströse, типологически близкие прототипу – застегкам типа AVI, 168: 1 – Lietuva/Литва; 2 – Polowity/Половиты; 3 – Grunajki/Грунайки-D.

интересующем нас участке прусского побережья Балтики не встречены.

Цилиндрические выступы на основной пластине фибул М известны кроме балтийского побережья между устьями Вислы и Немана – в юго-западной части ареала черняховской культуры. В современной типологии фибул этой культуры Гороховского–Гопкало застегки М (именуемые украинскими коллегами “чудовищно развитыми”) сведены в пятую серию, в которой вариант 2 (“с коленчатой угловатой ромбической в сечении спинкой”) соответствует фибулам, аналогичным балтийским находкам. Вариант 3 черняховских фибул М имеет уже не круглую шайбовидную (“коробчатую”), а сегментовидную плоскую накладку на пружину застегки, которая (Данчены) датируется бережанской фазой черняховской культуры (по Е.Л. Гороховскому – 270–330 гг. н.э.), т.е. позже прусских находок. Отнесение варианта Гороховский–Гопкало 1 к фибулам М

проблематично. Фибулы варианты 2 с цилиндрическими выступами представлены преимущественно в Поднестровье (Василика, Данчены). Авторы новейшей типологии черняховских застегек группы AVII фибулы М варианта 2 с цилиндрическими выступами именуют “борнхольмским” вариантом (явно случайно, по единичной находке Slusegaard/Слюсегорд–600) и указывают на близость таких артефактов фибуле из бывш. Гребитен: Каталог, № 7 (Гороховский, Гопкало, 2004. С. 124).

Специфический признак восточнопоморских и прусских находок фибул типа AVII, 217 – наклад-ка в виде вытянутого овала, закрывающая (при помощи пайки) внешний торец пластинчатого иглоприемника (рис. 3, 2, а). По периметру накладки и ее вертикальной оси при помощи покрытого псевдозернью тисненого (басменного) орнамента на серебряной фольге проведены линии по всей длине накладки. На фибулах, происходящих с

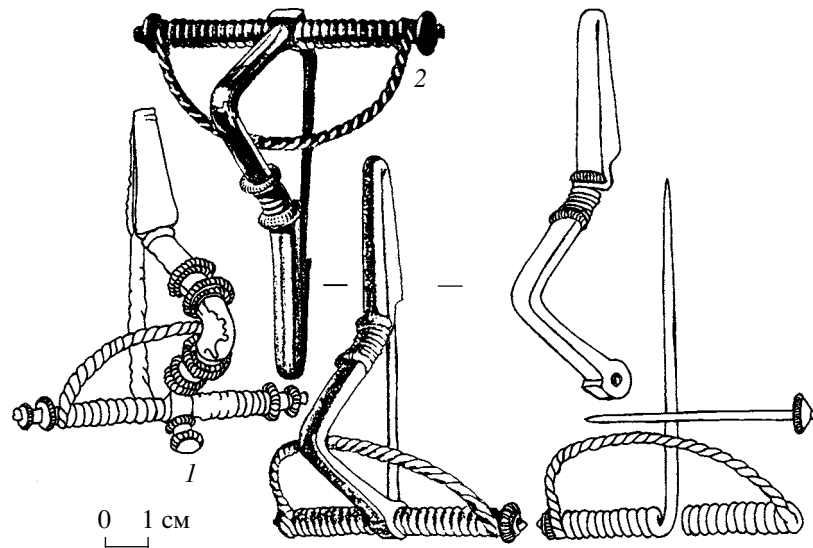

Рис. 7. Арбалетовидные фибулы из погр. 261 могильника Геройское (ehem. Eisliethen/Айслитен).

Эльблонгской возвышенности (“остров Гепедойос”), линия по вертикальной оси венчается на накладке изображением мужской головы без шеи, с прической в виде вертикально зачесанных на лоб прядей волос (рис. 4, 2). Эти изображения поразительно напоминают кельтские символы конца I тыс. до н.э. принесенных в жертву мужских голов, воспринятые и в германском сакральном искусстве, — накладки из Nydam/Нюдам (Jan-kuhn, 1983. Abb. 7). Расположение этих голов на фибулах М еще раз подтверждает установившееся среди археологов в последние годы справедливое мнение о ношении фибул в *Barbaricum* иглами вверх. Однако в данной статье все фибулы показаны на рисунках в соответствии с нормами, примененными в классическом труде О. Альмгрена.

Указанная схема орнамента на вытянутых накладках фибул из Weklisce/Веклице, Lubieszewo/Лубешево, Slusegaard/Слюсегорд, ehem. Grebieten/Гребитен находит аналоги в массиве арбалетовидных застёжек из погребальных древностей самбийско-натангийской культуры. Если на ножках некоторых фибул с кольцевой гарнитурой типа Åberg/3 (Åberg, 1919. Abb. 3) представлено вертикальное, вполне технологическое ребро для повышения прочности этой детали застёжки (рис. 7, 2), то на уменьшенных версиях таких фибул их уплощенные ножки снабжены орнаментом, воспроизводящим это вертикальное ребро (рис. 8). Эта связь между находками не случайна и отмечает немаловажную роль творческого импульса мастеров Янтарного края начала фазы С в процессе формирования фибул М (Кулаков, 2005. С. 47).

Интереснейшей особенностью восточнопо-морских и самбийских фибул М является наличие

на шайбах, перекрывающих пружину застёжки, трех или четырех цилиндрических выступов. Как показывает вид частично демонтированной фибулы из Brandenburg/Ушаково (рис. 3, 1, a), сначала на стержень пружины фибулы, имеющий вид стержня арбалетовидной фибулы типа AVI, 168 (одна из первых “варварских” застёжек с третьей “кнопкой”), крепилась дугообразная пластина, симметричная тетиве пружины застёжки. Затем в отверстия, заранее высверленные в этой пластине, вставлялись тонкие трубочки из серебряной пластины. С внутренней стороны дугообразной пластины их концы закреплялись шлицеванием своих краев. Затем трубочки покрывались тонкими серебряными, нередко золочеными пластинами, при помощи кольцевидных вдавлений закреплявшимися на трубочках. Верхние торцы этих пластин фиксировались круглыми шайбами с кольцевой гарнитурой по периметру, извне крепившиеся (в распор изнутри трубчатых основ выступов) кнопками, аналогичными кнопкам на концах пружины. Такая крепежная ситуация близка по производственной схеме крепежа за-клепок джинсов Levi Strauss с третьей четверти XIX в. Столь сложная в описании схема крайне проста в производстве (и весьма ненадежна при ношении фибулы) и не требует серьезной инструментальной базы и профессиональной ювелирной подготовки. В данном случае перед нами пример одного из первых самостоятельных опытов “варварских” мастеров, пытавшихся при непро-ницаемом для торговцев лимесе после начала в первой трети III в. н.э. Готских войн удовлетво-рять нужды своих соплеменников в украшениях. Однако если появившиеся именно в это время арбалетовидные фибулы с подвязной ножкой типа

ткани четко организованные складки, выгодно подчеркивавшие детали женской фигуры. Этот эффект впоследствии реализовался при ношении пальчатых фибул.

Плотное скопление находок фибул М на балтийском побережье между устьями Вислы и Немана, связь этих артефактов с иными фибулами местных германцев (тип Å3) позволяют поставить под сомнение вывод К. Годловского о распространении в *Varbaricum* застежек М (их прародиной именовался п-ов Ютланд) из Поднепровья (Godłowski, 1994. S. 485). Напротив, ряд находок целых комплексов (преимущественно женских) западнобалтского происхождения в Днепровском и Днестровском ареалах черняховской культуры позволил М.Б. Щукину сделать вполне справедливый вывод о существовании в III–IV вв. н.э. “моста” обоюдных контактов между Циркумбалтийским (от Норвегии до Янтарного края) и Черноморским регионами (Šćukin, 2000. P. 357).

Наличие в Причерноморье более поздних, нежели в Балтии, вариантов фибул М позволяет предполагать о северном импульсе распространения данного сакрального для германцев артефакта. Действительно, Самбия и дельта р. Висла, основные зоны распространения фибул М в Балтии, были важнейшими участками сакрального пути, связывавшего восточногерманские ареалы в Поднепровье и Поднепровье с островными культовыми центрами на западе балтийской акватории. Как железные гребни, предметы с руническими знаками старшего футарка, фибулы *Monströse* являлись материальными показателями участия древних германцев (прежде всего женщин) в культовых ритуалах (Кулаков, 2001. S. 51. Abb. 5). Тем самым объяснимо скопление фибул М в местах жертвоприношений на о. Фюне и Зеланд, наличие на некоторых фибулах культовых по своему характеру изображений, представленность фибул М в составе женского церемониального убора (Weklice/Веклице–150). Если культовые церемонии в германских общинах Причерноморья производились по образцу церемоний на севере, то и инвентарь для этих актов также производился на юге по северным (в том числе самбийским) образцам.

Впечатляющее скопление фибул М на памятниках археологии узкого отрезка балтийского побережья между современными городами Гданьск и Зеленоградск, особая специфика местных фибул М (круглые шайбы с тремя и четырьмя цилиндрическими выступами, особая форма декора накладки на торец иглоприемника) имеют явно неслучайный характер, связанный с существованием локальной группы фибул М. Складывается гипотеза о местном происхождении фибул М, как ранее – конских оголовий типа *Vimose* в I в. н.э. и после Маркоманнских войн – фибул с

кольцевой гарнитурой (Кулаков, 2003а. С. 82; Kulakov, 2005. P. 29). В позднеримское время фибулы М распространились отсюда вместе с группами местных германцев на запад к общегерманским сакральным центрам, на юго-восток к зерновым житницам Причерноморья и манящему лимесу, скрывавшему блеск сокровищ Константинополя.

Таким образом, часть будущей исторической Пруссии в эпоху Готских войн могла стать ареалом одного из важнейших материальных показателей традиционного древнегерманского культа – женских “чудовищных” фибул. Своей необычной конструкцией они не только подчеркивали торжественность церемониального убора древнегерманских женщин, но и благодаря своему высокому символическо-репрезентативному статусу стали, не исключено, прототипами для формирования части массива “пальчатых” застежек (*Bügel fibeln*) эпохи Великого переселения народов. Тем самым еще раз обозначается важная роль Янтарного края, население которого торговыми операциями с янтарем и распространением продукции своих златокузнецов активно участвовало в жизни *Varbaricum*, внося тем самым заметный вклад в историю нашего континента.

Косвенный вывод, следующий из краткого анализа фибул М из Восточного Поморья и Балтии, заключается в том, что несмотря на сложившееся мнение о “балтийско-готской границе” по р. Пассарга/Пасленка, германцы расселялись и к северо-востоку от нее. Балты в римское время не составляли в Янтарном крае большинства населения. Напротив, здесь присутствовали значительные группы германцев, что доказано по целому ряду признаков материала самбийско-натангийской культуры (Кулаков, 2003а. С. 88, 286). Их древности, инкорпорировавшие нередко и элементы западнобалтского происхождения (германцы и балты могли существовать чересполосно), именуемые ныне самбийско-натангийской культурой, включали материальные показатели традиционного германского культа. Среди них не последнее место занимали фибулы *Monströse* (“Чудовищные”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966 (САИ; Вып. Д1-30).
 Гороховский Е.Л., Гопкало О.В. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004.
 Дряхлов В.Н. В священных рощах Одина. Киров, 1999.
 Кулаков В.И. Кауп // Становление европейского средневекового города. М., 1989.
 Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003а.
 Кулаков В.И. Отчет о раскопках, проведенных Балтийской экспедицией в 2003 г. в пос. Ушаково (Гу-

- рьевский р-н Калининградской обл.) // Архив ИА РАН. 2003б. Р-1.
- Кулаков В.И. Подвязные фибулы в юго-восточной Балтии // РА. 2005. № 1.
- Санников П.В., Валуев А.А. Сложносоставные римские фибулы из Музея "Пруссия" // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. Магнитогорск, 2002.
- Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.
- Åberg N. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala; Leipzig, 1919.
- Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen // Mannus-Bibliothek. Bd. 32. Leipzig, 1923.
- Bujack J. Das Gräberfeld zu Grebieten // Prussia. 1888. Bd. 13.
- Ethelberg P. To grave fra Højvang, Sønderjylland. Dendro-datering og Absolut kronologi // Kuml, 1990. Århus, 1992.
- Gaerte W. Bericht über die Tätigkeit des Prussia-Museums im Jahre 1936 // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit. 1937. Bd. 13.
- Godłowski K. Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa und in Osteuropa // Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Lieferung 5/6. Berlin; N.Y., 1994.
- Gottschalk R. Ein spätrömischer Spinnrocken aus Elfenbein // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1996. Bd. 26.
- Jankuhn H. Nydam und Thorsberg. Moorfunde der Eisenzeit. Nennunster, 1983.
- Jonakowski M. Grób szkieletowy kultury wielbarskiej z cmentarzyska w Lubieszewie, pow. Nowy Dwór Gdański, stanowisko 2 // Wiadomości Archeologiczne. 2001. T. LIV.
- Kulakov V.I. Jütland-Dobrukscha: die Rochade der "Barbaren" vom 2. bis 4. Jh. Chr. // Archaeologia Bulgarica. Jg. V. H. 2. Sofia, 2001.
- Kulakov V.I. The Amber Lands in the Time of the Roman Empire // BAR. 2005. Ser. 1356.
- Levada M. Metal Combs of the second Quarter of the First Millenium AD in Easter Europe // Mączynska M., Grabarczyk T. Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.
- Lund Hansen U. Römischer Import im Norden. København, 1987.
- Mackeprang M. Kulturbeziehungen im nordischen Raum des 3.–5. Jahrhunderte // Keramische Studien. Leipzig, 1943.
- Michelbertas M. Zu den Handels- und Kulturbeziehungen der Bewohner Litauens mit Skandinavien in der römischen Kaiserzeit // Archaeologia Baltica. Bd. 4. Vilnius, 2000.
- Okulicz-Kozaryn J. Centrum kulturowy z pierwszych wieków naszej ery u ujścia Wisły // Barbaricum. T. 2. Warszawa, 1992.
- Pietrzak M., Tyszyńska M. Période Romaine Tardive (Pruszcz Gdański 7) // Inventaria Archaeologica. Corpus des Ensembles Archéologiques. Fasc. LX. Pl 369–373. Warszawa; Łódź, 1988.
- Schulte L. Die Fibeln mit hohem Nadelhalter in Deutschland – Forschungsgeschichte und Forschungssätze // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren // Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5. Wünsdorf, 1998.
- Ščukin M. Three ways of the Contacts between the Baltic and the Black Sea Littorals in the Roman Periods // Mączynska M., Grabarczyk T. Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.
- Stadie K. Fundberichte VII. Gräberfeld bei Gruneiken, Kr. Darkehmen // Prussia. Bd. 23. H. II. Teil, 1919.
- Voß H.-U. Archäologische Quellen // Voß H.-U., Hammer P., Lutz J. Römische und germanische Bunt- und Edelmetallfunde im Vergleich. Archäometallurgische Untersuchungen ausgehend von elbgermanischen Körpergräbern // Bericht der Römische-Germanischen Kommission. 1998. Bd. 79.
- Werner J. Dančeny und Drandstrup. Untersuchungen zur Černiachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den Reichtumszentren auf Fünen // Bonner Jahrbücher. 1988. Bd. 188.

Fibulae of Monströse series in the Eastern Baltic

V. I. Kulakov

Summary

Fibulae of the Monströse series have been included by O. Almgren in Group VII. The specifics of their construction clearly points to ceremonial usage. There are 7 findings of Monströse fibulae, group Almgren VII, in the delta of the Vistula, in historical Prussia and on the right bank of the Neman. The locations of the findings are mainly outside the northeastern border of Wielbark culture. These prototypes of Monströse fibulae could have found their way to the Amber coast at the beginning of the "Cymbrian" horizon, with the Germanic groups who moved from Jutland in the course of the Marcomanni wars. Sambia and the delta of the Vistula, the main areas in the Baltic where Monströse fibulae are encountered, were important zones along the sacred route which connected East Germanic habitats in the Dniester and Dnieper regions with the insular cult centers in the West-

ern Baltic. Monströse fibulae, along with iron combs and objects inscribed with runes of the Elder Futhark, indicate Germanic (primarily female) participants of cult rituals. The large amount of Monströse fibulae encountered in the area between modern Gdansk and Zelenogradsk, and their specific local features, are evidently not accidental, and give rise to the hypothesis about the local origin of Monströse fibulae which in the third quarter of the 4th c. could have spread to the area of Germanic cult centers in the west and to the grain-growing regions in the southeast, in the Black Sea littoral. Thus, it is possible that Monströse women's fibulae, a major material indicator of traditional Ancient Germanic cult, spread during the Gothic wars through part of what was to become historical Prussia. This stresses the importance of the Amber region in antiquity: its amber traders and skilled craftsmen took active part in the life of the Barbaricum and made significant contribution to the history of our continent.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК МАРТЫШКИНА БАЛКА НА НИЖНЕМ ДОНУ

© 2009 г. Р. В. Прокофьев

Донское археологическое общество, Ростов-на-Дону

Грунтовый могильник Мартышкина Балка расположен на левом берегу р. Дон в 12 км к ЮЗ от Ростова-на-Дону. Памятник занимает участок надпойменной террасы по левому берегу р. Койсуг, на окраине синхронного ему поселения Овощной I.

В 1994–1995 гг. экспедицией Азовского краеведческого музея под руководством И.В. Гудименко проводились его аварийно-спасательные раскопки в связи со строительством объездной автомобильной дороги. На площади около 1,5 тыс. м² исследовано 247 погребений (рис. 1).

Грунтовый могильник Мартышкина Балка не раз привлекал внимание исследователей. В нескольких информационных сообщениях автором раскопок И.В. Гудименко опубликована часть материалов могильника и дана общая характеристика погребального обряда (1997; 1998). Им отмечается полиэтничный характер населения, оставившего могильник, и его связь с Древней Русью и Северным Кавказом. Кроме того, для ряда черт погребального обряда устанавливается влияние салтовской традиции.

Более подробно погребальный обряд и инвентарь могильника проанализированы А.Н. Масловским (1997). По его мнению, Мартышкина Балка наиболее близка Беловежскому грунтовому могильнику. Для могильника допускается определенное влияние христианской обрядности, но преобладающими признаются черты постсалтовской погребальной традиции, связываемой с кавказским элементом, точнее с аланами. Население, оставившее могильник, было полиэтничным, но без присутствия кочевников. На территории могильника считается возможным выделить два синхронных участка, оставленных различными родовыми группами. Рассматривая погребальный инвентарь могильника Мартышкина Балка, исследователем определена его хронология в рамках конца XI – середины-второй половины XIII в.

Статья М.В. Дмитриенко (2000) посвящена анализу одного из погребений могильника, где были найдены фрагменты скрученной бронзовой проволоки, по мнению исследовательницы, – от нательного креста. Автор реконструирует его форму и находит ближайшие аналогии. Опираясь

на эту находку, высказывается мысль о распространении христианства среди незначительной части населения, оставившего грунтовый могильник Мартышкина Балка.

Рассматривая поселения Приазовья XII–XIII вв., И.В. Волков относит поселение Овощной I вместе с принадлежащим ему грунтовым могильником Мартышкина Балка ко второй хронологической группе, датирующейся временем от монгольского завоевания до 60-х годов XIII в. Для некоторых категорий погребального инвентаря устанавливается принадлежность к населению древнерусского происхождения (Волков, 2003).

Средневековый могильник формировался вокруг кургана эпохи бронзы, насыпь которого к моменту производства раскопок не сохранилась. Исследовано 14 относящихся к кургану погребений, которые были углублены в материк и потому не пострадали при разрушении насыпи. Кроме того, на территории могильника найдено два захоронения собак и три хозяйственные ямы.

К средневековому могильнику, таким образом, относится 231 погребение. Они совершены в нешироких ямах, слабо углубленных в материк. По этой причине форма могильной ямы прослеживалась далеко не во всех случаях. Могильные ямы овальные (рис. 2, 4), прямоугольные со скругленными углами (рис. 2, 3, 5, 7) и овальные или прямоугольные с расширением в головах (рис. 2, 1, 8). В заполнении шести погребений найдены кости животных, в 10 – древесные угли (рис. 2, 1, 5), в трех – небольшие деревянные плашки (рис. 2, 2), а одно погребение было перекрыто древесной корой.

Из-за плохой сохранности костяков ориентировка и поза погребенных в некоторых случаях не прослеживались. Погребенные ориентированы головой в западный сектор, с сезонными отклонениями. Большинство погребений совершены головой на ЗЮЗ (рис. 2, 2–4, 8), меньше – на З (рис. 2, 1, 7, 9), еще меньше – на ЮЗ (рис. 2, 6). Погребения с северо-западной ориентировкой единичны (рис. 2, 5). Погребенные лежали вытянуто на спине. Положение рук различно. Преобладает симметричное расположение: на животе (рис. 2, 3), на плечах (рис. 2, 1, 6) или на груди (рис. 2, 4),

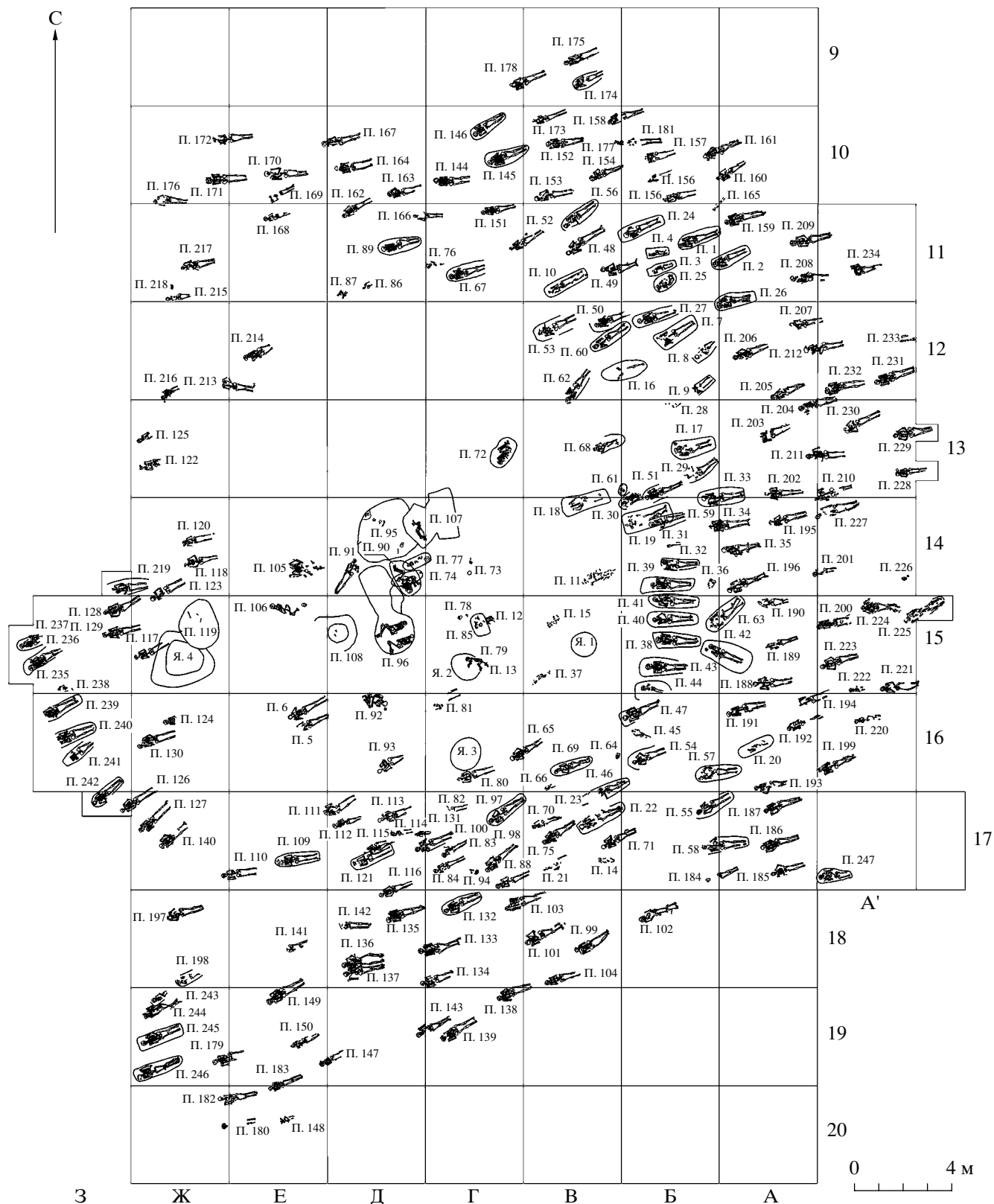

Рис. 1. Грунтовый могильник Мартышкина Балка. Общий план.

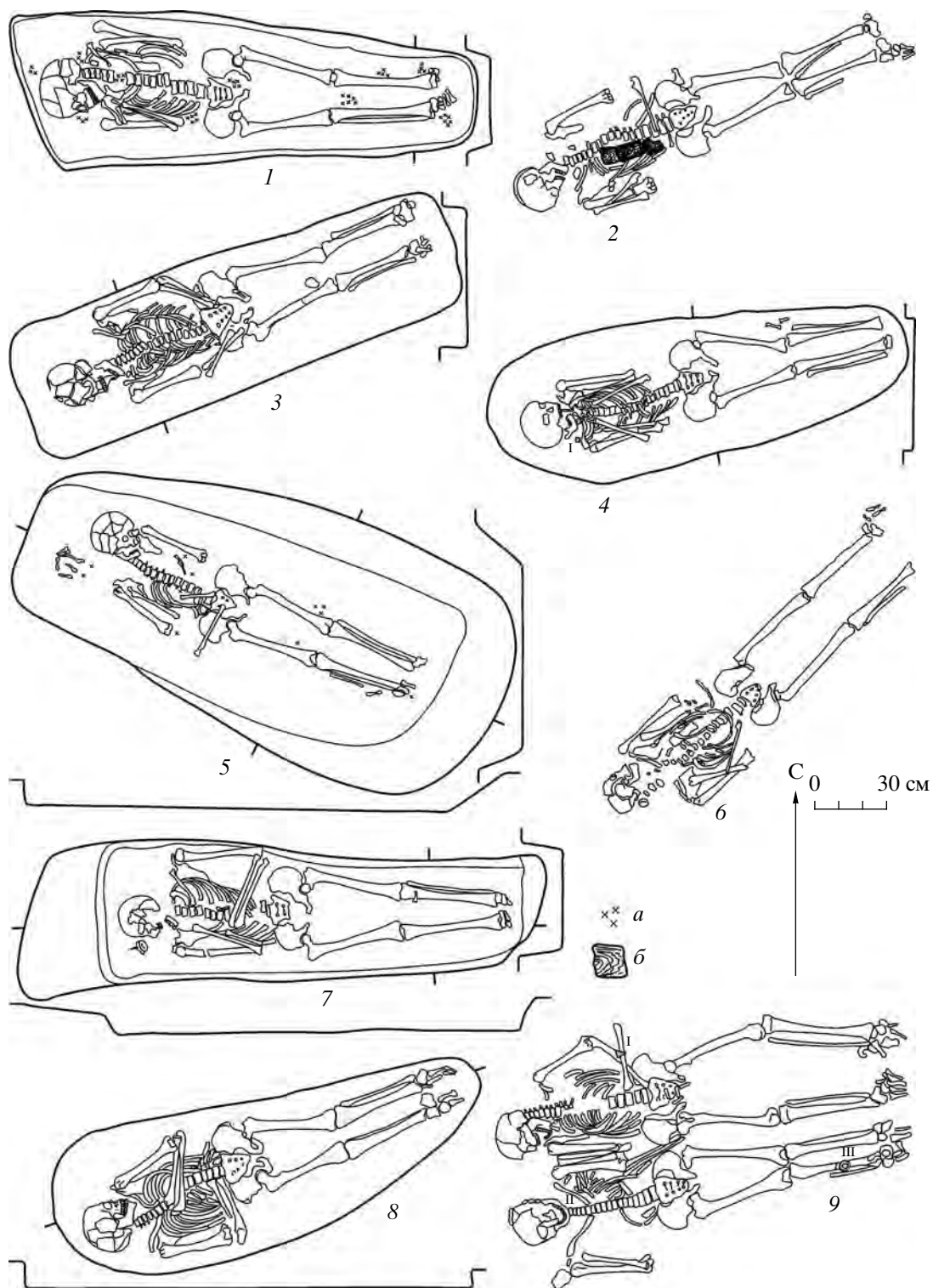

Рис. 2. Грунтовый могильник Мартышкина Балка. Планы погребений. 1 – п. 38; 2 – п. 196; 3 – п. 245; 4 – п. 89 (I – серебряные бляшки); 5 – п. 42; 6 – п. 127; 7 – п. 39; 8 – п. 145; 9 – п. 136–137 (I – фрагмент гончарной керамики; II – пасовые бусы; III – железное кресало). а – древесный уголь; б – дерево.

вытянутое положение рук вдоль тела прослежено в одном погребении. Значительно реже встречается асимметричное положение рук: плечо–

живот (рис. 2, 2, 5), плечо–грудь, грудь–живот (рис. 2, 7, 8), одна рука на груди, другая вытянута. Положение черепа погребенных также разнообразно.

разно: на затылочной кости, лицевой частью вверх (рис. 2, 4), на правой (рис. 2, 1–3, 7) или левой височной кости (рис. 2, 5, 6, 8). Одно погребение совершено в короткой овальной яме, кости человека лежат не в анатомическом порядке.

Погребения в могильнике расположены плотными рядами, формирование которых происходило как в широтном, так и в меридиональном направлениях (рис. 1). При общей рядности расположения погребений на могильнике отчетливо выделяются отдельные участки – северо-восточный, восточный, южный и юго-западный. В северо-западной части могильника погребения редки. В центральной части, на месте кургана эпохи бронзы, погребения средневекового могильника практически отсутствуют. Это объясняется тем, что погребения были совершены в насыпи кургана и не доходили до материка, а потому были уничтожены при разрушении насыпи кургана. Прослежено шесть случаев перекрытия одного погребения другим, более поздним. При этом разрушение более раннего погребения зафиксировано лишь в трех случаях. Два погребения оказались двойными (рис. 2, 9).

Инвентарь зафиксирован в 74 погребениях (32%) и состоял в основном из личных украшений (сердоликовые, фаянсовые, янтарные, жемчужные, агатовые, хрустальные, стеклянные и пастовые бусы и бисер, коралловые и перламутровые подвески, раковины каури, серебряные и медные серьги и височные кольца) и предметов одежды (серебряные простые и зерненные пуговицы-бубенчики, медные и костяные пуговицы, серебряные золоченые бляшки с растительным орнаментом, железные пряжки, бронзовые подвески). Кроме того, в некоторых погребениях найдены железные скобы и костыли, прямоугольное железное кресало, орнаментированные насечками астрагалы, миниатюрные железные калачевидные кресала и бронзовый проволоочный крестик (рис. 3).

Предшествующими исследователями уже отмечалось некоторое влияние христианства на погребальный обряд могильника Мартышкина Балка (ориентировка, поза погребенных, находка нательного крестика). Вместе с тем доминирующими признавались черты погребального обряда, связанные с салтовскими традициями (рядность погребений, большая доля безынвентарных погребений, двойные погребения, обезвреживание погребенных, наличие в некоторых погребениях древесных угольков, костей животных и фрагментов керамики, погребения собак и ритуальные ямы на территории могильника), что, на наш взгляд, не совсем верно. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

Ряд отмеченных выше признаков не характерен только для салтовского погребального обря-

да. Так, рядная планировка известна на многих христианских грунтовых могильниках самой широкой территории от Волги до Днепра и от Крыма до Русского Севера, где она является едва ли не господствующей (Артамонова, 1963. С. 29–34; Гоняный, Недошивина, 1991. Рис. 2; Дяденко, Моця, 1986. С. 82; Ельников, 2003. С. 104; Заидов, 1996. С. 95, 96; Каприцын, 1993. С. 70; Зайцева, 2001. С. 93; Козловский, 1990. С. 25, 26; Корпусова и др., 1974. С. 291; Макаров, 1990. С. 17; Максимов, Орлов, 1982. С. 68; Мысков, 2001. С. 124; Орлов, 1979. С. 115; Седова, 1978. С. 67; Сымонович, 1956. С. 99; Шекун, Веремейчик, 1999. С. 43). На указанных могильниках погребения далеко не всегда совершены в гробах, и среди них также довольно высок процент безынвентарных погребений. Что касается наличия на Мартышкиной Балке двойных погребений, то эта черта не является проявлением исключительно салтовской традиции. Двойные погребения, погребения-подзахоронения с разрушением или без разрушения более раннего костяка отмечены также на многих христианских грунтовых могильниках (Артамонова, 1963. С. 30, 31, 35; Беляева, Кубишев, 1995. С. 53; Гуревич, 1983. С. 50, 51; Дяденко, Моця, 1986. С. 88, 89; Заидов, 1996. С. 96; Зайцева, 2001. С. 95; Моця, 1990. С. 58; Мысков, 2001. С. 126; Розенфельдт, 1958; Седова, 1978. С. 67).

Уверенная и однозначная фиксация обряда обезвреживания покойных, по мнению его первооткрывателя В.С. Флерова, требует особой методики раскопок и стратиграфических наблюдений над характером заполнения могильного сооружения (2000. С. 58). Особенностью большинства погребений могильника Мартышкина Балка является небольшая глубина могильных ям, в результате чего не то что особенности заполнения, но и сама их форма не всегда прослеживались. Кроме того, практически на всей территории могильника еще до начала раскопок строителями был срезан верхний почвенный слой и ряд погребений исследовался непосредственно с поверхности, в перемешанном техникой грунте. Большинство костяков было очень плохой сохранности, на которую, помимо прочего, традиционно влияла деятельность землеройных животных и любопытство местных жителей. Совершенно очевидно, что в описанных условиях вызывает очень большие сомнения трактовка отдельных потревоженных скелетов как результат намеренного разрушения при обряде обезвреживания погребенных. Да и сам обряд обезвреживания, отмечаемый для салтовских погребений, по мнению все того же В.С. Флерова (2000. С. 55), обнаруживается во многих культурах на определенном этапе развития языческого религиозного сознания. Так, например, средневековый греческий погребальный обряд предусматривает изъятие из могилы спустя некоторое время после погребения костей умер-

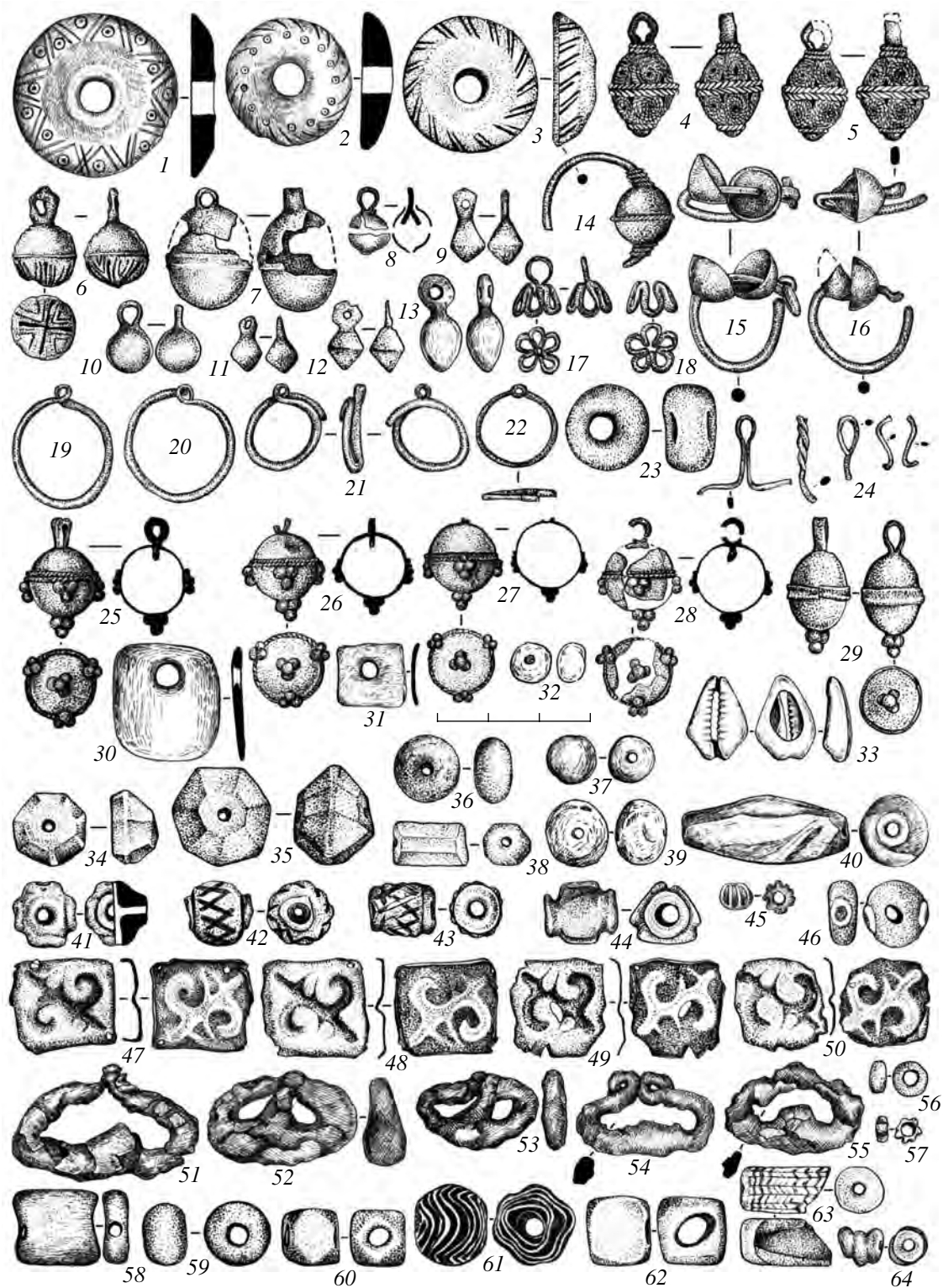

Рис. 3. Грунтовый могильник Мартышкина Балка. Инвентарь. 1 – кв. 18Б шт. 1; 2, 52 – п. 149; 3 – п. 62; 4, 5 – п. 105; 6 – п. 7; 7, 10, 44, 45, 51, 63, 64 – п. 150; 8, 37 – п. 181; 9, 17, 18 – п. 110; 11, 58–60 – п. 116; 12 – п. 54; 13 – п. 10; 14 – п. 194; 15, 16 – п. 65; 19, 20 – п. 182; 21 – п. 76; 22 – п. 5, 6; 23, 25–28 – п. 69; 24 – п. 14; 29, 32, 39 – п. 152; 30 – п. 220; 31, 33 – п. 9; 34 – п. 104; 35 – п. 18; 36 – п. 32; 38 – п. 172; 40 – п. 160; 41 – п. 3; 42 – п. 207; 43 – п. 165; 46 – п. 228; 47–50 – п. 89; 53 – п. 136; 54 – п. 124; 55 – п. 120; 56, 57 – п. 44; 61 – п. 226; 62 – п. 134. 1–3, 13 – кость; 4, 5, 14–16, 19–22, 25–29, 47–50 – серебро; 6–11, 17, 18, 24 – бронза; 12 – серебро (?); 23 – янтарь; 30, 31 – перламутр; 32 – хрусталь; 33 – раковина каури; 34–39 – сердолик; 40 – агат; 41–45 – фаянс; 56–64 – стекло; 51–55 – железо.

шего, их омовение и перезахоронение в особых усыпальницах. Этот обряд появился на Афоне не позднее второй половины XI в. (Мусин, 2002. С. 80) и фиксировался вплоть до новейшего времени (Флеров, 2000. С. 56). Интересно отметить, что первоначальное захоронение при этом совершалось обычно в не очень глубоких ямах и без гробов (Мусин, 2002. С. 80), что перекликается с данными о конструкции погребальных сооружений могильника Мартышкина Балка.

Кости животных в качестве напутственной пищи как пережиток языческих верований также встречаются на некоторых, преимущественно древнерусских христианских грунтовых могильниках (Дяденко, Моця, 1986. С. 85; Каприцын, 1993. С. 71; Моця, 1990. С. 58, 59).

Керамика обнаружена в заполнении и на дне 15 погребений Мартышкиной Балки, в основном по одному фрагменту. Преимущественно это были фрагменты стенок гончарных сосудов и реже – трапезундских амфор, в двух случаях – лепная керамика. Ни разу не были найдены фрагменты одного сосуда. Исходя из этого указанные находки, вероятнее всего, попали в погребения случайно и не могут быть связаны с остатками тризны по умершему. Их нахождение на памятнике легко объяснимо, поскольку могильник расположен вплотную к синхронному ему поселению Овощной I. Отдельные единичные фрагменты керамики поселения вполне могли попасть и за границы распространения собственно культурного слоя. Такие случаи нередки и встречаются практически повсеместно.

Древесные угли отмечены в 10 погребениях (рис. 2, 1, 5). В большинстве случаев в различных частях могильной ямы содержалось несколько мелких угольков. В двух погребениях были найдены крупные фрагменты древесного угля. Угольная подсыпка, действительно, характерная черта салтовского погребального обряда. Она встречается во многих как подкурганых (Власкин, Ильюков, 1990. С. 146; Парусимов, 1998. С. 18), так и грунтовых погребениях (Парусимов, Прокофьев, 2005. С. 60; Плетнева, 1981а. С. 78; 1981б. С. 70; Савченко, 1983. С. 122; 1986. С. 75) и связана с древнетюркским обрядом сжигания жилища умершего (Кубарев, 1984. С. 76). В аланских катакомбных захоронениях салтовского времени также известны угольные подсыпки (Аксенов, 2001. С. 65). Однако для этих погребений характерно большое количество углей, составляющих довольно мощный слой, чего на Мартышкиной Балке не наблюдается. Вместе с тем наличие угля зафиксировано и в христианских погребальных памятниках: на ряде древнерусских грунтовых могильников (Дяденко, Моця, 1986. С. 85; Заидов, 1996. С. 94, 96; Моця, 1990. С. 58; Седова, 1978. С. 67), в могильниках Белой Вежи (Артамонова,

1963. С. 42), Мамай-Сурка (Ельников, 2003. С. 104), у с. Золотое в Крыму (Орлов, 1979. С. 116) и у предкавказских алан (Кузнецов, 1971. С. 182; Милорадович, 1963. С. 105). При этом следует отметить, что для аланских христианских погребений Нижне-Архызского городища характерно обязательное сочетание древесного угля и мела (Кузнецов, 1971. С. 182), чего в Мартышкиной Балке нет. Для древнерусских грунтовых могильников наличие угля в погребениях, совершенных по христианскому обряду, традиционно трактуется исследователями как пережиток славянской языческой традиции кремации (Заидов, 1996. С. 97; Моця, 1990. С. 58; Седова, 1978. С. 67). Однако в древнерусских письменных источниках конца XIV в. сохранились сведения о том, что на тело усопшего мирянина необходимо было высыпать пепел из кадила (Мусин, 2002. С. 76). Учитывая это сообщение, наличие отдельных древесных угольков и золы в погребениях кажется вполне естественным и не противоречит христианской традиции.

Следующий момент связан с двумя исследованными на территории могильника погребениями собак, одно из которых было совершено на довольно толстом слое древесных угольков. Традиция совершения погребений домашних животных, действительно, связана с салтово-маяцкой культурой (Артамонова, 1963. С. 17–19; Ларенок, 1983. С. 127; Савченко, 1986. С. 95–97; Плетнева, 1981б. С. 71 и др.), и это не вызывает возражений. Недоказана их принадлежность к комплексу исследованных погребений грунтового могильника. Существенно, что со скелетами собак были найдены фрагменты керамики, относящиеся к более раннему, чем датировка могильника, времени. Это фрагмент крепившейся к горлу ручки амфоры с примесью шамота, подобные амфоры были продукцией гончарных мастерских Крыма салтовского времени (Ларенок, 2002. С. 247; Якобсон, 1979. С. 29–32), и два фрагмента лепной керамики с примесью кварцевого песка, что также характерно для салтовских сосудов (Ларенок, 1998. С. 130). Примечательно, что в заполнении человеческих погребений подобная керамика не зафиксирована, и для времени, которым датируется грунтовый могильник, лепная керамика уже не свойственна. Это, на наш взгляд, убедительно доказывает асинхронность погребений собак и погребений грунтового могильника.

То же самое следует признать и для трех исследованных ям с костями животных, которые ранее трактовались как остатки тризны, связанные со средневековыми погребениями. В их заполнении содержались, главным образом, фрагменты лепной керамики салтово-маяцкого облика. Немногочисленные обломки сероглиняных, в том числе и лощеных, гончарных сосудов также более характерны для салтовского времени. Кроме того,

одну из этих ям перекрывало погребение собаки (с ручкой салтовской амфоры), совершенное, очевидно, в верхней части ее заполнения. Все исследованные ямы находились в центральной части могильника и, таким образом, планиграфически больше тяготеют к насыпи разрушенного кургана. Подобное расположение салтовских хозяйственных ям в насыпи древних курганов зафиксировано, например, на могильнике Озерки XIII на Нижнем Дону (Парусимов, 1999. Рис. 12, 4).

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о довольно слабом, практически неощутимом влиянии салтовских традиций на погребальный обряд могильника Мартышкина Балка. Напротив, более отчетливо проявляются черты христианской погребальной обрядности.

Как отмечалось выше, для погребений могильника характерна западная ориентировка с сезонными отклонениями. Наличие сезонных отклонений на христианских могильниках традиционно рассматривается исследователями в целом как признак неустойчивости обряда, а отказ от них свидетельствует об успехах христианизации (Мусин, 2002. С. 42). Однако если взглянуть на конкретные христианские грунтовые могильники, то обнаруживается следующая картина. Стабильная ориентировка погребенных в одном направлении без существенных отклонений более свойственна прицерковным кладбищам, где сами стены церкви задавали нужное направление могильной ямы. В качестве примера приведем могильник у церкви летописного города Юрьева на Руси, где более ранние погребения, предшествующие строительству храма, имеют отличную от храма ориентировку, а более поздние, синхронные храму, ориентированы уже по его оси (Орлов и др., 1985. С. 45). Сходная картина наблюдается и на городище Верхний Джулат. Здесь ориентировка большинства погребений выдержана в соответствии с ориентировкой храма, тогда как погребения, совершенные вдали от него, уже обнаруживают некоторое отклонение от стандартной ориентировки (Милорадович, 1963. С. 102). Принимая во внимание отмеченные обстоятельства, частые отклонения в ориентировке погребений большинства сельских грунтовых могильников выглядят вполне естественно. В отсутствие четкого ориентира в виде направления церковных стен, погребения совершались здесь с ориентировкой по солнцу, что давало существенный разброс в связи с его сезонным движением. Подобная зависимость ориентировки погребения от положения солнца на небосводе не является отклонением от норм христианской обрядности, а, напротив, закреплено каноном. Данное положение отражено в вопрошаниях иеродиакона Кирика новгородскому архиепископу Нифонту (середина XII в.), в одном из которых говорится, что при погребении умерший должен быть обращен лицом

к солнцу, “то бо последнее видят солнце до общего воскресения” (Мусин, 2002. С. 73).

Положение рук погребенных на Мартышкиной Балке довольно разнообразно. В новейшем исследовании, касающемся норм христианской погребальной обрядности, достаточно убедительно доказано, что в Древней Руси в этом плане не существовало единого канона (Мусин, 2002. С. 48). Положение рук, отличное от положения “скрещено на груди”, встречается довольно широко как в древнерусской иконографии, так и на христианских грунтовых могильниках, и потому не может выступать в качестве языческого признака. Например, оно зафиксировано в таких погребениях, как погребения Ивана Грозного и князя М.В. Скопина-Шуйского в Архангельском соборе Московского Кремля (Панова, 1987. С. 115, 117), сына Юрия Долгорукого Святослава (Дубынин, 1945. С. 98) и монашеское погребение (Куглюковский, 1973. С. 71) в Суздальском соборе, погр. 282 в Борисоглебском соборе Новгорода (Строков, 1945. С. 72), христианская принадлежность которых не может вызывать сомнений.

Исследователями отмечается, что для Древней Руси, скорее всего, не существовало единой нормы христианского погребального обряда, его форма могла в значительной мере трансформироваться под влиянием местных условий (Мусин, 2002. С. 52). В качестве проявления местных, специфических черт погребальной обрядности могильника Мартышкина Балка, по нашему мнению, может выступать положение одной или обеих рук умершего на плечах, отмеченное во многих прослеженных случаях. Такое положение в единичных случаях известно во многих древнерусских грунтовых могильниках (Беляева, Кубишев, 1995. С. 53; Гуревич, 1983. С. 51; Куглюковский, 1973. С. 71; Максимов, Орлов, 1982. Рис. 3, 9). Исключение составляет могильник подмосковного Дмитрова, где руки довольно часто поджаты к плечам, на что, возможно, влияет более поздняя датировка памятника вплоть до середины XVI в. (Энговатова, Гончарова, 2002. С. 204, 236–242). Один случай зафиксирован в могильнике городища Верхний Джулат (Милорадович, 1963. С. 101). Чаще всего такие погребения встречаются в грунтовых могильниках, расположенных в степи за пределами собственно древнерусской территории (Винников, Цыбин, 2002. С. 99; Каприцын, 1993. С. 70; Козловский, 1990. С. 25; Мыськов, 2001. Табл. 1; Полубояринова, 1978. С. 76). Интересно, что в могильнике Белой Вежи такое положение рук погребенных известно, но значительно реже (Артамонова, 1963. С. 42). Возможно, что помимо территориального здесь имеет значение и хронологический фактор. Беловежский могильник прекратил свое существование в начале XII в. (Артамонова, 1963. С. 77),

тогда как остальные указанные могильники функционировали вплоть до XIV в.

О христианской принадлежности могильника Мартышкина Балка свидетельствует и находка фрагментированного бронзового проволочного крестика (рис. 3, 24). То, что эта находка единственная, роли не играет. Ведь давно отмечено, что, во-первых, нательные кресты могли изготавливаться из непрочных, быстро разрушающихся материалов или не помещаться в погребение, а передаваться по наследству (Моця, 1987. С. 72); во-вторых, в большинстве безусловно христианских могильников найдено очень небольшое количество предметов христианского культа (см., напр.: Беляева, Кубишев, 1995. С. 54; Куглюковский, 1973. С. 70; Орлов и др., 1985. С. 45–47; Панова, 1987. С. 112–119) и, в-третьих, обычай обязательного ношения нательного креста восходит лишь к XVII в. (Мусин, 2002. С. 75). Для древнерусского времени не обосновано, что погребение христианина должно обязательно сопровождаться нательным крестом (Мусин, 2002. С. 42, 43). Аналогичные проволочные нательные кресты известны из погр. 12 Новохарьковского могильника (Винников, Цыбин, 2002. С. 20–22. Рис. 6, 14), 58 Каменского могильника (Сымонович, 1956. С. 100. Рис. 34, 18), 60 могильника на городище Верхний Джулат (Милорадович, 1963. С. 100. Рис. 8, 11), из четырех погребений могильника у ц. Иоанна Предтечи в Керчи (Дмитриенко, 2000. С. 223; Макарова, 1982. Рис. 9, 32; 2003. С. 73. Табл. 47, 6; 48, 46) и один крестик – из поселения или могильника у с. Днепровское (Козловский, 1990. С. 64. Рис. 31, 25). Крестики из Днепровского и Керчи изготовлены из серебра, остальные так же, как и крестик из Мартышкиной Балки, – из бронзы. Как видим, они имеют достаточно четкий ареал, включающий в себя исключительно южные районы. На территории Древней Руси такие кресты, например, совершенно не известны (Древняя Русь, 1997. С. 166–179. Табл. 103), но встречаются на поселениях южного берега Крыма (Макарова, 2003. С. 73). Интересно отметить, что все находки (кроме у с. Днепровское) происходят из детских погребений. В связи с этим возможно предположение, что витые проволочные крестики выступали в качестве крестильных и были связаны с деятельностью определенной епархии (Херсонской, Тмутараканской, Аланской).

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют преимущественно о христианской принадлежности грунтового могильника Мартышкина Балка. Детали погребального обряда связывают его с такими грунтовыми могильниками, как Мамай-Сурка, Благовещенка и Каменка на Нижнем Днепре, Новохарьковский на Среднем Дону, русское кладбище Водянского городища на Нижней Волге, некрополь у ц. Иоанна

Предтечи в Керчи и аланский могильник на городище Верхний Джулат. Для большинства этих памятников (кроме Водянского, Иоанна Предтечи и Верхнего Джулата) исследователями отмечается их сложный и неоднородный этнический состав, включающий в себя как древнерусские, так и аланские и частично половецкие элементы (Винников, Цыбин, 2002. С. 99–101; Козловский, 1985. С. 64–68).

Население, оставившее могильник Мартышкина Балка, также представляется полиэтническим (Гудименко, 1998. С. 61; Масловский, 1997. С. 147). Определить и четко обозначить его этнический состав довольно сложно. Это связано с тем, что антропологический анализ серии погребенных из-за изначальной плохой сохранности большинства костяков и позднейших перипетий, связанных с их хранением, на сегодняшний день совершенно не возможен. Поэтому на основании погребального инвентаря попытаемся наметить определенные черты, характеризующие, как представляется, не столько этнический состав, сколько направление этнических связей и общий облик материальной культуры.

Прежде всего вся совокупность погребального инвентаря могильника Мартышкина Балка свидетельствует об оседлом характере населения. В нем нет таких категорий, как орудия труда, оружие и предметы конской сбруи, характерных для кочевнических погребений (Козловский, 1985. С. 66; Козловский, 1990. С. 30; Плетнева, 1981в. С. 214–219; Сымонович, 1956. С. 106). Вместе с тем здесь представлены некоторые находки, довольно широко известные по материалам половецких погребений. Речь идет об округлых костяных пуговицах-варворках с насечками и циркульным орнаментом (рис. 3, 1–3), а также серебряных серьгах с полой округлой напускной бусиной и обмоткой сканной проволокой (рис. 3, 14–16). Подобные серьги известны в Благовещенском, XII–XIV вв., (Козловский, 1990. Рис. 31, 17, 19) и Беловежском, XI – начало XII в., (Артамонова, 1963. Рис. 44, 1) могильниках. Схожая по форме, но изготовленная из золота, серьга происходит из погребения первого горизонта кладбища у ц. Иоанна Предтечи в Керчи, XI–XII вв., (Макарова, 1982. Рис. 9, 14; 2003. Табл. 48, 14). Исследователями отмечается, что такие серьги имеют аналогии в древнерусских материалах (Плетнева, 1981в. С. 216; Федоров-Давыдов, 1966. С. 40), их прототипом выступают трехбусинные серьги киевского типа (Жилина, 1998а. Рис. 2, 21). В кочевнических погребениях эти серьги датируются концом XI–XII в. (Плетнева, 1981в. С. 216).

Серебряные пуговицы-бубенчики с пирамидами зерни и сканью (рис. 3, 25–29) в кочевнических материалах не представлены. Аналогии им известны в христианских могильниках Крыма

XIII–XIV вв.: кладбище Иоанна Предтечи (Макарова, 1982. Рис. 9, 31; 2003. Табл. 48, 45), некрополь у с. Золотое (Орлов, 1979. Рис. 2, 13, 16). Похожая пуговица происходит из могильника на городище Верхний Джулат, где она считается древнерусским импортом (Милорадович, 1963. С. 105. Рис. 5, 15). На территории собственно Древней Руси такие изделия известны в могильниках Удрай II и Хренле (Равдина, 1988. Табл. 11, 6, 22; 12, 14) в Новгородской области с монетами X – первой четверти XI в.

Связь с древнерусским населением проявляется в серии серебряных перстнеобразных височных колец с загнутым концом (рис. 3, 19–22) (Волков, 2003. С. 113). Этот тип украшений является общеславянским и имеет повсеместное распространение на территории Древней Руси, главным образом в предмонгольское время (Древняя Русь, 1997. С. 64; Макаров, 1990. С. 67. Табл. XXVII, 18–20; Макаров, Захаров, 2003. Рис. 8, 1; Монгайт, 1961. Рис. 53, 10, 12–15; Седова, 1981. С. 13 и др.). С XIII в. мода на этот тип украшений распространяется и на Северном Кавказе (Милорадович, 1963. С. 103). Бесспорно древнерусское происхождение имеют сканные серебряные пуговицы-бубенчики (рис. 3, 4, 5). По признакам внешнего оформления украшения близки металлическим бусинам ожерелий, принадлежащих кругу изделий рязанских мастерских (Жилина, 1998б. С. 81, 82). Полностью ажурная конструкция из скани или проволоки является заключительным этапом эволюции технологического процесса (Жилина, 1998а. С. 295). Напускная бусина, по орнаментации очень близкая нашим пуговицам, найдена в одном из погребений Беловежского могильника с монетой Алексея Комнина (1081–1118 гг.) (Артамонова, 1963. С. 82, 83. Рис. 44, 8). Небольшие квадратные орнаментированные бляшки, нашивавшиеся на головной убор или ворот одежды, также являются типично древнерусским украшением (рис. 3, 47–50). Они зафиксированы в грунтовых могильниках Новогрудка (Гуревич, 1976. С. 27. Рис. 86; 1983. С. 52. Рис. 1, 6–17), у д. Бутырки на Верхнем Дону (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 249) и у с. Каиры на Нижнем Днепре (Козловский, 1990. С. 26, 63). На поселенческих памятниках схожие бляшки известны из Новгорода (Седова, 1981. Рис. 60, 5), Ярополча Залеского (Седова, 1978. С. 81. Рис. 19) и Старой Рязани (Древняя Русь, 1997. С. 101. Табл. 74, 24; Корзухина, 1954. С. 145). Причем набор серебряных с позолотой бляшек из старорязанского клада 1887 г. (Селиванов, 1891. С. 211. Табл. V, 21) по орнаментации практически идентичен нашим бляшкам. Этот клад (№ 164) входит в группу кладов, зарытых между 70-ми годами XII в. и 1240 г. (Корзухина, 1954. С. 27). Бляшки со сходным растительным орнаментом, но поясные, известны в Древней Руси и в более раннее время по материа-

лам Новгорода (Древняя Русь, 1997. Табл. 61, 7; Седов, 1982. Табл. LV, 16) и Гнездово (Мурашева, 1989. Рис. 1, 4, 5). Некоторые гнездовские находки стилистически очень близки бляшкам из Мартышкиной Балки. Ажурная бронзовая подвеска из десяти петелек с ушком (рис. 3, 17, 18) также имеет древнерусское происхождение и восходит формой к напускным бусинам трехбусинных украшений (Жилина, 1998а. Рис. 2, 17, 18, 50), известных, например, по материалам волянян (Седов, 1982. Табл. XXVI, 17, 18). Трехбусинные серьги киевского типа конца XII – начала XIII в. имели восемь петелек, в золотоордынское время появляются украшения уже с 16 петельками, но также имеющие древнерусское происхождение (Макарова, 2003. Табл. 48, 23; Орлов, 1979. С. 123. Рис. 4, 8; Полубояринова, 1978. Рис. 12).

Загадочной категорией погребального инвентаря могильника Мартышкина Балка выглядят миниатюрные железные калачевидные кресала (рис. 3, 51–55) длиной от 2,5 до 4 см, найденные в большинстве случаев у черепа погребенного. Некоторые из них имеют удлинённый язычок, смыкающийся с концами. Столь небольшие размеры совершенно нехарактерны для обычных кресал (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 185–188). По этому признаку их можно сближать с амулетами в виде миниатюрных предметов быта, широко известных на территории Древней Руси, или с кресаловидными подвесками скандинавского происхождения. Но в древнерусских материалах нам неизвестны привески в виде кресал (Журжалина, 1961), а кресаловидные подвески скандинавского круга сильно различаются по форме и изготовлялись в основном из серебра и бронзы (Новикова, 1990; 1991). Одно небольшое кресало длиной до 4 см известно нам по древностям черных клобуков (Плетнева, 1973. Табл. 39, 14). Несколько кресал с вертикально вытянутым язычком обычных размеров происходят из адыго-касожских захоронений Северо-Западного Предкавказья (Армарчук, Дмитриев, 2003. С. 223. Табл. 102, 18, 19). Единственная находка на территории Древней Руси известна в могильнике Поречье Витебской области в Белоруссии с монетами середины-конца X в. (Равдина, 1988. С. 104. Табл. 9, 3). Считается, что такие кресала чаще всего встречаются на Северном Кавказе (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 183). Большинство (10 из 13) находок миниатюрных кресал на могильнике Мартышкина Балка сконцентрировано в западной и юго-западной частях могильника. Возможно, что этот участок занимала какая-то особая этническая группа населения, связанная с Кавказом. Предположительно это могли быть аланы-ясы или адыги-касоги.

Для определения хронологических рамок существования могильника Мартышкина Балка важна находка бронзового крестопрорезного бу-

бенчика (рис. 3, 6). Такие бубенчики датируются серединой-концом X–XI в., но продолжают бытовать и в XII в. (Журжалина, 1961. С. 129; Колчин, 1982. Рис. 8). Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие на Мартышкиной Балке сердоликовых бипирамидальных бус, датирующихся на древнерусских памятниках XI–XII вв. (Моця, 1990. С. 67; Фехнер, 1959. С. 178. Прил. I). Такие бусы преобладают на Беловежском могильнике XI – начала XII в. (Артамонова, 1963. С. 62), территориально близком к Мартышкиной Балке. При этом в Белой Веже совсем не известны сердоликовые битрапедиевидные шестнадцатигранные бусы, получившие распространение уже в золотоордынское время (Масловский, 1997. С. 145), которые есть на Мартышкиной Балке (рис. 3, 34, 35). Вероятно, могильник Мартышкина Балка возник после прекращения функционирования Беловежского могильника и его нижняя граница может быть определена около середины XII в. Верхняя граница могильника устанавливается по находкам фаянсовых бус (рис. 3, 41–45), широко распространенных после монгольского завоевания. При этом на могильнике отсутствуют характерные для золотоордынского времени серьги в виде знака вопроса, появившиеся уже в XIV в. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 40, 41). Все сказанное выше позволяет датировать могильник Мартышкина Балка в рамках середины XII–XIII в. Узкая датировка памятника 30–60-ми годами XIII в., предложенная И.В. Волковым (2003. С. 111, 114), противоречит хронологии погребального инвентаря. Кроме того, учитывая общее количество погребений могильника – около 400 (Масловский, 1997. С. 144) и уровень ежегодной смертности – 2% в год (Артамонова, 1963. С. 104), при столь малом временном отрезке численность населения, оставившего могильник, получается весьма значительной, даже превышающей численность беловежского населения, что для рядового степного поселения кажется маловероятным.

Выражаю искреннюю благодарность И.В. Гудименко за любезно предоставленную возможность работы с материалами его раскопок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // ДА. 2001. № 1, 2.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. М., 2003 (Археология).
- Артамонова О.А. Могильник Саркела-Белой Вежи // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. М.–Л., 1963.
- Беляева С.О., Кубишев А.И. Поселения Дніпровського Лівобережжя X–XV ст. Київ, 1995.
- Винников А.З., Цыбин М.В. Материалы Новохарьковского могильника // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.
- Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками междуречья Сала и Маныча // СА. 1990. № 1.
- Волков И.В. Поселения Приазовья в XI–XIII веках // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.
- Гоняный М.И., Недошивина Н.Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. 1991. № 1.
- Гудименко И.В. Спасательные археологические раскопки в городе Азове и Азовском районе // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.
- Гудименко И.В. Итоги археологических исследований отряда “Дельта” экспедиции Азовского краеведческого музея в г. Азове и Азовском районе в 1995–1996 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов, 1998.
- Гуревич Ф.Д. Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья // КСИА. 1976. Вып. 146.
- Гуревич Ф.Д. Погребальные памятники жителей Новогрудка (конец X–70-е годы XIII в.) // КСИА. 1983. Вып. 175.
- Дмитриенко М.В. Христианское погребение домонгольского времени средневекового могильника Мартышкина Балка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов, 2000.
- Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).
- Дубынин А.Ф. Археологические исследования г. Суздаля (1936–1940) // КСИИМК. 1945. Вып. XI.
- Дяденко В.Д., Моця О.П. Жовнинський могильник XI–XIII ст. // Археологія. 1986. № 54.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в поздне-кочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000.
- Ельников М.В. Охранные исследования средневекового могильника Мамай-Сурка в 2002 году // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ, 2003.
- Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси (XI–XIII вв.) // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998а.
- Жилина Н.В. Стили и технология древнерусской зерни и скани // РА. 1998б. № 3.
- Журжалина Н.П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. 1961. № 2.
- Зайцев О.Н. Древнерусские грунтовые могильники XII–XIV вв. в районе Куликова поля // Тез. докл. Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996.
- Зайцева И.Е. Погребения в детинце Серенска // КСИА. 2001. Вып. 211.

- Каприцын И.И.* Исследования грунтового могильника Мамай-Сурка в 1992 году // Археологічні дослідження на Україні 1992 р. Київ, 1993.
- Козловский А.А.* Этнический состав оседлого населения Южного Поднепровья // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985.
- Козловський А.О.* Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. Київ, 1990.
- Колчин Б.А.* Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Корпусова В.Н., Орлов Р.С., Гершкович Я.П.* Работы у с. Золотое // АО–1973. 1974.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
- Куглюковский П.И.* О вскрытии гробниц в Покровском соборе в г. Суздале // АО–1972. 1973.
- Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
- Ларенок П.А.* Хронология средневекового слоя городища Самбек // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1983.
- Ларенок П.А.* Северо-Восточное Приазовье и дельта р. Дон в VIII–X вв. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов н/Д., 1998.
- Ларенок П.А.* Салтово-маяцкие памятники балки Клиновой // Аксайские древности. Ростов н/Д., 2002.
- Макаров Н.А.* Население русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д.* Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII века // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.
- Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4.
- Макарова Т.И.* Боспор-Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. М., 2003 (Археология).
- Максимов Е.В., Орлов Р.С.* Могильник X ст. на горах Юрковицы у Киева // Археологія. 1982. № 41.
- Масловский А.Н.* Грунтовый могильник Мартышкина Балка и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.
- Милорадович О.В.* Христианский могильник на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. М., 1963. (МИА; № 114).
- Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961.
- Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. Киев, 1987.
- Моця А.П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990.
- Мурашева В.В.* Технология изготовления поясных накладок из Гнёздова // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. № 2. М., 1989.
- Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Мыськов Е.П.* Русское кладбище Водянского городища // Нижневолжский археологический вестн. Вып. 4. Волгоград, 2001.
- Новикова Г.Л.* Амулеты в скандинавском языческом культе // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Л., 1990.
- Новикова Г.Л.* Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово. М., 1991.
- Орлов Р.С.* Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.
- Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М.* Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985.
- Панова Т.Д.* Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4.
- Парусимов И.Н.* Раскопки курганов в Зимовниковском районе // Тр. Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск, 1998.
- Парусимов И.Н.* Археологические исследования у х. Озерки в 1988–1989 гг // Тр. Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 4. Азов, 1999.
- Парусимов И.Н., Прокофьев Р.В.* Салтовский грунтовый могильник у г. Цимлянска // Тр. Археологического научно-исследовательского бюро. Т. II. Ростов н/Д., 2005.
- Плетнева С.А.* Древности черных клобуков. М., 1973. (САИ; Вып. Е 1-19).
- Плетнева С.А.* Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981а (Археология СССР).
- Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981б (Археология СССР).
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981в (Археология СССР).
- Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988.
- Розенфельдт Р.Л.* Липинский бескурганый могильник // КСИИМК. 1958. Вып. 72.
- Савченко Е.И.* Хронология Крымского могильника // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1983.
- Савченко Е.И.* Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. Вып. 1. М., 1986.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982 (Археология СССР).
- Седова М.В.* Ярополч Залесский. М., 1978.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Селиванов А.В.* Древности с. Старой Рязани // Тр. VII АС. Т. II. М., 1891.

- Строков А.А.* Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. XI.
- Сымонович Э.А.* Погребения X–XII вв. Каменского могильника // КСИИМК. 1956. Вып. 65.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Фехнер М.В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1959 (Тр. ГИМ; Вып. 33).
- Флеров В.С.* Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. I. Донецк, 2000.
- Шекун О.В., Веремейчик О.М.* Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів, 1999.
- Энговатова А.В., Гончарова Н.Н.* Предварительные результаты исследования средневекового могильника на территории кремля г. Дмитрова // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М., 2002 (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; Т. 1).
- Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

Medieval ground cemetery Martyshkina Balka on the Lower Don

R. V. Prokof'yev

Summary

The article analyses the materials from the medieval ground cemetery of Martyshkina Balka on the Lower Don. The cemetery had developed around a Bronze Age mound. The area investigated in 1994–1995 was 1.5 thousand m², with 247 burials. Of these, 231 belong to the medieval ground cemetery which dates to the middle of the 12th – the 13th cc. The funeral rite shows that the buried were Christians. The population appears to have been polyethnic, comprising a major Ancient Rus' component and a separate group related to the Caucasus. The inventory is sparse and comprises mainly clothing and ornaments.

ПАМЯТНИКИ ВИЗАНТИЙСКОГО ПЕРИОДА В ИЕРИХОНЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2009 г. Л. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва

В конце прошлого года (13–17.10.2008) совместная официальная делегация ИППО (Императорское Православное Палестинское общество) и МИД РФ на Палестинские территории осмотрела участки, находящиеся в собственности России в г. Иерихоне. В делегацию были включены специалисты, перед которыми ставились задачи ознакомления с состоянием природных и культурно-исторических (прежде всего археологических) памятников на этих участках, а также оценка перспектив исследования и первоочередных мероприятий для их охраны и поддержания. Экспертизы осуществляли члены ИППО: дендрологическую – доктор биологических наук Ю.Н. Карпун (директор Субтропического ботанического сада Кубани, ведущий научный сотрудник Всероссийского НИИ цветоводства и субтропических культур РАСН), археологическую – автор данной заметки, специально прикомандированный ИА РАН к делегации. Основной задачей археологической экспертизы было определение возможности возобновить натурные исследования, проводившиеся в 1880–1900-х годах на двух участках Иерихона: Антониновском и Иоасафовском (см. в этом номере подробный очерк Р.Б. Бутовой и Н.Н. Лисового).

В ходе поездки в Иерихон делегация провела несколько раундов переговоров с представителями администрации Палестинской автономии, включая губернатора провинции, министра культурного наследия НПА, мэра г. Иерихона и специалистов его муниципалитета. Во время этих встреч обсуждались вопросы организации (в том числе логистика) будущих работ. Были произведены выезды на наиболее значительные культурно-археологические объекты Иерихона (монастыри Сорокадневной горы, Телль эс-Султан, дворцы эпохи Хасмонеев и Ирода над ущельем Вади-Кельт, остатки стадиона в Телль эс-Самарат, дворец Хишама в Хирбет ал-Мафьяр).

Оба участка ИППО удалось осмотреть. Проведена первичная фотофиксация. Обмерены и привязаны, с использованием лазерной рулетки, к выкопировке из схематического плана города, предоставленного местными властями, наиболее важные для планирования работ объекты: самые

крупные деревья и участок раскопок 1880–1900-х годов на Иоасафовском участке (рис. 1).

Оба участка выглядят перспективными с точки зрения изучения древностей I тыс. н.э., особенно византийского периода. На них имеются остатки мозаичных выкладок из мелких камешков, типичных для строительства этого времени в Палестине. Однако первоочередные задачи археологического обследования связаны прежде всего с Иоасафовским участком, так как на нем планируются в скором времени строительные работы, вести которые нельзя без предварительных археологических исследований.

Иоасафовский участок имеет форму неправильного четырехугольника, две стороны которого образуют улицы современного Иерихона, большая Айн Султан и малая Аль-Джумезе (“улица Сикомора”); от улиц владение отделено оградами. В северо-западном углу помещается огромный фикус сикамора (“сикамора Закхей”), все еще дающий плоды и служащий объектом поклонения местных христиан и паломников (по определению Ю.Н. Карпуна, он может иметь возраст около 2000 лет). Дерево отделено от остального участка стеной с дверью; вдоль восточной и южной сторон владения проходит еще одна стена. Внутри участка имеются заброшенные одноэтажные сырцовые строения конца XIX – начала XX в.; мощенная камнем дорога, годная для проезда автотранспорта; артезианский источник воды и старый каменный колодец; небольшой православный некрополь донаторов участка. Основная часть владения представляет собой несколько запущенный сад с десятками деревьев, типичных не только для Палестины, но и для северного и западного Средиземноморья: маслина европейская и сосна итальянская (пиния), среди которых имеются достаточно старые экземпляры, достигающие возраста в 500 и 1000 лет; лимонные, апельсиновые и грейпфрутовые деревья; еще один фикус сикамора (около 500 лет) (определения возраста деревьев сделаны Ю.Н. Карпуном).

На участке хорошо заметен заросший котлован близкой к прямоугольной формы, на дне которого сохраняется *in situ* небольшой (примерно 1 × 1 м) фрагмент мозаичного покрытия из светлых каменных тессер, идущих параллельными ря-

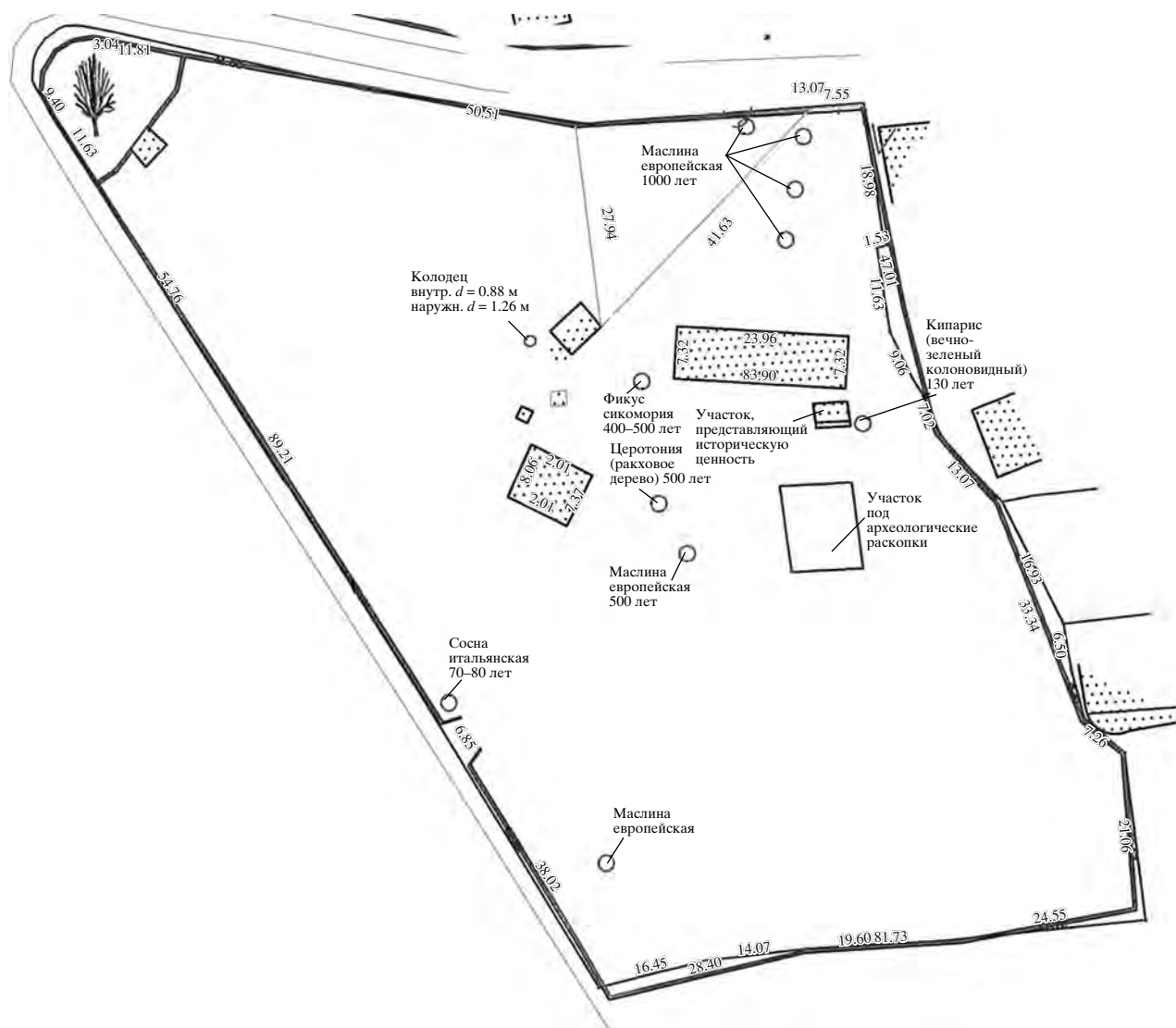

Рис. 1. Иоасафовский участок в Иерихоне. Схема территории с указанием старейших деревьев, построек и места раскопок конца XIX в.

дами. Котлован имеет глубину 100–150 см, на его дне россыпи камней, а в осыпях стенок – развалы каменных кладок. Сверху по периметру этого котлована (приблизительная оценка его первоначального размера – 15 × 15 м) насажены небольшие цитрусовые деревья, вероятно ровесники работ 1880–1900-х годов. Положение котлована на участке – по оси владения с севера на юг и существенно ближе к восточной стене (несколько южнее кладбища XIX в.). На основании имеющегося материала остатки покрытия могут быть датированы только в пределах римско-византийской или раннеисламской эпохи. Вряд ли стоит сомневаться, что это котлован раскопа, относящийся к эпохе архимандрита Антонина (Капустина), расширенный при работах Я.И. Смирнова (рис. 2).

На участке имеются и другие признаки возможного присутствия здесь зданий византийского периода – тесаные блоки камня, в том числе подставы и капители с изображением равноконечного креста с расширенными концами, жернова и другие каменные детали.

Учитывая результаты осмотра и последовавшей за ними систематизации архивных материалов, можно предположить, что новые археологические изыскания на участке возможны и необходимы как в качестве элемента общих проектных и строительных работ, так и в качестве независимого исследовательского проекта, который позволит обосновать все дальнейшие действия по освоению участка. Сейчас мы, конечно, знаем о древностях на участке крайне мало, но его археологический опорный план может быть составлен

Рис. 2. Иосафовский участок в Иерихоне. Вид на котлован раскопа конца XIX в. с севера; фото 15.10.2008 г.

на основе методически правильно организованных разведок и раскопок.

В качестве первоочередных шагов потребуются провести инструментальную топосъемку участка (сейчас таковая полностью отсутствует) и получить общее представление о мощности и характере культурного слоя при его общем инженерно-геологическом обследовании. Первым этапом собственно-археологических изысканий видится очистка котлована раскопок конца XIX в. на площади около 400 м² с полным раскрытием имеющихся кладок (предположительно V – начала VII в.) и подробной фиксацией состояния объектов на уровень, достигнутый нашими предшественниками. Это позволит определить направление, размеры и глубины дальнейших вскрытий. Параллельно следует провести разведочную шурфовку участка (особенно в зонах, проектируемых под застройку и прокладку коммуникаций). Условия для организации экспедиции и ее работы на участке имеются (заброшенные здания пригодны для организации полевой лаборатории, хранения инструментов и находок: есть независимое водоснабжение; имеющиеся ограждения облегчат охрану участка, а сеть дорожек – подъезд к зданиям и раскопу).

Следует сказать несколько слов и об Антониновском участке, где неотложные строительные работы пока не планируются, но который должно будет включить в сферу работ экспедиции. Мозаичный пол, открытый в 1880-х годах, включен здесь в состав ныне существующей церкви (построена в 1910-х годах) и используется в первоначальной функции (сама церковь стоит существенно ниже окружающей поверхности, а вход в

нее ведет еще ниже, к углубленному полу церковного зала). Наблюдаемые части мозаики показывают применение в ней трех основных цветов: бело-кремового, красно-коричневого охристого и серого. Орнаменты витые (жгуты) и цветочные. Широкая (около 1 м) кайма из лепестковых крестообразно расположенных соцветий, помещенных в центры ромбов, образованных гирляндами таких же соцветий, идет вдоль стены храма (литургический север). Она отделена от центральной части прямыми разноцветными полосами. В центре выделены и окаймлены широкой трехцветной полосой крупных жгутов надпись по-гречески (темно-серые буквы на белом фоне) и крестообразный орнамент в виде крупной прямой решетки с узлами-розетками в перекрестьях. Этот орнамент перебит мозаичной вставкой явно ремонтного характера: светлый круг с темным равноконечным крестом на нем, под основанием которого – маленькая утопленная в пол квадратная коробочка из камня с выбранной четвертью, но без крышки (вероятно, реликварий). Наиболее важная часть мозаики, *tabula ansata* с надписью о погребении клирика, закрыта алтарным ограждением и коврами, снимки можно было сделать только при слабом свете и с известного расстояния. Тем не менее по многочисленным аналогиям легко сделать заключение о принадлежности всего комплекса мозаик к эпохе расцвета византийского церковного строительства в Иудее во второй половине VI–VII в. н.э. (здесь не ставится, разумеется, задача серьезного анализа композиций и надписи, но в качестве простейших примеров приведу ромбические цветочные орнаменты в церкви Хирбет эль-Бейюдат, около 570 г. (Ancient

Churches..., 1993. P. 156, 163) и в монастырях Иудейской пустыни, например в Хирбет эд-Дейр, где есть и примеры отдельных крестов в мозаичном поле (Ancient Churches..., 1993. P. 256). Кроме того, в фасады церкви вмонтированы фрагменты резных архитектурных орнаментов (стилизиция аканфа, восьмиконечные кресты-хризмы). Перед церковью собраны *spolia*: фрагменты каменных колонок, их базы и др.

На Антониновском участке можно наблюдать также довольно глубокие (не менее 3–4 м) современные вертикальные планировки, профили которых имеют многослойную строительную стратиграфию, в них читаются развалы стен, поверхности и др. Насельники подворья рассказывают, что при садовых работах в разных зонах участка им встречались мозаичные поверхности. В целом на Антониновском участке можно планировать сейчас фиксационную работу внутри храма (съемка, обмер, научная интерпретация и подготовка к публикации мозаик пола и архитектурных фраг-

ментов), а на остальном участке – геодезическую съемку с привязкой всех имеющихся разрезов и их фиксацией.

Историографы отечественной науки, обращаясь к опыту работ конца XIX – начала XX в., неоднократно подчеркивали, что русской археологии необходимо вернуться в Палестину. Очевидно, что намечающиеся работы на возвращенных России участках в Иерихоне – прекрасная возможность сделать первый (и существенный) шаг на этом пути. Поэтому по результатам экспертиз подготовлены соответствующие отчеты, на основе которых составлены обращения от имени ИППО, МИД и Министерства культуры РФ к Президенту РФ и премьер-министру Правительства РФ с предложениями по развитию участков, включая первоочередные археологические исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ancient Churches Reveiled. Jerusalem, 1993.

Byzantine sites in Jericho: results of study and prospects for the future

L. A. Beliaev

Summary

The paper presents the results of the visit to Jericho of the official delegation of the Imperial Orthodox Palestine Society and the RF Ministry of Foreign Affairs (October 13–17, 2008) which inspected the real estate in Russian ownership. The delegation included scientists who surveyed the sites located on the land plots in question; further research work has been scheduled. Both the land plots appear to be promising from the point of view of antiquities of the 1st millennium AD, especially of the Byzantine period. Field studies at the two land plots in the medieval part of the town had been carried out as early as the 1880-s – 1900-s, and had revealed sites belonging to the 5th – 7th cc. AD. Architectural remains and mosaics, some of which contain inscriptions, are still extant and call for further study.

ДЕЛО О ПОКУШЕНИИ НА ГРАФИНЮ УВАРОВУ

© 2009 г. А. С. Смирнов

Институт археологии РАН, Москва

Всесторонне оценить заслуги наших предшественников в области археологической науки невозможно без осознания конкретных условий, в которых разворачивалась научная деятельность, без понимания личностных характеристик того или иного исследователя. Без этого наши представления о подлинных заслугах ученого будут в лучшем случае неполными, а возможно, и приватными.

С 22 июля по 6 августа 1911 г., в Новгороде прошел последний в дореволюционной российской истории XV Археологический съезд. Кажется, позади остались трагедия русско-японской войны, революционные потрясения, забастовки, московское восстание, восторги общества по поводу “обретения свобод” и прочие катаклизмы российской жизни начала века. Если судить по материалам съезда, прошедшие бури никак не сказались на подготовке и проведении этого научного мероприятия. Единственным отзвуком новых веяний представляются сомнения новгородского губернатора П.П. Башилова относительно предложения занять пост председателя Подготовительного комитета. Губернатора смущало, что выбор начальника губернии в качестве руководителя комитета будет воспринят обществом негативно “ввиду конфликта новейших политических течений освободительной окраски” (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 638. Л. 35об.).

Но это, казалось бы, вполне спокойное течение научной жизни было лишь видимостью. Новые реалии российской действительности, революционный нигилизм, террористические акты, нарастающее напряжение в обществе вторгались в далекую от политической деятельности сферу науки. Никто из делегатов съезда не заметил, что Прасковью Сергеевну Уварову в Новгороде охраняли три филера – сотрудники Московского охранного отделения и Владимирского губернского жандармского управления.

События, послужившие основанием для столь серьезной охраны графини, начались в годы революции 1905–1907 гг., когда в имении Уваровой под Муромом происходили волнения. По сообщением полиции, “крестьяне села Б. Окулово намеревались разгромить усадьбу Гр. Уваровых..., толпа человек более 100 подошла к конторе, стала разбирать изгородь у конторы, ломать деревья

в саду, стрелять из ружей...”. Несмотря на вооруженную охрану “вся усадьба Графини Уваровой в Окулово разграблена и сожжена...” (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 4, 11, 22, 32). П.С. Уварова сообщала властям, что “она лишена возможности восстановить необходимые хозяйственные постройки, так как крестьяне угрожают не только вновь уничтожить эти постройки, но и убить тех плотников, которые согласились бы возводить таковые” (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 125). Поджоги и убийства служащих в имении графини продолжались вплоть до 1909 г. П.С. Уварова даже объявила награду в 500 рублей за поимку убийцы (ГАРФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 381. Л. 23). Крестьяне в массовом порядке устраивали самовольные порубки в графских угодьях и при этом препятствовали отправке леса из конторы имения.

Не в характере Прасковьи Сергеевны было оставлять без последствий посягательства на свои права и имущество. Она забросала владимирского губернатора И.Н. Сазонова письмами с требованиями немедленного прекращения беспорядков и наказания виновных (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 84–86, 104, 106, 109, 113, 114, 117, 118, 119, 138, 139, 142, 143, 144, 149, 192, 193). Но ни уверения губернатора, “что все меры к охране Вашего имения будут приняты”, ни присланные казаки, ни действия жандармских офицеров не убедили графиню в том, что власти принимают действенные усилия по прекращению беспорядков. Она считала принятые меры недостаточными, а казачий отряд обвинила в трусости и отступлении перед взбунтовавшимися крестьянами (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 143). Более всего раздражало графиню необоснованное, по ее мнению, желание полиции объяснить беспорядки исключительно личной неприязнью крестьян к служащим ее усадьбы. Прасковья Сергеевна была убеждена, что причина конфликтов состоит в активной агитации приезжих революционеров, которые при попустительстве местных властей разлагающе действуют на крестьян (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 109об). Как утверждала графиня, “Окуловская Республика благополучно царствует” и “ведет агитацию по всем селам” (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 118об, 119). В подобном мнении ее всячески

поддерживали графский смотритель лесов Горшков и земский начальник Ознобишин.

Возмущенная поведением губернской администрации П.С. Уварова не раз обращалась с жалобами к министру внутренних дел, утверждая, что “несмотря на неоднократные обращения к местным властям, со стороны последних никаких мер против виновных крестьян села Окулова не принимается, вследствие чего они, уверенные в безнаказанности, все настойчивее проявляют свою преступную деятельность” (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 125). Обвинения графини вызвали возмущение помощника начальника Владимирского жандармского управления, написавшего в рапорте, “что в угоду Графини Уваровой, скорее даже Горшкова, так как она, очевидно, находится всецело под влиянием его, расстреливать мирно собравшихся крестьян, их жен и детей... мне не позволяет моя совесть” и потребовавшего “назначить производство дознания по всем пунктам выставленных против меня обвинений и... разрешить привлечь к суду Графиню Уварову за злостную клевету” (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 179). Под суд графиню не отдали, но допросу жандармов она подверглась (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 191).

Активная позиция П.С. Уваровой в отношении “аграрных беспорядков” не осталась незамеченной борцами с самодержавием. В начале марта 1911 г. во Владимирское губернское жандармское управление от тайного сотрудника “Николая”, волостного писаря в с. Поздняково крестьянина А.А. Архипова, поступило донесение, в котором сообщалось о готовящемся покушении на П.С. Уварову. Начальник губернского жандармского управления полковник Л.С. Байков 9 марта сообщил письмом с грифом “Совершенно секретно”¹ в Департамент полиции, «что революционные организации, будучи недовольны приговором Московской судебной палаты, состоявшимся в гор. Владимире, по делу “Окуловского братства Муромского уезда партии социалистов-революционеров”, считая его весьма суровым и находя, что означенное дело было раскрыто при участии Графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, Муромской помещицы, – будто-бы намерены убить Графиню, что будет поручено исполнить каким-то приезжим, пока не известным лицам» (ГАВО. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 1).

К сведениям из Владимира в Департаменте полиции отнеслись серьезно. Слухи о готовящемся покушении на графиню ходили по Мурому. Уже 11 марта было подготовлено решение, и в 1 час ночи 12 марта в Московское охранное отделение поступил приказ директора Департамента

Н.П. Зуева с требованием принять “действенные меры по охране графини Уваровой” (ГАВО. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 2).

Во исполнение приказа начальник Московского охранного отделения полковник П.П. Заварзин 12 марта разослал всем заинтересованным ведомствам информацию о готовящемся покушении. Был информирован и московский губернатор В.Ф. Джунковский, лично знавший Прасковью Сергеевну, который распорядился “принять меры к охране графини Уваровой” (ГАРФ. Ф. 280. Оп. 5. Д. 5013. Т. IV. С. 11). П.П. Заварзин прекрасно осознавал правдоподобность полученных сведений. В стране не первый год бушевал террор не только против высших чинов империи, министров, сотрудников полиции. Его жертвами становились просто состоятельные лица, а нередко и случайные люди. Лозунг “безмотивного террора” был на вооружении многих радикальных групп.

Тревогу полиции усугубляло и то, что еще в 1905 г. П.С. Уварова получила в Карачарово “предупредительное письмо” от революционеров (ГАРФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 379. Л. 15). В 1907 г. был убит сосед Уваровых по имению (ГАРФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 381. Л. 23). А в 1911 г. сотрудниками П.П. Заварзина в Москве была арестована группа анархистов, свершившая в окрестностях Калуги нападение на усадьбу одинокой богатой вдовы. “Революционеры” задушили не только помещицу, но и оказавшихся поблизости садовника и горничную. Убийца вдовы с гордостью показал на допросе, что придушил ее лично, “аж кости хрустнули на шее, так я ее прижал”. Совпадения обстоятельств совершенного и планировавшегося убийства были более чем схожи. Убийца помещицы, некто Филиппов, за содействие следствию не был казнен, как его поделщики, но осужден на бессрочную каторгу. После революции 1917 г., которая освободила каторжника, новой властью Филиппов был назначен председателем Брянской чрезвычайной комиссии (Заварзин, 1924. С. 149–157).

Опасения полиции подтвердила и сама П.С. Уварова, заявившая, что уже с января 1911 г. слышала об угрозах в свой адрес со стороны муромской семьи Страшных, один из членов которой, Яков Александрович, был осужден на каторгу по делу “Окуловского братства”.

Отношения П.С. Уваровой с семьей Страшных имели длительную историю. Глава семьи Александр Федорович Страшной арендовал у графини водяную мельницу и содержал в Окулове библиотеку и ссудосберегательное товарищество. По сведениям полиции, А.Ф. Страшной “был 9 января 1905 г. в Петербурге во время известной манифестации и сидел в тюрьме” (ГАВО. Ф. 107. Оп. 4. Д. 921. Л. 4). Он не прекратил свою противоправительственную деятельность и позд-

¹ Вся служебная переписка по этому делу велась с грифом “Совершенно секретно” и “Секретно”. Телеграммы передавались только шифром.

нее. В декабре 1905 г. П.С. Уварова получила письмо, подписанное “Лига Патриотов”, в котором сообщалось, что “в Вашем имении при селе Б. Окулово живет А.Ф. Страшной, у него имеется притон революционеров, и через него идет вся переписка социал-революционеров... Г-н Страшной пропагандирует проводить... аграрное движение. Так что подстрекаемые им Крестьяне... смогут произвести нападение на Имение Ваше. Надо бы позаботиться так отослать прохвоста выселить из Ваших владений и тогда все придет в порядок. Мы за ним следим” (ГАВО. Ф. 107. Оп. 4. Д. 921. Л. 8). П.С. Уварова по получении письма обратилась к губернатору с “просьбою послать в село Окулово людей, могущих на самом деле разоблачить... вопрос о виновности Страшного. Он нам всяк давно подозрителен... и Вы оказали бы нам огромную услугу, если бы помогли разобраться в этом деле” (ГАВО. Ф. 107. Оп. 4. Д. 921. Л. 7).

Подозрения графини оказались небеспочвенны. В июле 1906 г. А.Ф. Страшной после освобождения из арестантского отделения “вновь подстрекает крестьян села Большого Окулово к неповиновению властям”. Не отставали от отца и его сыновья. Согласно рапорту уездного исправника, «сын Страшного Яков кричал толпе: “идите, не бойтесь, стрелять в вас не будут”; другие сыновья Страшного Борис и Петр тоже агитировали среди местных крестьян...» (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 4). После подобных выступлений за семьей было установлено негласное наблюдение. А.Ф. Страшной скрылся, но дети продолжили дело отца. В 1907 г. Яков Страшной выступал на сельских сходах с революционной агитацией (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 146). В итоге возбужденного в 1908 г. “Дела об организации Окуловского братства Муромской окружной организации партии социалистов-революционеров в селе Большое Окулово” Я. Страшной был осужден на каторжные работы (ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 678).

П.С. Уварова главным виновником своих бед считала А.Ф. Страшного, приложившего, по ее мнению, главные усилия к “процветанию Окуловской республики”, которого она обвиняла в “пропаганде самых революционных идей среди крестьян”. По утверждению графини, “главные бунтовщики и учителя Страшных с сыновьями... продолжают свое мирное пребывание в Окулове и разъезды по селам, которые стараются соединить в один общий заговор”. Об этом она неоднократно писала губернатору, призывая принять к “врагу правительства и нашему” надлежащие меры и выслать его с сыновьями и распропагандированными ими крестьянами “на поселение” (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1701. Л. 84, 85, 138, 227об).

Начальник Московского охранного отделения полковник П.П. Заварзин побывал 15 марта

1911 г. у П.С. Уваровой и информировал графиню о сложившейся ситуации. В этот же день он назначил сотрудника службы наружного наблюдения А.С. Игнатченко персональным охранником графини. У ее дома в Леонтьевском переулке появились два городских. Полицейскими была проверена вся прислуга – секретарь, экономка, портниха, прачки, кухарки, швейцары, лакеи, повара, истопники, дворники, кучера, “буфетный мужик” – всего более двух десятков человек. Следили за посетителями и гостями графини, коих в день бывало до двадцати человек.

Вскоре у полицейских появилась еще одна проблема. Владимирский губернатор 16 марта сообщил, что информация о готовящемся покушении “касается главным образом дочери Графини Уваровой Прасковьи Алексеевны” и настаивал на ее особой охране, так как она “имеет обыкновение бывать всюду одна, без всякой предосторожности” (ГАРФ. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 6). Эта новость поставила московские власти в затруднительное положение. Только вчера, 15 марта, полковник П.П. Заварзин нанес визит П.С. Уваровой и, надо думать, весьма тактично информировал графиню об опасности. А на следующий день надо сообщать, что убить намереваются и ее дочь! Выполнить эту щекотливую обязанность пришлось сыну Прасковьи Сергеевны – Игорю Алексеевичу.

О том, что Московское охранное отделение более чем серьезно отнеслось к полученной информации, говорит то, что П.П. Заварзин поручил охрану Прасковьи Алексеевны под личную ответственность заведующего всем наружным наблюдением Д.В. Попова, личности в отделении примечательной. “Это был мужик смысленный, прошедший всю службу наружного наблюдения с азов. Потихоньку и помаленьку этот Попов стал как бы одним из столпов отделения”, – писали о нем сослуживцы (Мартынов, 2004. С. 326, 327).

Ситуация вокруг семьи Уваровых не на шутку тревожила полицейское руководство Империи. Департамент полиции 19 марта направил в Московское охранное отделение повторное указание об усилении охраны. В ответ П.П. Заварзин сообщил об учреждении личной охраны графинь и информировании губернаторов и начальников жандармских управлений Московской, Смоленской и Саратовской губерний, где располагались имения сыновей П.С. Уваровой.

Не дремала и полиция во Владимире, которая установила наблюдение за семьей Страшных. Были выяснены места жительства братьев осужденного Якова в Петербурге и Одессе. Жандармские управления этих губерний были ориентированы для установления наблюдения за фигурантами. Начальник Одесского управления сообщил, “что брат сосланного в каторгу Якова Александра Страшного... выехал на жительство в

г. С.-Петербург, откуда до сих пор в Одессу и не возвращался” (ГАРФ. Ф. 102. 1911. Оп. 241. Д. 287. Л. 24). Эта информация прямо подтверждала версию террористического акта в отношении П.С. Уваровой со стороны братьев Страшных.

Обилие тревожных сведений вынудило владимирского губернатора в начале апреля обратиться в Московское охранное отделение с просьбой направить в Муромский уезд одного из опытных агентов “для наблюдения за делом”. П.П. Заварзин сообщил, что “командирован в Муромский уезд инструктированный мною опытный полицейский надзиратель вверенного мне Отделения Яков Седун”. Начальнику Владимирского жандармского управления было приказано предоставить в распоряжение Я. Седуна двух филеров “для собирания негласных справок и производства секретных разведок по обстоятельствам дела”, а также обеспечить “усиленное и всестороннее агентурное обследование по вышеупомянутым данным” (ГАРФ. Ф. 280. Оп. 5. Д. 5013. Т. IV. Л. 37, 44).

В отчете, составленном Я. Седуном не без помощи агента “Николая”, приводились имена и приметы местных жителей, участников подпольной эсеровской организации, подробные характеристики приезжих боевиков, направлявших действия местных активистов. А главное – сообщалось о прошедшем 23 марта в с. Позднякове совещании, на котором было постановлено “оказать воздействие” на доверенного приказчика графинь Уваровых Горшкова и земского начальника 2-го уч. Муромского уезда Ивана Васильевича Ознобишина (оба имели влияние на П.С. и П.А. Уваровых); “воздействие” это должно быть совершенно особо организованной группой, причем предполагается вызвать какой-либо инцидент в селе Позднякове, обуславливающий приезд туда Ознобишина, “каковой инцидент и использовать”. Вопрос о покушении собственно на графинь по результатам совещания был отложен (ГАРФ. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 14–16).

Сведения, собранные полицейским ведомством в марте и апреле 1911 г., представлялись весьма угрожающими. Посему руководство по делу было возложено на заместителя П.П. Заварзина подполковника Долгова, а 13 мая во Владимирское жандармское управление было направлено распоряжение «принять все, возможные по местным условиям, меры для выяснения лиц, отмечаемых агентом “Николаем”, и при первой, наиболее благоприятной возможности, ликвидировать таковых» (ГАРФ. Ф. 280. Оп. 5. Д. 5013. Т. IV. Л. 62).

Новая тревожная информация поступила в середине июня. К директору Департамента полиции обратился член Государственного Совета В.А. Лопухин, недавно назначенный новгородским губернатором, и сообщил, что П.С. Уварова получает письма с угрозами расправы. “Основа-

нием к таковым угрозам... является то обстоятельство, что во время волнений 1905/6 годов Графиня Уварова указывала полиции тех проживающих в месте жительства Графини Уваровой лиц, которые являлись подстрекателями крестьян к аграрным беспорядкам; последствием чего была административная высылка многих лиц. В настоящее время лица эти возвратились из высылки и угрожают Графине Уваровой отомстить за понесенную кару. Причем предложено будто бы привести в исполнение свой преступный замысел во время пребывания Графини Уваровой в г. Новгороде на предстоящем XV Археологическом Съезде”. Новгородский губернатор просил “в целях охраны Графини Уваровой командировать в г. Новгород, на время имеющего быть в конце июля с.г. археологического съезда, агентов, знающих в лицо крестьян с. Корочарово и других селений, расположенных близ места жительства Графини Уваровой во Владимирской губернии, и подвергшихся административной высылке” (ГАРФ. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 19).

Это вынудило Департамент полиции отдать приказ Петербургскому и Московскому охранным отделениям обеспечить охрану графини в Новгороде во время проведения археологического съезда. Столичное охранное отделение получило дополнительное распоряжение усилить наблюдение за Страшными, “а в случае выезда в г. Новгород предупредить о том Начальника Новгородского Губернского Жандармского Управления, сопровождая Страшников наблюдением в г. Новгороде” (ГАРФ. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 20). Владимирским жандармским управлением с 1 июля для охраны П.С. Уваровой были выделены два филера – Василий Блохин и Осип Устинов.

Казалось, эти меры были весьма своевременными. По сообщениям филеров, в первых числах июля несколько крестьян села Акулово пытались разгромить лесную контору в имении графини, которой “заведует Иван Федоров Горшков, которому, по-видимому, крестьяне мстят...”. Попытки задержанных представить все как пьяный дебош не убедили полицейских, так как когда «был поставлен вопрос, что при конторе есть стражник, который мог бы их перестрелять, то Колобанов (глава шайки. – А.С.) ответил, “что мы на это шли” и добавил, что Мошатинская шайка никогда с пустыми руками не ходит» (ГАРФ. Ф. 280. Оп. 5. Д. 5013. Т. IV. Л. 77). Это происшествие весьма походило на попытку исполнения приговора подпольной организации в отношении Горшкова.

Все поступившие в полицейское ведомство факты подтверждали существование террористической организации и реальных попыток осуществить планируемые покушения. Посему графиню в Новгороде решили охранять со всей тщательностью. Как сообщили новгородскому губернатору из Департамента полиции, “для

охраны Графини Уваровой на предстоящем в г. Новгороде Археологическом съезде – Начальником Московского Охранного Отделения назначен полицейский надзиратель вверенного ему Отделения Игнатченко и два филера Владимирского Губернского Жандармского Управления” (ГАРФ. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 6/н). Сведения о покушениях новгородским жандармам были не внове. В губернии социалисты-революционеры распространяли своеобразные письма, состоявшие лишь из оттиска штампа: “Вы приговорены к смерти боевою дружиною партии социалистов-революционеров” (Алексеева, 2007. С. 118). Как непосредственно осуществлялась охрана графини в Новгороде, неизвестно. Никаких попыток покушения филерами зафиксировано не было.

По окончании съезда П.С. Уварова оценила его достаточно сдержанно. Позднее, в своих воспоминаниях, она высказалась более откровенно: “XV Съезд состоялся в 1911 г. в Новгороде, городе весьма сером и тусклом, что передалось и самому съезду, который прошел с меньшим подъемом и интересом к научным вопросам, чем обыкновенно” (Уварова, 2005. С. 187). Трудно оторваться от мысли, что тягостный год с ощущением постоянной угрозы для себя и дочери не мог не отразиться на общем впечатлении графини от проведенного форума единомышленников. Недаром свою речь на закрытии съезда П.С. Уварова завершила словами: «в нынешнее переживаемое тяжелое время единственной утешой остается “петь с любовью о старинных днях”» (Труд..., 1914. С. 190). Эти слова из стихотворения “Новгород” рано ушедшего из жизни поэта Э.И. Губера, все творчество которого проникнуто меланхолией и грустью, по всей видимости, наиболее соответствовали настроению графини в те дни.

Хотя никаких свидетельств о попытках осуществить покушение во время съезда полицейские чины не обнаружили, охрана продолжалась со всей тщательностью. Филеры неразлучной тройцей сопровождали графиню в Пскове, куда она прибыла из Новгорода. Как сообщал начальник Псковского жандармского управления, “за все время пребывания Графини Уваровой в гор. Пскове ничего выдающегося замечено за ней не было” (ГАРФ. Ф. 280. Оп. 5. Д. 5013. Т. IV. Л. 81).

Но напряжение в полицейских кругах не спадало. Директор департамента полиции 11 сентября распорядился продолжить охрану П.С. Уваровой. И не удивительно. В это время полиция получила от своего осведомителя “Николая” очередные сведения – текст протокола заседания Муромской группы социалистов-революционеров, датированный 8 сентября. Несколько днями ранее, 1 сентября, в Киеве террористом был смертельно ранен Столыпин.

Сама графиня П.С. Уварова в начале сентября из Москвы через Варшаву выехала за границу. Согласно рапорту начальника Варшавского охранного отделения, 10 сентября “была принята наружным наблюдением прибывшая в Варшаву Графиня Уварова, за которой согласно распоряжению Департамента Полиции учреждена охрана, и отсюда под охраной двух филеров вверенного мне Отделения проследовала через пограничный пункт Александров за границу” (ГАРФ. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 38). Тревожнения графини благополучно закончились.

Отсутствие в течение полугода конкретных улик готовящегося покушения, кроме заявления агента “Николая” и косвенных свидетельств, заставило полицию допросить своего информатора с пристрастием. Выяснились прискорбные для нее обстоятельства.

А.А. Архипов, “бывший реалист Муромского реального училища”, связанный с социалистами-революционерами, был арестован в 1906 г. за революционную деятельность. После выхода из тюрьмы в 1908 г. он никак не мог найти работу и даже его ходатайство в 1909 г. на имя губернатора с просьбой способствовать поступлению “его на службу на железнодорожную станцию” было “оставлено без последствий” (ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1758. Л. 19–21). Как заявил А.А. Архипов, “семья моя, отец и мать, и до моего тюремного заключения жившие единственно моим трудом, за этот период особенно стали нуждаться в помощи... По выходе из тюрьмы я долго не мог найти никакой работы и слонялся без дела, временами не имея куска хлеба. В это же время я женился и положение мое еще ухудшилось”. При поисках средств к существованию будущего агента “Николая” особо привлекали казенные должности. Но “для поступления на всякую службу с меня требовали свидетельство о политической благонадежности, которого я получить не мог ввиду своего прошлого”.

В отчаянии он решил предложить свои услуги жандармам, справедливо предположив, что они поспособствуют его трудоустройству. “Тогда я в конце февраля или начале марта обратился с письмом к Начальнику Губернского Жандармского Управления Байкову, в котором предложил ему содействовать в деле политического розыска по партии социалистов-революционеров. Предложение мое было принято...” (ГАРФ. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 29). Столь желанная А.А. Архипову казенная должность – место вольного писаря – оказалась за ним. Но надо было отработывать хлеб.

Реально внедриться в ряды партии социалистов-революционеров агент “Николай” не решился, “чтобы с места не попасть в провокаторы и не подвергнуться убийству”. К удаче новоявленного агента по Мурому давно циркулировали слу-

хи о возможном покушении на графиню Уварову, ее лесного сторожа Горшкова и земского начальника Ознобишина. Эти слухи А.А. Архипов решил использовать, и в начале марта у полковника Л.С. Байкова появляются первые “пока еще не проверенные, но к проверке которых уже приступлено” сведения. Анналы полиции пополнились информацией о “Николае Алексеевиче”, представителе партийного руководства, приедем боевике “Леониде”, “технике при одной из боевых дружин партии” некой “Доре”. Как активиста партии эсеров в Муроме “Николай” представил учительницу женской гимназии Хавскую, которую знал с 1905 г. В местные функционеры партии им были записаны многие крестьяне окрестных сел. Протоколы подпольных заседаний А.А. Архипов фабриковал “единолично”.

Выдуманные агентом “Николаем” сведения перемежались с действительными фактами революционной деятельности, которые А.А. Архипов почерпнул из тюремных разговоров, и указанием на реальных революционеров, с которыми он встречался во Владимирской тюрьме, благодаря чему сфабрикованная информация представлялась заслуживающей внимания.

Тем неожиданное оказалось для руководства Московского охранного отделения окончание этого дела. Полковник П.П. Заварзин не сразу принял столь шокирующие факты. По его письму А.А. Архипов был вновь допрошен “для более точного выяснения первоисточника слухов и самих сведений о предполагавшихся покушениях на жизнь графини Уваровой и других лиц”. Требовалось понять, «на основании этих слухов были даны “Николаем” сведения или же он измыслил таковые сам без всяких оснований и связи с действительностью», а также «единолично ли “Николай” составил план дачи ложных сведений, если у него были пособники или лица, посвященные в этот план, то кто именно, и где они в данное время находятся» (ГАРФ. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 32).

И хотя выяснилось, что основную информацию о готовящемся покушении неудавшийся агент “Николай” выдумал, следствие не смогло прояснить некоторые важные вопросы. Сознываясь во многих прегрешениях, А.А. Архипов категорически отказывался от авторства угрожающих писем, которые получала П.С. Уварова. По его показаниям, “предъявленное мне письмо..., в котором излагаются сведения, что при помощи Анны Александровской, Хавской, Гуреева и Хряпина подготавливаются активные революционные выступления, я вижу в первый раз и его не писал. В подтверждение того, что я этого письма не писал и что оно написано человеком неопытным – могу указать на то, что здесь соединены вместе лица, принадлежащие к различным партиям, имеющим различные взгляды и задачи: так, Анна Александровская и Хавская по своим взгля-

дам принадлежат к партии социалистов-революционеров, а Хряпин и братья Гуреевы – к партии социал-демократов”. К тому же не был определен первоисточник слухов о покушении. А.А. Архипов услышал о нем еще в 1907 г., в тюрьме, от своих сокамерников.

По-видимому, слухи о покушении на графиню Уварову изобретены не А.А. Архиповым. Кто-то, оставшийся неизвестным, действительно посылал Прасковье Сергеевне письма с угрозами. Так что сводить эту историю только к фантазиям неудачливого информатора не стоит. Возможно, опасность для графини Уваровой действительно исходила от семьи Страшных. А.А. Архипов общался о словах Я. Страшного, произнесенных в тюрьме, что он сам “должен был убить Ознобишина в один из приездов его в Окулово, но по независящим от него обстоятельствам исполнить этого не смог” (ГАРФ. Ф. 102. 1911 г. Оп. 241. Д. 287. Л. 35).

Хотелось бы обратить внимание на поведение П.С. Уваровой в нелегкие для нее месяцы. Выглядевшие весьма реальными угрозы для ее жизни, жизни ее дочери, постоянное напоминание об опасности в лице сопровождавших ее полицейских агентов – ничто не смогло сломить характер графини и принудить ее изменить образ жизни и каждодневные планы. Примечательно, что именно летом 1911 г. она добилась Высочайшего распоряжения о выделении “дополнительного пособия Императорскому Московскому археологическому обществу на устройство Археологических Съездов и издание их трудов, а также на археологические экскурсии” (Полное собрание..., 1914. С. 496, 497).

П.С. Уварова постоянно находилась в разъездах. Информация филеров изобилует сообщениями о ее вояжах. “Доношу Департаменту Полиции, что графиня Уварова, в период времени с 12 июля по 9 сего сентября, посетила следующие города: Можайск (2 раза), Новгород, Старую Руссу, Псков, С.-Петербург, Муром и Ковров” (ГАРФ. Ф. 280. Оп. 5. Д. 5013. Т. IV. Л. 92). Иногда переезды графини были столь стремительны и неожиданны, что филеры не успевали получить необходимые удостоверения, что вызывало недоразумения в их отношениях с местным начальством.

Помимо подготовки к съезду графиня находила время и для поездок по патронированным ею сельским школам. Как сообщалось в донесении филера А.С. Игнатченко, “Ея Сиятельство графиня Прасковья Сергеевна Уварова 5 сего мая выезжает из гор. Можайска по жел. дороге до ст. Уваровка, Гжатского уезда, Смоленской губернии, а оттуда 9 верст на лошадях в село Вешки, Гжатского уезда, где в местной земской школе будет председательствовать на экзаменах; пробудет до 7 мая. Из Вешек выезжает в деревню Ямская-Слобода, Можайского уезда, где также бу-

дет председательствовать на экзаменах в местной земской школе. 10 мая возвращается обратно в гор. Можайск, где... пробудет до 25 или 26 сего мая: до окончания как в местной женской прогимназии, так и на подготовительных женских курсах экзаменов”.

Несмотря на угрозы, П.С. Уварова открыто разъезжает по деревням своего имения в Муромской области. Причем не одна, а с дочерью, которой тоже грозит покушение. Как сообщал тот же полицейский агент, “Ея Сиятельство Графиня Прасковья Сергеевна Уварова вместе с дочерьми Прасковьей и Екатериной Алексеевнами и сыном Графом Федором Алексеевичем 8 сего июля едет в главную контору имения 18 верст на лошадах, при селе Саваслейка, Муромского уезда, а 9 числа возвратится на дачу, где постоянно проживает при селе Карачарово Муромского уезда” (ГАРФ. Ф. 280. Оп. 5. Д. 5013. Т. IV. Л. 60, 77). Кажется бы, в муромских лесах, идеальном месте для покушения, графиня должна была более чем где-либо опасаться за свою жизнь. Но прятаться за стенами Прасковьи Сергеевны, как и ее дети, считала ниже своего достоинства. Трудно не отдать должное самообладанию этой женщины. Недаром один из знакомых семьи графини писал в те годы, обращаясь к ее дочери Екатерине Алексеевне: “Не всем дан талисман вечной бодрости и юмора, которыми обладает Ваша матушка...” (У нас беда..., 2004. С. 159). Надо думать, в сложившейся ситуации юмор графине весьма пригодился.

Какое значение описанные события имеют для истории российской археологии? Следует помнить, что руководство ведущими археологическими структурами в императорской России осуществлялось представителями высшей знати. Отношения титулованных родов имели длительную историю. Личные симпатии и антипатии, во многом вызванные особенностями характеров, оказывали существенное влияние на взаимоотношения дворян-археологов, без учета которых невозможно полностью понять те или иные их поступки внутри археологического сообщества. Примером этого может служить отрицательное отношение председателя Археологической комиссии С.Г. Строганова к идее А.С. Уварова об археологических съездах (РА ИИМК. Ф. 1. 1866. Д. 4. Л. 6, 7об.). Понять его можно, зная, что С.Г. Строганов находился в неприязненных отношениях с С.С. Уваровым (РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 217). Не исключено, что мнение об отце распространилось на сына и его начинания.

Сложные отношения Председателя МАО П.С. Уваровой с преемником С.Г. Строганова на посту главы Археологической комиссии А.А. Бобринским могут объясняться не только соперничеством этих двух структур. В свое время П.С. Уварова обращалась с просьбами по попечи-

тельским делам к московскому губернскому предводителю дворянства Алексею Васильевичу Бобринскому, но получила отказ (ГАВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 281). Графиня, не привыкшая к подобным ответам, могла перенести свое отношение и на другого представителя рода Бобринских.

Русские археологические съезды в начале XX в. в определенной степени теряли свой авторитет в среде археологического сообщества. Представляется, что немалую роль в этом сыграл и властный характер П.С. Уваровой. Недаром А.А. Спицын еще в 1891 г., признавая несомненные заслуги графини в деле археологии, отмечал, что “вовсе не очарован Уваровой” и знает “ее слабые стороны чисто женского и графского свойства” (Бердинских, 2003. С. 151). В 1914 г. А.А. Спицын высказался уже более жестко: “Худшую и хорошую погоду на съезде делает графиня. Если Вы выступили с маленьким, незначительным рефератом, то Вас приветствовали бы улыбка; если Вы, петербургский, выступите со значительным и дельным рефератом, Вам непременно устроят что-нибудь неприятное... Из Петербурга ничего не может выйти – это же решено раз и навсегда. Чем старше становится человек, тем нетерпимее он станет. Язвить же Москва умеет мастерски и неожиданно... На этих Уваровских, со случайными темами, съездах выступают те, кому нужны лавры...” (Тихонов, 2003. С. 82).

Надо думать, описанное в настоящей статье поведение П.С. Уваровой, однажды принявшей решение и не изменившей свое мнение несмотря ни на какие аргументы, подтверждает характеристику А.А. Спицына, что во многом объясняет охлаждение ряда российских ученых к возглавляемому ею археологическим съездам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева М.А. Новгородское губернское жандармское управление (1867–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2007.
- Бердинских В. Уездные историки. М., 2003.
- Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Воспоминания. Париж, 1924.
- Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // “Охранка”. Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004.
- Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XXXI. 1911. Отд. первое. СПб., 1914.
- Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003.
- Труды XV Археологического съезда в Новгороде. Т. I. М., 1914.
- “У нас беда – страшная привычка к словам”. Письма депутата Государственной Думы М.В. Челнокова к графине Е.А. Уваровой. 1903–1912 гг. // Исторический архив. 2004. № 1.
- Уварова П.С. Былое. Давно ушедшие счастливые дни. М., 2005.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ СПИЦЫН О ТЕОРИИ АРХЕОЛОГИИ

© 2009 г. Н. И. Платонова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Характеристика источников

Имя А.А. Спицына стоит в почетном ряду классиков русской археологии (Антология..., 1995. С. 154). Проработав в ИАК без малого 26 лет, он успел разобрать целые горы разнопланового археологического материала, поступавшего туда из разных уголков империи. Мало кто из русских археологов XX в. не обращался к его публикациям. Тем не менее в разговорах коллег порою проскальзывает легкое недоумение: неужели за 50 лет работы в археологии ученый так ни разу и не задумался всерьез о сущности, о категориях той науки, которой он посвятил всю жизнь?

Что есть археология? Каков предмет ее изучения? Каковы ее методы? Эти вопросы умели отчетливо ставить перед собой современники А.А. Спицына – А.С. Лаппо-Данилевский, Н.В. Покровский, В.А. Городцов, Ф.К. Волков и другие. Задавались ими и ученые старшего по сравнению со Спицыным поколения – И.Е. Забелин, А.С. Уваров, П.В. Павлов. А вот Александр Андреевич за всю свою жизнь не только не опубликовал ни единой методологической заметки, но и попутно не коснулся этой темы в своих конкретных работах. Общие руководства по археологии, изданные им, касались исключительно методов полевых изысканий и правил издания памятников (Спицын, 1908; 1910).

Что заставляло исследователя абстрагироваться от теоретических проблем? Отсутствие интереса к ним? Сознательное самоограничение перед лицом иной, более насущной задачи? Или в действительности А.А. Спицын и ставил, и решал указанные проблемы по-своему, мы же попросту не знакомы с этой стороной его творчества? Чтобы не оставить такие вопросы без ответа, обратимся к сохранившимся спицынским рукописям.

Полное обозрение фонда А.А. Спицына в Рукописном архиве ИИМК РАН появилось в печати еще в 1948 г. (Бич, 1948). С тех пор с ним постоянно работали археологи самого различного профиля. В то же время некоторые материалы стали предметом исследования лишь недавно (Платонова, 2004а; б). Это черновые наброски и планы лекций А.А. Спицына в университете: большие тетради, сплошь заполненные его мелким, очень трудно читаемым почерком.

Стоит оговорить заранее: сохранились именно черновики и подготовительные заметки к лекциям. В них немало повторов, неудачных оборотов; текст совершенно не отредактирован стилистически. Порою видно, как ученый пытается на ходу отточить фразу, записывая ее в нескольких разных вариантах, и т.п. Таким образом, до нас дошли не отработанные автором окончательные формулировки, а именно наброски, сделанные “для себя”. При первой публикации я сочла возможным не приводить тексты целиком, а сделать ряд обширных тематических выборок, призванных отразить воззрения А.А. Спицына на археологию, ее предмет и методы (Платонова, 2004а. С. 134–149). Учитывая принципиальную новизну этих материалов для истории отечественной археологической мысли, сейчас представляется целесообразным вернуться к ним опять и подробно прокомментировать.

Основная проблема русской археологии начала XX в.: взгляд А.А. Спицына

«...Открытия идут за открытиями, – читаем мы в спицынских набросках к “Курсу археологии” 1909 г. – Не успеешь освоиться с одним новым разделом древностей, как на смену его выступает другой. Мы, члены ИАК, под потоком новостей чувствуем себя так, словно стоишь в теплый, тихий зимний день под хлопьями мягкого, пушистого снега, непрерывно и равномерно падающего. Уже наслаждался, насмотрелся, а снег все валится и валится. И домой ушел, а он продолжает все так же лететь, и нет ему конца. Мы, современные археологи, живем в героическое для нашей науки время. Не проходит года, чтобы не были открыты или совершенно новые древности, еще не поддающиеся объяснению и учету, или же древности, определяющие время и культурные влияния на уже известные культурные типы, или же расширяющие известные культуры на неожиданные области...

К сожалению, обработка имеющегося уже материала отстает от притока материала, почему он в большинстве случаев остается мертвым капиталом, ожидающим лучших дней. Материал этот уже тяготит русскую науку: он еще не подвергнут хотя бы систематизации, не приведен в известность. Уже давно раздаются требования о необ-

ходимости университетских кафедр по археологии.

Здесь должен археологический материал приобретать научный вид, здесь должны возникнуть те школы, которые дадут строгих исследователей. Все понимают, что без науки археология есть не более, как кладоискательство и любительство. Представителем этой свежей, увлекательной и заманчивой науки являюсь, волею судеб, я в Петербургском университете. Будущее покажет, насколько были основательны надежды русской археологической семьи на кафедру и насколько оправдана моя личная заветная мечта – иметь несравненно более учеников, чем я уже имею...» (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 95. Л. 8, 8об.).

Последние фразы отражают реалии 1909/1910 учебного года. С этого времени А.А. Спицын, утвержденный без экзамена в звании приват-доцента Санкт-Петербургского университета, начал чтение лекций по археологии на историко-филологическом факультете. С января 1910 г. там был официально учрежден Археологический кабинет, и Александр Андреевич стал его заведующим (Тихонов, 2003. С. 74, 75).

В 1909 г. им было разработано сразу несколько лекционных курсов, носивших, разумеется, “необязательный”, факультативный характер. Ведь А.А. Спицын был всего лишь приват-доцентом. Однако не кто иной как он с 1910 г. фактически координировал работы по исследованию средневековых древностей северо-запада России, производившиеся его студентами. Накануне Первой мировой войны ученики А.А. Спицына уже вполне профессионально вели раскопки во многих регионах – от Беломорья и Прииртышья до Северного Причерноморья (Тихонов, 2003. С. 77–80; Платонова, 2004б. С. 58–60).

В числе лекционных курсов, разработанных ученым в 1909 г., помимо уже цитированного “Курса археологии” были “Введение в археологию” и “Задачи археологии и ее материал”¹. “Введение...”, как и “Курс...”, содержит ряд любопытных пассажей, характеризующих взгляды Александра Андреевича на археологию того времени и степень разработанности археологических материалов в России:

“Всевозможных памятников старины в России неисчислимо количество... Но когда выбираешь одиночные темы и начинаешь отслеживать для них материал, то становится ясным, что его не достанет для самых элементарных выводов (курсив мой. – Н.П.). Ясно, что еще страшно мно-

го материала скрыто в земле. А добытый не классифицирован.

В этом материале, пожалуй, наши великие надежды. Сделанный мною здесь подсчет его оказывается громадным, подавляющим, неисчерпаемым. Уже это одно дает уверенность, что на этом материале будет разрешено множество проблем историко-этнологических...

...Мы идем вперед ощупью, случайными находками. Только недавно у нас получила движение мысль о систематических раскопках, имеющая, впрочем, еще очень мало последствий...” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 101. Л. 9об., 11об.).

Приведенные высказывания, на мой взгляд, подтверждают предположение, что круг проблем, которыми ученый занимался вплотную, диктовался не столько его личными вкусами, сколько представлениями о благе и неотложных нуждах русской науки. По мысли А.А. Спицына, именно неполнота и ущербность источников были главным препятствием, затруднявшим разработку всякой историко-этнологической проблемы, взятой отдельно. Весьма выразителен в этой связи нарисованный им образ бесконечного “снегопада” – вала новых материалов, обрушивавшегося из года в год на головы археологов. Непрерывный приток информации требовал непрерывной же систематизации все новых и новых коллекций. В подобной ситуации человеку склада и характера А.А. Спицына, по сути, не оставалось выбора. Он брался за то, что казалось ему самым необходимым, – и считал это вполне в порядке вещей.

Но если систематизация безбрежного материала была, с точки зрения Александра Андреевича, самой насущной задачей, это вовсе не означало, что он не задавался общими, принципиальными вопросами археологической науки. Сохранившиеся тексты не оставляют сомнений: исследователь не только живо интересовался этими проблемами, но и подробно излагал свою концепцию студентам университета.

Определение археологии, ее предмет и задачи по А.А. Спицыну

“Каждая наука, чтобы получить право на самостоятельное существование, – утверждал А.А. Спицын, – должна объявить: определенную задачу, отличную от задач других наук, свой особый материал и указать свои приемы исследования... Тема эта меня занимала много раз, и только теперь в моих работах она получила должную определенность. Ход моих соображений принял должную простую форму, и вывод получился ясный.

Чем занимается или занималась археология? – Древностями, вещественными остатками старины... Что представляют собой памятники древности? – а) вещи; б) обстоятельства или условия их ...

¹ В последующие годы названия лекционных курсов могли меняться, но, видимо, их основное содержание оставалось прежним. Во всяком случае, среди рукописных материалов А.А. Спицына не сохранилось проспектов курсов, составленных после 1909 г.

нахождения: обряд погребения, нахождение в одном жилом слое, нахождение в кладе.

Исследованные и классифицированные по содержанию, что памятники древности дают? – Свод самых разнообразных древностей, принадлежавших в разное время разным народностям, то есть черты их внешней культуры.

Итак: *археология есть... наука о развитии внешней культуры народов... на основании изучения памятников древности* (курсив мой. – Н.П.)

Но такая наука уже есть – история. В самом деле, история каждого народа состоит из изучения его прошлого в трех отношениях: политическом, по внутреннему быту его и по внешнему быту... *Археология и есть в точном смысле слова часть истории...* (курсив мой. – Н.П.).

Материал археологии – памятники древности. Этот материал требует особой специализации, так как... требует особых приемов добывания, критики и обобщений. Историк при всем своем желании, занятый в огромной и сложной области письменных памятников, могущий овладеть только своею литературою, не может овладеть реальным материалом, расширять его и исследовать. Он делал, делает и будет делать свое: давать свод имеющегося в письменных памятниках материала по внешнему быту, в пределах этого материала. Это его специальная задача, в свою очередь недоступная археологу, который не может овладеть материалом писаной истории и подвергнуть его должной критике со стороны текста.

Археолог не делает ненужной работу историка, напротив, вызывает ее в усиленном размере, а если таковой не исполнено, то берется за письменные материалы сам, так как они для него столь же необходимы, как и реальные. Везде выводы археологии должны совпасть с надежными выводами историка, подтвердить их или опровергнуть и заставить пересмотреть вопрос снова.

Итак: *археология есть часть истории, занимающаяся изучением развития внешнего быта народностей, преимущественно, на основании реальных остатков старины...* (курсив мой. – Н.П.)” (РАИИМК РАН. Ф. 5. № 95. Л. 13, 13об.).

Здесь, с одной стороны, отчетливо видна преемственность со старой формулировкой А.С. Уварова, определявшего археологию как науку, занятую исследованием древнего быта по памятникам (Уваров, 1878. С. 32). Однако у А.А. Спицына вместо уваровского “древнего быта” – чрезвычайно широкого понятия, включавшего как материальную, так и духовную культуру древности, появляется “внешняя культура” (или “внешний быт”). Это уже прямой эквивалент введенного несколько позже понятия “материальная культура”. Таким образом, под “развити-

ем внешней культуры” здесь подразумевается не что иное, как “история материальной культуры”.

В рамках ее, по А.А. Спицыну, проводится “изучение древностей со стороны формы, техники, стиля и со стороны состава древних культур и истории вещественного быта народов” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 101. Л. 12об.). В данном случае Александр Андреевич пытается охватить своим определением и старое, привычное понятие археологии как бытовой истории, и то, что сам он называет “чистой археологией” – *специальное знание о вещи, об артефактах как таковых. “Культура, – заключает он, – проявляется бесконечно разнообразно в материальных формах, которые и должны составить предмет археологии* (курсив мой. – Н.П.)” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 101. Л. 25). В последней формулировке уже совершенно очевидно прослеживается влияние совсем другой традиции отечественной археологии – художественно-исторической школы Н.П. Кондакова.

Таким образом, А.А. Спицын проводит границы между различными историческими науками по характеру источников и особенностям применяемых ими методов исследования. История в его понимании – это и специальная дисциплина, изучающая памятники письменности, и синтетическая, энциклопедическая наука, аккумулирующая данные, полученные из различных источников. В свою очередь археология для Александра Андреевича – одновременно и отдельная специальная дисциплина, и часть истории. Археология самостоятельна, ибо ведает своим уникальным материалом, применяет к нему специфические приемы исследования и имеет свои собственные задачи. Она – часть истории, ибо на ее материале воссоздается один из разделов истории культуры и решаются историко-этнологические проблемы.

Теоретическое осмысление истории как комплекса специальных дисциплин, различающихся по характеру источников и методов, к ним применяемых, имело в России свою традицию. Однако вплоть до конца XIX в. эта концепция оставалась как бы “на периферии” отечественной археологической мысли. Впервые ее озвучил профессор кафедры теории и истории искусств Киевского университета П.В. Павлов на III Археологическом съезде (1874 г.). По его мнению, все исторические науки, “взятые вместе в их развитии в прошедшем, составляют то, что называется историей цивилизации. *Исторические науки в их синтезе и в отдельности совершенствуются вследствие разработки их предмета по источникам; источники же исторических наук бывают письменные и неписьменные* (курсив мой. – Н.П.)” (Протоколы..., 1878. С. XVIII–XIX).

Неписьменные источники П.В. Павлов делил на три категории: а) географические; б) этноло-

гические или историко-антропологические; в) археологические или вещественные памятники. При этом в его трактовке археология “обнимает все исторические науки, насколько содержание их выражается в материальных памятниках”, и имеет “свой особый археологический метод, задача которого – придти к научным выводам путем сравнения однородных вещественных монументальных памятников” (Протоколы..., 1878. С. XIX).

В 1874 г. точка зрения П.В. Павлова даже не обсуждалась всерьез, хотя на тот момент это была, пожалуй, наиболее продуманная, наиболее продвинутая в философском плане научная концепция археологии, причем не только в России, но и в мировой науке. Отчасти такое положение можно объяснить настороженным отношением консервативной части археологического сообщества к самому П.В. Павлову. Степень одиозности этой фигуры показывает хотя бы то, что именно он послужил прототипом профессора-“маньяка”, выведенного в романе Ф.М. Достоевского “Бесы”. По материалам протоколов съезда создается впечатление: его выступление просто не слушали.

В подтверждение приведу одну характерную деталь. В конце своего выступления П.В. Павлов дает археологии следующее определение: “...наука древних *вещественных памятников*, в смысле *произведений механических и изящных искусств* (курсив мой. – Н.П.), насколько в этих памятниках выразилась цивилизация в ее развитии...” (Протоколы..., 1878. С. XIX). В ответ на это А.С. Уваров замечает: “...действительно, мы *ipso facto* понимаем обыкновенно археологию в смысле истории искусства, но я полагаю, что можно принять более обширную задачу археологии...” (Протоколы..., 1878. С. XIX).

Налицо явное непонимание. Ведь “произведения механических и изящных искусств” – это вовсе не “памятники искусства”! Это широкое определение, способное охватить *всю* материальную культуру. Впрочем, неприятие концепции П.В. Павлова русскими археологами в 1874 г. имело и другую, более глубокую причину: его предложение ограничить область археологии анализом одних вещественных памятников шло вразрез с исследовательской практикой того периода.

На указанном этапе археологического изучения России, когда все полевые работы еще носили “точечный”, несистематический характер, в распоряжении ученых, как правило, не было ни серийного, ни массового материала². Не было и сколько-нибудь разработанной хронологии древностей – даже для наиболее поздних, “исто-

рических” эпох. Ставить во главу угла “сравнение однородных вещественных памятников” на практике оказывалось весьма затруднительно.

Напротив, архивные изыскания, привлечение письменных и изобразительных источников в одних случаях позволяли сравнительно точно датировать “древности”, а в других – объясняли их назначение и структуру. Отсюда и вытекала однозначная трактовка А.С. Уваровым археологии как *общей истории культуры*, “учения о древнем быте человека”, обнимающем “исследование *всех памятников, какого бы рода они ни были, оставшихся от древней жизни*...” (курсив мой. – Н.П.)” (Протоколы..., 1878. С. XIX). Фактически предмет науки определялся, исходя из реальной познающей деятельности ученых, которые не только могли, но были вынуждены ввиду состояния источниковой базы вести работу на междисциплинарной основе.

Ситуация качественно изменилась к рубежу XIX–XX в. в связи с накоплением новых данных, настоятельно потребовавших более узкой специализации в области исследования вещественных источников. В этом направлении и развивались общие представления А.А. Спицына, чьи взгляды на предмет археологии и место ее в системе наук обнаруживают много общего с идеями П.В. Павлова.

Как и его предшественник, Александр Андреевич считал историю энциклопедической наукой, аккумулирующей данные, полученные различными дисциплинами. Он резко возражал против участвовавших к концу XIX в. попыток вывести археологию из исторического цикла и числить ее по разряду антропологии.

“...Она (антропология. – Н.П.), – указывал А.А. Спицын, – стремится быть общей наукой о человеке, захватывая все науки о нем. По Петри³, антропология есть наука энциклопедическая, включающая в себя анатомию, физиологию, учение о душе (психологию и логику), этнографию-этнологию-социологию, географию, лингвистику, историю, философию. По несколько высокопарному выражению Петри, антропология решает вопрос, что такое человек, откуда он и что его ожидает? Дальше идти, кажется, некуда... *Каждая наука может основываться лишь на своем материале, изучаемом своими особыми приемами, которые принадлежат только ей... Из основных своих настоящих занятий одно антропология должна представить археологии, другое – этнографии, третье – социологии и т.д.,*

² Исключение представляли собой лишь регионы Северного Причерноморья, с одной стороны, и Остзейского края и Финляндии – с другой.

³ Петри Эдуард Юльевич (1854–1899) – доктор медицины. С 1887 г. – профессор кафедры географии и этнографии Санкт-Петербургского университета. Читал систематические курсы первобытной археологии в рамках общего курса антропологии.

по принадлежности (курсив мой. – Н.П.)” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 101. Л. 17об., 18).

Четкое ограничение археологии областью вещественных памятников не являлось у А.А. Спицына результатом ограниченности диапазона его собственных возможностей как исследователя. Его подготовка как историка-источниковеда была вполне профессиональной и комплексной. В университете он мог вести занятия не только по археологии, но и по русской палеографии, истории летописания, истории актов боярского землевладения в Новгороде и т.п. (Тихонов, 2003. С. 75, 76). Однако в теоретическом плане А.А. Спицын четко разграничивал указанные области своих интересов по характеру источников и методов их исследования.

Разделы археологии по А.А. Спицыну

А.А. Спицын делил археологию на два отдела: общую (чистую) и прикладную (частную, бытовую). По его образному выражению: “экипаж археологии – парный” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 101. Л. 12об.). В первый отдел входило собственно вещеведение (хотя у самого Александра Андреевича этого термина нет), т.е. описание вещей, их формальное, технологическое и стилистическое изучение, типология. Второй отдел, по А.А. Спицыну, – методика добывания и первичной группировки материала, установление позиций, соотношения предметов между собою, выделение и реконструкция отдельных комплексов. Именно эта “частная” археология практически целиком поглощала собственные силы ученого. Огромный накопленный материал, по его словам, “тяготил русскую науку”, требуя систематизации. Однако “важнейшей” частью археологического знания А.А. Спицын называл все же не “прикладную”, а именно “чистую” археологию. Правда, при этом он оговаривался, что разработка данной области только начата: “Изучение вещей – это основная работа археолога, от которой зависит успех всех дальнейших работ... Хорошее описание вещи – венец искусства, знаний и остроумия исследователя...” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 116. Л. 7).

“...Знатока дела, а также любителя старины вещь может интересовать сама по себе, как натуралиста дерево или растение, без всякого отношения к истории. Вещь представляет интерес в трех направлениях – со стороны *формы, техники и стиля* (формула из истории искусства). Откуда вещь получена, при каких условиях найдена, исследователю не важно знать. Равным образом вещи, не представляющие интереса сами по себе, находятся вне круга его интересов. Интересны мастерство и эстетика.

Другого исследователя вещи интересуют не секретами техники своей или истории формы, или стилем, а для него первые вопросы: какого

времени и народа вещь, откуда она попала и какую судьбу имела? Для него она лишь черта характеристики или истории быта той или иной народности. Для него все вещи важны. Вещь незначительная может иметь более цены, чем драгоценная, раз она решает какой-либо вопрос о прошлом народа... Чрезвычайно важны хронология и распространение таких вещей, почему историк проявляет самое изысканное внимание к обстоятельствам находки.

В результате своих работ исследователи первого рода имеют картину движения искусства и всякого мастерства, а вторые – историю народного вещественного быта. Археология первого рода есть *чистая или общая, вторая – прикладная или частная*.

Общая археология в настоящее время заслуживает наибольшего внимания, без хорошего развития ее невозможна точная картина быта, так как важнейшие для нее вопросы о времени и месте изготовления вещи не могут быть решены. Чистая археология есть специальное знание о вещи, которого не может иметь историк. Историк никогда не может быть специалистом-археологом. Может быть, нам следовало бы оставить все другие наши занятия и отдаться исключительно этой стороне изучения вещей... (курсив мой. – Н.П.).

Где наши хотя бы самые элементарные изыскания в технике и истории скани, зерни, черни, инкрустации и пр.? Их нет, потому что еще нет достаточного материала. Вещи известны лишь в отрывках, а кроме того, есть технические секреты, уже совершенно утраченные. Это знает всякий, кто принимался за такого рода исследования...

Чистая археология есть лишь наука будущего. Это не значит, что можно с ней не считаться. Наоборот, каждый археолог должен и вынужден бывает собирать для нее посильный материал; даже малые выводы по форме, технике и стилю могут быть уже чрезвычайно важны для прикладной археологии; важно даже простое описание различия в технике однородных вещей. К такому убеждению приходит всякий работающий археолог...” (РА ИИМК РАН. Ф5. № 101. Л. 11об., 12).

В отечественной археологии начала XX в. “специальное знание о вещи” разрабатывалось в первую очередь для находок, имевших эстетическую ценность (произведений искусства). В этом деле велика заслуга Н.П. Кондакова⁴ и его шко-

⁴ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – выдающийся русский историк искусства и археолог. Академик, профессор, в 1888–1891 гг. – член Императорской Археологической комиссии. С большим успехом применял сравнительно-исторический анализ в археологии, разработал новый метод, названный позднее иконографическим. Вместе с тем ограничивал круг интересов историка-археолога предметами, имеющими эстетическую ценность. Придавал мало значения правильной фиксации условий находки.

лы. По мнению А.А. Спицына, кондаковский подход следует распространить на все без исключения категории археологических находок, однако не стоит, подобно ему, пренебрегать изучением контекста этих находок:

“...На верхах наших археологических знаний сложились две школы и два отношения к древностям... Старая... говорит: древности интересны сами по себе и только одни, и интересны не все, а те, на которых есть следы творчества и искусства. Вещей мало, дайте как можно больше вещей, чтоб можно было, пользуясь строгим методом, подвергнуть их сравнительному исследованию, получить общие выводы. Не лишено интереса, но не имеет важности знать судьбу вещей и обстоятельства их находки.

Вторая школа, выросшая из круга занятий практической археологии... говорит: добытый материал прежде всего ведет к характеристике народа, его оставившего. Чтобы иметь точную хронологию и картину быта, нужно обращать точнейшее внимание на обряд погребения и обстоятельства находки. Важны все без исключения находки, самые незначительные, так как и они служат к характеристике быта. При раскопке памятник уничтожается, и потому они должны быть использованы так, чтобы не было упреков. *Изучение вещей самих по себе – дело очень серьезное, но археолог не может ему исключительно отдаться, будучи озабочен своею ближайшею целью – исследования и систематизации* (курсив мой. – Н.П.)...

Любопытно припомнить мои споры с Н.П. Кондаковым. Я ему чрезвычайно благодарен, так как не мог не оценить тех оснований, во имя которых он ставил свои требования. Я со временем даже исполнил ряд работ по основаниям истории искусства и таким образом вполне освоился с этой точкою зрения. Таким образом, я совместил в своих занятиях и ту, и другую точки зрения, признав законность их обеих...

Ясно, что все древности, соединенные одною техникой, содержанием и стилем, должны составить определенную единицу, величину, вид, стройное целое, иногда весьма значительного объема. Это целое соберет весьма много вещей... целую житейскую обстановку: жилище, одежду, предметы поклонения, украшения...” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 95. Л. 10, 11).

При некоторой сбивчивости, терминологической нечеткости последнего определения в нем ясно видна попытка А.А. Спицына представить археологический материал как ряд “единиц”, *совокупностей*, в рамках которых различные категории древностей тесно взаимосвязаны и объединены в некую систему (“стройное целое”). В связи с этим стоит отметить: Александр Андреевич широко применял на практике понятие “культура”

(ни разу не попытавшись раскрыть в печатных работах его содержание).

Таким образом, концепция А.А. Спицына представляет собой попытку свести воедино две традиции отечественной археологической науки – историко-культурную и художественно-историческую. Первая развивалась трудами И.Е. Забелина, А.С. Уварова, Д.Я. Самоквасова и их последователей. Ярчайшим представителем второй был Н.П. Кондаков, создатель “иконографического метода”. Именно он ввел в русскую науку представление, что предмет археологии есть не что иное, как *формы предметов в их образовании и дальнейшем развитии*, интуитивно угадав значение такого приема, как установление характера и частоты сочетаний различных форм между собой (Кондаков, 1887. С. 228; 1896. С. 7, 8; Лебедев, 1992. С. 243–247, 264, 267).

У А.А. Спицына художественно-историческое направление в русской археологии названо “старой” школой. Это вряд ли правомерно. В начале XX в. художественно-историческая школа Н.П. Кондакова была такой же “новой”, как и историко-культурная, занятая разработкой систематики национальных древностей России. Просто корни указанных направлений в отечественной археологии были различны.

Первое базировалось на “винкельмановской” традиции, в рамках которой вырабатывался и совершенствовался метод анализа собственного, неповторимого материала археологии – вещественных и изобразительных памятников (пускай вначале это были исключительно произведения искусства).

Вторая школа выросла из историко-бытовой (“национальной”) русской археологии второй половины XIX в. В отличие от “винкельмановской” она не располагала предшествующими наработками антиквариев в области изучения вещей. Здесь не могло сложиться приоритета анализа вещевого материала над исследованием его исторического и палеоэтнографического контекста. Скорее наоборот: в первые десятилетия развития историко-бытового направления на передний план выступало именно изучение контекстов, комплексов находок с точки зрения их хронологии и историко-этнографической реконструкции.

Для А.А. Спицына было характерно стремление объединить достижения этих двух самостоятельных традиций, снять между ними все реальные и кажущиеся противоречия. Александр Андреевич был именно археологом-историком, историком культуры – и по образованию, и по научным интересам. Однако ему было ясно: без “специального знания о вещи”, детальной разработки находок по формам, технике и стилю все попытки исторической реконструкции “внешнего быта” безнадежно “повиснут в воздухе”. Отсю-

да берет начало его разделение археологии на два взаимосвязанных “отдела”, отсюда подчеркивание исключительной важности формального и технологического анализа.

А.А. Спицын об О. Монтелиусе и типологическом методе

В архиве А.А. Спицына сохранился очерк об О. Монтелиусе, датированный 1922 г., когда по случаю смерти классика мировой археологии в РАИМК состоялось заседание, посвященное его памяти. Очерк включает и живые воспоминания о встрече с Монтелиусом на Международном Археологическом конгрессе в Стокгольме (1912 г.).

“Монтелиуса мне довелось видеть не так давно, на Стокгольмском съезде... Он выступил здесь в зените своей славы и авторитета, и, казалось, в наивысшем подъеме своей творческой деятельности. Здесь все было к нему обращено, все перед ним преклонялось. Это был центр внимания съезда, его фокус. Люди постарше и позаслуженнее держались в непосредственной орбите светила; начинающие, молодежь, располагались в почтительном отдалении, подальше, но ловили каждое его движение. Вторая персона съезда (на мой взгляд, весьма сомнительная известность) проф. Косинна, не имея собственный Олимп, не отставал от Монтелиуса ни на шаг.

Монтелиус казался патриархом среди многочисленной и дружной семьи, дубком среди густой молодой поросли. Высокий, стройный, внушительный и даже изящный старик, удивительно бодрый, Монтелиус держался на съезде с изысканным достоинством. Чутко прислушивались к его замечаниям, ждали с нетерпением его оживляющей шутки. Не только не подвергались критике его теории, но не вызывали сомнения... Его сложная хронология принималась окончательно и абсолютно. Монтелиус безмолвным согласием оказался забронированным от каких бы то ни было возражений; допускались лишь развитие его идей и пользование ими.

Тем бережнее относились к нему, что съезд явно был лебединою песнею в его практической деятельности; все знали, что Монтелиус оставляет Стокгольмский музей... Казалось, что самый съезд созван был с тайной целью почтить 75-летний юбилей этого, уже перегруженного лаврами, археолога-солнце. Ведь на Западе умеют быть внимательными к заслуженным ученым... Мы же не привыкли следить друг за другом, беречь друг друга. Теперь, когда жизнь с такой стремительностью опустошает фонд наших дарований, с особенною грустью приходится признать, что в России надлежащая оценка ученому-специалисту дается лишь после его утраты...” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 17. Л. 1–3).

Типологический метод О. Монтелиуса А.А. Спицын ценил высоко, считал его универ-

сальным. Но при этом он отчетливо сознавал как силу, так и слабость этого подхода, подчеркивая: “типология хороша только там, где есть для нее достаточный материал” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 17. Л. 14). В спицынских набросках к лекциям мы читаем: “*Классификация* (типология) есть изучение серий вещей в самих себе, без отношения к общему составу культуры, иначе – систематическое изучение определенных форм... В результате такого изучения вещей является история развития разрядов вещей и стилей. Каждая отдельная стадия развития формы называется ее типом. Если материал имеется обильный и непрерывный, то получится очень устойчивая картина, чрезвычайно пригодная для хронологии и для истории развития культур и определения их соотношения.

Типологические работы и неизбежны для каждого без исключения археолога, и всегда дают прекрасный результат. Но в то же время они... рискованны по недостатку материала. Особенно опасны общие типологические картины, так как при недостатке данных приходится предполагать промежуточные формы и вообще вступать в область гипотез или вводить слишком отдаленный материал.

История форм топора, фибул, техники зерни, вообще история форм и техники в пределах мировой культуры – еще недостижимая мечта. Несравненно более доступна типология в пределах одной и той же культуры и близких к ней... Самая обыкновенная ошибка при изысканиях этого рода – определение сходства форм, где его нет или где сходство идет из различных источников...” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 116. Л. 80б.).

В своем очерке 1922 г. Александр Андреевич подчеркивал, что в Монтелиусе его “восхищает его трудолюбие, ширина и смелость мысли, восхищает то, что он не боится гипотезы, но ищет ее. Все вместе взятое сделало то, что единственно полную картину бронзового века мы имеем пока только в его работах...” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 17. Л. 14об.).

Однако в том же очерке отмечено и другое: “Весь материал Монтелиуса можно перекраивать и переустраивать на разные лады... Нидерле совсем не принял схемы Монтелиуса, разделив бронзовый век на 2 периода... Дешелетт (10 лет спустя) поступил со схемой Монтелиуса очень характерно и любезно: рассыпался перед ним в изысканных любезностях, а на деле совершенно пренебрег ею, дав иную комбинацию вещам и иную хронологию. Он и имел на то право, так как должен был применить шведскую схему к французскому материалу...”

Мои собственные работы в западных музеях показали мне, что к схеме Монтелиуса необходимо подходить с осторожностью. В шведских ки-

стах оказались вещи одновременно I и IV периодов Монтелиусовой хронологии...” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 17. Л. 10).

Из приведенных цитат видно: А.А. Спицын не сомневался, что закономерности эволюции типов, положенные О. Монтелиусом в основу его хронологии, существуют реально, но в то же время имеется целый ряд ограничений в использовании данного метода. Главным критерием его применения служат “обилие и непрерывность” материала. Напротив, отрывочный характер источников довольно часто приводит к ошибкам. Особенно опасно, по мнению Спицына, привлечение отдаленных аналогий, ибо развитие типов имеет свои особенности в рамках различных культур. Наблюдаемое сходство может быть случайным и вызываться разными причинами.

Культура и этнос по А.А. Спицыну

Необходимость и правомерность *этнического* определения культурных остатков представлялась А.А. Спицыну очевидной (по крайней мере, для поздних исторических эпох). Археология для него была сравнима с “этнографией в истории”. Если народности различимы в настоящее время, то почему же они не должны различаться в прошлом?

“У каждого народа есть множество вещей чужих, но еще больше в жизнь им вкладывается своего, личного, изготовленного по собственному обычаю или сообразно местным условиям. Если в толпе, а особенно в дому вы безошибочно отличите финна, цыгана, татарина, француза, еврея, киргиза, потому что каждый из них на свой лад, то как не различить их по предметам быта?.. Археолог имеет суждение не на основании одних только находок в погребениях, он судит по находкам в поселениях, принимая во внимание всякую подробность и мелочь, а особенно охотно – по обряду погребения, который у разных народов непременно иной...” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 101. Л. 10об.).

Таким образом, культурная группа отождествлялась А.А. Спицыным с народностью. Там же, “где история не знает народов и племен, там... приходится именовать их по названию культуры” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 116. Л. 10). Археологический материал являлся для Александра Андреевича наиболее весомым при решении вопросов этногенеза: археология “владеет таким материалом, при наличии которого заключения остальных смежных наук являются лишь предположениями. Ее материал точный, реальный...” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 95. Л. 14). Но все же определение народности или племени есть “очень трудная и рискованная операция там, где не имеется достаточного запаса сведений. Одни и те же древности приписывают русским и финнам, ради-

мичам и северянам, болгарам и татарам...” (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 116. Л. 10).

Следует, впрочем, отметить, что подход А.А. Спицына к вопросам определения народности оказывается на практике более чем взвешенным. Он с легкостью преодолевал то, что Н.П. Кондаков называл “внушениями узкого патриотизма” (Толстой, Кондаков, 1889. С. I, II), и вполне разделял “позицию спокойного историка”, сформулированную его коллегой и близким другом С.Ф. Платоновым. Преданность интересам русской археологии отнюдь не побуждала Александра Андреевича создавать из нее “великую национальную науку” на манер Г. Коссинны, которого А.А. Спицын считал персоной “весьма сомнительной известности”. Признание, к примеру, неславянского характера заселения Новгородчины, Смоленска, Полтавщины или даже Киева накануне прихода варягов, по его мнению, ничуть не роняло чести и достоинства русского народа, коль скоро (в его понимании) этот вывод реально вытекал из источников (РА ИИМК РАН. Ф. 5. № 101. Л. 10).

Идеи А.А. Спицына в отечественной археологии XX в.

Археологов генерации 1920-х – начала 1930-х годов у нас как-то не принято называть учениками Спицына. После революции у молодежи появились иные “властители дум”, на фоне которых Александр Андреевич выглядел “анахронизмом”. Но на деле его педагогическая деятельность в Петрограде после 1917 г. продолжалась еще более 10 лет, и многие успели у него поучиться. Более того, как минимум четверо студентов, ставших в дальнейшем очень известными археологами, до самой смерти ученого поддерживали с ним постоянный контакт. Для него они были не просто слушателями, но ближайшими учениками. Эти четверо: В.И. Равдоникас, Б.А. Латынин, Т.С. Пассек, П.Н. Третьяков.

Взгляды А.А. Спицына на археологию как науку, определившиеся в 1900–1910-х годах, имели прямое и непосредственное продолжение в советское время. Целый ряд его положений оказался созвучен концепциям последующего периода развития отечественной археологии.

В начале 1930-х годов приобрели наибольшую актуальность представления: а) о принадлежности археологии к кругу исторических дисциплин; б) о ее тождестве истории материальной культуры; в) о важности изучения массового материала; г) о необходимости систематической постановки исследований. Многие из того, что было отвергнуто в ходе погромных дискуссий, в скором времени возвратилось в науку. Частично на рубеже 1930/1940-х, а частично уже в 1950–1960-х годах получили дальнейшее развитие (и вызвали много споров) положения: а) о признании самостоятель-

ности археологии на основании характера ее источников; б) об “археологической культуре” как основном понятии археологии; в) о соотношении культуры и этноса; г) о важности специализации в науке и т.д. К сожалению, одна из главных спицынских идей – о принципиальной важности *вещеведения* (“чистой археологии”) – очень долго воинственно отвергалась – с немалым ущербом для отечественной науки.

Теоретические взгляды и формулировки А.А. Спицына, когда-то хорошо известные его непосредственным слушателям, надолго оказались в забвении. Хочется думать, что сейчас они по-прежнему представляют интерес для археолога-специалиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология советской археологии. Т. 1. 1917–1933. М., 1995.
- Бич О.И. Архив А.А. Спицына (крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.) // СА. 1948. Вып. X.
- Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя // Тр. VI АС. Т. III. Одесса, 1887.
- Кондаков Н.П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб., 1896.
- Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.
- Платонова Н.И. Александр Андреевич Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004а.
- Платонова Н.И. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – первая треть XX века: Н.П. Кондаков, В.Р. Розен, А.А. Спицын, Ф.К. Волков, А.А. Миллер) // Археолог: детектив и мыслитель. Сб. статей, посв. 77-летию Л.С. Клейна. СПб., 2004б.
- Протоколы III Археологического съезда в Киеве // Тр. III АС в Киеве. Т. 1. Киев, 1878.
- Спицын А.А. Археологические разведки. СПб., 1908.
- Спицын А.А. Археологические раскопки. СПб., 1910.
- Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. СПб., 1889.
- Уваров А.С. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии // Тр. III АС в Киеве. Т. 1. Киев, 1878.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.А. СПИЦЫНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1892–1931)

© 2009 г. И. Л. Тихонов

Санкт-Петербургский государственный университет

Рис. 1. Александр Андреевич Спицын (1858–1931)

Молодой вятчанин, двадцатилетний выпускник губернской гимназии, Александр Спицын впервые приехал в Петербург в 1878 г., чтобы поступить на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. После окончания университета в 1882 г. ему пришлось вернуться в Вятку на должность преподавателя русской словесности женской гимназии. В начале 1892 г. при помощи университетских товарищей С.Ф. Платонова и В.Г. Дружинина Спицыну удалось перевестись в Петербург на должность члена Императорской археологической комиссии (далее – АК). С этого времени вся дальнейшая жизнь и деятельность А.А. Спицына связана с городом на Неве.

Основным местом его службы стала АК, незадолго до того размещившаяся в здании Старого Эрмитажа, на углу Дворцовой набережной и Зимней канавки. Поскольку комиссия находилась в ведомстве министерства Императорского двора, ее штатные сотрудники получали неплохое жалование. Так, Спицыну было установлено 1 тыс. руб. в год плюс 1 тыс. столовых и 600 квартирных, а

впоследствии А.А. Спицын получал 3700 руб. в год за свою службу в Археологической комиссии (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10260. Л. 10). В комиссии в это время произошел “кадровый кризис”, поскольку в начале 1891 г., “не сработавшись” с председателем графом А.А. Бобринским, ее покинули И.И. Толстой и Н.П. Кондаков. Об этом писал киевский профессор Ю.А. Кулаковский, посетивший Археологическую комиссию в январе 1891 г. (Пучков, 2004. С. 99, 100).

До начала 1890-х годов Археологическая комиссия преимущественно занималась раскопками античных или скифских памятников в Северном Причерноморье, только эпизодически уделяя внимание памятникам других регионов. Заметное увеличение интереса к памятникам других эпох и регионов произошло только в это время (Медведева, 2006. С.183) и было связано с началом деятельности А.А. Спицына (Жебелев, 1948. С. 9). По сути дела он взял на себя обработку всего громадного материала, поступавшего в комиссию со всех территорий огромной империи. Диапазон исследовательских интересов Спицына простирался от каменного века до позднего русского средневековья, но все же большинство работ А.А. Спицына связано с памятниками и находками бронзового и железного веков. Началась его работа в комиссии с разбора и подготовки к изданию коллекций, полученных в результате раскопок 1890–1891 гг. Е.Р. Романова и В.И. Сизова раннесредневекового могильника близ г. Люцин Витебской губ. (ныне – территория Латвии). Сам Спицын позднее вспоминал: “По приезде в Петербург я должен был немедленно сесть за издание громоздкого Люцинского могильника, заполнявшего всю Археологическую комиссию” (1928. С. 337). В то время это было обычной практикой Археологической комиссии, когда ее сотрудники занимались разбором, научным описанием и изданием материалов, полученных в результате раскопок иных лиц. Например, до середины 1880-х годов почти весь материал из Северного Причерноморья обрабатывал член-корреспондент АК, хранитель Эрмитажа, академик Л.Э. Стефани. Иногда такая практика приводила к некоторым недоразумениям и конфликтам с авторами раскопок, у которых приходилось запрашивать дополнительную информацию. Так, Спицын вынужден был составить 19 уточняющих

вопросов относительно размеров могил, расположения вещей в погребении и на костяке, и т.д. (РА ИИМК. Ф. 1. 1891 г. Д. 65. Л. 164, 165). Произошла у него и “размолвка” с раскопщиком Люцинского могильника – известным исследователем витебской старины, инспектором народных училищ Е.Р. Романовым, который, обращаясь к председателю АК графу А.А. Бобринскому, жаловался на “непочтительное” отношение к нему Спицына и “искажения” полевых дневников (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 6. Л. 1, 2об.). Более удачно сложились отношения с другим автором раскопок – хранителем московского Исторического музея В.И. Сизовым, которого Спицын благодарил в начале 1893 г.: “за предоставление в распоряжение Археологической комиссии результатов ваших раскопок на Комаровой горе, которыми я не премину воспользоваться для приготавливаемого мною издания Люцинского могильника. Я очень был бы рад, если бы Вы подвинулись выполнить некоторую дополнительную работу для этого издания, именно дневник Вашей раскопки, с обозначением глубины погребений, направления костяка, положения конечностей, положение вещей и проч. Вещи можно было бы не описывать, ограничиваясь ссылкой на XV таблиц Люцинского могильника, которые Комиссией изданы и могут быть высланы Вам, и добавляя рисунки тех предметов, которых не оказалось на таблицах. Решаюсь предположить, что составление такого дневника не очень затруднит Вас, а для издания комиссии он был бы весьма желателен. Присланные Вами рисунки погребений могли бы очень скрасить текст дневника” (РА ИИМК. Ф. 1. 1891 г. Д. 65. Л. 168).

Как сотруднику комиссии Спицыну немало пришлось заниматься изданием работ других авторов, осуществляемых АК. Так, уже в первый год своей работы в АК, в мае 1892 г., он сообщал В.Н. Ястребову о том, что “наблюдение за изданием Вашей работы о Лядинском могильнике Комиссией возложено на меня”, а в следующих письмах предлагал и название для этого издания, ставшего 10-м выпуском МАР (РА ИИМК. Ф. 1. 1869 г. Д. 20. Л. 249, 269, 274). В том же году в письме АК в Совет Петровского общества исследователей астраханского края сообщалось, что А.А. Спицын намеревается провести исследования в урочище Шаренный бугор в поисках хазарской столицы Итиля (РА ИИМК. Ф. 1. 1889 г. Д. 7. Л. 24).

В 1893 г. вместе с директором Петербургского Археологического института Н.В. Покровским, являвшимся сверхштатным членом АК, А.А. Спицын был назначен депутатом комиссии на Виленский Археологический съезд (РА ИИМК. Ф. 1. 1890 г. Д. 207. Л. 93).

В 1894 г. А.А. Спицын выступил с инициативой разработки и издания специальной инструк-

Рис. 2. А.А.Спицын с матерью Дарьей Семеновной Спицыной (в девичестве Сенниковой), 1891 г.

ции по производству раскопок и составлению отчетов, обратившись с официальным представлением к председателю АК: “В практике Императорской Археологической Комиссии ощущается настоятельная необходимость в особом руководстве по части собирания археологических сведений, производства раскопок, приведения коллекций в порядок, составления отчетов о раскопках и, наконец, – в руководстве для ученой обработки собранного археологического материала. Такое руководство необходимо не только для лиц, производящих изыскания на средства и по поручению Комиссии, но и вообще для упорядочения производства у нас археологических работ, нередко выпадающих на долю недостаточно умелых и даже серьезных дилетантских рук. Но ввиду необыкновенного разнообразия памятников древности в России, подобное руководство может быть составлено лишь при участии по возможности всех наиболее опытных археологов наших.

Так как Императ. Археологическая Комиссия есть единственное учреждение, которое может взять на себя организацию такого предприятия, как выше намечено, то я имею честь представить Комиссии, что проект руководства для производства археологических изысканий мною вчерне уже подготовлен, и если Комиссии угодно будет

предпринять составление такого руководства, то я мог бы подвергнуть свой проект дальнейшей обработке. В течение наступающей зимы он по частям мог бы поступить на рассмотрение Комиссии, быть разослан различным лицам для замечаний, а ко времени начала раскопок в 1895 г. его можно было бы напечатать и разослать. В случае одобрения настоящего моего представления, я просил бы разрешить мне заказать необходимые рисунки» (РА ИИМК. Ф. 1. 1894 г. Д. 161. Л. 1, 1об.). На следующий год эта инструкция была издана комиссией отдельной брошюрой (Спицын, 1895) и стала новым важным этапом в совершенствовании полевой методики отечественной археологии.

В том же 1894 г. А.А. Спицын предложил напечатать еще одно издание АК под названием «Сборник материалов по археологии России», в которое могли бы включаться отчеты и описания памятников и вещей, не попадающих в ОАК и МАР. В своем представлении он писал: «Уже в самом начале своей деятельности Импер. Археологическая Комиссия сознавала, что для целей строго научных недостаточно тех сравнительно кратких сведений о производимых ею исследованиях, которые давались в ежегодном Отчете об ее действиях, где сведения эти по необходимости предваряемы были не только сжато, но и сокращенному изложению. Так, предлагая в упомянутых Отчетах лишь краткое описание результатов раскопок Скифских курганов и не довольствуясь подробным [и] ученым эстетическим комментарием к сделанным в них находкам акад[емик]а Стефани, Археологическая Комиссия предприняла детальное описание самих раскопок в особом издании «Древности Геродотовой Скифии». В последнее время «Древности Геродотовой Скифии» послужили типом для целой серии археологических монографий, изданных Комиссией под общим титулом «Материалов по археологии России» и заключающих в себе ряд исследований об открытых Комиссией древностях. Несомненно, что этому изданию предстоит прекрасная будущность, несомненно, что оно составит одну из основ русской археологической науки, и мы можем лишь пожелать ему дальнейшего процветания. Но – в монографических описаниях появляются лишь важнейшие древности. Все, не представляющие видного художественно-исторического интереса, все, не составляющее значительной коллекции, по-прежнему появляется лишь в кратком описании в «Отчетах» Комиссии. Но это «все» есть то, из чего создается наука русской археологии, это те часто незаметные, отдельные факты, которые нередко дают яркое освещение и смысл непонятному и малоизвестному, которые, ставя новые запросы исследователю, расширяют горизонт археологических наблюдений.

Ввиду очевидной важности всего вообще археологического материала, ежегодно получаемого Импер. Археологическою Комиссией, имею честь представить, не признает ли она желательным предпринять, наряду с дорогостоящим изданием «Материалов по археологии России» еще издание особого «Сборника материалов по археологии России», в который полностью входили бы все отчеты и описания, не нашедшие места в «Материалах», и который издавался бы возможно дешевым способом.

Если ввести еще этот новый тип в издания Археологической Комиссии, то нормальный состав ее ежегодных изданий, по-видимому, был бы следующий: 1) Отчет о действиях Комиссии за истекший год, в который войдет резюме всех представленных в Комиссию отдельных отчетов и краткое описание полученных древностей, 2) том «Сборника материалов по археологии России», в который войдут подлинные отчеты о раскопках второстепенного значения и достаточно подробное описание поступивших в Комиссию случайных предметов древности, 3) выпуск или два «Материалов», заключающих какую-либо монографию. «Отчет» и «Сборник» выходят в малом формате, «Материалы» – в большом» (РА ИИМК. Ф. 1. 1894 г. Д. 199. Л. 1, 2). Это предложение поддержки остальных членов комиссии не получило и реализовано не было. Тогда Спицын сосредоточил свои усилия на обработке отдельных коллекций, имеющихся в распоряжении АК, и составлении сводок археологических памятников по губерниям.

К 1896 г. Спицын сумел обработать, систематизировать и издать материалы из раскопок Л.К. Ивановского в Петербургской губ., составившие 20-й выпуск МАР. В этой работе принимал участие и В.Г. Дружинин, в ноябре того же года покинувший АК в связи с переходом на работу в Археографическую комиссию. В 1896 г. началась публикация обзоров древностей по губерниям на страницах изданий Русского археологического общества (РАО). Всего были изданы сведения по 26 губерниям, остальные остались в рукописях (Бич, 1948 С. 33–35). За годы работы в Археологической комиссии А.А. Спицын разобрал, систематизировал и издал сотни источников по первобытной и славяно-русской археологии, определив их хронологию и культурную принадлежность, – «мог издавать столько, сколько успевал приготовить». Все находки он зарисовывал на отдельных карточках с указанием кратких сведений о них. Помещенные в специальные папки – «корочки», они со временем составили ценнейший архив, которым до сих пор пользуются археологи. Уже в конце своей жизни сам Александр Андреевич подробно описал темы своих научных занятий в специальной статье, опубликованной в издаваемом в Праге сборнике *Seminarium Kondae*

kovianum (Спицын, 1928). Также необходимо заметить, что А.А. Спицын не только внес огромный вклад в систематизацию археологического материала, во многом способствовав становлению археологии в России в качестве самостоятельной научной дисциплины, но и немало потрудился для внесения историзма в археологические исследования, признания археологии исторической наукой (Тихонов, 2008б).

В летние месяцы А.А. Спицын проводил и полевые исследования. Даже свадебное путешествие было совмещено с научной экспедицией по Уральской, Пермской и другим восточным губерниям Европейской России. Об этом сообщалось Платонову: “Вообще же поездка эта была интересна в научном отношении, так как мне удалось разобраться в ряде местных древностей. Следующая поездка, в Яранский уезд, обманула мои ожидания: могильника искомого (и важного) не оказалось. Зато на Каме я пожал лавры: нашел могильник Ананьинского типа, где обнаружил свыше 200 погребений. Это превосходная находка, и ею вполне обеспечен успех моих нынешних работ. Теперь мы сидим в Бирске, где мне не оказалось дела. Остается раскопать на Белой одно интересующее меня городище, а затем ехать в Пермь. Там с неделю я пробуду у Теплоухова, да, вероятно, поеду на могильник, тоже важный” (ОР РНБ. Ф. 585. Ед. 4274. Л. 17, 18об.).

Еще в 1890 г. А.А. Спицыну (тогда еще учителю Вятской женской гимназии) было ассигновано АК 400 руб. на исследования в Вятской губ. В 1892 г., когда Спицын уже стал ее сотрудником, эта сумма возросла до 900 руб., но в дальнейшем он, не злоупотребляя положением члена АК, чаще получал по 100 руб. в год на свои раскопки (РА ИИМК. Ф. 1. 1888 г. Д. 71. Л. 58, 115). Очень активным полевым исследователем он не был, но тем не менее достаточно регулярно выезжал в поле. Например, в 1895 г. раскапывал курганы в окрестностях Ярославля и Саратовской губ.; в 1897 г. обследовал большую курганный насыпь, известную под названием “Червонная могила” близ с. Казачья Лопань Харьковской губ.; в 1898 г. исследовал оборонительную систему городища близ г. Юрьевца (РА ИИМК. Ф. 1. 1895 г. Д. 79. Л. 63, 64; 1897 г. Д. 37. Л. 5; 1897 г. Д. 209. Л. 17–23).

Хорошо понимая необходимость организации систематических раскопок с четко определенными научными целями, Спицын в 1904 г. подал рапорт председателю АК, в котором писал: “Только те хронологические определения памятников древности надежны, которые основаны на изучении их во всем их разнообразии и объеме. Лишь те этнологические определения древностей могут иметь действительную важность, которые истекают из изучения памятников древности всех основных народностей, обитавших в данной стране.

Наличный археологический материал по русским древностям имеет весьма отрывочный, случайный характер. Для понимания культурных течений страны или вовсе недостает многих соединительных звеньев, или же, если они и имеются при внимательном изучении, то страдают неточностью и, по неполноте своей, не имеют решающего значения. Целые разряды памятников древности остаются загадочными и, следовательно, бесполезными для научных изысканий. Очень многие древности лишь предполагаются, но не отысканы... Занимаясь уже продолжительное время изысканиями в области русских древностей, я мог наглядно убедиться в огромных пробелах, существующих в собранном уже археологическом материале; при этих занятиях сам собой выступил целый ряд задач для практических исследований в русских древностях на будущее время... Для изысканий могли бы быть взяты самые разнообразные темы, напр. следующие: Исследовать киммерийский курган, отмеченный у Геродота. Определить в Черноморье местоположение древнейших греческих городов и поселений римского времени. Определить самые ранние и самые поздние скифо-сарматские древности. Найти ранние могильники (I–VII в.) в области Днепра. Открыть местоположение хазарских городов и определить характер хазарских древностей. Определить устройство майданов. Определить древности кочевых тюрков. Найти русские погребения до X в.” (РА ИИМК. Ф. 1. 1904 г. Д. 59. Л. 1, 2).

В 1912 г. Спицын представлял Археологическую комиссию на Международном Археологическом конгрессе, проходившем в Стокгольме. Просимая им сумма в 250 руб. на поездку была увеличена до 300 вследствие ходатайства председателя АК министру Императорского двора (РА ИИМК. Ф. 1. 1912 г. Д. 83. Л. 1–3).

А.А. Спицыну приходилось заниматься и большой административно-канцелярской работой в АК. Многие деловые документы, письма, отношения, хранящиеся в фонде № 1 Архива ИИМК РАН, написаны его рукой. Может быть, в связи с этим в современной историографической литературе иногда встречаются утверждения, что председатель АК граф А.А. Бобринской “держал в черном теле в комиссии” (Формозов, 2004. С. 29) Спицына, который для него был “чем-то вроде второго сорта” (Бердинских, 2003. С. 421). Однако можно заметить, что сам Спицын подчеркивал, что пользовался полной свободой действий в Археологической комиссии, занимался тем и публиковал то, что сам хотел (Спицын, 1928. С. 332). За годы своей службы под началом Бобринского он регулярно получал новые чины и награды: еще в мае 1895 г. был произведен в статские советники, награжден орденами Св. Станислава 3- и 2-й степени, Св. Анны 3- и 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени. В декабре 1915 г. Бобрин-

Рис. 3. Семья Спицыных: сын Михаил (1900 г.р.), Елена Александровна (в девичестве Пьянкова), дочь Ольга (1899 г.р.), дочь Надежда (1906 г.р.), Александр Андреевич, дочь Мария (1903 г.р.), 28 декабря 1911 г.

ской подавал рапорт министру двора, в котором просил в обход существующих правил производства в новые чины (Спицын занимал должность VI класса и не прослужил 35 лет): “не признаете ли Вы возможным обратить особое благосклонное внимание на этого труженика и в награду за его неустанную работу на пользу Археологической Комиссии исходатайствовать ему, в виде исключения, чин Действительного Статского Советника” (РА ИИМК. Ф. 1. 1891 г. Д. 199. Л. 60). В итоге 10 апреля 1916 г. Спицын получил этот чин, также он участвовал во всех мероприятиях, определяемых придворным статусом комиссии, в частности в представлении новых находок лично императору. Однажды, возвратившись с такого представления, Спицын рассказывал домочадцам, что даже спорил с императором Николаем II по поводу некоторых вещей и перемигивался с великими княжнами (Тихонов, 2003в. С. 107). Нелишним будет и упомянуть, что в 1918 г. после смерти Н.И. Веселовского Спицын был избран старшим членом комиссии по предложению Бобринского и именно на него председатель возложил свои обязанности, покидая Петроград (РА

ИИМК. Ф. 1. 1918 г. Д. 1. Л. 1; 1886 г. Д. 8. Л. 164–165; Тихонов, 2003б. С. 101, 102).

Немаловажную роль А.А. Спицын играл и в деятельности Русского археологического общества, членом-сотрудником которого являлся с мая 1891 г. Особенно эта роль возросла после избрания в апреле 1894 г. С.Ф. Платонова председателем Отделения русской и славянской археологии. Платонов сам археологией не занимался, за исключением нескольких эпизодов, опять-таки инспирированных Спицыным, например обследования кургана и “майдана” в 1909 г. у с. Валуйки Воронежской губ. По этому поводу Спицын писал Платонову: “Спасибо за сведения о Майдане. Они удовлетворительны, но мы, археологи, ведь не сытая утроба – кое-что хорошо бы знать еще”, далее следовала целая серия вопросов об устройстве насыпи (ОР РНБ. Ф. 585. Ед. 4276. Л. 22, 23).

Пользуясь своими дружескими отношениями с Платоновым, Спицын по существу во многом определял тематику докладов на заседаниях отделения, рекомендуя включать в повестку нужные темы и авторов. В их переписке этого времени постоянно звучат подобные мотивы: “Котов про-

сит отложить его реферат на 2-ой срок, нельзя ли двинуть вперед кн. Путятину?.. Котову я сейчас напишу, что реферат отложен до 12 мая. Бобринский согласен читать позже 12-го и неудобно просить его сделать это раньше. Посему остается предложить Вам реферат А.А. Спицына “Курганы радимичей”... Реферат гр. Бобринского не представить ли общему собранию... Остается одно – взять Вам реферат на себя. У меня для Вас есть прекрасная тема... Я составил вчера записку о дальнейших раскопках... Другое интересное дело: не устроить ли нам в Обществе обсуждение Тмутараканского камня, с привлечением филологов? Я мог бы подготовить историю камня, Вы и Шляпкин изложили бы свои сомнения. Вот уже трое... Отчет Тихомирова получен 27 ноября и с той поры лежит у меня, для доклада в Обществе и для издания в ближайшей книжке... В субботу в Обществе обсуждается смета. Не найдете ли Вы возможным и удобным похлопотать, чтоб Отделению ныне дали на раскопки 300 р.” (ОР РНБ. Ф. 585. Ед. 4275. Л. 2, 8, 29). Значительное место на заседаниях занимали и доклады самого Александра Андреевича. Всего за 1897–1918 гг. он выступил с 62 докладами на заседаниях Отделения славяно-русской археологии. В еще большей степени с активностью Спицына связаны успехи издательской деятельности отделения. Помимо большой работы по изготовлению рисунков, таблиц, сверке корректур, некоторые выпуски “Записок Отделения русской и славянской археологии” полностью состояли из его статей и заметок, например том VIII, выпуск I, изданный в 1906 г. Нередко Спицын выступал в качестве рекомендателя при приеме новых членов общества, например А.А. Миллера в 1908 г. (РА ИИМК. Ф. 3. Д. 324. Л. 5).

С деятельностью А.А. Спицына связана и интенсификация полевых исследований РАО по изучению древнерусских курганов, причем по заранее составленному плану. В 1899 г. он вместе с Н.И. Веселовским подал в Совет РАО представление о необходимости производства раскопок собственно русских курганных древностей (Протоколы..., 1915. С. 8–11). Причем не вызывает сомнений, что авторство этой программы полностью принадлежит Спицыну. Так, она непосредственно связана с подготовленной к этому времени его большой работой “Расселение древнерусских племен по археологическим данным”, ставшей новым этапом в становлении славяно-русской археологии. Программа предлагала, отказавшись от бессистемных раскопок, сосредоточить усилия для дальнейшего выявления типов погребальных сооружений и вещей, характерных для отдельных восточнославянских племен, и установления их хронологии методом полного изучения памятников на четко локализованной территории. Начать раскопки предлагалось уже в

текущем году. Действуя через таких авторитетных членов РАО, как Н.И. Веселовский и С.Ф. Платонов, Спицын сумел добиться одобрения и финансирования этого плана. Первыми исполнителями этих работ стали Н.К. Рерих, В.Н. Глазов, Н.И. Репников. Осуществление этой научно-исследовательской программы изучения древнерусских курганов продолжалось и в следующие годы. В конце 1903 – начале 1904 г. Спицын просил управляющего Отделением русской и славянской археологии С.Ф. Платонова: “В субботу в обществе обсуждается смета. Не найдете ли Вы возможным и удобным похлопотать, чтобы общество дало на раскопки 300 р.? Мне хотелось бы послать двух исследователей на верховья Днепра и на среднее течение Оки, для определения влияния этих местностей на курганные древности Суздальщины. Это вопрос о происхождении великорусов... Не откажите в программу ближайшего заседания ввести еще сюжет: Обсуждение проекта раскопок летом 1904 г.” (ОР РНБ. Ф. 585. Ед. 4275. Л. 29; Ед. 4276. Л. 2).

Чрезвычайно много было сделано А.А. Спицыным для упорядочивания и пополнения музея РАО, который размещался с 1894 г. вместе с обществом в дворовом флигеле дома Государственной канцелярии по адресу Литейный пр., д. 44. В 1896 г. общество поручило своему члену сотруднику Спицыну произвести отбор вещей для музея из коллекций Л.К. Ивановского, поступивших в Археологическую комиссию (РА ИИМК. Ф. 1. 1890 г. Д. 89. Л. 9). На общем собрании РАО в феврале 1907 г. Спицын был избран действительным членом общества, а 30 марта – хранителем его музея. С.А. Жебелев в своей “Истории Русского Археологического общества за 1897–1921 гг.” особо отмечал, что с этого времени заметно увеличились поступления в музей, и он был подвергнут полному переустройству, улучшившему и систематизировавшему его коллекции: «Энергично принялся он за дело по приведению музея в соответствующий вид. Уже в заседании Совета 22 сентября 1907 г. изложил он “о желательности изъятия из музея некоторых ненужных предметов, старой мебели, о передаче из музея коллекций, не имеющих прямого отношения к преследуемым обществом задачам, в другие музеи, где эти коллекции были бы более у места (в частности, о передаче коллекций черепов в Академию наук, коллекции окаменелостей и гипсовых слепков с древних памятников в Университет”»; а в Общем собрании 14 декабря 1907 г. А.А. Спицын уже докладывал о поступивших в музей общества пожертвованиях от П.А. Путятина, В.А. Сильницкого и Н.И. Репникова. В течение 1907 г. музей подвергся полному переустройству. Все имеющиеся в нем коллекции и отдельные вещи были, при содействии многих членов общества и посторонних лиц, приведены в извест-

Рис. 4. А.А. Спицын со студентами Петербургского университета – слушателями его курса по археологии: слева направо сидят: П.Н. Черменский, В.В. Саханев, Н.Ф. Лавров, А.А. Спицын, П.Г. Любомиров, А.В. Тищенко, С.Н. Чернов, Б.В. Александров; стоят: С.А. Дубинский, К.В. Щероцкий, П.А.Балицкий, В.А. Острогский, Николаев, П.А. Садиков, С.Н. Валк, С.И. Покровский, Б.А. Романов. 1909/1910 уч. г.

ность и размещены группами по номерам, народностям и областям (в зависимости от наличного материала и степени современных археологических знаний). Был составлен и напечатан “Краткий каталог музея”. Разбор музея обнаружил в нем присутствие таких коллекций, о которых нельзя было и предполагать (особенно ценным оказалось отличное собрание древних сосудов из Польши). В течение 1907 г. в музее работали над изучением его коллекций более 10 лиц. В 1908 г. А.А. Спицын продолжал приведение в порядок музея: каждой отдельной коллекции даны были постоянные места, вещи нашивались на планшеты, приступлено было к составлению подробного инвентаря, изготовлены были по специальному заказу два поместительных шкафа» (РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 453. Л. 31–33; Тихонов, 2008а. С. 561, 562). В 1908 г. Спицыным был издан краткий каталог музея (Спицын, 1908).

В 1909 г. началась преподавательская деятельность А.А. Спицына в Санкт-Петербургском университете. Он поддерживал контакты с университетом и раньше, например в 1907 г. он по приглашению студенческого географического кружка прочитал доклад “Археология к вопросу о начале

Руси”; позднее он был переработан в статью, опубликованную в 1922 г. в сборнике в честь С.Ф. Платонова (Спицын, 1922). Непосредственным инициатором приглашения Спицына в университет был С.Ф. Платонов, возглавлявший кафедру русской истории. На собрании историко-филологического факультета 24 января 1909 г. он представил весьма лестный отзыв о научных трудах А.А. Спицына, и вскоре тот прочитал пробную лекцию о восточных путях торговли норманов. С.А. Жебелев вспоминал, что Спицын был назначен приват-доцентом кафедры русской истории без сдачи магистерских экзаменов и подобное исключение из общепринятых правил было сделано только для него, принимая во внимание его научные труды и заслуги (1948. С. 10).

О характере и манере преподавания А.А. Спицына писал один из его учеников: “Лекции А.А. читал чрезвычайно просто, без всяких ораторских приемов, но с глубоким и искренним увлечением. Это были скорее товарищеские беседы, в которых он знакомил нас не только со своим богатым материалом, но и с ходом мысли. Он приносил нам свою картотеку, показывал, как ведет

Рис. 5. А.А. Спицын со студентами Петербургского университета на раскопках. Деревня М. Удрая, 1910 г.

работу, одним словом, вводил нас в свою научную лабораторию” (Саханев, 1928. С. 345).

В январе 1910 г. в виде отделения Исторического семинария на факультете был учрежден Археологический кабинет, где и стали проходить занятия. Библиотека кабинета составила из книг, пожертвованных АК, Археологическим институтом, обществами, самим Спицыным и другими археологами, 259 томов переданы университетской библиотекой. По одному из таких поводов 16 января 1910 г. Спицын радостно восклицал в письме к Платонову: “Сегодня у меня праздник... Узнал, что Московское Археологическое общество дает мне для университета все свои издания, без исключения” (ОР РНБ. Ф. 585. Ед. 4276. Л. 26). Археологические коллекции кабинета также составлялись из пожертвований названных выше учреждений и обществ и частных лиц, и к 1913 г. там насчитывалось 1208 томов книг и 1763 археологических предмета.

Важной частью деятельности Археологического кабинета стали учебные раскопки, прово-

димые на высоком для своего времени методическом уровне. Первые раскопки Археологический кабинет провел в мае 1910 г. в Лужском уезде. С.-Петербургской губ. у д. Малый Удрай и Замошье. Было исследовано 13 небольших круглых насыпей, длинный курган с остатками кремации, городище железного века и интересное четырехугольное сооружение с мощными каменными обкладками, на котором был вырыт пробный шурф, не давший никаких находок. Раскопки проводились следующим образом: каждый студент раскапывал по кургану под общим наблюдением Спицына, насыпи удалялись полностью до материка с оставлением крестообразных бровок и прокапыванием материка для фиксации ровика. По окончании работ все студенты писали отчеты о “своих” курганах, и на их основании А.А. Спицын составил и опубликовал в изданиях АК общий отчет (Спицын, 1914).

В том же 1910 и последующем 1911 г. студентами отчасти под руководством А.А. Спицына и самостоятельно были проведены многочислен-

ные исследования древнерусских памятников на Северо-Западе, которые являлись реализацией части упомянутой выше программы исследования “собственно русских курганных древностей” (Тихонов, 2003а. С. 72–84).

Полевые исследования Археологического кабинета под общим руководством А.А. Спицына не ограничивались только древнерусскими памятниками. С 1910 г. студенты П.А. Балицкий и К.В. Щероцкий сначала вместе с А.А. Спицыным, а затем самостоятельно проводили раскопки многослойного Немировского городища в Подольской губ. В 1911 г. В.В. Саханев исследовал открытые им городище и могильник вблизи Геленджика на Северном Кавказе, а в 1914 г. – сарматские курганы в Причерноморье, он же помогал М.И. Ростовцеву раскапывать Мордвиновский курган. В.А. Острогский вместе со шведским археологом Г. Гальштремом и самостоятельно произвел разведки и небольшие раскопки неолитических стоянок на побережье Белого моря. Н.Н. Бортвин изучал курганы и городище на р. Иртыш, вблизи устья р. Ишим. Типологическую классификацию керамики, полученной в ходе этих работ, созданную Н.Н. Бортвиновым под руководством А.А. Спицына, считают первой систематизацией подобного рода для данного региона.

После революции вопрос уезжать или оставаться для А.А. Спицына просто не существовал, без России он не мог и помыслить себя. Летом 1918 г. вместе со студентами он провел небольшие археологические разведки в Новгородской губ., выявив ряд неолитических памятников, и продолжал читать курс по доисторической археологии в университете. 2 ноября 1918 г. А.А. Спицыну декретом Совета Народных Комиссаров было присвоено звание профессора Петроградского университета. В голодном Петрограде 1919–1920 гг. продолжались занятия по археологии, которые А.А. Спицын вел в Археологическом кабинете университета или в Археологическом институте, а чаще на своей квартире.

После преобразования АК в 1919 г. в РАИМК (с 1926 г. – ГАИМК) А.А. Спицын являлся заведующим разрядом славяно-русских, финских и литовских древностей. Но весьма показателен тот факт, что в 1920-е годы в изданиях Академии не было опубликовано ни одной его работы. Зато очень активное участие Спицын принимал в эти годы в развитии системы краеведения в СССР, он являлся членом Центрального бюро краеведения, которое размещалось в том же Мраморном дворце, что и ГАИМК. Им был создан Справочник краеведа, он постоянно консультировал обращающихся к нему краеведов по части археологии, много публиковался в различных местных изданиях. Не будет преувеличением сказать, что

А.А. Спицын в это время – один из самых известных русских археологов. В 1927 г. на последних свободных выборах в Академию наук (следующие проходили уже в условиях жесткого диктата и контроля со стороны Коммунистической партии) по представлению академиков С.Ф. Платонова и С.Ф. Ольденбурга А.А. Спицын был избран членом-корреспондентом АН СССР. Его имя хорошо знали и за границей, куда он несколько раз ездил с лекциями и докладами, в том числе и в советское время. В 1928 г. в пражском сборнике *Seminarium Kondakovianum* публикуют статьи к его 70-летию, а в 1929 г. Спицыну был посвящен весь 4-й том издаваемого в Хельсинки профессором А.М. Тальгреном международного журнала *Eurasia Septentrionalis Antiqua*.

Продолжая преподавательскую деятельность в университете, в 1920-е годы А.А. Спицын подготовил курсы “Археология России”, “Прибалтийские древности”, “Славянские древности”, “Русский город XVII века” и собирал материал для задуманной им монументальной энциклопедии под названием “Словарь русской старины”. В то же время А.А. Спицын работал и над другим университетским курсом – “Введение в археологию”. Этот курс лекций был посвящен общим вопросам археологии, ее источникам и методологии, сопредельным наукам (об этом см.: Платонова, 2004). Президиумом факультета языка и материальной культуры были утверждены темы квалификационных работ аспирантов (научные степени и диссертации были восстановлены только в 1935 г.): “Орнамент керамики Трипольской культуры” для Т.Д. Пассек и “Курганные погребения катакомбного типа” для Б.А. Латынина. Научными руководителями квалификационных работ аспирантов утвердили А.А. Спицына и И.И. Мещанинова. Тем не менее в конце 1927 г. последовало распоряжение Главпрофобра о переводе Спицына из профессоров на должность доцента, что было, естественно, несправедливо по отношению к крупному ученому, 18 лет преподававшему в университете, к тому же незадолго до этого избранному в члены-корреспонденты АН СССР. Это послужило причиной ухода А.А. Спицына из университета на пенсию. Правда, в январе 1928 г. Правление университета ходатайствовало о назначении ему академической пенсии в размере полного оклада профессора (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10260. Л. 29).

В 1929 г. в связи с изменением структуры ГАИМК А.А. Спицын был освобожден от ведения разрядом русской археологии, прозвучали и политические обвинения в “великорусском шовинизме”. 19 сентября 1930 г. было издано распоряжение № 189, гласившее: “По постановлению Комиссии по чистке аппарата Академии объявляется общественное порицание Н.В. Малицкому, М.И. Максимовой, Л.А. Мацулевичу,

А.А. Спицыну, Н.П. Сычеву, К.К. Романову, участвовавшим совместно с белоэмигрантами в пражском сборнике *Seminarium Kondakovianum* в статьях, явно враждебных советской науке, открыто показавших антисоветские и антинаучные направления, несовместимые с положением советских ученых” (РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 7. Л. 209). Вскоре, в декабре 1930 г., последовало и увольнение из ГАИМК “в связи с производственным планом 1931 г. и необходимостью усиления научного состава Академии в методологическом отношении (выделено автором – И.Т.) (РА ИИМК.. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 11. Л. 98).

Не могли крайне тяжело не сказаться на состоянии и здоровье А.А. Спицына события 1929–1930 гг., когда по вымышленному ГПУ так называемому академическому делу были арестованы близкие ему люди: С.Ф. Платонов, В.Г. Дружинин, Б.А. Романов и др. Все это послужило немаловажной причиной резкого ухудшения его здоровья. Летом 1931 г., никогда до этого не болевший, А.А. Спицын серьезно занемог и 17 сентября его не стало. Похоронили ученого на Смоленском православном кладбище Васильевского острова, где его простая могила с крестом наряду с многочисленными захоронениями выдающихся деятелей русской науки и культуры в настоящее время взята под охрану.

Подводя итоги деятельности А.А. Спицына в Петербурге, необходимо заметить, что он, одновременно являясь сотрудником Археологической комиссии, одним из неформальных руководителей Отделения славяно-русской археологии РАО и преподавателем университета, сумел блестяще использовать возможности для налаживания теснейшего взаимодействия между этими тремя центрами, работающими в единой системе. Например, некоторые заседания славянского отделения РАО проходили в Археологическом кабинете университета или помещении Археологической комиссии. Выше мы уже писали об использовании возможностей всех трех центров для осуществления исследовательской программы по изучению курганов и городищ эпохи раннего средневековья. Также Спицын обеспечивал мобильное движение археологических коллекций между ними. Все это в совокупности с педагогической деятельностью позволяет считать Александра Андреевича Спицына одной из наиболее ключевых фигур в археологическом мире Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX столетия, который внес огромный вклад в формирование облика отечественной археологии. Фактически А.А. Спицын, так же как и В.А. Городцов в Москве, были первыми исследователями, которые сделали решительный шаг от изучения отдельных высокохудожественных вещей к работе со всем массивом археологического материала и контекстом его нахождения, во многом находясь

у истоков формирования современных представлений о задачах и методах археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердинских В.А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003.
- Бич О.И.* Архив А.А. Спицына // СА. 1948. X.
- Жебелев С.А.* Археолог – энтузиаст (Памяти А.А. Спицына) // СА. 1948. X.
- Медведева М.В.* Археологическое изучение средневековых памятников на Северо-Западе России в исследованиях Императорской Археологической Комиссии // Вестн. молодых ученых. Сер. ист. науки. № 1. СПб., 2006.
- Платонова Н.И.* А.А. Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004.
- Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995.
- Протоколы Общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899–1908 гг. Петербург, 1915.
- Пучков А.А.* Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. СПб., 2004.
- Саханев В.В.* Александр Андреевич Спицын (К семидесятилетию со дня рождения) // *Seminarium Kondakovianum*. Т. II. Прага, 1928.
- Спицын А.А.* Производство археологических раскопок. СПб., 1895.
- Спицын А.А.* Краткий каталог Музея русского археологического общества. СПб., 1908.
- Спицын А.А.* Раскопки 1910 г. в Лужском уезде Петроградской губернии // ИАК. 1914. Вып. 53.
- Спицын А.А.* Археология в темах начальной русской истории // Сб. статей по русской истории, посв. С.Ф. Платонову. СПб., 1922.
- Спицын А.А.* Мои научные работы // *Seminarium Kondakovianum*. Т. II. Прага, 1928.
- Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003а.
- Тихонов И.Л.* Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2003б.
- Тихонов И.Л.* “Интерес к археологии появился у меня в университете”: А.А. Спицын // Знаменитые университеты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. II. СПб., 2003в.
- Тихонов И.Л.* О неопубликованной рукописи С.А. Жебелева “История Русского Археологического общества 1897–1921 гг.” // История: мир прошлого в современном освещении. Сб. науч. статей к 75-летию со дня рожд. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2008а.
- Тихонов И.Л.* Археология и история в творчестве А.А. Спицына: проблема соотношения // Мавродинские чтения. СПб., 2008б.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004. 2-е изд. М., 2006.

РОЛЬ А.А. СПИЦЫНА В СТАНОВЛЕНИИ АРХЕОЛОГИИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

© 2009 г. Е. Ю. Захарова

Воронежский государственный университет

Археологические памятники Воронежской губ. попадают в сферу профессиональных интересов А.А. Спицына в начале 90-х годов XIX в., когда он переехал в Санкт-Петербург из Вятки в связи с назначением на должность члена Императорской Археологической комиссии (далее – ИАК). К ее исполнению А.А. Спицын приступил с 1 февраля 1892 г. (РА ИИМК. Ф. 1. 1891. Д. 199. Л. 10). К этому времени в Воронеже активизируется археологическая деятельность Воронежского губернского статистического комитета (далее – ВГСК) прежде всего в лице ее секретаря, известного воронежского краеведа-археолога Л.Б. Вейнберга, отчеты которого о проведенных экскурсиях и раскопках на территории Воронежской губ. и становятся первыми подготовленными к печати работами А.А. Спицына по этому региону. В частности, в VIII томе Записок Императорского Русского археологического общества (далее – ИРАО) А.А. Спицыным была опубликована информация о раскопках Л.Б. Вейнберга близ Задонска (Раскопки..., 1896. С. 187–189).

В это же время А.А. Спицын взял на себя труд подготовить к печати сведения о городищах и курганах, собранные в 1873 г. по почину проф. Д.Я. Самоквасова. По мнению А.А. Спицына, вплоть до середины 90-х годов XIX в. именно они оставались наиболее полными и систематизированными, а потому необходим был розыск неопубликованных материалов и их издание (Сведения..., 1896. С. 237). Ко времени подготовки VIII тома “Записок” ИРАО уже были опубликованы материалы по 16 губерниям; в данном издании увидели свет сводки еще по трем, в том числе и по Воронежской. Следует заметить, что материалы по Воронежской губ. Д.Я. Самоквасов лично не анализировал, а передал для обработки в ИАК, где они и были подготовлены к печати А.А. Спицыным (Сведения..., 1896. С. 237).

Данная сводка содержит информацию о 82 городищах и 1844 курганах, локализующихся во всех 12 уездах Воронежской губ. (Сведения...: Воронежская губ., 1896. С. 286–306), и является более полной по сравнению с опубликованной ранее Л.Б. Вейнбергом (1887. С. 412–420), в первую очередь, за счет сведений, касающихся частных земель.

В этом же издании была опубликована еще одна работа А.А. Спицына по древностям Воронежской

губ., носящая обобщающий характер (Обозрение..., 1896. С. 132–140). В статье исследователь систематизирует известный ему материал по хронологическому принципу и категориям памятников.

На территории Воронежской губ., по мнению А.А. Спицына, представлены памятники нескольких эпох. Самые древние, в том числе уже широко известные находки из окрестностей с. Костенки, относятся к палеолитической и неолитической поре каменного века. При этом ученый предполагал, что в меловых пещерах по правому берегу Дона также впоследствии будут найдены остатки каменного века (пока предположение не подтвердилось). К каменному веку им были отнесены и несколько курганов, в том числе на Тюнинском селище, а также близ с. Скорнякова. Правда, в отношении последних предполагалась также датировка медным веком (Обозрение..., 1896. С. 132–134). Итак, второй период применительно к древностям Воронежской губ., по А.А. Спицыну, – это медный век, которым он датировал еще и материалы Скакунского клада. Что касается свидетельств бронзового века, то А.А. Спицын пишет, что их “не было найдено вовсе, и нет надежды, чтобы их много было найдено со временем” (Обозрение..., 1896. С. 134). Иначе ему представлялась перспектива в отношении памятников II–V вв., также неизвестных к моменту публикации. Нет сомнения, пишет Спицын, что “курганы этого времени есть и будут открыты при первых же серьезных раскопках” (Обозрение..., 1896. С. 135). Обращает он внимание на несколько интересных находок V–VIII вв., вообще чрезвычайно редких в Средней России (в их числе могильник у с. Колосково, в д. Воробьевка, в Поповом лесу в имении г. Муравьевой, на Дивьих горах около Задонска). Древностей же X–XIII вв., по его мнению, мы здесь пока не знаем. Встречаются, правда, курганы с каменными бабами, но содержание их пока не известно. От XIV в. сохранились монеты, а от более позднего времени – железные кольчуги, захоронения в деревянных гробах и другие свидетельства.

Обобщая сведения о памятниках, А.А. Спицын пишет, что курганов известно уже весьма значительно, из городищ наиболее интересны майданы, довольно многочисленные в крае, а также большие городища особых редких форм

(полукруглые и четырехугольные, среди которых Козарское под Воронежем). В отдельную категорию им выделены случайные находки (Обозрение..., 1896. С. 138–140).

Попутно замечу, что из перечисленных категорий древностей самостоятельный интерес для А.А. Спицына представляли майданы, характеристике которых, как известно, он посвятил отдельную работу (1906. С. 1–28). Для аргументации своего основного вывода о происхождении майданов от промысла по выварке селитры А.А. Спицын привлекает как письменные источники – сообщения в Воронежских актах, так и археологические данные об обнаруженных и раскопанных майданах в Воронежской губ. После тщательного анализа источников, выполненного В.А. Городцовым (1904. С. 29–39) и А.А. Спицыным, действительно, “одною загадкою в русских древностях стало меньше”.

Возвращаясь же к статье А.А. Спицына по Воронежской губ., отмечу, что это первая обобщающая работа по воронежским древностям и единственная из опубликованных работ самого ученого по археологии губернии в целом. Впоследствии он привлекает лишь отдельные воронежские материалы при разработке различных исследовательских проблем.

Однако в рукописном архиве А.А. Спицына в ИИМК сохранилась незаконченная работа, содержание которой свидетельствует о том, что он после посещения Воронежского края в 1905–1906 гг. перерабатывал проанализированную выше публикацию с учетом новых сведений от местных краеведов, а также полученных в ходе раскопок в губернии Н.Е. Макаренко, С.Ф. Платоновым и им лично; в документе отражена и проработка А.А. Спицыным коллекций Воронежского губернского музея (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 148). Анализ привлеченных А.А. Спицыным источников позволяет установить время работы исследователя над рукописью. Оно ограничивается 1906–1909 гг. Впоследствии к работе над рукописью А.А. Спицын так и не вернулся.

В отличие от опубликованной статьи рукопись содержит вводную часть – пространное географическое описание губернии, составленное на основе соответствующей статьи Л.Б. Вейнберга в энциклопедическом словаре (1892. С. 205–209). Наряду с уже охарактеризованными в статье периодами в работе выделены памятники “старшего” (в виде курганов с окрашенными и скорченными костяками), “среднего и младшего медного века”, курганы средне-сарматской культуры, древности X–XI вв. (РА ИИМК. Т. 5. Д. 148. Л. 3–6, 7, 11). Ряд памятников и отдельных находок интерпретирован по-иному. В частности, А.А. Спицын отказался от возможности отождествления курганов на Тюнином селище близ Задонска и с. Скорняково Задонского уезда с каменным ве-

ком, связав их со “старшим медным веком” (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 148. Л. 3, 4). Эта точка зрения исследователя нашла отражение и в опубликованной им сводке курганов с окрашенными костяками (Спицын, 1899. С. 74). К этому же времени им отнесены и находки из кургана близ с. Белый Колодезь Валуйского уезда, ранее описанные в разделе древностей после XIV в. (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 148. Л. 4). Там же упомянутые находки из кургана близ церкви с. Хвощеватка Землянского уезда теперь отнесены к XIV в. Сам же раздел и вовсе исчез из работы, уступив место разделу “курганы неизвестных культур” (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 148. Л. 12, 13). Большинство из указанных там памятников, по сегодняшним представлениям, относится к эпохе бронзы, но А.А. Спицын по-прежнему считал, что памятников этого времени в губернии нет, а потому они и оказались “разбросанными” по разным эпохам.

Попутно укажу, что лишь в одной из своих последних работ при анализе медных и бронзовых топоров А.А. Спицын отказался от постулата о принадлежности курганов со скорченными костяками исключительно медному веку, отнеся при этом Воронежский курган (речь идет о Кондрашевском II кургане, раскопки ВУАК 1912 г. – Е.З.) с глиняной формочкой для отливки медных топоров к эпохе бронзы (Спицын, 1929. С. 484).

Возвращаясь к анализу рукописи, отмечу, что показательным с точки зрения анализа эволюции взглядов исследователя является и иное обозначение отдельных категорий находок: “копья” из Скорняковских курганов теперь именуются “ножами”, вместо названий “стрелки с острыми концами” или же “дрот” употребляется “острие”.

О кропотливой работе А.А. Спицына при подготовке обобщающей публикации по Воронежским древностям можно судить на основании анализа знаменитых “спицынских корочек”. Карточки, отражающие информацию по древностям Воронежской губ., насчитывают 87 экз. (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 396. Л. 209–296). Следует отметить, что наряду с собственно “корочками” – выписками о находках, в этом архивном деле содержатся и некоторые письма к А.А. Спицыну из Воронежской губ.: от В.П. Трунова (1901), С.Ф. Платонова (1909), А.И. Кудрявцева (1919), С.Н. Замятнина (1922).

Сами же карточки могут быть разделены на две группы: периодизация воронежских древностей (набросок уже проанализированной выше статьи 1896 г.), характеристика памятников губернии или отдельных находок по опубликованным работам (69 карточек) и отчетам (9 карточек). Большая часть информации (63 карточки) относится ко времени, предшествующему публикации А.А. Спицыным обзорной статьи по Воронежской губ. для Записок РАО (1896 г.), и проанализирована им в указанной работе.

Из остальных 15 карточек 11 отражают информацию, по времени предшествующую его поездке в губернию (до 1905 г.), и три относятся ко второй половине 1920-х годов (связаны с полевой деятельностью в крае С.Н. Замятнина). Последняя по времени информация отражает итоги раскопок у с. Шелаево на р. Оскол в 1929 г.

Не представлен в картотеке период 1905–1918 гг. (за исключением единственной карточки с информацией о раскопках В.Н. Глазова 1910 г.), хотя именно в это время в губернии наиболее активно развернулись целенаправленные полевые работы как столичных, так и местных исследователей. Начало им, кстати говоря, было положено также А.А. Спицыным.

С 90-х годов XIX в. связь А.А. Спицына с воронежскими исследователями древностей приобрела постоянный характер: он визировал запросы частных лиц и воронежских организаций по поводу выдачи Открытых листов, а затем редактировал и готовил к печати присылаемые отчеты. Не случайно поэтому именно А.А. Спицын был в числе тех столичных специалистов, с кем представители Воронежской ученой архивной комиссии (ВУАК) вели активные переговоры о начале систематических раскопок на территории Воронежской губ. Члены ВУАК были полны решимости изучать археологические древности края, но им не хватало ни профессиональных навыков, ни денежных средств.

В июне 1903 г. на Втором областном историко-археологическом съезде в Твери членами ВУАК Л.М. Савеловым и С.Е. Зверевым было получено принципиальное согласие А.А. Спицына начать в Воронежской губ. раскопки, о чем они с воодушевлением сообщили по возвращении в Воронеж на заседании комиссии (Журналы..., 1908. С. XLV).

Стремясь всячески способствовать началу планомерных полевых археологических работ в губернии, ВУАК в течение следующего года разработала по примеру Тверской ученой архивной комиссии Программу местных археологических курсов, которая предполагала организацию теоретических (в зимнее или весеннее время) и практических (в летнее время) курсов по археологии в Воронежском крае под руководством опытного учителя – археолога от ИАК или другого столичного общества, снабженного средствами. Члены ВУАК могли при этом частично компенсировать расходы, оплатив лекции и лично участвуя в полевых работах. Кроме того, значимость курсов определялась и привлечением учащейся воронежской молодежи, из которой вырастет впоследствии если не армия археологов, то поколение сознательно относящихся к дорогим памятникам прошлого (Трунов, 1908. С. XV–XVIII).

Можно предполагать, что данная программа в первую очередь была сориентирована именно на сотрудничество с А.А. Спицыным, поскольку

только его работа по производству археологических раскопок (1895) значится в ней как обязательная для предварительного изучения.

Скорейшему же приезду А.А. Спицына в Воронежскую губ. способствовали известные находки раннего железного века у с. Мастюгино. Впоследствии он писал: «...Некоторые из обывателей с. Мастюгино, насмотревшись “на линии”, т.е. на раскопки в Кубанской обл., осенью 1904 г. собрали несколько артелей для раскопки местных курганов. Раскопали четыре значительных и несколько более меньших... Вещи были препровождены в ИАК, что и вызвало мою поездку на место» (РА ИИМК. Ф. 5. Д.90. Л. 5).

30 апреля 1905 г. ИАК уведомила ВУАК, что места археологических находок в с. Мастюгино и на хут. Гаевка будут осмотрены А.А. Спицыным, члены же ВУАК со своей стороны выразили желание принять участие “в археологических экскурсиях по Воронежской губернии”.

Первый приезд А.А. Спицына в Воронежскую губ. датируется 15–29 мая 1905 г. В течение этого времени он провел раскопки в с. Мастюгино (Коротоякский уезд), Боршево и Голышевка (Воронежский уезд). Результаты проведенных работ были опубликованы в ежегодном отчете ИАК (Исследования..., 1908. С. 82–84).

В Мастюгино А.А. Спицын вместе с членами ВУАК доследовал два кургана, сильно попорченных хищническими крестьянскими раскопками и пожарищем. Среди находок – золотая трубочка, медные браслет и наконечники стрел, следы ткани, украшенной золотыми бляшками различных форм, и др. По словам исследователя, Мастюгинские курганы “могут быть относимы к III в. до Р.Х.”, обнаруженная в них “скифо-сарматская” культура “еще не встречалась до сих пор в Воронежской губернии”, а курганы подобного устройства “еще нигде находимы не были” (Журналы..., 1908. С. LXIII; Исследования..., 1908. С. 83).

При посещении “уже известного прежде городища” близ с. Боршево на Дону А.А. Спицын снял план, собрал подъемный материал, по которому отнес памятник к древним городищам “типа донецких” (Исследования..., 1908. С. 83). Наверну, за городищем им был обнаружен курганный могильник, в котором насчитывалось около 30 курганов. А.А. Спицын вскрыл восемь из них; во всех были обнаружены остатки трупосожжения, в двух – на материке деревянные ящики из плаха с полом и крышкой. Боршевские курганы, по его мнению, “аналогичны с курганами близ дер. Федяшевой на верховьях р. Оки” (Исследования..., 1908. С. 83, 84). По скату горы, примыкающей к городищу, он обнаружил остатки жилища; раскопал два из них; однако находки не позволили определить время их существования. Зная, что у подошвы Боршевского городища выкапывали кости мамонта, А.А. Спицын заложил пробную

траншею и обнаружил их уже на небольшой глубине; при костях находились осколки кремня. Исследователь предположил, что “здесь будут найдены такие же остатки палеолита, как в Костёнках” (Исследования..., 1908. С. 84). Спустя два десятилетия боршевский комплекс памятников, впервые обследованный А.А. Спицыным, стал широко известен как исследователям палеолита, так и славистам благодаря работам экспедиции ГАИМК под руководством П.П. Ефименко.

Сам же А.А. Спицын, судя по опубликованной в 1915 г. статье “Русский палеолит”, полученные в Боршево материалы палеолитической эпохи, как, впрочем, и известные костенковские, впоследствии активно использовал в читаемом им университетском курсе по археологии (Спицын, 1915. С. 159–164).

Близ с. Голышевка А.А. Спицын осмотрел “позднее большое городище, входящее в систему русских укреплений XVI–XVII вв.”; которое, по словам исследователя, “включает в себя два древние небольшие городка, относящиеся ко времени, близкому к боршевскому” (Исследования..., 1908. С. 84). Впоследствии этот памятник также не остался без внимания археологов. В 1949–1953 гг. именно Архангельское (Голышевское) городище становится основным объектом археологических исследований экспедиции Воронежского госуниверситета под руководством А.Н. Москаленко. Памятник оказался многослойным, содержащим материалы эпохи бронзы, раннего железного века и боршевского времени, но приоритетное внимание при его исследовании уделялось анализу свидетельств скифского времени. Это городище стало первым из поселений середины I тыс. до н.э., изученных в Среднем Подонье.

Вернемся к событиям начала XX в. В 1906 г. было решено продолжить раскопки у с. Мاستюгино. 13 мая Спицыным был получен Открытый лист, и во второй половине августа (с 18 августа по 1 сентября) он вновь посетил Воронежскую губ. В течение недели он находился в Мастюгино, затем посетил Дивногорье, на обратном пути заехал в Воронеж и через Москву отправился в Санкт-Петербург. Отчет о проведенных работах опубликован (Раскопки..., 1909. С. 109–111).

У Мастюгино А.А. Спицын окончил исследование разграбленных курганов; у местных крестьян были куплены еще несколько вещей из этих курганов: обломки металлического “кувшина” с изображением человеческого лица, флакон синего стекла, обломки золотых украшений, медные пика и застёжка (все находки отправили в Эрмитаж). В раскопках А.А. Спицына принимал участие член ВУАК А.И. Милютин, который составил доклад “Археологические находки и раскопки в окрестностях с. Мастюгина Коротоякского уезда в 1905 и 1906 годах”, зачитанный С.Е. Зверевым на заседании ВУАК (А.И. Милю-

тин уже был тяжело болен) после редакторской правки А.А. Спицына (Журналы..., 1908. С. LXXXIX, XCIV). Спустя полвека, в 1957–1962 гг. Мастюгинский могильник был полностью исследован экспедицией ИА АН СССР под руководством П.Д. Либерова и стал одним из эталонных памятников скифского времени Среднего Подонья.

Маяцкое городище А.А. Спицын посетил “для определения размеров и удобства исследования находящегося там древнего могильника” (РА ИИМК. Ф. 1. 1906. Д. 68. Л. 5). Его письмо на имя Вас. Вас. Латышева с просьбой “...не отказать выслать открытый лист на раскопки близ Дивногорского монастыря Острогужского у. Воронежской г. члену ВУАК А.И. Милютину (Воронеж, Туликовская ул., г. Турбиной)... Там я осмотрел важный памятник аланской поры, а Милютину поручаю начать раскопки” датировано 30-м августа (РА ИИМК. Ф. 1. 1906. Д. 68. Л. 3). Эти раскопки действительно были проведены А.И. Милютиным совместно с другими членами ВУАК с 8 сентября по 7 октября, отчет передан в ИАК, отредактирован А.А. Спицыным (судя по архивным материалам, правки носили стилистический характер) и опубликован в Известиях ИАК (Милютин, 1909. С. 153–163).

Сам А.А. Спицын считал, что Маяцкое аланское городище не является укреплением, так как “размеры его ничтожны, посадка кругом нет, едва ли возможен колодец, так как городок стоит на сплошной меловой скале, совершенно сухой, и едва ли допустимы меловые стены для крепости, по их непрочности и неудобству для защиты”, и что это скорее “остатки монастырька, современного могильнику, древний погост, обслуживающий своим кладбищем окрестности, может быть на значительное расстояние” (Спицын, 1909. С. 78). Как известно, эта точка зрения не выдержала испытания временем и в настоящее время Маяцкое городище достоверно отождествляется с хазарской крепостью.

Во время посещения Воронежа А.А. Спицын не остался равнодушным к археологическим коллекциям губернского музея. Как свидетельствует протокол заседания ВУАК от 19 января 1907 г., на котором обсуждалась составленная А.И. Милютиным “Записка о первобытных древностях Воронежской губернии по находкам, хранящимся в Воронежском музее”, данный документ находился в руках А.А. Спицына, который после осмотра коллекции внес в него правки и сделал собственные определения вещей (Журналы..., 1908. С. CX). ВУАК постановила опубликовать этот документ, но, к сожалению, сделано этого не было. ВУАК высоко оценила археологическую деятельность А.А. Спицына в губернии: 30 ноября 1906 г. он был избран членом этого научного сообщества (Журналы..., 1908. С. XCVI).

В 10-е годы XX в. А.А. Спицын по-прежнему курировал полевую деятельность воронежских исследователей, а также направлявшихся в Воронежскую губ. столичных археологов. Он не остался в стороне и от весьма напряженной переписки ИАК с ВУАК 1910–1911 гг., связанной с некоторой неразберихой в полевой документации, а затем и с некорректным, хотя и объяснимым, поведением ВУАК по отношению к ИАК. Полученные в эти и последующие годы членами ВУАК яркие свидетельства скифского времени в могильнике “Частые курганы” на окраине Воронежа в совокупности со сведениями раннего железного века, полученными в Воронежской губ. ранее, нашли отражение в обобщающей работе А.А. Спицына (1918).

Эта статья, по словам автора, первая попытка классификации скифских древностей. Они были разделены А.А. Спицыным на три этнографические группы: киевскую, полтавскую и кубанскую. В состав полтавской группы вошли древности Харьковские, Черниговские и Воронежские. Воронежские включают курганы у с. Мастюгино, “Частые могилы” (по терминологии А.А. Спицына), курганы 2, 5 у сл. Владимировка (раскопки В.Н. Тевяшова, 1900–1901 гг.), курган близ с. Мазурка, а также случайные находки (стрелы близ с. Колыбелка, сл. Подколодковская; фрагмент гривны с р. Ведуга). Некоторые из вещей Мастюгинских и Частых курганов А.А. Спицын датирует IV–III вв. до н.э., погребение у с. Мазурка относит к более поздней поре, но, подытоживая, пишет, что “давать хронологическое определение этим вещам, как и другим воронежским, мы не решаемся” (Спицын, 1918. С. 132, 133).

Из документов следующего десятилетия, свидетельствующих об интересе А.А. Спицына к воронежской археологии, помимо уже упоминавшихся “корочек”, можно выделить два. Письмо С.Н. Замятина к А.А. Спицыну, датированное 1922 г., в котором С.Н. Замятин, будучи еще хранителем археологического отдела Воронежского краеведческого музея, знакомит А.А. Спицына с проводимой им работой по систематизации археологических коллекций и просит по возможности помочь со специальной литературой по археологии (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 396. Л. 212, 213об.). Второе упоминание содержится в составленной А.А. Спицыным в 1925 г. сводной таблице изданных карт и археологических описаний по губерниям. В графе “Воронежская губерния” он отметил, что карты не издавались, а из описаний указал лишь собственную работу 1896 г. (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 134). Возможно, конечно, появление дополнительных сведений, относящихся к завершающему периоду деятельности А.А. Спицына, но, учитывая солидный возраст исследователя и его противоречивые взаимоотношения с новым политическим режимом, вполне вероятно, что интерес к воронежским древностям остался в прошлом.

В заключение отмечу, что деятельность именно А.А. Спицына – квалифицированного и авторитетного специалиста из числа сотрудников ИАК – в начале XX в. способствовала качественному росту археологического знания в Воронежской губ. (обеспечение должного профессионализма в проведении полевых работ и унификация схемы составления отчетов по полевым исследованиям) и, что не менее важно, обеспечила координацию усилий археологов: специалистов и краеведов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вейнберг Л.Б. Городища и курганы в Воронежской губернии. Извлечено из дел Воронежского губернского статистического комитета // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские акты. Т. 1. Воронеж, 1887.
- Вейнберг Л. Воронежская губ. // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. VII. СПб., 1892.
- Городцов В.А. Майданы // Древности. Т. XX. Вып. II. М., 1904.
- Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904–1907 гг. // Тр. ВУАК. Вып. IV. Отдел III. Воронеж, 1908.
- Исследования А.А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1905 год. СПб., 1908.
- Милютин А.И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // Изв. ИАК. Вып. 29. СПб., 1909.
- Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. III. Воронежская губ. // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1, 2. Нов. сер. (Тр. Отделения русской и славянской археологии. Кн. первая. 1895). СПб., 1896.
- Раскопки Л.Б. Вейнберга близ гор. Задонска // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1, 2. Нов. сер. Тр. Отделения русской и славянской археологии. Кн. первая. 1895. СПб., 1896.
- Раскопки А.А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1906 год. СПб., 1909.
- Сведения 1873 года о городищах и курганах // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1, 2. Нов. сер. (Тр. Отделения русской и славянской археологии. Кн. первая. 1895). СПб., 1896.
- Сведения 1873 года о городищах и курганах: Воронежская губерния // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1, 2. Нов. сер. (Тр. Отделения русской и славянской археологии. Кн. первая. 1895). СПб., 1896.
- Спицын А.А. Производство археологических раскопок. СПб., 1895.
- Спицын А.А. Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1, 2. СПб., 1899.
- Спицын А. Майданы // ЗОРСА. Т. VIII. СПб., 1906.
- Спицын А. Историко-археологические разыскания: I. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Нов. сер. Ч. XIX. СПб., 1909.
- Спицын А.А. Русский палеолит // ЗОРСА. Т. XI. Петроград, 1915.
- Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // Изв. ИАК. Вып. 65. Петроград, 1918.
- Спицын А.А. Карта распространения медных и бронзовых топоров // Тр. секции археологии Институт археологии и искусствознания РАНИОН. IV. М., 1929.
- Трунов М.П. К организации изучения Воронежского края в археологическом отношении // Тр. ВУАК. Вып. IV. Воронеж, 1908.

К ИСТОРИИ РУССКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЕРИХОНЕ

© 2009 г. Р. Б. Бутова*, Н. Н. Лисовой**

* Императорское Православное Палестинское Общество, Москва

** Институт российской истории РАН, Москва

Вклад отечественных археологов в изучение Святой Земли тесно связан с духовным и политическим присутствием России в Палестине XIX–начала XX в., масштаб которого впечатляет: более 10 тыс. паломников из России ежегодно; около 11 тыс. арабских детей, учившихся в ста школах и двух учительских семинариях Императорского Православного Палестинского Общества; десятки тысяч больных, получавших безвозмездную помощь в русских больницах и амбулаториях. Но главный итог – создание и сохранение Русской Палестины: более 70 объектов светской и церковной недвижимости – храмов, больниц, школ, странноприимных домов (Лисовой, 2006; Лисовой и др., 2000)¹.

Обостренный и небескорыстный интерес мировых держав к Леванту способствовал расцвету археологических исследований в Палестине во второй половине XIX в. “Страна делается не только страной религиозного энтузиазма, страной мистического общения с Богом в местах его рождения и страдания, страной-реликвией, страной-музеем, но и страной искания реликвий, страной раскопок, страной археологии и археологов” (Ростовцев, 1913. С. 26). Россия старалась не отстать в этой “конкуренции народов на Ближнем Востоке” (Ф.И. Успенский). Освоение земельных участков, строительство церквей и подворий сопровождалось находками и изучением библейских и раннехристианских древностей Русской Духовной Миссией в Иерусалиме, ИППО и Русским археологическим институтом в Константинополе (Беляев, 2003. С. 9–20; 2007. С. 43–55).

Наряду с Иерусалимом, Назаретом и Вифлеемом важнейшим центром паломничества и архео-

логических изысканий был Иерихон. Город лежит на равнине, в 7 км от реки Иордан, у самого подножия плоскогорья Иудейской пустыни, круто обрывающегося в сторону Иорданской долины. Такие же горы ровной грядой тянутся с восточной стороны равнины, так что в целом она выглядит высохшим ложем гигантской древней реки, пробившей среди горных плато широкое русло с пологим уклоном с севера на юг, от моря Галилейского к Мертвому. Иерихон расположен в самой низкой точке долины, на 250 м ниже уровня океана, в 10 км от Мертвого моря. Климат здесь никак не назовешь благоприятным, и город обязан жизнью многоводному источнику, который превращает окрестность в цветущий оазис.

Город неоднократно упомянут в Библии: как место, вблизи которого израильтяне перешли Иордан, воздвигнув памятник (Галгала), и где перед взятием Иерихона впервые прозвучали слова “Святая Земля” (Нав. 5, 15). Здесь особо почитают память пророка Илии: пещеру, где он укрывался (выше по Вади-Кельт); место вознесения пророка (напротив города за р. Иордан, в ущелье Харран); знаменитый источник, который очистил ученик Илии, пророк Елисей (4 Цар. 2, 19–22). В евангельское время через Иерихон не раз проходил Иисус Христос по дороге в Иерусалим (эпизоды с исцелением слепого Вартимея и смоковницей мытаря Закхея: Лк. 19, 2–6).

Археологические памятники Иерихона размещены в широкой зоне внутри и вокруг современного города. Хрестоматийно известен Телль эс-Султан, где работами археологов выделено до двадцати трех слоев, начиная с докерамического периода и бронзового века. Подробно изучены дворцы зимних резиденций эпохи Хасмонеев и Ирода Великого над устьем Вади-Кельт и остатки ипподрома. К северу от города раскрыт большой некрополь эпохи Второго храма и две синагоги, а также недостроенный дворец эпохи Омейядов (разрушен землетрясением 749 г.) и другие памятники (подробнее: New Encyclopedia..., 1993; 2008; Беляев, Масиель Санчес, 2009).

В итоге изучен Иерихон ханаанский, иродианский и раннеисламский. Иерихону византийскому повезло гораздо меньше – хотя, как писал еще Н.П. Кондаков, “основной интерес всех перечис-

¹ В последние годы Совет ИППО и Председатель Общества С.В. Степашин совместно с Министерством иностранных дел РФ активно работают над возвращением российских недвижимостей в Израиле. В Иерусалиме России возвращено Сергиевское подворье; Палестинская Национальная Администрация передала три земельных участка в Иерихоне. В октябре 2008 г. Институт археологии РАН принял участие в осмотре этих участков и пришел к заключению о важности проведения полномасштабных раскопок на них (см. отчет Л.А. Беляева в данном номере). Надеемся, что их археологическое изучение и дальнейшее освоение станут достойным вкладом России в празднование 100 веков истории старейшего на Земле города.

ленных мест заключался в их священном почитании у христиан с древнейшей эпохи, которое вызвало еще с IV в. появление здесь церквей и обителей” (1904. С. 136). В 1934 г. Д.К. Барамки раскопал храм эпохи Юстиниана в центре города (район Телль-Хассан); в 1950 г. о. А. Августинovich (Францисканский библейский институт) обследовал остатки базилики в северо-западной части Иерихона (стены, базы колонн, цветной мозаичный пол с двумя греческими надписями VI в.) и монастырской базилики апостола Андрея в юго-западной части (две греческие надписи в составе напольной мозаики второй половины VI в.); в 1954 г. Дж.Л. Келсо и Барамки открыли остатки пяти церквей (V/VI–IX вв.) в Хирбет эн-Нитла (юго-западнее города) (Augustinovic, 1951. P. 66–83. Figs. 15–26; Ovadiah, 1970. P. 72–75. № 62–64; New Encyclopedia..., 1993. P. 606, 607).

Русские исследователи положили начало изучению византийского Иерихона еще в 1880-х годах, но ни материалы, ни обстоятельства этих работ до сих пор не стали достоянием науки. Данная статья, основанная на архивных материалах, восполнит этот пробел.

Впервые Иерихон в русской паломнической традиции упомянут игуменом Даниилом: “Иерихон же тый был первее град велик и тверд велими; того Иерихона Иисус Навгин взял и разорил до конца; ныне же ту есть село срацинское. И ту есть дом Закхеев, и пень древа того и до ныне стоит на нь же бяше взлезл, хотя видети Христа” (Хождение..., 2007. С. 54; аналогичные сведения в других текстах).

В XIX в. все русские паломники по пути к Иордану и Мертвому морю непременно посещали Иерихон. “Не могу сделать верного описания тех малых остатков древности, которые мне встречались на пути к Иерихону”, – признавался А.Н. Муравьев в классическом “Путешествии” 1830 г. (2007. С. 155), добавив при втором посещении (декабрь 1849 г.) несколько слов о “нынешней одинокой башне Иерихона, охраняющей его убогое селение”, об “остатках величественных водопроводов между разросшихся кустов, которые знаменовали древнее величие любимого местопребывания Иродова”, да о том, что “на остатках древнего Иерихона бывает обыкновенно становище богомольцев, многими тысячами странствующих под прикрытием стражи на Иордан” (2005. С. 133, 134, 139).

Ему вторит А.С. Норов, описывающий “несколько хижин, которые более похожи на кочевые шатры, более совокуплены около башни на берегу источника и называются Риха – словом, означающим: запах”, где паломникам прежде “долго показывали остатки дома и древа Закхея” (2008. С. 149, 150).

К 1850 г. относится рассказ ученого-востоковеда, архимандрита Софонии (Сокольского): “Проезжая развалины Иерихона, я обратил на них особенное внимание и к большому ужасу заметил, что между ними не было ни одной крупной руины. Все было изломано как бы намеренною рукою, так что едва ли тут мог уцелеть и камень на камне. А к довершению грустной картины все эти обломки, разбросанные на необозримое пространство, были покрыты какой-то тонкой пылью, весьма похожей на пепел” (Софония, 1865). Ту же картину с таможенной башней и “пастушеской деревушкой” (“хатами”, “саклями”, “мазанками”) воспроизводят Каминский (1859. С. 231), Поливанов (2006. С. 125, 126), Скалон (2007. С. 137, 138).

12 ноября 1866 г. в захолустную арабскую деревню Ариха (Эр-Риха), в которой лишь немногие европейские авторы готовы были видеть библейский Иерихон, впервые приехал неугомонный устроитель и исследователь Русской Палестины архимандрит Антонин (Капустин). В его дневнике (Лисовой, 2000) сказано об этом так: “Рассветало. Умывшись иорданской водой, мы по руслу Фары выехали из кустов и потянулись к северу к черневшим вдали развалинам. Достигли их через полчаса. Это был некогда большой и славный монастырь Предтечи. Разведение огня в большом подземелье. Избрание точки. Ожидание солнца, искание золотой мозаики в огромных кучах мусора. Дождик. Плохое фотографирование. ...Иерихон. Колочие деревья, или терн, столько памятный. Елисеев источник. Фотографирование Сорокадневной горы. Трудное и опасное восхождение на священную гору. Пещера Господня, с остатками церкви и древней стенописи. ...На обратном пути осмотр местности дворца Ирода В[еликого]” (Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1866 г. Библиотека ИППО, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/8. С. 138, 139).

Лишь семь лет спустя (уже приобретены участки в Яффе, в Горней, на Елеоне, Мамврийский дуб) у Антонина возникла мысль прочнее закрепиться в Иерихоне. Мысль смелая, потому что еще ни один европеец не решался осесть здесь или просто купить землю. Антонин был первым. Предложений поступило несколько: “30 июля 1873. В Иерихон прибыли на закате солнца. Осмотрели место первое – к югу от башни. Веселое и большое. Понравилось. Второе – с 1000-плодным лимоном и гранитным камнем. Третье – с виноградною лозою, покрывающею пространство в 10 сажень и дающей 40 пудов винограду. Четвертое – с рядами столбов, открытых в земле и множеством мусора уже за селением. Остановились мыслию на первом. К источнику Елисееву ехали уже в потемках. Улеглись на коврах, выпили по чарке иродовки и стали собирать разбитые долгим и стропотным путем силы” (Антонин (Ка-

пустин), архимандрит. Дневник за 1873 г. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 1126. Л. 51).

17 августа 1873 г. драгоман РДМ Якуб Халеби и шейх деревни Силоам Хусейн Зяде (Зиаде), постоянные помощники архимандрита в земельных покупках, отправляются в Иерихон на разведку. Ситуация оказалась сложной: долина Иордана была полностью под контролем бедуинских шейхов, которые веками не считали зазорным грабить всякого мимоезжего. Халеби и Зяде в тот же вечер подверглись нападению, отделавшись, к счастью, “страхом и проколотым пикой платьем”.

Антонин решил купить два участка: Хакурет аль-Бурдж (“загон у башни”) и Хакурет ад-Далия (“с 1000-лимонным деревом”) общей площадью около 22 тыс. м² и ценой в 100 полуимпериалов. 2 сентября 1873 г. первый задаток в 20 полуимпериалов был уплачен и получено письменное свидетельство о продаже. Не дожидаясь юридического оформления сделки, Антонин начал подготовку к строительству. 14 октября Хусейн Зяде был отправлен заготавливать камень. Между тем дело с купчей затягивалось, в Иерусалиме долго не собирался междлис. Наконец, благодаря бакшишу в 4 золотых, 19 декабря 1873 г. Антонин получает ходжет на иерихонский участок (Купчая крепость на место в Иерихоне... 14 декабря 1873 г.; см.: Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 190, 191).

Следующие семь лет ушли на строительство дома и обустройство участков. Строить в Палестине было непросто. Деревя здесь нет; для строительства пригодны далеко не все виды местного камня. Значительную часть материалов (отделочные – полностью) ввозили из Европы. Рабочий день начинали, по условиям климата, в 6 часов утра, заканчивая под нестерпимым солнцем к часу дня; строительный сезон продолжался с весны до осени, исключая зимние дождливые месяцы. Из-за низкой квалификации строителей (нанятых в ближайшей деревне арабов-палестинцев) работу нередко приходилось переделывать.

Постоянной заботой было изыскание средств. Главный источник – добровольные пожертвования. 20 ноября 1873 г. член РДМ иеромонах Вениамин (Лукиянов) принес о. Антонину 40 наполеондоров на иерихонское строительство, 17 декабря – еще 50 рублей (“Отличный старец”, – записал в дневнике Антонин). И все же денег не хватало: “Постройка русской церкви на Елеоне давно остановилась, к сожалению, от недостатка средств. Наш иерихонский поклоннический приют тоже не кончен постройкой – по той же причине” (Антонин, 1876. С. 4, 5).

В целом, конечно, русский проект в Палестине исчислялся не в рублях, а в тысячах: “17 января 1880. ...Вычисления на случай. Оказывается, что все места, купленные мною на Елеоне, в Силоаме, в Горней, у Дуба, в Яффе и Иерихоне обо-

шлись в 5300 с чем-то наполеондоров, или, средним курсом, в 615 т. пиастров. Затем постройки у Дуба стоили 185 т., в Иерихоне – 125 т., на Елеоне – вероятно, 90 т., в Яффе – 60 т., что все вместе составит 460 т. Соединяя же цифру покупок с цифрой построек, получаем 1075000 пиастров! Вот как наши-то руками-то машут! А постройка стен, поправка цистерн, обработка земли, и пр. и пр. – чего все это стоило? Час пополудни. Ветер и холод” (Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1880 г. Музей истории религии, СПб., шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/22. С. 18). Согласно позднейшим данным, “[иерихонские] имения о. архимандрит покупал с 1874 г. до 1885 г. и заплатил за землю и деревья 6.000 франков. На постройку дома и цистерны им истрачено 60.000 фр.” (донесение управляющего генеральным консульством в Иерусалиме А.Г. Яковлева послу в Константинополе. Иерусалим, 26 сентября 1894 г.). В 1889 г. участок в Иерихоне вошел в состав учрежденного Антонином вакуфа (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 213, 214).

Речь пока не о раскопках – о строительстве странноприимного дома, который стал первым европейским зданием будущего Иерихона (на современных планах города русские участки составляют его ядро и центр). Вслед за Антонином здесь появляются А.Д. Богданова, Е.И. Резниченко, иеромонах Иоасаф (Плеханов). “С нашей легкой руки уже там и сям начинают возникать в местности именитого Иерихона домики из камыша и глины с примесью хранимого в недрах земли от времен древних строевого камня. Большею частью это русские мызы, купленные и застраиваемые нашими северными любителями и любительницами вечного и непрерывного тепла, да еще такого, о котором самая наша жаркая пора не дает надлежащего понятия. Помогите Бог русской колонизации в земле обетованной” (Антонин, 1885. С. 238–240). К новому русскому центру тянутся легендарные иорданские отшельники: “пещерница Марина”, “генерал Краевский” и другие.

Русские паломники начинают чувствовать себя в Иерихоне как дома, их с каждым годом все больше. В статье 1880 г. от лица рядового паломника Антонин писал: “Изумлению многих из нас не было конца, когда мы увидели перед собою огромное каменное здание шагов в 40 длины и соразмерной ширины, разделенное, как и хевронский дворец-приют, на две половины – мужскую и женскую, с широкими сенями по середине. Чисто, светло, уютно, просторно – сказал бы я, если бы не скопилось нас, странников, целая тысяча” (Антонин, 1880. С. 5). Запись в дневнике год спустя: “4 января 1881. Пешеходство до самой равнины Иорданской. Переезд к нашему приюту. Многолюдство непомерное в доме и в саду. Просто ступить ногою негде” (Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1881 г. Библиотека ИППО,

шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/23. С. 4). Но в 1885 г. уже читаем: «И идя на Иордан и возвращаясь оттуда, мы отдыхали в русском приюте иерихонском, настоящим дворце, воздвигнутом нашей Духовной Миссией в глуши, какой и представить себе не можно, не выдавши. В передний путь ночевали там целою тысячей человек, занявши оба этажа дома, весь сад и палисадник» (Антонин, 1885. С. 238–240).

Иерихонский сад был предметом особой гордости хозяина. «При доме есть и большой сад с маслинными, лимонными, апельсинными, гранатовыми деревьями, даже бананами, не говорю уже об огромных смоковницах и даже наших развесистых ивах. Но, что всего занимательнее, так это виноградные лозы баснословной величины. От одного корня и от одного ствола идут ветви во все стороны на пространстве 25–30 квадратных сажень, поддерживаемые кольями и образующие летом непроницаемую тень с сотней висящих над головой гроздов... Славное место! Вдобавок как раз по нему, в 5–6 шагах от дома, протекает вода, несущаяся из далекого Елисеева источника. Не я один был в восторге, отдыхая под “благосеннолиственным” лимоном, известным по всей окрестности под именем “тысячеплодного”» (Антонин, 1880. С. 5).

Постепенно Русский Иерихон начинает кормить себя сам, дом Антонина используется для налаживания добрососедских и даже международных отношений. Из дневниковых записей: “30 марта 1880. Две просьбы м[исте]ра консула американского об Иерихоне. 28 мая. Просьба америк[анского] консула об Иерихонском ночлеге кому-то. 8 января 1881. Некий турист-американец с просьбою о помещении в нашем Иерихонском доме. 12 февраля. Просьба америк[анского] консульства о 5 туристах, принятая к сведению, но не к исполнению. 13 декабря. Дозволение 4-м американцам Иерихонское. 7 марта 1883. Испанский консул с К^о, просящий позволения на своей грядущей Пасхе пожить у нас в Иерихонском приюте. 13 февраля 1884. Американский консул и К^о, неотвязно требующие помещения в доме нашем даже с угрозою кому-то пожаловаться на меня... 21 августа 1885. Дозволение о. Liévin’у с К^о погостить у нас в Иерихоне” (о. Liévin – бельгийский францисканец, историк Святой Земли, в библиотеке о. Антонина имелся один из его путеводителей: de Hamme Liévin, 1876; 1887).

Свидетельство признания Русского Иерихона – меняющееся отношение к нему Иерусалимского Патриарха и паши (губернатора). Из дневниковых записей 1885 г.: “13 января 1885. Драгоман паши с извинением, что Его Превосходительство к сожалению уже дал слово остановиться в Иерихоне у Хабеша (у абиссинцев. – Р.Б.,

Н.Л.), а не у нас. 18 января. Драгоман паши с благодарностью за приют в Иерихоне. 20 февраля. Патриарх ночевал в нашем приюте Иерихонском, и в восторге от всего, им там найденного. 21 февраля. Мать Мария Гладкая с благодарностью официальной от Его Блаженства и владык за прием в Иерихоне” (Антонин, (Капустин), архимандрит. Дневник за 1885 г. Музей истории религии, СПб., шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/27. С. 10, 13, 34).

26–27 мая 1881 г. состоялась поездка на Иордан, с ночевкой у Антонина в Иерихоне, великих князей Сергия и Павла Александровичей с их кузеном, великим князем Константином Константиновичем во время их паломничества в Святую Землю. Вновь обращаемся к дневнику: “26 мая. Спуск в равнину Иорданскую. Наш приют. Палатки в саду. Размещение гостей по комнатам. Скорый ужин. Сон на скамье под открытым небом. 27 мая. Всякого рода шум и гам, продолжавшийся всю ночь, мешал заснуть мне надлежащим образом. В 3 часа уже все были на ногах. Я, конечно, был готов ранее других и по-прежнему ехал впереди за кавасами. За мною скороход нес на палке горящую смолу. 4 планеты смотрели нам прямо в глаза. Пока доехали до Святой реки, совсем рассвело. Немедленно мы устроили плотик на воде, тот самый, который служил нам 6-го января, и начали водосвятие. Чуть мы кончили службу, из поставленной при самой воде палатки стали выбегать нагие фигуры и погружаться в Иордане. Все происходило живо и спешно... Чуть кончилось это, караван снялся с места и разделился на две партии... Оба Царевича направились в Иерихон, а Великокняжич поехал с небольшою свитою на Мертвое море... Благополучно, еще до жару, возвратились мы в свою Московию. Под тысячным деревом пили чай, и презентировали при сем публике кисть бананов, только что срезанную, в пуд весом. Затем следовал отдых на рогоже под лимонами до самого полудня, к которому возвратился и третий Великий Князь, искупавшийся вторично в Иордане... Приказ ехать домой в 4 часа. Но в самый момент отъезда его отсрочили еще на час, посвященный моей беседе с Их Высочествами наедине в их комнате, обращенной на обсуждение разных пунктов евангельской истории. Чистые, благие и святые души Царевичей пленили меня” (Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1881 г. Библиотека ИППО, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/23. С. 96, 97). В результате архимандрит получил на нужды Миссии “10 свитков с наполеонидами” (10 тыс. франков) и “умолил Их Высочества дозволить употребить их наполеоны на вывод второго этажа на Иерихонском приюте” (Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1881 г. Библиотека ИППО, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/23. С. 98).

Рис. 1. “Русская Галгала” – гранитный камень на антониновском участке в Иерихоне. Фото Н. Лисового, 2009 г.

Писатель-паломник Е.Л. Марков отмечал: “Каменный белый дом Русских Построоек высится громадным, над всем владычествующим замком среди жалких землянок арабской деревушки. Он внушает к себе великое благоговение бедуинов, не выдавших ничего подобного в своей дикой пустыни, и великую зависть наших одноверцев-греков, которые с ревливой досадой смотрят на всякое утверждение в Палестине подлинной русской силы. Даже предприимчивые католики и англичане ничего не успели пока устроить в этой жалкой деревушке Рихе, нищенской наследнице былых славы и роскоши Иерихона” (1891. С. 220).

Теперь, когда дом Антонина способен принимать сотни простых богомольцев, петербургскую и зарубежную знать, пришло время укоренить созданную реальность в литургическом, сакральном пространстве. В дневниковых записях вместо предыдущих рассказов о строительстве появляется тема святынь и археологических находок. Подобно другим объектам антониновской Палестины (Елеону с древними мозаиками едва ли не времен Константина и Елены, Горней с памятью о посещении Божией Матерью праведной Елизаветы, Яффе с гробницей Тавифы, Хеврону с дубом Авраама) Иерихон включается в ткань библейского Предания (Бутова, Лисовой, 2009).

Археологам было известно, что “русское место в Иерихоне наполнено развалинами” (Олесницкий, 1878. С. 22). “Небольшая раскопка, сделанная на моих глазах о. Антонином, открыла замечательный памятник: гранитный камень в виде круга, около 10 футов в диаметре и 5 футов высоты. Вся периферия или весь обод этого громадно-

го (к сожалению, разбитого на две части) круга испещрена яминами в палец глубины, расположенными без видимого порядка и полустертыми от времени. Когда один из моих спутников шутя спросил меня, какое имя я намерен дать этому камню, у меня случайно сорвалось с языка: *Галгала*. По ближайшем рассмотрении характера памятника и его местности, я больше и больше убеждался, что я был прав в своем определении, и что это место должно быть названо Галгалою или, так как оно поступило в русскую собственность, *Русскою Галгалою*” (Олесницкий, 1878. С. 23; Ростовцев, 1912. С. 264).

Олесницкий, к сожалению, не уточнил дату раскопок (1873 или 1874 г.). В последующем Антонин неоднократно возобновлял попытки связать святыни Русского Иерихона с ветхозаветным преданием: “7 января 1881 г. очистили Галгарьскую (*sic!*) крипту”, 30 января – “очистка галгальского камня”; 22 февраля – “чтение г-на Олесницкого о Русской Галгале до 9-ти часов” (т.е. описание раскопок в Иерихоне: Олесницкий, 1878. С. 20–41).

Летом 1900 г. Иерихон посетила группа профессоров и студентов Московской Духовной Академии во главе с ректором епископом Арсением (Стадницким), еще раз подтвердившим, что “теперешняя Ериха занимает действительно место древнего Иерихона, это отчасти доказывает открытый о. Антонином при постройке дома монолит весьма древнего происхождения” (Арсений, 1902). Особо важной представлялась Антонину связь с евангельскими событиями. Приют для паломников был им назван именем евангельского

Закхея Мытаря (к 28 января 1883 г. относится “копание в саду ямы под сикомор Закхеев”).

Укоренение в Иерихоне шло параллельно и при конкуренции с его греческим церковным освоением. Великим Постом 1886 г. Патриарх Никодим освятил “греческую” иерихонскую церковь во имя Пророка Елисея (Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1886 г. Музей истории религии, СПб., шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/28. С. 40), построенную на средства русских благотворительниц А.Д. Богдановой и М.М. Киселевой, с греческим “древом Закхея” на церковной аллее. Иными словами, русская археология в Иерихоне, как и в других эпизодах из жизни Антонина, по большей части была обусловлена потребностями сакральной реконструкции.

В 1882 г. в Иерихоне появился еще один церковный деятель с далеко идущими планами – афонский иеромонах Иоасаф (Плеханов; российские законы того времени не признавали монашества, принятого за границей, так что по паспорту он значился “мещанином Таврической губернии, города Алешек, Иваном Кирилловичем Плехановым”; см.: Россия в Святой Земле, 2000. Т. I. С. 256). Удачно купив на деньги паломницы и благотворительницы Е.И. Резниченковой большой участок земли, он планировал создать “Троице-Михайловский Русский общежительный монастырь в Иерихоне”.

Иоасафовский участок (площадь более 15000 м²) расположен, как и антониновский, в центре современного Иерихона (улица Айн-Султан, к северо-западу от “Дворца Московийского”), примыкает к почитаемому и ныне местными жителями “древу Закхея” и богат остатками византийской эпохи. Еще в январе 1883 г. Антонин осмотрел “найденные на холме его подземные древности”, отметив: “холм для покупки – всенепременно”. Год спустя Иоасаф пришел к Антонину с сообщением о замечательной археологической находке. Добравшись до Иерихона, архимандрит, имевший опыт и вкус к византийским памятникам, убедился, что речь действительно идет о “мозаике отличной работы”, и уже в следующий свой приход, через три дня, фотографировал мозаичный пол с помощью монаха Иосифа, которому была поручена фотомастерская РДМ.

Как считал сам Иоасаф, “оказавшиеся развалины принадлежат древней обители, что доказывают мозаический кругами пол, фундаментальные стены, малая цистерна и купель, колонны, капители, выстланные большими камнями полы и водопроводные каналы на глубине 1.5 аршина от поверхности земли” (Письмо Иоасафа..., 2000. С. 257). Яркая находка способствовала тому, что многие захотели перекупить участок. Патриарх Никодим, приезжавший в Иерихон в феврале 1885 г., “при осмотре определил 1000 наполеонов, а впоследствии изъявил 1500 наполеонов выдать

иеромонаху Иоасафу, лишь бы Резниченкова строила монастырь от Патриархии для греков” (Письмо Иоасафа..., 2000. С. 257). Архимандрит Антонин не оставлял надежды приобрести участок. Елена Игнатьевна Резниченкова готова была одно время “отписать” его в завещании Духовной Миссии.

Все решил случай. Отец Иоасаф, задумав монастырь, понадеялся на русский авось и “забыл” испросить благословение у Иерусалимского Патриарха, получить санкцию РДМ и заручиться поддержкой в консульстве. Он сразу, на свой страх и риск, начал печатать и рассылать по России просительные письма и даже “Чин поминовения” от имени несуществующей обители. Исход был печален. Патриарх потребовал удаления иеромонаха из Палестины. Иоасаф обратился за помощью к ИППО, предлагая пожертвовать ему свой участок и прося заступничества перед Синодом. По ходатайству Общества иеромонах был благополучно устроен в Ярославский Толгский монастырь. 8 августа 1885 г. умерла и была похоронена в Иерихоне на участке, купленном на ее деньги, Е.И. Резниченкова (что вызвало протест Греческой Патриархии). Могила с надгробием (надпись “Здесь покоится прах рабы Божией Елены Резниченковой, в схимонасех Евлампии. Сконч. 8 августа 1885 года”) сохранилась. В следующем году участок был оформлен на вице-председателя ИППО Ф.П. Корнилова, затем (1887 г.) на Секретаря ИППО М.П. Степанова, наконец, 1.06.1899 г. он был переписан на имя Председателя ИППО вел. кн. Сергея Александровича.

В 1885 г. в Святую Землю как представитель ИППО был направлен Д.Д. Смышляев (1828–1893) – строитель двух главных архитектурных ансамблей Общества в Иерусалиме, Сергиевского и Александровского подворий, земский деятель, ученый-краевед, автор книг “Синай и Палестина” (1877), “На пути к Синаю” (1878) и др.; член-учредитель Палестинского Общества (1882 г.) и его уполномоченный в Пермской губернии. Его научные и издательские интересы были связаны с уральским краеведением и изучением Святой Земли.

Радужно принятый архимандритом Антонином, Смышляев жадно впитывал новые впечатления. 18 ноября 1885 г. состоялась первая загородная совместная экскурсия (отец Антонин на лошади, его помощник Я.Е. Халеби и Смышляев на осликах) в старый арабский Айн-Карем или новую православную Горнюю, где “разбросаны в полугоре веселые белые домики, церковь с колокольней и две гостиницы русского поселка” (Смышляев, 1890. С. 45). 12 февраля 1886 г.: “В Иерихоне обнаружил целую русскую колонию. Кроме превосходного дома о. Антонина я нашел там дома и сады Иоасафа (Плеханова), Богдано-

вой, Сушковой... Купчиха Киселева построила церковь, которую на второй неделе поста Патриарх придет освящать. Церковь очень хорошенка. Образа все писаны в России, где и иконостас делан. Землею Плеханова заведует крестьянин Ярославской губернии Иван Андреевич Рыков. Земля превосходная, в воде недостатка нет. Построено два здания, из которых одно заключает 10 келий. Есть интересные остатки древних зданий, мозаичных полов, много драгоценных для археологии находок" (Письмо Д.Д. Смышляева к В.Н. Хитрово. – АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д.18. Л. 147).

Осенью того же года Совет ИППО ставит перед Смышляевым задачу: "при первой возможности приступить (на иоасафовском участке в Иерихоне. – *Р.Б., Н.Л.*) к научным раскопкам", на что выделено 1500 руб. Совет предписывал "все место очистить до скалы или до построек", а найденные вещи: "громоздкие оставить на месте находки, мелкие перевезти в Иерусалим и поставить в особое помещение (начало нашего будущего Иерусалимского музея)". По мере раскопок предполагались фотофиксация и подробное описание найденных предметов (Письмо М.П. Степанова..., 2000. С. 481–484).

16 марта 1888 г. Смышляев писал Секретарю ППО М.П. Степанову: "23 марта предполагаю выехать в Иерихон с Франгия для производства предполагаемых раскопок" (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 22. Л. 18об.). И три недели спустя: "Древние вещи, бронзовые и глиняные, вырытые еще при Иоасафе, будут доставлены в Иерусалим, и так как они очень интересны, то я сделаю с них фотографии, которые и вышлю Вам" (Письмо Д.Д. Смышляева к М.П. Степанову от 12 апреля 1888 г. АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 22. Л. 42). К сожалению, в документах не сохранилось прямых указаний, провел ли Смышляев намеченные раскопки. Скорее всего, нет. Все его силы и время отнимало строительство иерусалимских подворий, и в Петербурге, видимо, это понимали.

Но про Иерихон не забыли: в 1891 г. археологические разведки на иоасафовском участке продолжила научная экспедиция ИППО под руководством Н.П. Кондакова, прошедшая по маршруту Константинополь – Афины – Бейрут – Гауран – Заиорданье – Иерусалим. Экспедиция провела в Иерихоне два дня, посвятив их "осмотру местности древнего города, столь замечательной в различном отношении, и посещению некоторых окрестных мест, особенно Сорокадневной горы с ее пещерными церквами" (Кондаков, 1904. С. 136). Наибольший интерес для археолога-византиста, считал Кондаков, представляет "местность, занятая самим (теперешним) Иерихоном с его многочисленными садами и обширнейшими плантациями". Опровергая скептические

оценки многих тогдашних исследователей, он писал: "Достаточно посетить сад Русского приюта Миссии, в котором его знаменитый основатель, радевший о древностях Святой Земли, известный и высокопочитаемый отец архимандрит Антонин сохранил все остатки и самые маленькие кусочки древности, чтобы убедиться в одном: почва Иерихона богата древностями и именно христианскими. Город Ирода не пропал, но пошел на украшение нового христианского Иерихона, в котором было, считая с окрестностями, такое обилие монастырей в V–VI вв., какое было разве в окрестностях Иерусалима" (Кондаков, 1904. С. 136).

Когда экспедиция отправилась в Иерусалим, ее участник Я.И. Смирнов 12–21 ноября 1891 г. провел полевые работы на иоасафовском участке. Это были первые самостоятельные раскопки молодого 22-летнего ученого. Много лет спустя Н.П. Сычев в поминальной речи (1919 г.), говоря о Я.И. Смирнове как "глашатае идеи единства мировой цивилизации и особой роли Востока в образовании ее начал", подчеркнет: «Это сказалось уже в одной из начальных его работ, безымянно помещенной в виде особой главы в труде его учителя "Путешествие по Сирии и Палестине"» (цит. по: Климанов, 1999. С. 472).

Я.И. Смирнов писал в отчете: "Сад, принадлежащий Палестинскому Обществу, как и окружающие его сады и пустыри, лежит на месте древнего города, простиравшегося к югу до оврага, на краю которого стоит приют архимандрита Антонина. На значительном пространстве обнаруживаются следы разрушенных домов; на пустырях видны небольшие холмики, образовавшиеся от развалившихся зданий, на одном из них лежит база колонны; в садах при работах находят стены, иногда сложенные из больших, хорошо отесанных камней. В саду греческих монахов, соседнем (с запада) с садом Общества, кроме остатков здания с классическими орнаментами, найдена часть мозаичного пола, к сожалению нерасчищенного. Стены, сложенные из больших камней, обнаружены были как в саду, примыкающем с юга к саду Общества, так и в южной части сада Общества. В северной части сада в дверях четырехугольного здания найдены были садовником два бронзовых креста, хранящихся в Иерусалимском подворье. Но теперь под грядками не видно стен в южной и северной частях сада.... У края сада земля вынута большой широкой квадратной канавой для фундамента предполагавшейся церкви. В южной части выемки найден был мозаичский пол и древняя стена с северной части... В разных местах прежним владельцем найден был ряд глиняных и бронзовых вещей, хранящихся в Иерусалимском подворье Общества" (Кондаков, 1904. С. 137, 138).

Иоасаф и Антонин полагали, что найденная мозаика принадлежит остаткам древневизантийского храма. Эту версию взялся проверить

Рис. 2. Мозаика с эпитафией игумена Кириака. Часовня Иоанна Предтечи на антониновском участке. Современный вид. Фотоархив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Рис. 3. Мозаика в храме св. апостола Андрея на коптском участке в Иерихоне. Фото Н. Лисового, 2009 г.

Я.И. Смирнов. Работы “начаты были около мозаики с запада, в надежде найти в этом направлении продолжение ее, если бы пол принадлежал действительно церкви; расчищалась сама мозаика и пространство к востоку от нее, где должен был бы находиться алтарь. Но скоро обнаружилось, что никаких оснований предполагать на исследуемом месте церковь не существует. Мозаика сильно пострадала: уцелело по-видимому менее половины ее” (Кондаков, 1904. С. 137, 138). Как отмечал Смирнов, “по рассказам лиц, выдавших работы прежнего владельца сада, где-то около дома садовника находится другой мозаичный пол: указывали на примыкающий к дому хлев, но разведки обнаружили там лишь помост из черепичных плиток” (Кондаков, 1904. С. 141).

Н.П. Кондаков считал, что для изучения “наиболее интереса представляют остатки христиан-

ских базилик на месте Русского приюта (антониновский участок. – Р.Б., Н.Л.); между этими остатками несколько капителей принадлежат еще веку Константина” (1904. С. 136), но исследований на данном участке не проводилось со времен Антонина.

В статье о русской археологии в Палестине М.И. Ростовцев, остановившись подробно на “близких его сердцу открытиях, сделанных в Тивериаде на городском участке, принадлежащем Миссии” (участок с “домом над сводами”, приобретенный о. Антонином в 1879 г.), охарактеризовал находки в Иерихоне как “не менее интересные” (1912. С. 263). Он также считал более перспективным антониновский участок, где “раскопки еле начаты и уже брошены, а частью даже застроены, причем плана открытых сооружений, – вероятно, большой базилики – не сделано”. А раскопки эти имели бы особое значение, поскольку “точно известны и имя основателя, и дата основания, и отношение его к иерусалимским святыням” (имеется в виду византийская мозаика с надгробной надписью ктитора, игумена Кириака, † 11.12.566). “Чертежи церкви иерихонской” начал готовить еще Антонин (дневник от 7 июня 1881 г.), но часовню над мозаикой построили лишь тридцать лет спустя, между 1904 и 1912 гг. (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 144). Убеждение М.И. Ростовцева в том, что “русское подворье и церковь основаны на месте монастыря и церкви VI в.” (1912. С. 264), актуализирует вопрос нового археологического исследования.

Последние по времени дореволюционные документы, содержащие сведения о русских участках в Иерихоне, – отчет контролера Синода М.Я. Дьяконова о состоянии РДМ (1914 г.) и доклад управляющего подворьями ИППО в Палестине П.И. Ряжского (1915 г.). По отчету Дьяконова (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 136), у РДМ в 1914 г. “в Иерихоне – на старом антониновском участке, для паломников, идущих на Иордан, имеется довольно поместительное подворье, состоящее из каменного двухэтажного дома, навеса для столовой и кухни с кипяtilниками”. Дьяконов отметил наличие в РДМ “музея древних вещей, частью оставшихся еще от покойного архимандрита Антонина, а частью поступивших при архимандрите Леониде. Большинство этих вещей найдено при раскопках в Иерусалиме и других местах Палестины, во время производства построек, а часть пожертвована разными лицами. Музей помещается в двух комнатах и размещен плохо. Кроме него есть еще маленькие собрания палестинских древностей в Елеонской общине, в Иерихонском, Хевронском и Тивериадском приютах. Все эти древности требуют разборки, описания и надлежащего размещения в одном нарочитом музее” (Россия в Святой Земле, 2000. Т. II. С. 162). В докладе П.И. Ряжского от

9 июня 1915 г. значится иоасафовский участок “в селении Иерихон (Ариха), мерою в 11 дунумов старой меры, с садом, с живой изгородью” (Рязский, 2000. С. 301). Участок относился к разряду недвижимостей ИППО, которые, как и знаменитое Сергиевское подворье, были по документам записаны на имя Председателя Общества вел. кн. Сергея Александровича.

В одном из ближайших номеров “Российской археологии” мы дадим полный обзор сведений об участках Русской Палестины, представляющих археологический интерес. Они важны для исследований, необходимость которых для решения поставленных еще в XIX в. вопросов очевидна. Если эти материалы привлекут внимание специалистов и помогут начать новый этап работ в Иерихоне – авторы будут считать свою задачу выполненной.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 08-01-00184а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима (состояние умов; не оправдавшиеся опасения; закрытие больницы и недостройка церкви [на Елеоне] и приюта [в Иерихоне]) // ЦВ. 1876. № 32.
- Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима (зима; праздник Рождества Христова и Богоявления; молебствия) // ЦВ. 1880. № 5.
- Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. (Впечатления поклонника. Письмо в редакцию) // ЦВ. 1885. № 14.
- Арсений (Стадницкий), епископ. В стране священных воспоминаний. Сергиев Посад, 1902.
- Беляев Л.А. “Религиозная археология” в русской и зарубежной исторической науке // ППС. Вып. 100. М., 2003.
- Беляев Л.А. Традиция русских археологических исследований в Святой земле // ППС. Вып. 105. М., 2007.
- Беляев Л.А., Масиель Санчес Л.К. Иерихон // Православная энциклопедия. Т. 22. М., 2009 (в печати).
- Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Формирование сакрального пространства Русской Палестины (по материалам дневника архимандрита Антонина Капустина) // Религии мира. История и современность. 2008. М., 2009 (в печати).
- Каминский В.К. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859.
- Климанов Л.Г. Я.И. Смирнов: из рукописного наследия // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999.
- Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.
- Лисовой Н.Н. Архимандрит Антонин (Капустин) – исследователь синайских рукописей. (По страницам дневника) // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000.
- Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006.
- Лисовой Н.Н., Платонова З.И., Савушкин В.А. Сводный каталог русских недвижимостей в Святой Земле // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I. М., 2000.
- Марков Е.Л. Путешествие по Святой Земле. Ч. 1. СПб., 1891.
- Муравьев А.Н. Письма с Востока. Ч. II. 1849–1850 гг. М., 2005.
- Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. М., 2007.
- Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2008.
- Олесницкий А.А. Святая Земля. Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. 1873–1874. Т. 2. Киев, 1878.
- Письмо иеромонаха Иоасафа (Плеханова) к В.Н. Хитрово от 10 сентября 1885 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I. М., 2000.
- Письмо М.П. Степанова к Д.Д. Смышляеву. 15 октября 1886 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I. М., 2000.
- Поливанов Н.П. Дневник 1861 г. // Румановская Е.Л. Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах. М., 2006.
- Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост., вступит. статья и ком. Н.Н. Лисовой. Т. I, II. М., 2000.
- Ростовцев М.И. Русская археология в Палестине // Христианский Восток. 1912. Т. 1. Вып. III.
- Ростовцев М.И. Палестина в наше время // Гермес. 1913. № 1, 2. .
- Рязский П.И. Доклад по вопросу об укреплении недвижимых имуществ ИППО в Сирии и Палестине // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. I. М., 2000.
- Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М., 2007.
- Смирнов Я.И. Археологические разведки в Иерихоне на месте Палестинского Общества, произведенные от 12-го по 21-е ноября 1891 года // Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.
- Смышляев Д.Д. Воспоминания о Востоке. Пермь, 1890.
- Софония (Сокольский), епископ. Поездка из Иерусалима на Иордан в 1850 году. Одесса, 1865.
- Хождение игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2007.
- Augustinovic A. Gerico e Dintorni. Guida. Gerusalemme, 1951.
- Liévin de Hamme. Guide-Indicateur des Sanctuaires et Lieux historigues de la Terre-Sainte. 1. 1876. Ibid.
- Liévin de Hamme. Das heilige Land und seine Heiligthümer. Mainz, 1887.
- New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. V. 2. Jerusalem; N.Y., 1993.
- New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. V. 5. Jerusalem; Washington, 2008.
- Ovadiah A. Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land. Bonn, 1970.

Скакун Н.Н. ОРУДИЯ ТРУДА И ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЛЬТУРЫ ВАРНА). СПб.: Нестор-История, 2006. 224 с., 64 рис., 13 табл., 8 прил.

Тема экономики позднеэнеолитического населения, обитавшего на территории сегодняшнего болгарского Западного Причерноморья, исключительно актуальна и сравнительно слабо исследована на фоне внушительного объема материала медного века, полученного в результате археологических раскопок. Цель монографии Н.Н. Скакун, написанной по итогам собственных как археологических, так и этнографических изысканий автора, – восполнить этот пробел. Наследница одной из наиболее развитых школ трасологических исследований, преемница С.А. Семенова и Г.Ф. Коробковой, Н.Н. Скакун продолжает работать в таком интересном и важном направлении, как исследование хозяйства праисторических обществ, получившем наиболее сильное и полное развитие в советской (а позже в российской) историографии. Вполне естественно, что интерес к книге высок, так как феномен культуры Варна, констатированный, описанный и в общих чертах объясненный, нуждается в полной характеристике всех сфер своего проявления. Название Варна в заголовке привлекает как магнит, и специалисты, занимающиеся проблемами медного века Юго-Восточной Европы, не могут остаться к нему безучастными.

Обычно в рецензиях принято подчеркивать положительные стороны труда, оставляя при этом пропуски и слабости на заднем плане. Но в отношении монографии Н.Н. Скакун сложно пойти этим путем, так как, по моему мнению, в работе имеется большое количество существенных неточностей и недостатков, и без их выявления дать общую оценку конечного результата затруднительно.

В коротком вступлении к книге редактор В.Г. Збеневич отмечает, что ее достоинством является создание первой типологической и функциональной классификации болгарских энеолитических материалов (с. 5). То же самое написала и Н.Н. Скакун во Введении (с. 8). Чтобы не оставить неискушенного читателя в заблуждении, следует отметить, что за год до выхода из печати рецензируемой работы была опубликована монография Л. Манолакакис на подобную тему. В ней предложена схожая классификация, пусть только кремневых изделий (составляющих около 9/10 исследуемых Н.Н. Скакун орудий труда), зато для гораздо большей территории и более длительного периода времени – всего энеолита (Manolakakis, 2005).

Хотя в книге Н.Н. Скакун указано, что исследуется культура Варна, в тексте чувствуется неуверенность в отношении культурной принадлежности пунктов, хозяйственный инвентарь которых является объектом изучения. Обработаны находки с шести поселений, а именно: Голямо Делчево, Дуранкулак, Вулканешты (точнее, Вулканешты II)¹, Болград,

Озерное и Нагорное II. Хотя в одной из работ Х. Тодоровой, исследовавшей первый из перечисленных памятников, указано, что была констатирована “смесь характеристик культурного комплекса Коджадермен – Гумельница – Караново VII (далее КГК VI) и культуры Варна” (Тодорова, 1986. С. 121), в публикации результатов раскопок горизонты с V по XVII многослойного поселения у Голямо Делчево, на мой взгляд, правильнее отнести к культурному комплексу КГК VI (Тодорова и др., 1975. С. 12–14, 30, 40–53, 89–91, 94, 97, 107)². У с. Дуранкулак в болгарском Северном Причерноморье находится единственное многослойное поселение культуры Варна, исследованное регулярными археологическими раскопками. Из пяти (точнее, четырех, так как горизонт III уничтожен поселениями эпохи поздней бронзы и раннего средневековья) позднеэнеолитических горизонтов (Todorova, 2002b. S. 12) Н.Н. Скакун обработала (притом частично) материалы только одного (IVb)³. Вулканешты II, Болград, Озерное, Нагорное II принадлежат болгарскому варианту культуры Гумельница. Сама автор рецензируемой монографии неоднократно отмечает различия в культурной принадлежности указанных поселений (с. 7, 35 и др.). На прилагаемой ею карте (рис. 1) границы культуры Варна достигают на севере дельты Дуная. В то же время она пишет, что “северная граница ареала культуры Варна проходила по территории Украины и Молдовы в зоне Буджакской степи” (с. 55). При обсуждении этой проблематики неточно приведены существующие в литературе мнения. Например, согласно Н.Н. Скакун, С.Н. Бибиков и Л.В. Субботин выделяют памятники нижнего течения Дуная в отдельную болгарскую культуру (с. 12). Подобная трактовка в корне отличается от мнения обоих цитируемых авторов, первый из которых постулирует обособление рассматриваемых поселений в локальный вариант культуры Гумельница (Бібіков, 1971. С. 213), а второй с начала 70-х годов XX в. настойчиво и последовательно поддерживает и защищает данный тезис. При этом он – единственный из всех участников спора, опирающийся на археологические аргументы и научно обосновывающий свое мнение (Субботин, 1978; 1983; 1992). Отмечая сложность определения культурной принадлежности группы памятников Болград–Алденъ II⁴, Н.Н. Скакун пишет, что подобное определение “не является непосредственной задачей настоя-

² Во всех своих публикациях, исключая цитированную выше монографию, Х. Тодорова неизменно относит эти горизонты к КГК VI.

³ Раскопки IV горизонта поселения Дуранкулак, позже разделенного на два строительных периода (Тодорова, Димов, 1992. С. 13–16), продолжаются и после участия Н.Н. Скакун в экспедиции (см.: Тодорова, 1991. С. 30).

⁴ Здесь использован термин, принятый Н.Н. Скакун. Автор же рецензии разделяет мнение Л.В. Субботина, согласно которому болгарские и алденские памятники принадлежат разным вариантам культуры Гумельница, и их следует разграничивать.

¹ Правильное название поселения предложено Л.В. Субботиним. Разделяю его мнение, что «имена как “поселение у Вулканешты”... могут вызвать неясность, так как у одного населенного пункта может быть по нескольку памятников. Например, у Вулканешты... известно два одновременных объекта» (Субботин, 1986. С. 45).

щего исследования, но поскольку их хозяйственный инвентарь имеет близкое сходство с материалами культуры Варна, то его включение в настоящую работу имеет смысл для выяснения характерных особенностей энеолитического хозяйства поселений, близких в культурном отношении, но расположенных в несколько иных природных условиях” (с. 13). Несмотря на эту констатацию далее автор монографии везде рассматривает орудия труда с территории Болгарии и Бессарабии вместе, обсуждает данные в обобщенном виде, никоим образом не разграничивая памятники обоих ареалов, трактует их как принадлежащие одному и тому же культурному явлению.

Неясно, почему в исследовании не рассмотрены материалы могильников Варна I, Девня и Дуранкулак. Хотя погребальный инвентарь имеет особую специфику, попытка реконструкции хозяйства остается односторонней без учета находок со всех памятников. Особенно в данном случае, когда характеристика целой культуры фактически основывается на материалах лишь части одного горизонта одного поселения! Все находки Девненского и Дуранкулакского могильников опубликованы и обработаны, причем во втором случае был проведен и трасологический анализ, так что Н.Н. Скакун было бы достаточно просто добавить его результаты к своему исследованию. Схожая ситуация и с могильником Варна I: хотя в монографии Л. Манолакакис полностью опубликованы только орудия труда из кремня, там обобщены сведения об остальных находках, в том числе в табличном виде, который использовала и Н.Н. Скакун. Для анализа в рамках рецензируемого труда этой информации вполне достаточно (Manolakis, 2005. Р. 209–215, 218–231, 241–244).

С точки зрения хронологии к исследованию тоже возникает ряд вопросов. Нижнедунайские поселения можно синхронизировать только с первой фазой культуры Варна, т.е. с VI горизонтом Дуранкулака (Slavčev, 2002. S. 301. Abb. 27; Todorova, 2002c. S. 39. Abb. 26). Материалы Голямо Делчево же синхронны второй и третьей фазам, т.е. соответственно V, IVa, IVb и III горизонтам многослойного поселения Дуранкулак. Объединение разновременных явлений вместо их анализа в хронологической последовательности и сравнения неминуемо сказывается на конечных выводах. Игнорирование асинхронности памятников может привести к ошибочной интерпретации различий или сходств в культурном аспекте и исказить понимание исторической основы процессов. Продемонстрированный в рецензируемой монографии подход непонятен, тем более что материалы Голямо Делчево документированы и сохранены с учетом стратиграфии. Их последовательный анализ позволил бы выявить подробную и целостную картину развития экономики. Объединение же находок и исследование их без стратиграфических характеристик не позволяет выявить важные детали, которые могли бы дать ценную информацию об изменениях в хозяйстве и быту обитателей поселения.

Неясно, почему в исследование не включены медные предметы. Сама Н.Н. Скакун признает их важную роль в хозяйстве, отмечая даже, что количество использованных в деревообработке топоров, долот и клингов из камня незначительно по сравнению с металлическими орудиями (с. 66). Игнорирование орудий из металла ведет к неполноте общей картины и вызывает сомнения в конечных выводах книги.

В историографическом обзоре изучения энеолита Болгарии и в характеристике памятников культуры Варна (Глава I) допущено множество ошибок, наиболее значимые из которых нельзя не упомянуть:

В статье М. Мирчева не содержится сведений о могильнике у г. Девня (1961). В ней опубликовано более позднее по-

гребение, которое не имеет ничего общего с позднееолитическим могильником, исследованным Х. Тодоровой (Тодорова-Симеонова, 1971. С. 9);

Ошибочно указаны хронологические границы энеолита: 4650 – 4200 гг. до н.э. (с. 10). Этот период фактически охватывает все V тыс. до н.э.;

Согласно Н.Н. Скакун, в раннем энеолите “в центральной Фракии продолжала развиваться Карановская культура (K IV–V), в северной Фракии возникла культура Марица..., в Причерноморье – Сава” (с. 10). На самом деле Караново V и Марица – названия одной и той же культуры, распространенной во всей Фракии, ареал культуры Сава охватывает Лонгоз (бассейн низовьев р. Камчий), а севернее этих земель Черноморское побережье было заселено носителями культуры Хаманджия еще со времен позднего неолита (Тодорова, 1986. С. 97–102, 113–119);

Основными памятниками культуры Варна указаны “V – VIII горизонты Голямо-Делчево, верхний горизонт поселения Дуранкулак, Шабла, свайные поселения у г. Варна, могильники Варна, Девня, Дуранкулак” (с. 11). Как было отмечено выше, Голямо Делчево не является характерным для культуры Варна поселением, а поздним энеолитом датируются V–XVII его горизонты. К рассматриваемой культуре можно отнести III, IV(a и b), V и VI горизонты многослойного поселения “Големя остров” у с. Дуранкулак, которое Н.Н. Скакун называет просто “Дуранкулак”. Два периода жизни на поселении у г. Шабла датируются только поздним неолитом и средним энеолитом (Тодорова, 1984. С. 32, 34, 39–40; Димов, 1992. С. 23–26; Slavchev, 2004–2005. Р. 13);

Судя по контексту, Н.Н. Скакун считает, что каменная архитектура появилась в позднем энеолите и характерна для культуры Варна в целом (с. 11). На самом деле кладка из камней в позднем энеолите используется единственно в Дуранкулаке, а появляется в Черноморском регионе на последних фазах культур Сава и Хаманджия в начале среднего (или даже в конце раннего) энеолита. Использование этой строительной техники обусловлено наличием выходов камня на месте поселения, а не какими-то особыми или специальными соображениями (Boyadziev, 2004. Р. 10);

Описывая поселение у с. Дуранкулак, автор рецензируемой монографии указывает: “Он расположен на острове озера Блатница, которое в древности было морским лиманом... Этот телль – единственное в Болгарии энеолитическое поселение, имеющее непосредственную связь с морем. Особенно интересная информация получена во время исследования ненарушенных энеолитических горизонтов поселения, из которых самый верхний вскрыт полностью” (с. 13, 14). Блатница – это старое, давно вышедшее из обихода название Дуранкулакского озера. Хотя в определенный период своего существования оно действительно было лиманом, в позднем энеолите озера как такового не существовало – оно возникло позже, в речной долине, на мысу которой было построено поселение. Непосредственной связи между поселением и морем никогда не существовало, поскольку уровень Черного моря во второй половине V тыс. до н.э. был на 5–6 м ниже, т.е. его берег был дальше современного по меньшей мере еще на несколько километров (Todorova, 2002d. S. 18). Такую связь имели памятники, находящиеся сегодня на дне Варненского озера, бывшего в позднем энеолите морским заливом. Гораздо ближе к морскому берегу располагалось и затонувшее в Созопольском заливе поселение.

Я не обладаю специальной подготовкой, чтобы оценить по достоинству следующую главу – “Технико-типологическая характеристика производственного инвентаря” (с. 9–35),

которая вместе с приложенными типлистами (Приложения I–VIII) составляет основную часть исследования. Однако хочу все же отметить определенные несоответствия, которые можно заметить в этом разделе при первом же прочтении:

Сравнивая кремневые орудия труда с территории Болгарии и Бессарабии, Н.Н. Скакун видит не только значительное сходство между ними, но и некоторые различия, что считает аргументом в пользу своеобразия находок нижнедунайских поселений и соответственно их выделения в локальный вариант культуры Варна (с. 27). Сопоставляя изделия из кремня культуры Варна с находками из ареала культурного комплекса КГК VI, исследовательница считает, что они “по многим признакам аналогичны материалам культуры Варна” (с. 29). Резонно возникает вопрос о близости бессарабских и гумельницких материалов. Не свидетельствует ли это скорее в пользу выделения придунайских поселений в локальный вариант культуры Гумельница, о чем уже говорилось выше?

По мнению Н.Н. Скакуна, ряд орудий из камня изготовлен из материалов добруджского происхождения: “гранита, сиенита, диорита, габро” (с. 30). Это не соответствует геологической структуре Добруджанского плато, которое сложено из осадочных и метаморфических, а не из магматических пород;

Вполне закономерна констатация отсутствия в изучаемом массиве предметов “крупных топоров без отверстия, описанных в работах П. Детева и М. Кыччева” (с. 32). Этот тип топоров встречается только в раннем неолите, более чем за 1500 лет до рассматриваемого в работе позднего энеолита;

Среди орудий из кости и рога не выделены боевые топоры из оленьего рога, встречающиеся как в могильниках (Девня, Варна, Дуранкулак), так и на большинстве позднеэнеолитических поселений. Их исследование трасологом было бы исключительно полезным, так как эти изделия часто путают с роговыми мотыгами. В классификации отсутствуют также костяные закладки. В иллюстрациях не представлены иглы, долота, двусторонние гарпуны, шпатели, штампы и кочедыки. В ссылках на рисунки для шильев ошибочно указан рис. 33 вместо рис. 34. В Приложении V выделен тип “остроги”, к которому относится только один экземпляр из Вулканешт II; однако он не описан в тексте и не изображен в иллюстрациях (с. 33).

В Главе III “Функциональная характеристика производственного инвентаря” обобщены результаты наблюдений, сделанных в предыдущем разделе. Интересно заключение о прогрессе в технике обработки кремня, выраженном в стандартизации орудий, но с происходившей в то же время их дифференциацией и специализацией (с. 53). Нельзя не отметить неравноценность сравниваемых коллекций. Молдовские и украинские содержат в несколько раз меньше орудий, чем найдено на болгарских поселениях, например: 116 из Озерного, 130 из Нагорного II, 151 из Болграда и 195 из Вулканешт II при 5069 из Голямо Делчево и 6954 из Дуранкулака. Н.Н. Скакун считает, что несмотря на такое численное соотношение типы и группы рассматриваемых изделий очень близки (с. 53). Если внимательно присмотреться к данным, опубликованным в Приложении VII (с. 207–215), можно заметить некоторые парадоксальные для производящей экономики цифры. Так, например, землеобрабатывающие орудия в Дуранкулаке составляют 0.59% от общего числа находок, а на придунайских поселениях – 3–7%. В то же время зернообрабатывающих орудий в Дуранкулаке 37.11% при 22–28% на бессарабских памятниках.

Парадоксы, возникшие из-за слишком большой разницы в объеме исследованных комплексов, особенно ясно видны в

последней, четвертой главе, посвященной хозяйству носителей культуры Варна. В ней сделана попытка синтеза и интерпретации информации, изложенной в разделе, касающемся функциональной характеристики орудий. Для объяснения способов применения ряда инструментов широко использованы примеры из этнографии, полученные в ходе междисциплинарных исследований района. Практически эта обобщающая часть не связана, как следовало бы, с результатами проведенных изысканий, в ней не привлечена информация, полученная автором при работе с археологическими артефактами. При таком подходе глава имеет скорее общетеоретический, абстрактный характер. Она строится не столько на логически обоснованных выводах, сколько на констатациях. Собранные в Приложении VIII (с. 216–222) данные слишком противоречивы, поэтому вряд ли возможно оставить их без комментария. Учитывая приведенные выше сведения, отметим, что доля деревообрабатывающего производства в хозяйстве Дуранкулака составляет 29.05%, а в Озерном, расположенном в ареале с более степным климатом, – 40.26%. Орудий для обработки камня в Дуранкулаке, поселениях с каменной архитектурой, 4.21%, а в Болграде, где зафиксированы землянки и наземные жилища с глиняно-деревянными каркасными конструкциями, – 21.36%. Доля металлообработки в Дуранкулаке, для которого предполагается наличие металлообрабатывающей мастерской (Todorova, 2002b. S. 12), – 0.27%, а в Вулканештах II, удаленных от ближайших медных копей более чем на 700 км, – 4.03%. Причина указанных несоответствий – в сравнительном анализе столь разнородных по объему коллекций кремневых орудий из различных поселений и регионов. Попытка реконструировать общую картину хозяйства, основанная на объединении данных из причерноморских и придунайских поселений (которые, как было отмечено, принадлежат разным культурам и соответственно следуют разным хозяйственным моделям), еще больше искажает реальную ситуацию. Создавая это, Н.Н. Скакун в некоторой степени пытается уменьшить значение возникших противоречий, заявляя: “Количественный критерий значимости производств, вычисленный на основе статистических подсчетов орудий труда, не всегда адекватно отражает значение, которое они имели в системе хозяйства... невозможно провести жесткую связь процентных показателей с оценкой значимости того или иного производства в общей системе хозяйства. Но при выяснении хозяйственной вариативности на материалах памятников одной культуры или между культурами этот критерий играет определенную роль” (с. 67). В данном случае исследовательница постулирует сходство между двумя очевидно разными и разновременными общностями, объявленными *a priori* принадлежащими к одной и той же археологической культуре. Саму же цитату, которой автор по сути обесмысливает методику и цель своего труда, оставляю без комментария.

Собственно статистические показатели в рецензируемой работе исключительно противоречивы и заставляют сомневаться в результатах исследования. В качестве примера приведу сведения об орудиях труда из Голямо Делчево. В Приложении I (с. 165) написано, что кремневых заготовок разных типов на данном памятнике встречено 4964 экземпляра. Согласно Приложению II, из них вторично обработаны 2195 (с. 170). По Приложению III количество кремневых изделий – 2773 (с. 181), но в этой типологической классификации указано, что изделий с вторичной обработкой – 1096, с нерегулярной ретушью – 761, без вторичной обработки – 2193, нуклеусов – 15, осколков и обломков – 22, или всего 5003 предмета (с. 183). Математическая же сумма всех приведенных чисел равна 4087! Каменных изделий отмечено 305 (Прило-

жение IV, с. 197), из рога и кости – 286 (Приложение V, с. 202), из глины – 41 (Приложение VI, с. 205). Если подсчитать общее количество (4964, или 5003, или 4087 + 305 + 286 + 41), получим 5596, 5637 или 4719 предмета, но ни в коем случае не 5069 – число, указанное в Приложении VII в функциональной классификации орудий труда (с. 210), или тем более 2835 – число в Приложении VIII в классификации видов производств (с. 218). Эти числа совсем удручают, так как в полевой инвентарной книге находок из Голямо Делчево⁵ записано всего 5612 предметов, включая и неолитические, и ранне- и среднеэнеолитические, и железного века; около половины из них – фигурки, украшения, керамические фрагменты или целые сосуды.

Схожа и ситуация с Дуранкулаком. В этом случае ограничусь только находками из кремня. В Приложении I (с. 165) дано общее число кремневых заготовок – 7252. Согласно Приложению II, из них вторично обработаны 3398 (с. 169). Указанное в Приложении III количество кремневых изделий – 4146 (с. 180), причем в типологической классификации изделий с вторичной обработкой – 1446, с нерегулярной ретушью – 1145, без вторичной обработки – 3106, нуклеусов – 2, осколков и обломков – 11, или всего 7265 (сумма приведенных чисел равна 5710. – В.С.). Откуда взялись эти данные, неясно. До конца 1981 г. (конец первого этапа изучения IV горизонта, названного позже IVa) в полевую инвентарную книгу находок из кремня вписано всего 2460 экземпляров⁶, включая принадлежащие эпохе поздней бронзы и средневековые предметы.

Касательно использованных автором монографии результатов междисциплинарных исследований замечу, что в цитированной литературе по палеоэкономике последнее издание датируется 1981 г., если исключить монографию Г.Ф. Коробковой, опубликованную в 1987 г., и ее же статью (Коробкова, 2001). При оценке палинологических профилей, изменений климата и развития растительности Н.Н. Скакун тоже опирается на устаревшее сочинение (Лисицина, Филипович, 1980), и новейшая цитированная ею статья опубликована в 1986 г., хотя имеются гораздо более подробные и современные исследования палеоэкологии болгарского Северного Причерноморья (Божилова, Иванов, 1985. С. 43–49; Filipova, 1985. P. 148–158; Божилова, Филипова-Маринова, 1990. С. 26–41; Shopov et al., 1992. P. 59–69; Božilova, Beug, 1994. P. 143–154; Božilova, Tonkov, 1998. P. 141–148). Отмечу, что данные второго бурения у Дуранкулака приведены во втором томе публикации объекта (Božilova, Tonkov, 2002. P. 309–312), который Н.Н. Скакун цитирует в других местах своей книги. Не использованы и результаты исследований костей животных, найденных при раскопках Голямо Делчево и Дуранкулака (Manhart, 1998).

В последней главе Н.Н. Скакун сделан важнейший вывод ее работы, а именно: на варненских поселениях осуществлялась прежде всего вторичная обработка, подживление и переоформление заготовок и орудий из добруджского кремня, доставленных из ареала КГК VI (с. 61–65). Способ поставки пока не выяснен, “но количество кремневого инвентаря и его состав свидетельствуют о хорошо отлаженной и целенаправленной системе доставки”, а появление мастерских, наличие которых подтверждает постоянный характер работ, является свидетельством начала профессионализации труда

(с. 69). Эти выводы вполне созвучны результатам исследования Л. Манолакакис (Manolakis, 2005. P. 263–283).

В заключение автор рецензируемой книги высказывает гипотезу, что одной из причин прерывания развития культуры Варна “явилось полное использование возможностей усовершенствования обработки основного производственного сырья – меди и кремня, что исчерпало внутренние резервы для прогрессивного развития производства орудий труда. Так, достигнутый в этой отрасли уровень... обернулся в дальнейшем тормозом, способствовавшим застою в экономике, когда иссякли возможности как для подъема производительности изготовления орудий, так и повышения их эффективности” (с. 70). Это мнение заслуживает внимания, хотя известно уже немало находок, относящихся ко времени после гибели культуры Варна и свидетельствующих о целенаправленном поиске и экспериментировании в области металлургии (Ivanova, 2008. S. 169–171, 176, 179).

Сочинением Н.Н. Скакун очень трудно пользоваться. Исследовательница дает ссылки на литературу согласно оксфордской системе, но не указывает номера страниц трудов, где изложены цитированные ею мнения. Это делает невозможным не столько проверку обозначенных позиций, сколько нахождение читателем более подробной информации по обсуждаемым вопросам. Например, по поводу исследования рудника Ай-Бунар (с. 9) Н.Н. Скакун ссылается на монографию Е.Н. Черных (1978), посвященную горному делу и металлургии, в которой сведения о данном памятнике находятся на с. 46–78. Говоря о появлении теллей на территории северо-восточной Болгарии в медном веке (с. 10), она упоминает книгу Х. Тодоровой и И. Вайсова (Тодорова, Вайсов, 1993), где эта проблема рассматривается на с. 150, и т.д.

Подписи к рисункам расположены не под изображениями, а почему-то собраны в отдельный список, что значительно затрудняет их восприятие. Информация о предметах ограничивается сведениями о том, на каком поселении они найдены, без инвентарных номеров или хотя бы указания комплекса или горизонта, что весьма помогло бы коллегам, вознамерившимся работать с этим материалом. На некоторых иллюстрациях собраны рисунки находок из разных объектов, в подписи суммарно указаны их названия, но не обозначено, какой предмет на каком поселении найден.

Допущены ошибки, вводящие читателя в заблуждение. Наиболее досадная из них – отнесение находки кремневых пластин, изображенных на обложке книги и на рис. 5 (с. 92), к поселению Голямо Делчево (с. 20). В действительности этот комплекс найден при раскопках телля Сава (Мирчев, Златарски, 1960. С. 21, 22. Обр. 41), на памятнике, который даже не упомянут в монографии.

Немало и технических ошибок, которые тоже негативно сказываются на общей оценке книги. В тексте нет ссылок на рисунки орудий из камня (рис. 30, 31), данные о Нагорном II расходятся (в Приложении VII в графе “краскотерки” нет данных (с. 215), в Приложении VIII же написано, будто на этом памятнике сделано две таких находки (с. 222)), в таблицах Приложений VII и VIII сдвинуты по вертикали ряды (с. 179, 183, 217) и др.

В заключение можно сказать, что книга оставляет впечатление о хаотичном собрании разновременного, частично исследованного материала разной культурной принадлежности, не имеет ясной концепции работы с ним, соответственно, полученные выводы не подкреплены достаточными научными обоснованиями. Как бесспорный плюс следует отметить привлечение результатов практических экспериментов и этнографических параллелей, полученных как во время поле-

⁵ Хранится в Варненском Региональном историческом музее, как и большая часть находок.

⁶ Хранится в Добричском Региональном историческом музее, как и сами находки.

вой работы автора рецензируемой монографии, так и из богатого и до сих пор неиспользованного археологами архива Х. Вакарельского. Думаю, что если бы внимание Н.Н. Скакун было сконцентрировано только на памятниках Болградского варианта культуры Гумельница, работа была бы гораздо стройнее и полезнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бібіков С.М.* Пам'ятки культури Гумельниця на території УРСР // Археологія Української РСР. Київ, 1971.
- Божилова Е., Иванов И.* Екологични условия в района на Варненското езеро през енеолитната и бронзовата епоха според палинологични, палеоботанични и археологически данни // ИНМВ. 1985. 21(36).
- Божилова Е., Филипова-Маринова М.* Повърхностни поленови проби от северното българско Черноморско крайбрежие // ГСУ–БФ. 80. 1990. № 2.
- Димов Т.* Културата Хаманджия в Добруджа // Добруджа. 1992. Вып. 9.
- Коробкова Г.Ф.* Методика изучения каменных, костяных и других изделий из неметаллического сырья эпохи палеометалла // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001.
- Лисицина Г.Н., Филипович Л.А.* Палеоботанические находки на Балканском полуострове // Studia Praehistorica. 1980. Вып. 4.
- Мирчев М.* Три погребения от енеолитната епоха // ИВАД. 1961. 12.
- Мирчев М., Златарски Д.* Селищната могила при с. Сава // ИВАД. 1960. 11.
- Субботин Л.В.* О синхронизации памятников культуры Гумельница юго-запада Украины // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
- Субботин Л.В.* Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины. Киев, 1983.
- Субботин Л.В.* О картографировании гумельницких памятников Юго-Запада СССР // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
- Субботин Л.В.* Культурно-историческая интерпретация энеолитических памятников Болградской группы // Северное Причерноморье. Ритмы культургенеза. Одесса, 1992.
- Тодорова Х.* Добруджа през праисторическата епоха // История на Добруджа. Т. I. София, 1984.
- Тодорова Х.* Каменно-медната епоха в България. София, 1986.
- Тодорова Х.* Разкопки в Дуранкулак // Археологически открития и разкопки 1990. Ловеч, 1991.
- Тодорова-Симеонова Х.* Късноенеолитният некропол при град Девня, Варненско // ИНМВ. 1971. 7(22).
- Тодорова Х., Вайсов И.* Новокаменната епоха в България. София, 1993.
- Тодорова Х., Димов Т.* Селищната могила “Големия остров” в Дуранкулашкото езеро // АОР за 1991 г. София, 1992.
- Тодорова Х., Иванов С., Василев В. и др.* Селищната могила при Голямо Делчево (Разкопки и проучвания. V). София, 1975.
- Черных Е.Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
- Boyadziev Y.* Chalcolithic stone architecture from Bulgaria // Archaeologia Bulgarica. VIII. 2004. № 1.
- Božilova E., Beug H.-J.* Studies on the vegetation history of Lake Varna region, northern Black Sea coastal area of Bulgaria // VHA. 1994. 3.
- Božilova E., Tonkov S.* Towards the vegetation and settlement history of the Southern Dobrudza coastal region, Northeastern Bulgaria: a pollen diagram from Lake Durankulak // VHA. 1998. 7.
- Božilova E., Tonkov S.* Paleoeological evidence on the vegetation history and human occupation in the coastal area of Lake Durankulak, Northeastern Bulgaria // Durankulak. Bd. II. Die prähistorischen Gräberfelder von Durankulak. T. 1. Sofia; Berlin, 2002.
- Filipova M.* Palaeoecological investigations of Lake Shabla-Ezeretz in North-Eastern Bulgaria // Ecologia Mediterranea. 11. 1985. № 1.
- Ivanova M.* Dunkle Übergangszeit? Wandel und Kontinuität im (End)Chalkolithikum an der Unteren Donau // AMV. 2008. 6.
- Manhart H.* Die vorgeschichtliche Tierwelt von Koprivec und Durankulak und anderen prähistorischen Fundplätzen in Bulgarien aufgründ von Knochenfunden aus archäologischen Ausgrabungen // Documenta Naturae. 116. München, 1998.
- Manolakis L.* Les industries lithiques énéolithiques de Bulgarie // Internationale Archäologie. Bd. 88. Rahden, 2005.
- Shopov V., Božilova E., Atanassova J.* Biostratigraphy and radiocarbon data of Upper Quaternary sediments from western part of the Black Sea // Geologia Balcanica. 1992. 22.
- Slavčev V.* Die Beziehungen Zwischen Durankulak, dem Bereich der Präcuteni-Tripol'e-Kultur und der Gruppe Bolgrad-Alдени // Durankulak. Bd. II Die prähistorischen Gräberfelder von Durankulak. T. 1. Sofia; Berlin, 2002.
- Slavčev V.* Monuments of the final phase of cultures Hamangia and Sava // Pontica. 2004–2005. XXXVII–XXXVIII.
- Todorova H. (Hrsg.).* Durankulak. Bd. II. Die prähistorischen Gräberfelder von Durankulak. T. 1. Sofia; Berlin, 2002a.
- Todorova H.* Einleitung // Durankulak. Bd. II. Die prähistorischen Gräberfelder von Durankulak. T. 1. Sofia; Berlin, 2002b.
- Todorova H.* Chronologie, horizontale Stratigraphie und Befunde // Durankulak. Bd. II. Die prähistorischen Gräberfelder von Durankulak. T. 1. Sofia; Berlin, 2002c.
- Todorova H.* Die geographische Lage der Gräberfelder // Durankulak. Bd. II. Die prähistorischen Gräberfelder von Durankulak. T. 1. Sofia; Berlin, 2002d.

Варненский Региональный исторический музей

В. Славчев

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. LES NÉCROPOLES DE VIMINACIUM À L'ÉPOQUE DES GRANDES MIGRATIONS (Centre de recherche d'Histoire et de civilisation de Byzance. Monographies. Vol. 22). Saint-Juste-la-Pendue, 2006. 352 p.

Рецензируемая монография “Могильники Виминациума в эпоху Великого переселения народов”, подготовленная В. Иванишевичем (Институт археологии в Белграде, Сербия), М. Казанским (Национальный центр научных исследований Франции, Париж) и А. Мастыковой (Институт археологии РАН, Москва) представляет собой публикацию материалов некрополей Виминациума (Виминакия) эпохи Великого переселения народов, расположенного на территории современной Сербии. До разрушения гуннами в 441 г. город Виминакий был столицей римской провинции Верхняя Мезия (Мезия I) и играл ключевую роль в обороне северных рубежей Римской империи. Удобная стратегическая позиция на Дунае, на границе западно- и восточноримских провинций, а также выгодное топографическое положение послужили причинами его динамичного развития во II–III вв. н.э. Через Виминакий шел путь на Балканы; он также являлся крайней северной точкой пути, проходившего по Мораве, левому притоку Дуная. Позже, в составе Византийской империи в VI в. и вплоть до окончательного падения оборонной системы на Дунае в начале VII в., Виминакий вновь обрел роль пограничного форпоста, расположенного на пути, ведущем в центр Иллирикума (с. 7).

Материалы некрополей Виминакия представляют интерес и для российских специалистов, так как археология дунайского региона чрезвычайно важна для понимания целого ряда исторических, в частности миграционных, процессов, происходивших в Европе в эпоху Великого переселения народов.

История археологического изучения памятника насчитывает более 100 лет, однако самыми масштабными стали охранные исследования 1970–1980-х годов, связанные со строительством теплоэлектростанции. В ходе этих работ была вскрыта большая часть античного и раннесредневекового некрополей и изучено более 13000 погребений I–VI вв. н.э. (с. 7). В монографии публикуются материалы трех могильников, содержащих захоронения эпохи Великого переселения народов, – Бурдель (Виминациум 1, опубликовано 43 погребения эпохи переселения), Више Гробалья (Виминациум 2 – 106 погребений) и Ланси (Виминациум 3 – 22 погребения) (с. 9–12).

Наиболее пристальное внимание авторами монографии уделено анализу вещевых комплексов, на которых основана периодизация памятников и сделаны основные выводы о характере заселения, уровне социальной стратификации и этническом составе населения и его роли в истории пограничных областей империи в эпоху Великого переселения народов. К исследованию привлечены не только археологические, но и письменные данные. В. Иванишевич, М. Казанский и А. Мастыкова отмечают слабую освещенность истории северного Иллирикума, в частности провинции Мезия I и ее столицы Виминакия, в нарративных и эпиграфических источниках (с. 131). Данное обстоятельство повышает ценность изучаемых археологических материалов.

Монография состоит из введения, пяти глав (глава I – “Погребальный обряд”; глава II – “Погребальный инвентарь могильников Виминациум 1 и 2 и случайные находки”; глава III – “Бусы Виминациума и Сингидунума”; глава IV – “Хронология и развитие могильников Виминациум 1 и 2”; глава V – “История памятника в эпоху Великого переселения народов”) и авторского приложения к главе III (“Эмиссионно-спектральный анализ бус Виминациума и Сингидунума”), подготовленного А.Н. Егорьевым (Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Публикация материалов некрополей выполнена на высоком научном уровне, соответствующем современным требованиям. Анализ обряда и погребального инвентаря сопровождается графическими иллюстрациями и фотографиями захоронений и находок, сгруппированных по категориям. Особо упоминания заслуживают цветные акварельные рисунки бус, которые позволяют читателю составить наиболее полное представление о данной категории изделий, столь часто оставляемой без должного внимания в публикациях памятников. Важной составляющей издания стал каталог с подробными описаниями погребений и находок, чертежами захоронений и рисунками вещей, сгруппированными по комплексам. Крайне интересны реконструкции, связанные с историей заселения города. Они основаны на данных различных видов источников – письменных и археологических – причем последние представлены не только материалами раскопок публикуемых некрополей, но и сведениями о ряде наиболее значимых памятников изучаемого региона.

Погребения Виминациума эпохи Великого переселения народов представляют собой ингумации, в подавляющем большинстве случаев вытянутые на спине, с руками, лежащими вдоль тела или сложенными на животе умершего. В основном захоронения совершены в ямах без дополнительных конструкций, однако встречаются также остатки деревянных гробов и настилов, единичных ящиков из кирпичей и керамической плитки. Преобладает ориентировка погребенных головой в западный сектор (с. 9–12). На могильнике 2 (Више Гробалья) выделяются два участка эпохи Великого переселения народов – более ранний юго-восточный и более поздний северо-западный. Северо-западный участок содержал многочисленные воинские погребения с оружием (с. 10, 11). Особенностью юго-восточного участка является большое число скелетов с черепами, носящими следы искусственной деформации (с. 10, 11). Антропометрические данные, приведенные в монографии, ограничиваются сведениями о поле и возрасте погребенных, которые содержатся в каталоге, а также о наличии искусственно деформированных черепов. Между тем подробная характеристика антропологической коллекции, в первую очередь анализ краниологии, и сопоставление ее с другими антропологическими сериями могли бы стать крайне важной частью публикации. При изучении погребального инвентаря большое внимание уделено фибулам как одной из главных составляющих жен-

ского убора. Их положение в костюме стало одним из основных критериев определения этнической принадлежности погребенных.

Систематизация и хронологический анализ погребально-инвентаря (глава II), представленного фибулами, поясами, гарнитурами, браслетами, серьгами, гривнами, подвесками, накладками, булавами, металлическими зеркалами, щипцами, костяными гребнями, оружием (мечами, копьями, дротиками, наконечниками стрел, колчанскими крюками, умбонами щитов и др.), деталями упряжи, орудиями труда, посудой из дерева, металла, стекла и керамики, основаны на системе хронологии центральноевропейского Барбарикума, разработанной К. Годловским и Я. Тейралом. Предлагаемые авторами монографии датировки обоснованы с учетом широкого круга аналогий, происходящих из комплексов Центральной, Западной и Восточной Европы, включая Северное Причерноморье и Кавказ. Для большинства изделий подробно рассмотрены зоны их распространения, определены, где возможно, прототипы и исходная культурная принадлежность, прослежена история развития форм.

Отдельная глава (III) посвящена бусам могильников Виминациума и Сингидунума. Последний также являлся одной из приграничных крепостей на дунайском лимесе; его материалы опубликованы ранее (Ivanišević, Kazanski, 2002). Авторами книги выполнен технологический и морфологический анализ бус. Для выделенных 112 типов исследована хронология и изучены ареалы. Эта работа выходит за рамки публикации материалов могильников – в ней дается широкий круг аналогий находкам из Виминациума и Сингидунума, происходящих с территории современных Австрии, Франции, Чехии, Словакии, России и Украины. Данная глава, таким образом, представляет собой свод бус Центральной, Западной и Восточной Европы эпохи Великого переселения народов, пожалуй, наиболее полный на сегодня. В результате проведенного исследования ряд типов изделий, имеющих общеевропейское распространение, может использоваться в дальнейшем в качестве хронологических индикаторов. На основе совстречаемости находок в погребениях Виминациума и Сингидунума были выделены пять хронологических групп конца IV–VI в. н.э., для каждой из которых определен характерный состав ожерелья. Прослежены его изменения во времени – по форме и размерам, а также по доминирующему цвету украшений. По мнению авторов, эти изменения могут отражать как моду на те или иные типы бус и доступность их населению (т.е. вкусы населения и возможности рынка), так и различные культурные традиции живших в Подунавье племен. Высказано предположение о том, что различия в составе ожерелья в разные периоды времени могут быть связаны с произошедшей здесь сменой населения (с. 104, 105).

Особого внимания заслуживает авторское приложение А.Н. Егорькова, посвященное химическому составу стекла бус. В ходе исследования было проанализировано 79 образцов, состав которых подробно рассмотрен на уровне основных стеклообразующих элементов, позволяющих определить исходный тип сырья, и, что не менее важно, на уровне технологических добавок и случайных примесей. Исследователь подчеркивает неоднородность стекла бус Виминациума и Сингидунума, среди которого выделяется изготовленное на основе и содового, и зольного сырья, и не дает однозначного ответа на вопрос о возможном регионе его производства. Проанализировав группу элементов, присутствие которых в стекле обусловлено составом песка – одного из главных его компонентов – А.Н. Егорьков высказывает

предположение о возможном использовании морского песка, содержавшего не только необходимую концентрацию кальция и магния, но и большое количество случайных примесей (с. 109, 110). Он мог употребляться для производства стекла, из которого делались бусы, но не прозрачного стекла сосудов, изготовлявшихся в технике выдувания. Автор затрагивает также методические проблемы изучения состава древнего стекла при помощи эмиссионно-спектрального анализа, в частности, сложности точного определения содержания натрия и калия. В некоторых случаях такие неточности могут приводить к ошибочной интерпретации состава стекла, имеющей ключевое значение при определении места его изготовления (с. 106). В связи с этим выводы о регионе производства стекла должны основываться не на одном, а на комплексе признаков. Интересны наблюдения А.Н. Егорькова, касающиеся кобальтосодержащего стекла. Геохимические характеристики данного красителя (марганец и медь), зафиксированные в изделиях из Виминациума, обычно присущи стеклу, изготовленному на основе природной соды (с. 109; см. также: Галибин, 2001. С. 48). В выборке также выделена группа бус с высоким содержанием свинца.

К проблемам, обозначенным А.Н. Егорьковым, необходимо добавить еще одну: начиная с эпохи поздней античности, исследователи фиксируют вторичное использование стекла в виде боя, который могли добавлять в стеклянную массу (Foy, Jézégou, 1998. P. 124; Foy, Nenna, 2001. P. 40–42). Судя по некоторым наблюдениям, со временем этот прием применялся все более интенсивно. Кроме того, в литературе высказывается предположение о возможном использовании для окрашивания стекла кубиков римских мозаик (Gratuze, 1997. P. 9; Foy, Nenna, 2001. P. 41). Подобная практика существенно осложняет определение исходного сырья и, следовательно, зоны производства стекла.

Крайне интересно было бы выявить связь морфологических характеристик и декора стеклянных бус Виминациума и Сингидунума, на основании которых выделены типы, с технологией их изготовления и химическим составом стекла. Весьма важно было бы также проследить изменения указанных признаков во времени. К сожалению, по данной публикации это не всегда возможно.

На основании погребального инвентаря авторы монографии выделяют три фазы существования некрополей Виминациума – А, В и С (с. 119–122). Связывая захоронения эпохи Великого переселения народов с варварским населением, исследователи рассматривают возможную племенную принадлежность этого населения и его роль в судьбе империи.

Наименее выраженная фаза А, предположительно конца IV – первых десятилетий V в. (фазы D1, D2 по хронологии Я. Тейрала), представлена двумя захоронениями некрополя 2. Череп одного из погребенных носил следы искусственной деформации – обряда, генетически связанного со степным населением позднесарматского периода и распространившегося в изучаемом регионе в гуннскую эпоху. Этот комплекс, кроме того, содержал оружие. Сопоставив данный факт с информацией о ряде варварских захоронений того же времени, авторы публикации ставят вопрос о возможном присутствии в Виминациуме первых федератов, призванных обеспечить оборону границ империи, уже накануне падения лимеса под напором войска Аттілы (с. 119, 129).

Фаза В – вторая треть V – начало VI в. (D2 / D3, D3 по хронологии Я. Тейрала) – представлена многочисленными погребениями некрополя 1 и южной части некрополя 2. Они имеют ряд общих черт. Это труположения на спине с западной или северной ориентировкой, которые в отличие от

более поздних не содержат ни оружия, ни посуды, ни орудий труда: набор находок в них ограничивается личными вещами и напоминает инвентарь германских захоронений Среднего Дуная второй – третьей трети V в. В женских могилах встречаются иногда пары фибул на плечах и груди погребенных, что характерно для восточных германцев. Некоторые черепа искусственно деформированы. Авторы делают вывод о принадлежности рассматриваемых комплексов группе восточных германцев, обосновавшихся в Виминации при Аттиле или сразу после падения гуннской державы, которое повлекло за собой масштабное продвижение варварских племен на приграничную территорию Римской империи (с. 119–121, 130). При этом погребения фазы E по Я. Тейралу (470/480–510 гг.) в Виминациуме практически отсутствуют, что ставит под вопрос существование могильников в указанное время (с. 121). В. Иваниšевич, М. Казанский и А. Мاستыкова не исключают, что население фазы В может быть связано с остроготами Теодориха, в 488 г. покинувшими Иллирикум и направившимися в Италию (с. 131).

Погребения фазы С (VI – первая половина VII в.) локализируются в основном в северной части некрополя 2, причем начальный этап этой фазы (первая треть VI в.) выделить сложно. Наиболее многочисленны здесь захоронения второй трети VI в. От более ранних их отличает присутствие оружия, орудий труда и керамики; характерная ориентировка – на запад и северо-запад. Фиксируется также более выраженное, чем ранее, византийское влияние в костюме и наличие в нем западно- и северогерманских элементов (с. 121, 122). Эта часть могильника могла принадлежать федератам, призванным на защиту границ империи при Юстиниане I (с. 133). Могилы фазы С, как и погребения предыдущего этапа, – германские. Ранее в литературе данное население ассоциировалось с гепидами (с. 123). Авторы монографии рассматривают несколько возможных гипотез его племенной принадлежности. Расположение в женских погребениях северной части некрополя фибул на плечах и груди, а также у таза действительно имеет параллели в восточногерманском мире, в том числе у гепидов. Но подобная схема характерна и для западных германцев, у которых отмечено еще встреченное в Виминациуме сочетание фибул на груди и у таза, а также у таза и стоп; последнее у гепидов не известно. Важным контраргументом “гепидской” гипотезы являются и данные письменных источников. Они позволяют говорить о представителях этого племени как о главных противниках империи в ходе военных событий, затронувших Иллирикум во времена правления Юстиниана, что делает их привлечение к защите лимеса маловероятным (с. 133, 134). Авторы книги предполагают, что публикуемые ими захоронения могли принадлежать герулам. Ряд элементов материальной культуры и погребального обряда обитателей Виминациума близки тем, что встречаются на могильниках заселенной герулами соседней крепости Сингидунум. Косвенное подтверждение своей точки зрения исследователи находят в нарративных источниках: результаты расчета приблизительной численности герулов, основанные на письменных данных, позволяют думать, что они должны были занимать не только Сингидунум, но и другие дунайские поселения в данном районе (с. 123, 124, 133, 134). В то же время В. Иваниšевич, М. Казанский и А. Мастыкова отмечают, что материальная культура фазы С Виминациума близка культуре лангобардов Северного Дуная и Паннонии, а также аламанов и тюрингов. Присутствие погребенных с деформированными черепами может свидетельствовать о наличии среди обитателей Виминациума восточногерманского элемента.

В итоге исследователи приходят к выводу, что обе группы населения, последовательно представленные в некрополях Виминациума на фазах В и С, – германцы. Погребения фазы В типичны для германцев Подунавья V в. (готов, гепидов, свевов и пр.), а погребения фазы С в большей степени имеют параллели в западно- и южногерманском мире (с. 124).

Анализ уровня социальной стратификации населения, традиционно являющийся одним из наиболее сложных и дискуSSIONных направлений археологических исследований, проведен по методике Р. Криштлийна, разработанной на материалах меровингских погребений. Авторы монографии делают вывод о разном уровне социального расслоения жителей Виминациума на фазах В и С (с. 125–127).

Однородность погребений фазы В, характерная для германских могильников Среднего Дуная, начиная со второй трети V в., позволила отнести их к “общинному” страту населения. Своеобразие захоронений Виминациума этой фазы заключается в практически полном отсутствии оружия, часто находимого в синхронных комплексах дунайских германцев. Среди женских могил “общинного” уровня выделяются более бедные погребения с ординарным инвентарем (бусы, иногда серьги, элементы поясной гарнитуры, гребни, пряслица, зеркала, перстни и пр.) и захоронения представительниц “среднего класса”, в костюме которых входили фибулы из недорогих металлов. Встречены также безынвентарные погребения, принадлежавшие, по мнению авторов книги, “низшим” слоям населения. При этом наблюдается отсутствие привилегированных комплексов, содержащих редкие, ценные вещи или атрибуты высокого социального статуса, типичные для ряда варварских культур (с. 125).

У населения, оставившего погребения фазы С, признаки социальной стратификации более отчетливы. Многочисленны захоронения без оружия, принадлежавшие, согласно В. Иваниšевичу, М. Казанскому и А. Мастыковой, представителям “низших” слоев общества, а также могилы с оружием “средней” группы. Среди инвентаря престижных комплексов помимо набора оружия в одном случае встречены удила – элемент, известный в могилах лангобардских вождей Паннонии и Италии (реже гепидских), а также ножи в ножнах, украшенных золотом, – металлом, в целом не характерным для могильников Виминациума. Среди женских в качестве престижных выделяются захоронения с бронзовым сосудом и граненой хрустальной бусиной средиземноморского происхождения; с ожерельем, в состав которого входил золотой медальон. В числе редких находок отмечены деревянное ведро с металлической обкладкой и ткацкий нож. Однако большинство погребений Виминациума не содержит престижных вещей и предметов роскоши. Значительное количество могил “средней” группы исследователи связывают с тем, что защита лимеса, выполняемая пограничным населением, оплачивалась империей (с. 125–127).

Вывод авторов монографии о различном уровне социальной стратификации населения разных фаз в целом достаточно убедителен и не вызывает возражений. Однако четко выделить признаки расслоения на данном этапе исследования невозможно. В частности, стратификация мужских погребений по оружию, разработанная Р. Криштлийном, на материалах Виминациума не позволяет получить однозначных выводов. В соответствии с его схемой захоронения с поясными гарнитурами и/или ножами, но без оружия В. Иваниšевич, М. Казанский и А. Мастыкова предположительно связали с “низшими” слоями населения. К “среднему” классу отнесены погребенные с оружием одного или двух типов: со стрелами и дротиками; с копьем; с копьем и дротиками; с ко-

пьем и щитом; только со щитом; со скрамасаксом; с мечом, не сопровождающимся другими видами оружия. А мечи, сопровождаемые либо копьями и щитами, либо стрелами и дротиками, могут быть признаками как “средних”, так и “привилегированных” погребений. В то же время один из комплексов Виминациума (№ 2075) без оружия, но содержащий ножи с ножнами, украшенными золотом, отнесен авторами монографии скорее к “привилегированной” группе. Неоднозначна и ситуация с выделением признаков, характеризующих женские захоронения. Возможно, предложенная аргументация была бы более убедительна, если бы привлечение системы Р. Криштлийна сочеталось с другими, независимыми (в частности, статистическими) методами анализа, апробированными непосредственно на материалах Виминациума. Проведенное исследование тем не менее является важным вкладом в изучение проблем социальной стратификации древних обществ. В нем затрагивается ряд конкретных вопросов, связанных с определением значения и места различных элементов инвентаря в погребальном обряде германских варваров.

Книга завершается историческим очерком, в котором на основе письменных источников и результатов археологического изучения некрополей Виминациума, а также ряда других памятников, расположенных в данном регионе, рассматривается роль этого города в оборонительной системе империи и место, которое он занимал в истории Северного Иллирикума в эпоху Великого переселения народов (с. 129–136). Очерк начинается с периода, предшествовавшего гуннскому нашествию, повлекшему за собой разрушение Виминациума, и завершается финальным этапом его существования, вплоть до окончательного падения дунайского лимеса в начале VII в., которое ознаменовало конец византийской власти на территории Иллирикума. Восстановленный в византийское время, город в последний раз выходит на авансцену в ходе кампании 600 г. против авар и затем, после аварского нашествия, вновь приходит в упадок.

Монография, подготовленная на материалах широко-масштабных раскопок Виминациума, дает новую информа-

цию о населении дунайского региона, сыгравшего важную роль в истории Римской империи в эпоху Великого переселения народов. Речь идет, в частности, о времени и характере пребывания германцев на данной территории в период с конца IV до начала VII в. Необходимо подчеркнуть особое значение проведенных исследований, подтвердивших заселение Виминакия варварами по археологическим данным. Несомненными достоинствами монографии являются высокий уровень публикации материалов раскопок, подробный анализ вещевых комплексов, в том числе системное изучение бус, детально разработанная хронология памятников, обоснованная путем привлечения широкого круга аналогий, исторические реконструкции и обобщения, базирующиеся на данных письменных и археологических источников. Опубликованные материалы являются ценным историческим источником и представляют интерес для широкого круга специалистов по эпохе Великого переселения народов. В России рецензируемую книгу можно найти в библиотеках Института археологии РАН (Москва), Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), в археологическом музее Воронежского государственного университета и в библиотеке Удмуртского государственного университета (Ижевск).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.
- Foy D., Jézégou M.-P. Commerce et technologie du verre antique: Le témoignage de l'épave "Ouest Embiez 1" // Méditerranée antique : Pêche, navigation, commerce. Editions CTHS. 1998.
- Foy D., Nenna M.-D. Tout feu tout sable: Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence, 2001.
- Gratuze B. L'apport des analyses de verres archéologiques: études des cas // Verres – Émaux – Glaçures. Techne. 1997. № 6.
- Ivanišević V., Kazanski M. La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum // Singidunum 3. Belgrade, 2002.

Институт археологии РАН, Москва

О.С. Румянцева

II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В СУЗДАЛЕ

С 20 по 25 октября 2008 г. в г. Суздале проходил национальный археологический форум – II (XVIII) Всероссийский археологический съезд, который собрал более 400 участников, представлявших 114 научных учреждений из 51 субъекта Российской Федерации, а также исследователей из Украины, Белоруссии, Казахстана, Германии и Великобритании. Это самое крупное по числу участников археологическое мероприятие, которое когда-либо проводилось в России.

История археологических съездов и их роль в становлении археологической науки в России хорошо известны. Первый съезд, инициатором которого был граф А.С. Уваров, состоялся в 1869 г. в Москве, последний, пятнадцатый – в 1911 г. в Новгороде. Шестнадцатый археологический съезд предполагалось провести в августе 1914 г. в Пскове, но он был отменен из-за начавшейся Первой мировой войны. Номер этого съезда, однако, остался в историографии благодаря изданию каталога выставки, подготовленной к его открытию (Тихонов, 2005; Хроника археологических съездов в России, 2006; Кузьминых и др., 2007). В советское время съезды не проводились, но традиция форумов, объединяющих все области археологической науки и представляющих общую панораму текущих исследований, была продолжена в рамках всесоюзных археологических конференций или сессий по итогам полевых работ, организатором которых был ИИМК, затем – ИА РАН. Последняя конференция состоялась в 1987 г. в том же Суздале, она собрала 260 участников.

В октябре 2006 г. в Новосибирске прошел первый (или, продолжая изначальную нумерацию, семнадцатый) археологический съезд, организованный Институтом археологии и этнографии СО РАН (Гайдуков, Шуньков, 2007). Опыт его проведения оказался весьма удачен, он показал, насколько велик у научного сообщества интерес к общению в формате больших мероприятий. Было принято решение организовать следующий съезд в Европейской России, его подготовку поручить Институту археологии РАН, предполагая, что структура и направленность секций, тематика пленарных докладов будут широко обсуждаться и приниматься коллегиально оргкомитетом, который возглавили ак. РАН А.П. Деревянко и чл.-корр. РАН Н.А. Макаров. Заместителем председателя оргкомитета стал чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, секретарем – д.и.н. Е.Г. Дэвлет.

В состав оргкомитета вошли представители разных научных учреждений: ак. РАН В.И. Молодин, ак. РАН В.Л. Янин, чл.-корр. РАН Х.А. Амиханов, чл.-корр. РАН Г.А. Кошленко, чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровский, чл.-корр. РАН Е.Н. Черных, чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш. Хузин, д.и.н. Л.А. Беляев, д.и.н. В.В. Бобров, д.и.н. М.С. Гаджиев, д.и.н. Н.И. Дроздов, д.и.н. В.Л. Егоров, д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. Д.Г. Савинов, д.и.н. А.В. Седов, д.и.н. А.Ф. Шорин, д.и.н. М.В. Шуньков, к.и.н. О.И. Богуславский, к.и.н. С.И. Валиулина, к.и.н. Н.В. Лопатин, к.и.н. В.Е. Родинкова.

Делегатов съезда приветствовали заместитель директора Департамента культурного наследия Министерства культуры РФ И.М. Смирнова и директор РГНФ А.В. Юрасов.

На открытии съезда выступил глава Росохранкультуры А.В. Кибовский, заверивший археологов, что политика в об-

ласти охраны археологического наследия будет строиться с учетом рекомендаций научного сообщества и основываться на экспертных оценках РАН.

Принятое в Новосибирске решение посвятить следующий съезд памяти трех корифеев археологической науки академиков РАН Б.А. Рыбакова, А.П. Окладникова и Б.Б. Пиотровского, столетие которых отмечалось в 2008 г., задавало формат и тональность пленарного заседания. Авторы мемориальных докладов – Е.Н. Носов и П.Г. Гайдуков, В.И. Молодин, М.Б. и Ю.Ю. Пиотровские – представили яркие обзоры путей в науке и анализ вклада этих выдающихся ученых в становление археологии в нашей стране. На пленарном заседании также было заслушано еще шесть докладов, представляющих итоги крупных исследовательских проектов, относящихся к различным хронологическим периодам – от палеолита до средневековья – и различным регионам Евразии. Один из этих докладов, посвященный результатам новых исследований Десятинной церкви в Киеве, был подготовлен в соавторстве российскими и украинскими исследователями.

Основная работа съезда проходила в рамках секционных заседаний. Всего функционировало 18 секций и 2 круглых стола: 11 секций были организованы по хронологическому или культурно-хронологическому принципу, они объединяли доклады, посвященные отдельным историческим периодам или культурно-историческим общностям; 7 секций строились по проблемному или методическому принципу. Круглые столы были посвящены законодательству, регулирующему охрану археологического наследия, и методике охранных раскопок. Такая структура организации научной жизни съезда позволила всем его участникам найти заинтересованных слушателей, и работа большинства секций завершалась оживленными дискуссиями. В преддверии мероприятия были изданы Труды съезда в трех томах, которые включают 509 статей (Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале, 2008). В программе форума было заявлено 416 выступлений. В ходе заседаний было представлено 299 устных (в том числе 9 – на пленарных заседаниях) и 36 стендовых докладов. Таким образом, общее количество представленных на съезде докладов – 335. Из них не опубликованы 77, вне заявленной программы выступили 22 докладчика. Работа каждой секции была отражена в итоговом обобщающем заключении, выработанном руководителями и секретарями секций.

В работе секции 1 “Культурно-исторические процессы в палеолите и мезолите Евразии” приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Иркутска, Читы, Сыктывкара, Воронежа. Было представлено 18 устных и 4 стендовых доклада.

Доклады имели широкий хронологический и территориальный диапазон, охватив все этапы палеолита и мезолита, а в географическом отношении – Восточную Европу, Кавказ, Приуралье, Сибирь и Дальний Восток. Большая часть выступлений была посвящена проблемам расселения человека, соотношению материальной культуры и природной среды и культурогенезу на ранних стадиях исторического процесса. Рассматривались вопросы современной практики типологи-

ческого, пространственного и стратиграфического анализов археологических объектов, а также методических подходов к палеоисторическим реконструкциям.

Основные дискуссионные темы: 1) культурная и геологическая периодизация верхнего палеолита Восточной Европы – соотношение и проблема корреляции; 2) начало верхнего палеолита на северо-востоке Европы; 3) культурные связи населения центральных районов Восточно-Европейской равнины и Северного Причерноморья в верхнем палеолите; 4) геоархеология Забайкалья – проблемы и решения; 5) динамика развития памятников Сибири и Дальнего Востока; 6) природные и культурные феномены Прибайкалья на рубеже плейстоцена и голоцена; 7) формирование и развитие культур на рубеже плейстоцена–голоцена на северо-западе Русской равнины. Обсуждались проблемы среднего палеолита Алтая, сосуществования ранних сапиенсов и неандертальцев, перехода от мезолита к неолиту на разных территориях. Все доклады вызвали значительный интерес, в особенности представленные *Х.А. Амирхановым* и *Н.Б. Леоновой*.

В целом работа секции показала активность, высокий научный уровень и большую результативность полевых и теоретических исследований каменного века, проводимых на территории нашей страны.

На секции 2 “Новейшие открытия и исследования памятников палеолита и мезолита” демонстрировались последние достижения в области первобытной археологии в России. Докладчики из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Владивостока, Минска, Сергиева-Посада, Вологды, Ньюкасла представили 11 устных и 1 стендовый доклад.

Особое внимание привлекли сообщения об исследованиях древнейших палеолитических стоянок в Приазовье и Прикаспии, позволивших археологам говорить о заселении южных регионов нашей страны человеком как минимум с середины эоплейстоцена. Обращает на себя внимание четкое стратиграфическое положение раннепалеолитических комплексов и достаточно обоснованный их геологический возраст, что позволяет рассматривать эти памятники в качестве ключевых объектов первоначального расселения человека

в Евразии. Особо отмечено возобновление в последние годы экспедиционных исследований в классических районах изучения каменного века, в частности начало нового этапа палеолитических изысканий в Губском ущелье на северо-западе Кавказа.

В рамках научной дискуссии обсуждались проблемы происхождения рода *Homo* и его распространения в западных и восточных районах первобытной ойкумены, взаимоотношений палеолитического человека и плейстоценовой мегафауны, становления неолитических культурных традиций на востоке Азии, технологического анализа каменных и костяных индустрий, изучения минеральных красителей как хронологического индикатора древнейшей наскальной живописи.

Темы, вызвавшие дискуссии, освещались в докладах *Е.В. Леоновой*, *В.Е. Шелинского*, *С.А. Кулакова*, *А.А. Анохина*, *В.С. Славинского*, *О.В. Лозовской*, *И. Клемента*, *В.М. Лозовского*, *А.В. Гарковик*. Отдельно отмечено применение нового подхода к изучению состава красок росписей Игнатьевской пещеры в докладе *В.С. Житенева*.

В работе секции 3 “Неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география” приняли участие представители научных организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Владивостока, Улан-Уде, Вологды, Челябинска, Воронежа, Суздаля, Екатеринбурга, Тюмени, Барнаула, Самары, Йошкар-Олы, Петрозаводска, Реутова, Южно-Сахалинска, Ньюкасла. Было заслушано 20 докладов.

Обсуждены следующие основные проблемы: 1) процессы неолитизации Евразии; 2) совершенствование методов радиоуглеродного датирования – корреляция данных, полученных по углю, кости, раковинам и керамике; 3) построение археологической периодизации неолитических памятников по орнаменту на керамике и радиоуглеродным данным; 4) изучение процессов адаптации неолитического населения к природной среде с использованием междисциплинарных подходов и методов (на примере памятников Южного Урала и Дальнего Востока); 5) разработка культурно-хронологических схем неолита для различных регионов России – севера лесной зоны Восточной Европы, Среднего Поволжья, юга

Западной Сибири, Дальневосточного региона; 6) духовная культура неолитического населения Евразии; 7) презентация материалов новейших археологических исследований.

По итогам работы была проведена плодотворная дискуссия, в ходе которой отмечен высокий уровень докладов и обсуждения поставленных проблем, а также сформулированы перспективные направления работы секции на период между II и III Всероссийскими археологическими съездами. Наиболее актуальной была признана тема “Неолитизация Евразии: содержание и факторы развития процесса”.

Акцентируя внимание на междисциплинарном характере исследований по указанной проблеме, участники секции высказали пожелание включить в повестку ее работы на следующем съезде доклады специалистов естественно-научного профиля. Признано необходимым обратить особое внимание на важность разработки единого терминологического аппарата научных изысканий по неолитической проблематике.

В работе секции 4 “Эпоха ранней и средней бронзы Евразии” участвовали ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Владивостока, Пскова, Самары, Оренбурга, Кемерово, Воронежа, Саратова, Уфы, Абакана, Екатеринбург, Сургута, Челябинска, Барнаула. Было представлено 16 устных и 4 стендовых доклада.

Выступления, посвященные наиболее актуальным проблемам археологии бронзового века, подверглись широкому обсуждению, а в ряде случаев вызвали дискуссию. Это, прежде всего, доклады по вопросам культурно-хронологического членения древнеямной общности и дальнейших судеб входивших в нее культурных групп, представленные *Н.Л. Моргуновой*, *П.Ф. Кузнецовым*, *Р.А. Мимоходом*, *Н.Ф. Степановой*. В работе секции отмечались широта и разнообразие тематики сообщений (культуры энеолита – бронзового века Кавказа, Урала, Сибири, степной зоны и лесной полосы). Вместе с тем можно говорить об определенном недостатке внимания к изучению общностей лесной зоны и северных районов Евразии. Подавляющее большинство заслушанных выступлений было посвящено крупным научным проблемам и представляло собой итоги многолетних исследований, в частности, доклады *В.В. Боброва* по периодизации бронзового века Кузбасса и *Е.Е. Кузьминой* об этапах развития колесного транспорта. Поистине сенсационные материалы, позволяющие под новым углом рассматривать целый ряд вопросов и формулировать новые проблемы и гипотезы, были представлены в докладах *В.А. Трифинова* о дольменах Кавказа, *А.В. Епимахова* о синташтинских укрепленных поселках, *О.Н. Корочковой* с соавторами о сейминско-турбинских бронзах Шайтанского озера.

Отмечалась отчетливая междисциплинарная направленность практически всех работ, их комплексный характер, широкое привлечение данных естественных наук. Все вместе это позволяет говорить о выходе исследований эпохи бронзы в первом десятилетии XXI в. на совершенно новый уровень. Отдельно подчеркивалась важность серийного радиоуглеродного датирования древних памятников.

На секции 5 “Эпоха поздней бронзы Евразии” докладчики представляли научные центры Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Пскова, Самары, Оренбурга, Кемерово, Владивостока, Воронежа, Саратова, Уфы, Абакана, Екатеринбург, Сургута, Челябинска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Тюмени, Минска, Миасса. Было заслушано 7 устных выступлений, 1 доклад был представлен в стендовом виде.

Секция “Эпоха поздней бронзы Евразии” явилась логическим продолжением секции “Эпоха ранней и средней бронзы Евразии”. Преемственность выразилась и в общем составе участников, и в круге обсуждаемых проблем, среди

которых основными были: генезис культурных образований эпохи поздней бронзы Евразии, использование комплексного подхода при изучении памятников бронзового века, уточнение территории распространения и хронологических рамок культурных образований Евразии.

В докладах были представлены результаты археологических исследований в широком региональном диапазоне: Восточная Европа, Закавказье, Приуралье и Зауралье, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток. Ряд выступлений был посвящен хронологии и взаимодействию культур эпохи бронзы в крупных географических регионах, в частности, доклады *А.А. Егорейченко*, *Е.В. Сидоренко*, *О.В. Янишиной*. Наибольший интерес в ходе обсуждения и последующей дискуссии был проявлен к работам *А.В. Епимахова* и *С.П. Грушина*. Представленные ими культурно-хронологические схемы опираются на внушительный источниковый фонд, подкрепляются радиоуглеродными датами и в целом на современном уровне знаний выглядят абсолютно обоснованными и доказательными.

Значительная часть прозвучавших докладов по характеру анализируемых источников может быть объединена в два блока: проблемы, методы и результаты исследований погребальных и поселенческих комплексов. *В.А. Лопатин* продемонстрировал результаты анализа планиграфических, антропологических и археологических материалов Смеровского могильника. Выделенные автором три обрядовые группы отражают процесс становления локального варианта срубной культуры в степном Заволжье, выдвигая этот в общем-то “небогатый” в археологическом отношении памятник в число опорных для разработки общей картины культурогенеза данного региона. Материалы отдельных могильников, занимающих ключевые позиции в археологической мозаике других территорий, были обобщены в докладах *А.Ю. Скакова*, *А.Г. Новикова*, *Н.П. Матвеевой*.

Тематика докладов, связанных с целенаправленным изучением поселений, свидетельствует о внедрении в поселенческую археологию комплексного подхода и совершенствовании методики полевых работ. Результаты междисциплинарных исследований материалов Мурадымовского поселения, одного из наиболее полно раскопанных памятников бронзового века в Башкирском Приуралье, были изложены *Н.Б. Щербаковым*. В докладе *А.М. Юминова*, представлявшего еще один многопрофильный исследовательский коллектив, была освещена методика определения источников минерального сырья по минералогическим критериям (микровключениям минералов в металлах и шлаках) и результаты ее применения на материалах поселений Южного Урала и Бельского городища на Украине. Живой интерес вызвал доклад *О.И. Новиковой*, в котором методические разработки критериев идентификации ритуальных комплексов в жилищах были апробированы на материалах поселений ирменской культуры. В выступлениях *С.В. Красниченко*, *Л.А. Соколовой* и *А.И. Готлиба* рассматривались проблемы выявления и интерпретации поселенческих комплексов эпохи бронзы на территории Хакаско-Минусинской котловины. Свообразные результаты дали многолетние исследования горных сооружений – “све” – в Хакасии, которые до сих пор не имеют однозначной функциональной атрибуции.

Участники секции 6 “Скифо-сарматская эпоха: кочевники и их окружение” представляли Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск, Барнаул, Волгоград, Челябинск, Ростов-на-Дону, Воронеж, Кемерово, Оренбург. На двух заседаниях были представлены 18 устных и 3 стендовых доклада.

Заслушанные сообщения были посвящены важнейшим проблемам скифо-сарматской археологии. Докладчики за-

трагивали следующие темы: определение культурной принадлежности массива памятников в рамках “скифского” времени (*С.И. Лукьяшко*), изучение конструкций погребальных сооружений скифо-сарматского мира (*В.И. Гуляев*), реконструкция защитного вооружения (*А.П. Бородавский*), создание модели кочевания древних племен на основе этнографических источников (*Я.В. Фролов*), критика письменных источников (речь в дискуссии шла о необходимости новой интерпретации античных источников по скифской проблематике) (*В.А. Кисель*), распространение биметаллических раннескифских кинжалов (*А.Н. Ворошилов*), проблема “странных” комплексов сарматского времени и их происхождения (*И.В. Сергацков*), особенности скифо-сарматского звериного стиля (*К.В. Чугунов*, *Л.Н. Ермоленко*, *И.В. Рукавишников*), распространение ритуальной антропоморфной пластики в Северном Причерноморье (*О.В. Шаров*), проблема систематизации археологических материалов (*П.И. Шульга*).

Обсуждались вопросы периодизации культур скифо-сарматского мира (*В.А. Семенов*), использования новейших естественно-научных методов в процессе полевых работ и анализа полученного материала (*А.А. Тишкин* и соавторы; *Л.А. Краева*; *Г.И. Зайцева* и соавторы), методики реставрации древней одежды (*К.Б. Фирсов*), межкультурных взаимосвязей (*А.Ю. Скаков*) и другие.

Кроме этого, освещались материалы новых раскопок и основные итоги ряда многолетних полевых проектов.

Участниками заседаний отмечено очень удачное организационное решение – создание в рамках съезда секции скифо-сарматской археологии. Данный формат оказался весьма эффективным и результативным. Важным итогом работы секции является полезный опыт объединения специалистов многих профилей из различных организаций страны.

На секции 7 “Античные памятники Причерноморья и Средней Азии” докладчики представляли научные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга и Воронежа. Было прочитано 8 докладов.

Большинство выступлений было посвящено новейшим археологическим исследованиям на Таманском полуострове. *В.Д. Кузнецов* рассказал о ходе работ в наземной и подводной частях городища Фанагория, *А.П. Медведев* – о раскопках на некрополе Фанагории. *А.А. Завойкин* подвел итоги многолетних исследований святилища элевсинских богинь на Азиатском Боспоре (Береговое 4). *Д.В. Журавлев* поделился результатами комплексных геофизических и геоморфологических работ на Таманском полуострове. *А.М. Бутягин* обратил внимание, что боспорские курганы являются памятниками своеобразной аристократической субкультуры, сформировавшейся около середины IV в. до н.э. в тесном греко-варварском взаимодействии. Большой интерес вызвало выступление *А.И. Иванчика*, представившего первые результаты разведочных работ, проводившихся в 2008 г. в Южной Фригии на памятнике Келены – Апамея Киботос. Два сообщения были посвящены проблемам, связанным с изучением Средней Азии. *Н.Д. Двуреченская* рассказала об исследовании раннеэллинистического жилого квартала крепости Кампыртепа. *В.А. Гаиров* сделал доклад об образе царя в искусстве Маргианы парфянского времени на основе находок (булл) из раскопок Гебеклы-депе.

Необходимо отметить, что, несмотря на немногочисленность, доклады на этой секции представляли важнейшие направления в античной археологии России. Наиболее активно исследуются сейчас Таманский полуостров (раскопки городищ и некрополей, подводные исследования, комплексные подходы к изучению памятников) и среднеазиатские античные древности (раскопки городищ и крепостей).

В работе секции 8 “Ранний железный век лесной зоны Евразии” приняли участие исследователи из различных научных центров страны: большинство приехало из Сибири (Тюмень, Барнаул, Красноярск, Салехард, Томск), а также из Челябинска. Трое участников представляли организации европейской части России: Москвы, Коломны, Вологды. Были зачитаны 12 докладов.

Доклады, посвященные наиболее актуальным проблемам археологии раннего железного века лесной зоны Евразии, охватывали, в том числе, такие темы: внедрение носителей кулайской культуры в район Енисейско-Ангарского водораздела (*Л.А. Чиндина*); проявления и механизмы межкультурных адаптаций (на примере материалов кашинских памятников) (*И.Ю. Чикунова*); комплексы переходного времени – начала раннего железного века Притоболья (проблема точных датировок); линии аналогий в организации жилого пространства (*О.Ю. Зимина*); вопросы археологии дьяковской культуры европейской зоны (*А.С. Сыроватко*, *Н.А. Кренке*).

В работе секции 9 “Раннее средневековье Евразии: культурно-исторические процессы” приняли участие исследователи из Москвы, Владивостока, Астрахани, Новосибирска, Киева, Вологды, Тулы, Челябинска, Барнаула, Махачкалы, Казани, Череповца, Коломны, Нижнего Тагила, Нефтеюганска. Было представлено 20 устных и 3 стендовых доклада.

Фактически темы выступлений делились на три блока: ранние славяне и их соседи на территории Восточной Европы в римское время и в раннем средневековье; степные древности Подонья – Поволжья – Приуралья, материалы Северного Кавказа; археология Сибири, Дальнего Востока и Монголии. Наибольший интерес, судя по заданным вопросам и выступлениям, вызвали сообщения и стендовые доклады по славянской и смежной с ней тематике (*И.О. Гаврилухина*, *А.М. Обломского*, *Р.В. Терпиловского*, *В.Е. Родинковой*, *А.Н. Башенькина*, *М.В. Добровольской*, *А.С. Сыроватко*, *О.А. Радюша*, *А.М. Воронцова*); об укреплениях “Даг-бары” около Дербента (*М.С. Гаджиева*); об организации стеклоделия в период поздней античности и раннего средневековья (*О.С. Румянцевой*); блок докладов по Самосдельскому городищу (*Э.Д. Зиливинской*, *Д.В. Васильева*, *П.В. Попова*, *С.И. Валиулиной*, *Р.Х. Храмченковой*); по средневековым памятникам Сибири и Приморья (*О.В. Дьяковой*, *О.А. Митько*, *А.В. Новикова*) и Монголии (*Н.Н. Крадина* и *А.Л. Ивлиева*).

По первому из перечисленных направлений было высказано суждение, что, несмотря на значительные пробелы в знаниях по археологии ранних славян, идея о двух ветвях их этногенеза (западной “склавинской” и восточной “антской”) достаточно плодотворна. Отдельную дискуссию, в которой приняли участие делегаты не только из Восточной Европы, но и из Сибири, вызвали вопросы кремации человеческих останков (приемы сожжения, количество и виды горючего материала и т.п.). Участники секции признали, что локализация столицы Хазарского каганата Итиль на территории Самосдельского городища в устье Волги пока спорна, но некоторые данные в пользу этого предположения все же имеются. Раскопки памятника необходимо продолжить для окончательного решения вопроса. В рамках третьего направления наибольшие споры вызвали вопросы реконструкции этнокультурных процессов в период раннего средневековья на территориях Монголии и Приморья, т.е. в зоне китайского влияния.

На секции 10 “Средневековая археология: урбанизация, расселение, материальная культура” докладчики представляли города: Москву, Владивосток, Казань, Благовещенск, Рязань, Липецк, Нефтеюганск, Йошкар-Олу. На трех засе-

даниях был заслушан 31 устный и представлены 8 стендовых докладов.

Все выступления секции могут быть разделены на шесть тематических блоков:

1) Доклады, посвященные результатам новейших исследований в летописных городах Древней Руси – Новгороде, Пскове, Старой Рязани, Ярославле. Особенный интерес вызвали доклады *В.Л. Янина* (с обзором новых находок берестяных грамот) и *А.В. Энговатовой* (с сенсационным материалом раскопок в Ярославле, где был открыт культурный слой XI в. и сложная система городской фортификации). К этому же блоку примыкает сообщение *С.З. Чернова* о работах на посаде городка Шерны в Подмоскovie, где найден уникальный комплекс новгородских актов печатей; 2) Доклады, представившие на суд слушателей итоги исследования средневековых сельских поселений и некрополей Восточной Европы на территориях Суздальского ополья, Верхнего Поволжья, Среднего Поочья и Верхнего Подонья; 3) Доклады и сообщения о различных памятниках вне границ Древней Руси – городищах Дальнего Востока, жилищах коренных народов Севера Евразии, городах и поселенческих структурах в Поволжье золотоордынской эпохи; 4) Весомый блок составляли доклады, авторы которых рассматривали отдельные категории (или яркие находки) вещевого и керамического инвентаря средневековой Руси – вооружение, украшения, каменные бусы, точильные камни, железные орудия, стеклянные сосуды, керамическую посуду; 5) Исследования, посвященные процессам славянского расселения в Восточной Европе и внешним связям средневековой Руси, к сожалению, были на секции немногочисленны, но именно они вызвали живой интерес присутствующих; 6) Доклады, пропагандировавшие новые методы изучения археологического материала. Наибольшее внимание привлек доклад *С.Д. Захарова*, проведшего реконструкцию застройки средневековых поселений на базе тщательной фиксации материала при раскопках (включая полную промывку всего культурного слоя). Одна из самых острых дискуссий развернулась вокруг методики статистической фиксации керамического материала, добываемого при раскопках, и применяемых при этом подходов (участниками этой дискуссии были *С.З. Чернов*, *В.Ю. Коваль*, *Н.В. Лопатин*, *И.Ю. Стрикалов*, *О.Н. Левко*).

Доклады, прозвучавшие на секции, показали, что работы на городских памятниках не только не сократились, но постоянно расширяются; раскопки сельских памятников по своей масштабности стали сопоставимы с исследованиями средневековых городов; параллельно полевым работам продолжает проводиться глубокое изучение различных категорий вещевых памятников (в том числе керамики).

На секции 11 “Археология Московского государства и Российской империи” докладчики представляли города: Москву, Санкт-Петербург, Казань, Томск, Нижний Новгород, Курск, Омск, Йошкар-Олу, Иркутск, Тюмень, Нефтеюганск, Тверь, Тулу. На двух заседаниях прозвучало и было обсуждено 19 устных и 5 стендовых докладов.

В числе основных результатов работы секции следует в первую очередь назвать сам факт ее создания и успешного проведения. Каждый археолог сталкивается с материалами позднего периода в практике раскопок, а для очень многих российских городов и деревень памятники этого времени – единственные из сохранившихся. К настоящему моменту собрано огромное количество материалов XIV–XVIII вв., покрывающих необъятную территорию Восточной Евразии. Не только выросло поколение исследователей, интересующихся данной проблематикой, но возникли первые локаль-

ные школы, специально занятые ее изучением как в Европейской России, так и на Урале и в Сибири. Этой многочисленной генерации археологов впервые предоставлена была возможность консолидированно выступить на большом общероссийском форуме и начать структурировать свою зону интересов, разрабатывать свою научную проблематику.

Доклады освещали итоги таких исключительных по важности изысканий, как раскопки в Московском Кремле и новые исследования городов центральной зоны Московского государства (Нижний Новгород, Переяславль Рязанский, Курск, Можайск, Тула и др.), работы в Татарстане (Казань, Торецкое поселение) и Марийском крае (Кокшайск и др.), в Томске, Иркутске и на крайнем севере Сибири (Обдорск, Березов и др.).

Чрезвычайно масштабными и важными оказались работы в Среднем и Нижнем Поволжье, в Ингерманландии, в Сибири и других областях. Археология изучаемого периода выступает там яркой и богатой, а направления исследований задаются исключительно точно и остро: это продемонстрировали доклады *С.И. Валулиной* об археологии поселений Казанского ханства и *М.В. Черной* о принципах развития русской археологии в Сибири.

На секции 12 “Проблемы изучения первобытного искусства” выступили докладчики из научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Кемерово, Алматы, Читы, Екатеринбурга, Салехарда, Томска. Были заслушаны 12 устных докладов, представлен 1 стендовый, все они имели проблемный характер и явились основанием для многостороннего и плодотворного обсуждения.

Тон в дискуссии по вопросам интерпретации наскального искусства был задан докладом *Д.Г. Савинова*. Им было предложено определение “изобразительного пласта” как некоего пространственно-хронологического “объема” произведений древнего искусства, создатели которого были связаны между собой общими представлениями, говорили на одном “языке”, обладали единой системой ценностей и традицией передачи их последующим поколениям. В конечном итоге “изобразительный пласт” как форма существования наскального искусства позволяет в равной степени сконцентрировать внимание на данных археологии, искусствоведения и мифологии, т.е. ведет к тому, к чему стремится современное петроглифоведение. Сходным образом был построен доклад *О.С. Советовой*, в котором на большом фактическом материале были выявлены основные эпические “формулы”, нашедшие отражение в многофигурных композициях на скалах Среднего Енисея.

Новым памятникам были посвящены доклады *А.Н. Марьяшева*, *М.Е. Килуновской*, *М.В. Константинова*, *Л.В. Екимова*, *С.Б. Верещагина*, продемонстрировавшие еще далеко не полностью реализованные возможности, которые ожидают исследователей древнего наскального искусства.

В докладе *Е.Ю. Гири* и *Е.Г. Дэвлет* были представлены предварительные результаты экспериментально-трасологических исследований петгымельских петроглифов. Сообщение *А.В. Кочановича* иллюстрировало историю реставрации и консервации изображений Томской писаницы.

Изучение семантики наскальных изображений нашло отражение в докладах *А.И. Мартынова* и *А.Н. Мухаревой*. В том и другом случае речь шла об изобразительных памятниках, время создания которых отражено также письменными источниками, и поэтому с точки зрения их внутреннего содержания наиболее информативных.

В ходе обсуждения докладов и ответов на заданные вопросы был очерчен круг проблем, определяющих современное состояние изучения памятников первобытного искусства.

ства, а также выбраны рекомендации в плане их дальнейшего исследования.

На секции 13 “Охранная археология в современной России” докладчики представляли различные регионы страны: Москву, Новосибирск, Калининград, Великий Новгород, Нижний Новгород, Уфу, Оренбург, Пермь, Ханты-Мансийск, Челябинск. Было прочитано 26 докладов.

На заседаниях секции были заслушаны сообщения, охватывающие весь спектр проблем охранной археологии. В докладе *А.Г. Векслера* были представлены история спасательной археологии в Москве, анализ современных тенденций в ее развитии, суммирован опыт многолетней практики взаимодействия с органами государственной охраны памятников и правительством Москвы в выработке законодательной позиции в сфере охраны археологического наследия. Пример такой работы был приведен в докладе посвященном итогам спасательных археологических раскопок 2005–2008 гг. в исторической усадьбе “Царицыно” (*А.Г. Векслер, К.В. Воронин, Л.В. Кондрашев, М.А. Молошников*).

В докладе *А.В. Энговатовой* был представлен анализ состояния и современных тенденций в охранной археологии России. Она отметила, что количество охранных работ за три последних года многократно возросло в общем объеме археологических исследований. Доклад *Л.В. Кондрашева* был посвящен применению новых нормативных документов в сфере сохранения археологического наследия. Блок выступлений касался опыта государственного управления археологическим наследием и нормативным регулированием охранной археологической деятельности в Нижегородской области (*Т.В. Гусева, А.В. Гонозов, В.Н. Дубов*).

Значительный по объему блок докладов на секции был посвящен практике государственной охраны памятников на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (*А.В. Кениз и Е.А. Зайцева, М.Ю. Баранов и И.С. Чарусова*). Одним из возможных методов сохранения памятников истории и культуры, как было показано в докладе *А.Ю. Майничевой*, является метод переноса памятника (в частности, архитектуры) на новое место и создание отдельного архитектурно-археологического музея-заповедника. Другим способом сохранения археологического наследия является создание природных заказников, где основным элементом является комплекс археологических памятников (*И.В. Исланова и И.Н. Черных*).

Проблемы применения действующего законодательства по охране объектов культурного наследия были освещены в сообщениях пермских, оренбургских, калининградских и московских специалистов (*Д.А. Изосимов и Л.Х. Маматова, Е.В. Чуйкина, Е.В. Лылова, Л.Н. Копцева, И.А. Сапрыкина*). Отдельные доклады, прочитанные в рамках секции, поднимали проблемы сохранности памятников археологии, угрозу которым представляют несанкционированные органами охраны памятников строительные работы (*О.В. Зеленцова, Т.В. Сергина*). Блок выступлений был посвящен методическим аспектам охранной археологической деятельности – археологическому проектированию, новым методикам сохранения культурного слоя и музеефикации археологических объектов, технологизации процесса археологических разведок и раскопок на протяженных объектах (*А.Н. Хохлов, М.И. Гоняный, Н.М. Иеньшин, В.Ю. Пирогов, С.В. Трояновский*).

Новаторским методом работы стало проведение в рамках секции круглых столов, которые позволили обсудить как наиболее животрепещущие темы теоретической и полевой охранной деятельности и проблемы законотворчест-

ва. Заседало два круглых стола. Первый из них назывался “Федеральное законодательство об охране памятников археологии”. Второй был посвящен вопросам разработки методик охранных мероприятий. Их заседания завершились выработкой рекомендаций по проблемам охранной археологии, которые нашли отражение в резолюции съезда. Круглые столы показали, что такой формат работы востребован на подобных форумах.

На секции 14 “Вопросы теории археологии” докладчики представляли города: Москву, Тверь, Самару, Сургут. Было прочитано девять докладов.

Основная дискуссия развернулась по проблеме “эволюция и развитие: вопросы терминологии”.

Интересные доклады представили *Е.В. Лагуткина, К.М. Свиринов, И.Н. Васильева и Н.П. Салугина. Т.Н. Глушкова и А.П. Сутула* осветили начальный этап работы над темой об археологическом текстиле. *С.Н. Гринченко и Ю.Л. Шапова* – авторы трех докладов, в которых человечество рассматривается как сложная иерархическая система социально-информационной и технологической природы. По результатам работы секции теоретическая археология предстает как перспективная отрасль археологического знания.

В работе секции 15 “Историография отечественной археологии” приняли участие специалисты из научных учреждений, вузов, музеев Москвы, Санкт-Петербурга, центра Европейской России, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Заслушано 16 докладов, продемонстрировавших различные подходы к изучению истории археологии.

Большинство докладов опирались на углубленное изучение архивных материалов и характеризовали новый этап историко-научных исследований. Отрадно, что происходит отказ специалистов от безликих историографических обзоров и переход к публикации архивных первоисточников – изданных научных трудов и эпистолярного наследия великих предшественников, в частности *А.А. Спицына и В.А. Городцова*. В центр внимания историков археологии наконец-то стала возвращаться фигура самого исследователя. Первоочередной задачей является разработка словаря и принципов подготовки и создания текстов для биографического словаря отечественных археологов, а также издание библиографии по истории науки. История археологии на наших глазах превращается в самостоятельную субдисциплину. Секция предложила оргкомитету следующего съезда изменить ее название на более широкое – “История археологической науки”.

В секции 16 “Современные методы полевой и кабинетной археологии” докладчики представляли научные центры Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Оренбурга, Кисловодска, Владимира. Было заслушано 11 докладов.

В докладах освещались методические вопросы современных подходов в следующих областях: интерпретация полевых материалов, полученных археологическими и геофизическими методами; применение данных дистанционного зондирования для охраны объектов культурного наследия; использование геоинформационных технологий для картографирования и пространственного анализа археологических памятников; формализация археологических материалов; создание трехмерных компьютерных моделей и их визуализация; методика консервации и реставрации археологических находок.

В ходе обсуждения отмечалась методическая значимость всех заслушанных докладов. Оживленную дискуссию вызвал предложенный *С.Г. Быстровым* вакуумно-плазменный метод консервации металлических изделий, получающий все большее распространение в западной археологии. Отмечено

высокое качество компьютерных моделей средневекового городища, созданных Ю.М. и М.Ю. Барановыми. Особый интерес был проявлен к опыту работы с данными дистанционного зондирования ГУП “Наследие” Министерства культуры Ставропольского края (А.Б. Белинский).

В работе секции 17 “Археология в современной культурной среде” приняли участие ученые из Минска, Кемерово, Владимира, Рязани, Пензы. Прозвучало 5 устных докладов, представлен 1 стендовый.

В ходе обсуждения выступлений было определено три основных направления дискуссии: археология в системе высшего и среднего образования, использование археологических данных в современном обществе, музеефикация археологических объектов и их изучение.

По первой проблеме участники дискуссии отметили, что переход системы высшего образования на двухуровневую схему требует разработки новых подходов к преподаванию археологии в вузах и создания специальных программ по археологии для обучающихся в бакалавриате и магистратуре. Новые подходы необходимы и в преподавании ряда других курсов, тесно связанных с археологией по своей проблематике, но не всегда использующих достижения археологической науки в полной мере. Это такие курсы, как культурология, история первобытного общества, история древнего мира и т.п. Отмечена важная роль музеев, как центральных, так ведомственных и вузовских, в развитии системы археологического образования.

Использование археологического наследия всеми участниками дискуссии признано наряду с его сохранением важнейшей задачей, решение которой невозможно без специальной государственной программы, без разработки государственной политики в области археологического наследия. Наряду с образованием популяризация археологии является второй важнейшей составляющей в решении этой задачи. В ее развитии отмечена особая роль музейных экспозиций, необходимость улучшения качества и форм подачи информации. Среди других форм популяризации археологических знаний говорилось о печатной и кинопродукции, о развитии связей археологического сообщества со средствами массовой информации, прессой.

В работе секции 18 “Мультидисциплинарные и палеоэкологические исследования в археологии” участвовали специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Екатеринбурга, Пушкино, Нефтеюганска, Липецка, Иркутска, Геттингена. Были заслушаны 21 устный, а также представлены 5 стендовых докладов.

Доклады показали высокий уровень развития междисциплинарных исследований в России. Отмечено увеличение их объема и географического диапазона. Были продемонстрированы результаты геофизического, геологического, микробиологического, палеопочвенного анализов, археоботанических, археозоологических, антропологических и палеогенетических исследований. За прошедшие два года налицо расширение использования новых технологий в археологических экспедициях, привлечение данных естественных наук. Секция обратила внимание на образцовое комплексное изучение курганов пазырыкской культуры методами геофизики и геохимии, итоги которого были представлены в докладах М.И. Эпова, В.И. Молодина, М.А. Чемякиной. В дискуссии по докладу Д.Л. Шишкова и А.А. Ключко была отмечена важность визуального представления результатов исследования. Рекомендовано опубликовать в центральной печати (в журнале “Российская археология”) статью А.В. Борисова, Д.С. Коробова, С. Райнхольд, Й. Фассбиндер, С. Петерс “Мультидисциплинарные исследования поселе-

ний с симметричной планировкой в окрестностях Кисловодска”, которая является образцом археологических изысканий, отвечающих всем современным требованиям науки. Анализ почв и палеогеографии различными методами становится неременной составляющей археологии.

Было с удовлетворением отмечено методологическое и методическое развитие палеогенетических исследований в России. Представленные в докладах М.А. Губиной и соавторов и А.С. Пилипенко и соавторов результаты во многом можно считать новаторскими; они не имеют аналогий в зарубежных исследованиях.

Обозначенная в докладе О.В. Зайцевой и Д.И. Ражева задача исследования и реконструкции погребального обряда при активной работе в поле специально подготовленного антрополога-археолога, владеющего знанием методов проведения судмедэкспертизы и тафономии погребений, вызвала оживленную дискуссию. Обсуждалась возможность создать курсы для подготовки специалистов по погребальной антропологии.

На съезде работала книжная выставка, представляющая последние издания по археологии. Работа съезда достаточно широко освещалась в средствах массовой информации: состоялось несколько передач по центральному телевидению, были публикации в газетах, много материалов размещено в интернете. Открытие и закрытие съезда документировано фотографиями, видео- и аудиозаписями, переданными в архив ИА РАН.

На закрытии съезда был единодушно отмечен высокий уровень докладов, обращено внимание на совершенствование методов работы, в том числе методов фиксации памятников и объектов, на возрастание интереса к междисциплинарным исследованиям.

Съезд важен как событие, фиксирующее современное состояние российской археологии, тематику исследований, активность различных регионов и ведомств.

Соотношение учреждений разной ведомственной принадлежности и разных профилей: около 50% докладов представлено сотрудниками академических институтов, 28% – сотрудниками вузов, 10% – сотрудниками музеев и 12% – учеными из различных научно-производственных центров и органов охраны памятников.

На съезде были подготовлены и на его закрытии приняты “Решения II (XVIII) Всероссийского археологического съезда” – документ, содержащий оценку общего состояния того, что происходит в нашей науке, рекомендации министерствам по созданию оптимальных условий для развития археологии как фундаментальной науки, по расширению в Российской Федерации сети археологических учреждений и специальных археологических подразделений в музеях, ВУЗах, государственных органах охраны памятников.

На закрытии съезда было зачитано письмо губернатора Новгородской области С.Г. Митина в адрес оргкомитета с просьбой рассмотреть вопрос о проведении следующего съезда в г. Великий Новгород. Все участники поддержали это предложение. Было принято решение о проведении очередного III (XIX) Всероссийского археологического съезда в 2011 г. в Великом Новгороде, ровно через сто лет после того, как там состоялся XV Археологический съезд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдуков П.Г., Шуньков М.В. Всероссийский археологический съезд в Новосибирске // РА. 2007. № 3.

Кузьминых С.В., Серых Д.В., Тихонов И.Л. Рец.: Хроника археологических съездов России 1869–1914 / Сост. А.Г. Абайдулова, Н.А. Петрова. СПб., 2006 // РА. 2007. № 3.
 Тихонов И.Л. Археологические съезды // БРЭ. Т. 2. М., 2005.
 Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008.

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.
 Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М., 2008.
 Хроника археологических съездов России 1869–1914 / Сост. А.Г. Абайдулова, Н.А. Петрова. СПб., 2006.

Институт археологии РАН, Москва
 Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
 Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

П.Г. Гайдуков, Е.Г. Дэвлет
 Е.Н. Носов
 М.В. Шуньков

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР В ОПОШНЕ “ЭКСПЕРИМЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ КЕРАМОЛОГИИ: ПУТЬ К НАУЧНОЙ ИСТИНЕ ИЛИ ПРОФАНАЦИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ”

28–30 мая 2008 г. в традиционном центре народного искусства Украины, известном еще как столица украинского гончарства, – пос. Опошня Полтавской обл. – по инициативе директора Института керамологии, который является отделением Института народоведения НАН Украины, А.Н. Пошивайло, состоялся Международный научно-практический керамологический семинар “Эксперимент в современной керамологии: путь к научной истине или профанация научных знаний”. Семинар был организован Институтом керамологии и Национальным музеем-заповедником украинского гончарства в Опошне. В общей сложности в работе семинара приняли участие более 40 специалистов преимущественно из Украины и России, было заслушано 23 доклада.

Семинар открылся вступительным словом председателя оргкомитета, директора Института керамологии, заслуженного деятеля науки и техники Украины, доктора исторических наук А.Н. Пошивайло. Он отметил, что Институт керамологии, будучи ведущим академическим научным центром изучения древнего и современного гончарства на Украине, выделил проблему экспериментального изучения этой сферы человеческой культуры как одну из важнейших.

Расширение экспериментальных исследований древнего гончарства, которые проводятся сегодня в полевых и лабораторных условиях, привело к тому, что научный уровень таких исследований очень различный. Поэтому актуальным является обмен мнениями специалистов по различным вопросам организации и проведения таких исследований, выработки общих принципов построения экспериментальных работ в этой области.

После него с кратким вступительным словом выступили научные сопредседатели семинара – доктор исторических наук А.А. Бобринский и доктор исторических наук Ю.Б. Цетлин (Россия). В обоих выступлениях проводилась мысль о том, что экспериментальное изучение древнего гончарства, наряду с анализом археологической керамики и данных об этнографии гончарства, является краеугольным камнем проведения таких исследований. Экспериментальное исследование, будучи важнейшим средством проверки и обоснования научных гипотез, формулируемых учеными при изучении археологических и этнографических данных, служит практически единственным способом придания им доказательности. Этого не может дать ни автономное изуче-

ние археологических или этнографических данных, ни широкое привлечение к изучению керамики средств и методов современных естественных наук. Однако для того, чтобы эти возможности эксперимента были реализованы на практике, необходимо соблюдение определенных правил его организации и проведения.

На пленарном заседании был заслушан доклад Ю.Б. Цетлина (Москва) “Эксперимент в изучении древнего гончарства: теория и практика исследований”. Он был посвящен теоретическим и методическим проблемам проведения экспериментов в области изучения древнего гончарства. Автор последовательно рассмотрел, какие можно выделить виды экспериментов, как возникают в нашей науке экспериментальные проблемы, каковы методологические подходы и принципы построения научного эксперимента, как целесообразно строить программу научного эксперимента. В докладе приведены примеры уже решенных и еще не решенных экспериментальных проблем, показано соотношение эксперимента, теории и практики в отечественной археологии, намечены перспективы развития экспериментальных исследований в изучении древнего гончарства.

В докладе О.В. Коваленко (Опошня) “Основные разновидности современных керамологических экспериментов” проанализирована история проведения экспериментов в области древнего гончарства на Украине. Выделено три разновидности экспериментов, применяемых в рамках современной керамологии: популярные (археолого-керамологический туризм, деятельность туристических керамологических школ, ролевые игры), научно-популярные (использование научной видео- и фотосъемки в познавательных и учебных программах, демонстрация приемов древней и современной гончарной технологии для посетителей), научные (создание эталонной базы данных особенностей сырья и составов формовочных масс, экспериментальная трасология и моделирование гончарных инструментов и приспособлений, изучение функционального назначения сосудов и пр.). Докладчик акцентировал внимание на главных проблемах, возникающих при проведении разных видов экспериментов.

В докладе А.В. Балановского и Р.А. Сингапулина (Саратов) “Проблемы новых методов исследования древнего гончарства” показаны поиски ученых, направленные на использование новейших компьютерных технологий для исследова-

ния гончарства, указано на ограниченные возможности уже апробированных и давно используемых в науке методов изучения технологии традиционного гончарного производства.

В докладе *А.А. Бобринского* (Москва) “Определение пола индивидов по ногтевым отпечаткам на керамике” были подведены первые итоги более чем сорокалетней работы по выработке специальной методики для определения пола и возраста древних гончаров по ногтевым отпечаткам на археологической керамике. В основу методики положен огромный экспериментальный материал по изучению ногтевых отпечатков современных мужчин и женщин (более 1200 индивидов) разного возраста. Для сопоставления результатов анализа археологических и экспериментальных данных разработана специальная компьютерная методика. В заключение автор привел несколько примеров определения пола и возраста гончаров по образцам археологической керамики нескольких культур.

Доклад *И.А. Гей* (Москва) “Первые результаты определения пола гончаров по археологической керамике” содержал анализ данных о распространении археологических культур и памятников, где были зафиксированы различные изделия из глины и прежде всего керамика с отпечатками кончиков пальцев древних гончаров, а также описание первого опыта практического применения методики, разработанной *А.А. Бобринским*. Автором показаны современные возможности определения пола людей по ногтевым отпечаткам на керамике из раскопок.

Очень интересным был доклад *И.Н. Васильевой* и *Н.П. Салугиной* (Самара) “Экспериментальные работы Самарской экспедиции по изучению древнего гончарства”, где были подведены основные итоги научных исследований экспедиции за последние 18 лет. Авторы рассмотрели роль эксперимента в изучении древнего гончарства и в частности – значение физического моделирования технологических приемов, проблемы постановки эксперимента и оценки достоверности его результатов. Отмечено, что за годы работы сотрудники экспедиции создали огромную базу экспериментальных эталонов по всем степеням гончарного производства, начиная с выявления особенностей исходного сырья для изготовления

посуды и кончая моделированием разных приемов ведения обжига сосудов. Особое внимание авторы уделили демонстрации признаков разных видов лоскутного налёпа, наиболее архаичного и сложного для различения по археологической керамике способа конструирования древних сосудов.

Доклад *И.А. Готуна* и *А.В. Петраускаса* (Киев) “Средневековое гончарство по результатам экспериментальных штудий Северной экспедиции Института археологии НАН Украины” обобщил многолетний опыт проведения экспериментов по изучению средневекового гончарства Украины. Сделан вывод о целесообразности широкого использования метода экспериментального моделирования технологического процесса изготовления сосудов.

В.Д. Гупало, *М.В. Лосик* (Львов) и *Б. Шибович* (Краков) посвятили свой доклад “Химико-физические исследования средневековой керамики” проблемам и собственному опыту рентгеноструктурного и электронно-микроскопического исследований средневековой керамики Западной Украины. Подчеркнута необходимость проведения комплексных физико-химических исследований древней керамики для проверки информации, полученной в результате керамологических экспериментов.

В докладе “Эксперимент и возможности естественно-научных дисциплин в изучении древней керамики” *И.В. Голубева* (Харьков) представила результаты петрографического, спектрального и химического анализов глиняной посуды позднего средневековья (период казачества) Цареборисовской крепости (Харьковская обл., Украина). При этом обращено внимание на особенности бытования различных технологических традиций в зонах контакта украинских и русских гончаров.

Доклад *А.В. Гейко* (Опошня) “О глиняной матрице для изготовления изразцов” был посвящен изложению попытки экспериментального подтверждения авторской гипотезы о назначении уникального глиняного изделия из с. Глинск Ромненского района Сумской обл. в качестве матрицы для изготовления “кахлей”.

В докладе *И.В. Калининой* (Санкт-Петербург) “Историко-культурный и семантико-технологический подходы к

изучению орнаментации неолитической керамики” было проанализировано соотношение двух основных подходов к изучению керамики эпохи неолита. Автором резюмированы многолетние итоги собственных опытов по изучению семантики орнаментов на глиняной посуде. Полученные выводы являются важным дополнением методов исследования древней керамики, используемых представителями научной школы А.А. Бобринского. Сделан вывод о необходимости более интенсивного использования семантико-технологического подхода к анализу орнаментов на сосудах.

Доклад *Е.Н. Дубовцевой* (Екатеринбург) “Орнаментальные традиции Урало-Западносибирского региона (опыт экспериментального моделирования)” посвящен технико-технологическому и стилистическому направлениям изучения орнамента на неолитической керамике с позиций историко-культурного подхода. На основании микроскопического анализа орнамента на археологической керамике, создания слепков с элементов орнамента и опытов по их последующему воспроизведению в глине автор на большом экспериментальном материале реконструировал форму рабочей части орнаментирования, а также способы работы древних гончаров этими орудиями. Показано, что разные виды орнаментальных отпечатков могут возникать при различных способах работы одними и теми же инструментами. В результате были выделены технико-технологические и стилистические традиции нанесения орнамента у гончаров исследуемого региона.

В докладе трех авторов – *А.В. Кушнир, В.В. Кушнир* (Косов) и *А.Л. Щербаня* (Опошня) – “Эксперимент как метод проверки гипотезы о технологии нанесения фляндровки на глиняные изделия Киевской Руси” экспериментальной проверке подвергнута широко распространенная в литературе гипотеза Н.Д. Полонской, В.В. Хвойко, Б.А. Рыбакова и других исследователей о нанесении фляндрованных орнаментов на древнерусские глиняные плитки и писанки расплавленными разноцветными эмалями. Выяснилось, что они могли наноситься и с помощью другого приема, которым украинские гончары продолжали пользоваться еще в XIX–XX вв.

В докладе *Б.Г. Пошивайло* (Опошня) “Экспериментальное исследование изображения на доньшке сосуда скифского времени” представлены результаты тщательного экспериментального изучения изображения на днище сосуда, происходящего из раскопок городища у с. Кнышевка Гадяцкого района Полтавской обл. Украины, с целью определения, при каких условиях это изображение могло возникнуть, каким инструментом оно нанесено. Итоги экспериментального изучения представлены в виде таблицы со сравнительной характеристикой отпечатков листьев и следов, процарапанных палочкой на дне глиняных изделий. Автор высказал предположение о том, что данный знак является соляренным.

Большой интерес вызвал доклад *К.Ю. Рахна* (Опошня) “Археологический артефакт как источник мировоззренческих реконструкций”, где описан опыт анализа горшка из могильника Брежье (Северо-Восточная Словения) с оттиском греческого креста на дне. Исследование словенского археолога Б. Штулара позволило сделать вывод о том, что в этом сосуде отразились мировоззренческие представления христианизированного романоязычного населения данного региона.

В докладе *Р.А. Сингатулина* (Саратов) “Древнее гончарство в свете данных биомеханики и физических полей человека” рассматривались современные естественно-научные методы экспериментального изучения керамики с целью получения некоторой информации о физиологии древнего гончара, делавшего эти сосуды. Доклад вызвал оживленную дискуссию

и очень противоречивые оценки. Выступавшие отмечали недостаточную обоснованность выводов автора доклада.

Доклад *В.И. Троцкой* (Опошня) “Экспериментальное изучение технологии обваривания глиняной посуды” содержал итоги экспериментальных опытов автора по обвариванию глиняных сосудов. Было выяснено, как изменяются водопроницаемость и цвет поверхности посуды при обваривании ее в разных по составу и концентрации растворах.

В докладе *О.Л. Шаргановой* (Москва) “Проблема реконструкции гончарных кругов по отпечаткам на днищах глиняных сосудов” представлены результаты микроскопического и экспериментального анализа следов технологического происхождения на днищах сосудов из раскопок Гнёздово (X – начало XI в.). На основании методики, разработанной А.А. Бобринским, автор пришла к обоснованному выводу о конструкциях гончарных кругов, известных местному населению. В частности, зафиксированы случаи использования гончарами конструкций с неподвижной осью (грибовидный круг, ножной круг со спицами) и с подвижной осью, а также миниатюрного ручного гончарного круга со спицами.

Доклад *А.Л. Щербаня* (Опошня) “Экспериментальное исследование назначения валиков на глиняных сосудах” посвящен характеристике попыток экспериментального исследования назначения валиков на глиняных сосудах Украины. Сделан вывод о необходимости проведения дополнительных, более широких экспериментов для получения обоснованных выводов по этому вопросу.

В докладе *О.В. Школьной* (Киев) «Эксперимент в “ювелирно-архитектурном фарфоре” Лядро: векторы неосимволизма в Ардеко в свете постмодернистских тенденций» показана 55-летняя история и характерные особенности модного сегодня в Европе “ювелирно-архитектурного фарфора” Лядро. Описан удачный эксперимент, проведенный в испанском поселке Альмассер (около Валенсии) тремя братьями Хосе, Хуаном и Винсенте Лядро Дольс с целью изготовления эксклюзивных фарфоровых изделий. На основании ими предприятия используются оригинальные приемы декорирования и обжига продукции, выработанные опытным путем.

Доклад *Е.В. Щербань* (Опошня) “Чрезмерное экспериментаторство – путь к нереализованным возможностям” посвящен деятельности Опошнянской образцовой гончарной мастерской Полтавского губернского земства (1894–1899). Докладчик подчеркнул тот факт, что на первых этапах вся ее деятельность была нацелена на эксперименты, которые могли бы увеличить разнообразие гончарной продукции. Автор выделяет два периода истории мастерской и три группы экспериментов, которые в ней проводились. На примере деятельности этого учреждения показано, что чрезмерная нацеленность на эксперименты привела к тому, что многие из них не были в дальнейшем реализованы гончарами на практике, что привело к закрытию мастерской.

Доклад *Т.Н. Крупы* (Харьков) “Исследование археологического текстиля: некоторые вопросы сохранения и научной атрибуции”, хотя и не касался непосредственно исследования древней керамики, вызвал живой интерес у слушателей. В нем была изложена методика исследования и сохранения остатков текстиля из археологических памятников Украины. Особое внимание автор уделил описанию результатов анализа отпечатка текстиля на днище сосуда салтовского времени из раскопок городища Мохнач в Харьковской обл.

Подводя итоги работы семинара, следует отметить ряд моментов. Прежде всего, исключительно большое значение имел сам факт встречи и общения исследователей, работающих в области экспериментального изучения древней кера-

мики. Широкий спектр представленных докладов показал, что перспективное развитие таких работ возможно только при условии выработки и освоения, особенно молодыми исследователями, ряда обязательных методологических и методических принципов подготовки, организации и проведения научных экспериментов. В ходе семинара было высказано пожелание о необходимости разработки общей программы эксперименталь-

ного изучения древнего гончарства и более широкого использования в экспериментах методов естественных наук.

Материалы Международного научно-практического керамологического семинара “Эксперимент в современной керамологии: путь к научной истине или профанация научных знаний” планируется издать отдельным сборником в рамках украинской академической серии “Керамологические форумы в Ополне”.

Институт археологии РАН, Москва

Ю.Б. Цетлин

ВЫСТАВКА “СОКРОВИЩА САРМАТСКИХ ВОЖДЕЙ” И КОНФЕРЕНЦИЯ “РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ” (ОРЕНБУРГ)

22–24 апреля 2008 г. в Оренбургском областном историко-краеведческом музее открылась выставка “Сокровища сарматских вождей”, представляющая сенсационные археологические находки из недавних раскопок Филипповского курганного могильника, расположенного на территории Илекского района Оренбургской области.

Этот археологический памятник датируется V–IV вв. до н.э. Обнаруженные в нем реликвии принадлежали, как считается в соответствии с традицией, восходящей к М.И. Ростовцеву (1918), кочевникам-сарматам.

Филипповский курганный могильник состоял из 29 курганов, в том числе двух так называемых царских. Один из них (№ 1), за которым закрепилось название “Большой Филипповский курган”, был исследован в 1989–1990 гг. экспедицией Башкирского филиала Академии наук СССР под руководством А.Х. Пшеничникова. Результаты этих раскопок принесли памятнику мировую известность.

Раскопки Филипповского могильника были возобновлены в 2004 г. Приуральской экспедицией Института археологии Российской академии наук под руководством Л.Т. Яблонского. В течение четырех полевых сезонов 2004–2007 гг. были исследованы насыпи девяти курганов, в том числе раскопан второй “царский” курган Филипповского могильника (№ 4). Полученные материалы поступили на хранение в Оренбургский областной историко-краеведческий музей.

На выставке в Оренбурге были представлены более 100 раритетных экспонатов: предметы защитного и наступательного вооружения; наборы конской упряжи, выполненные в “зверином” стиле; драгоценные женские украшения; предметы домашнего обихода и отправления древних культов; ритуальные и столовые сосуды, сделанные из драгоценных металлов. Среди них есть находки, которые непременно войдут в историю российской и мировой археологии и пополнят сокровищницу мировой культуры: большой ритуальный сосуд в виде баранов (золото, серебро); серебряная литая амфора; золотые шейные гривны; золотые браслеты; золотой меч, не имеющий аналогов по богатству, стилистике изображений и технике декора. На обеих поверхностях клинка в технике врезки золотом изображены, в том числе, сцены верховой охоты на вепря с копьём и жертвоприношения оленя. Рукоять меча обтянута золотым листом с многофигурными изображениями в зверином стиле.

Во время открытия выставки состоялась презентация ее каталога (Сокровища сарматских вождей, 2008), содержаще-

го помимо фотографий и описаний всех представленных на экспозиции вещей на русском и английском языках научные статьи. Это издание делает коллекцию доступной для ученых России и мирового сообщества.

Особое значение имела приуроченная к открытию выставки международная конференция, на которую были приглашены ведущие российские специалисты по проблемам археологии раннего железного века Волго-Уральского региона и ученые из некоторых зарубежных стран. По итогам конференции издан сборник научных статей (Ранние кочевники..., 2008).

На конференции, проходившей в течение трех дней, было заслушано свыше 20 докладов, которые были посвящены проблемам археологии кочевников Волго-Уралья савроматского и раннесарматского времени. Докладчики представляли крупнейшие археологические центры Волго-Уральского региона, Москвы, а также Венгрии и Германии.

На церемонии торжественного открытия выставки и конференции выступили, в частности, губернатор Оренбургской области А.А. Чернышев, заместитель премьер-министра Правительства республики Башкортостан, министр И.Г. Илишев, директор Департамента по культуре и искусству Правительства Оренбургской обл. В.В. Ренев, директор Музея искусства народов Востока д.и.н. А.В. Седов, директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) д.и.н. Ю.К. Чистов, главный редактор журнала “Российская археология” д.и.н. Л.А. Беляев, заведующая отделом охранных раскопок ИА РАН к.и.н. А.В. Энговатова. Все выступившие отметили большое научное значение продолжения раскопок Филипповского могильника, уникальность и особую историческую и художественную ценность полученной в результате этих раскопок археологической коллекции.

Переходя к характеристике научных докладов на конференции, надо упомянуть высокую оценку исследовательских и полевых работ Приуральской экспедиции ИА РАН в период с 1990 по 2008 г., которая прозвучала, в частности, в докладе М.Г. Мошковой. Она отметила, что появление многочисленных замечательных материалов Южного Приуралья (Покровские, Прохоровский и Филипповский могильники) поможет археологам определиться в целом ряде спорных вопросов. К их числу можно отнести выявление первоначальной территории обитания мигрантов-кочевников, характера и степени генетической связи населения Приуралья савроматской и раннесарматской эпох, хронологического соотно-

шения указанных популяций (включая время появления отдельных признаков погребального обряда и некоторых форм инвентаря).

Большое значение для решения этих и других вопросов имеют недавние раскопки в Юго-Восточной Башкирии, Приуралье и Зауралье. Их основные результаты были изложены в докладах *С.В. Сиротина, А.Д. Таирова* с соавторами, *С.Ю. Гуцалова*.

Принципиальное значение для уточнения хронологии Филипповского могильника имели доклады *А.С. Балахванцева* и *М.Ю. Трейстера*. Как известно, хронологическое положение памятника остается пока дискуссионным. Отдельные исследователи относят его к VI–IV вв. до н.э. Автор этой заметки предлагал датировать памятник в пределах второй половины V–IV в. до н.э. (Яблонский, 2007).

А.С. Балахванцев и М.Ю. Трейстер, используя независимые материалы и методики, пришли к сходному выводу о том, что вещи ахеменидского типа или, по выражению М.Ю. Трейстера, “на ахеменидскую тему” следует датировать в рамках середины V – начала IV в. до н.э. (М.Ю. Трейстер) или второй половины V – первой половины IV в. до н.э. (А.С. Балахванцев). В принципе эти исследования подтверждают позиции авторов раскопок памятника, А.Х. Пшеничнюка и Л.Т. Яблонского, которые считают, что некоторые драгоценные предметы могли быть сделаны и в V в. до н.э., но захоронены несколько позже.

Важным шагом в изучении начальных этапов формирования раннесарматской культуры стало исследование эпонимного для сарматской археологии могильника у д. Прохоровка. Итогом полевых работ на памятнике был посвящен обзорный доклад *Л.Т. Яблонского* и *Д.В. Мецеракова*. Они, в частности, отметили, что в плане историографическом существенным образом уточнены данные о курганах могильника, собранные С.И. Руденко в 1916 г. и опубликованные М.И. Ростовцевым (1918). В плане хронологическом уточнены датировки каждого кургана. Принадлежность захоронений некрополя к трем последовательным и, как предполагалось, связанным генетически друг с другом ступеням развития раннесарматской культуры (IV, IV–III и III–II) больше не должна вызывать сомнений у специалистов. Некоторое удаление “южной” группы от “северной” (гипотеза В.Ю. Зуева) объясняется топографическими условиями (между группами находится понижение рельефа), а не стремлением людей, совершавших захоронения, дистанцироваться от “чуждого” им более раннего некрополя. Ничто не свидетельствует о хронологической лакуне между обеими “группами”.

Таким образом, как было сказано в докладе Л.Т. Яблонского, подводящего основные итоги конференции, памятники типа Филипповка, Переволочанский могильник и Прохоровка 1 образуют неразрывную в культурно-типологическом отношении цепочку, в которой Прохоровка занимает “верхнее” хронологическое положение, в целом относясь, однако, уже к классическому раннесарматскому этапу.

О.И. Куринских сделала доклад о первой попытке обобщения материалов по признакам погребального обряда из Покровских могильников.

Большой интерес вызвал доклад *И.В. Рукавишниковой* о реконструкции уникального в своем роде и обладающего хорошей археологической сохранностью железного ламелярного доспеха из кургана 4 Филипповки.

Д.В. Мецераков рассказал о железных наконечниках копий из Филипповки. Любопытно, что некоторые из них были зафиксированы в вертикальном положении. Длина сарматского копья достигала 320 см (расстояние между наконечником и подтоком, которые лежали *in situ*).

Ряд выступлений был построен на материалах смежных с археологией естественно-научных дисциплин.

Сообщение *О.В. Аникеевой* было посвящено изучению каменного материала из Прохоровского и Филипповского могильников. По ее данным, исследование бус из указанных могильников не отрицает предположения о хронологической близости обоих памятников и о каких-то общих источниках поступления некоторых типов бус в отдельные, пусть относительно асинхронные группы кочевого населения Южного Приуралья.

Серьги, изученные *Е.В. Лыловой*, свидетельствуют в пользу вывода о том, что в кочевнической среде Южного Приуралья с рубежа V–IV вв. до н.э. по IV–III вв. до н.э. существовала определенная мода на данную разновидность украшений. Учитывая различное качество исполнения типологически сходных предметов, вряд ли можно говорить о едином центре их производства. Скорее всего, эти серьги восходят к каким-то общим образцам, возможно, импортного происхождения, и выполнены в подражание им. Учитывая единство технологических приемов изготовления, но грубое, в ряде случаев, их исполнение, а также наличие оригинального типа, не представленного на других степных территориях, можно предположить их местное изготовление.

Доклад *И.Г. Равич* и *Л.Т. Яблонского* был посвящен химико-технологическому изучению сарматских зеркал. Находки из Оренбургской области существенно расширили круг горячекованных высокооловянных сарматских зеркал, исследованных ранее. Они показали, что к наиболее ранней группе этих изделий можно причислить крупные зеркала с широким ободком по краю диска и цельнометаллической длинной ручкой, которые выполнены из очень чистого с точки зрения содержания примесей металла. Не исключено, что в погребальном обряде такие зеркала могли использовать и в качестве музыкальных инструментов.

Химико-технологическое исследование золотых предметов из Кичигино (Челябинская обл.), выполненное группой исследователей из Миасса, свидетельствует, что важные результаты могут быть получены при изучении микроструктур и минеральных включений в металле. Обнадеживающий пример тому выявление включения осмия в золотом браслете, что дает принципиальную возможность определения источника металла.

М.С. Шемаханская рассказала о процессе реставрации находок из царского кургана № 4 Филипповки. В частности, она впервые продемонстрировала фотографии “золотого меча”. Его железные рукоять и клинок сплошь покрыты многофигурными композициями в зверином стиле, которые открылись после расчистки под слоями ржавчины. Еще один уникальный предмет, который буквально засиял после реставрации, – серебряная черненная рукоять кинжала со скульптурной позолоченной фигурой “летающего” оленя с ветвистыми рогами.

О семантике декоративно-прикладного искусства, нашедшего воплощение в коллекции из Филипповки, говорилось в докладе *И. Фодора* (Венгрия).

Теме истоков образа кара-обызского оленя и его трансформации был посвящен доклад *Н.С. Савельева*.

А. Наглер (Германия) рассказал о раскопках больших курганов в Южной Сибири, в которых он принимал участие, и показал фотографии этих раскопок.

С.Ю. Фризен продемонстрировал снятый им фильм о раскопках царского кургана № 4 Филипповки.

Все доклады вызвали большой интерес у специалистов и были заслушаны с большим вниманием. В конце заседаний

была проведена дискуссия, которая получилась необычайно острой. Ее предварило выступление Л.Т. Яблонского, посвященное общим проблемам археологии ранних кочевников Волго-Уральского региона. В прениях выступили Л.Н. Корякова (Екатеринбург), М.Г. Мошкова (Москва), А.Х. Пшеничнюк (Уфа), А.Д. Таиров (Челябинск) и другие. Собравшиеся признали обсуждение затронутых вопросов исключительно полезным и решили продолжить его на другом форуме сарматчиков.

По результатам всех мероприятий была принята резолюция. В ней отмечено, что в международной научной конференции “Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий” участвовало 50 ученых-археологов из различных научных центров России, дальнего и ближнего зарубежья: Берлина, Бонна, Будапешта, Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Ростова-на-Дону, Самары, Челябинска, Миасса, Оренбурга, Орска, Актюбинска, Уральска, Стерлитамака, Екатеринбурга, Уфы. Конференция констатирует необходимость разработки и принятия областной целевой программы, которая будет предусматривать финансирование мероприятий по реставрации, консервации и музеефикации археологических объектов, хранящихся в фондах государственных музеев Оренбургской области. С учетом исключительной научной значимости коллекций, сосредоточенных в культурных и научных учреждениях Оренбурга и Оренбургской области, участники конференции предлагают Правительству Оренбургской области и г. Оренбурга рассмотреть вопрос о возможности со-

здания специализированного областного музея археологии. Необходимо всеми организационными, финансовыми, административными и иными мерами содействовать охранным раскопкам на территории Оренбургской области. Участники конференции отметили, что организация приема гостей и их размещение в г. Оренбурге были осуществлены на уровне, который в полной мере соответствует всем стандартам проведения мероприятий такого рода в мире.

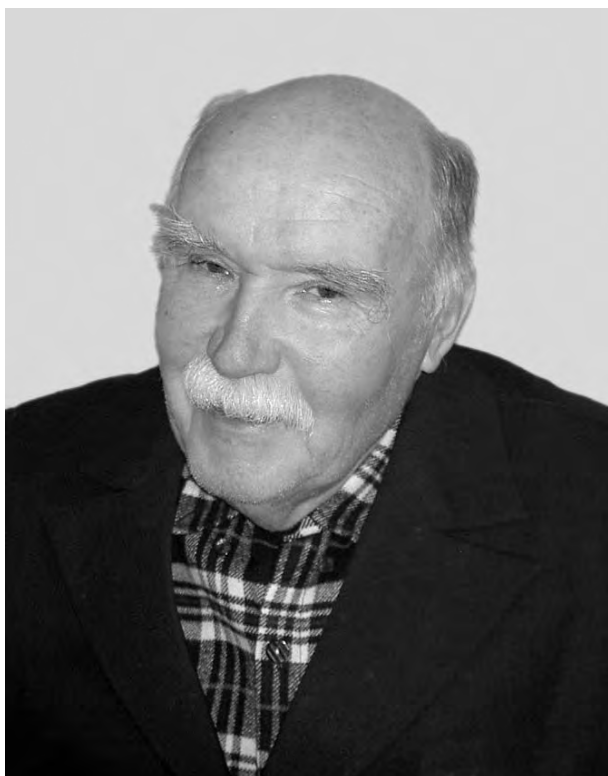
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Матер. междунар. науч. конф. “Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий”. 21–25 апреля 2008 г. Оренбург, 2008.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложениями академика П.К. Коковцова и С.И. Руденки // Матер. по археологии России, издаваемые Государственной археологической комиссией. № 37. Петроград, 1918.
- Сокровища сарматских вождей. Новые раскопки Филипповки. Оренбург, 2008.
- Яблонский Л.Т.* Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. Матер. семинара Центра истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград, 2007.

Институт археологии РАН, Москва

Л.Т. Яблонский

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФОРМОЗОВ (1928–2009)

31 января 2009 г. после тяжелой болезни ушел из жизни Александр Александрович Формозов – известный российский археолог и историк, один из старейших сотрудников Института археологии РАН.

Корни семьи А.А. Формозова, родившегося 30 декабря 1928 г. в Москве, – нижегородские (по отцовской линии) и московские (по материнской). На формирование личности будущего ученого огромное влияние оказала среда московской научной интеллигенции, во многом сохранившая традиции русской науки XIX – начала XX в. Однако научное поприще родителей (отец – Александр Николаевич Формозов, известный эколог, зоогеограф, художник-анималист и писатель, профессор Московского университета; мать – Любовь Николаевна Формозова (Промптова), геохимик, доктор наук, сотрудник Института геологии АН СССР) с детства не вызывало у Александра Александровича такого интереса, как история.

Непосредственное знакомство с археологическими памятниками произошло у А.А. Формозова в годы войны. Работая вместе с матерью в геологической экспедиции Академии наук СССР, изучавшей минеральные ресурсы Западного Казахстана, он сделал в 1944 г. свои первые археологические находки (стоянка Саксаульская в Северном Приаралье). Со многими коллекциями из северных и западных областей Казахстана его познакомили в военные и послевоенные годы геологи, географы и зоологи. Эти сборы носили разведочный характер, но они выявили неизвестные ранее в степном порубежье Европы и Азии материалы эпох неолита и энео-

лита, ставшие предметом первых публикаций начинающего исследователя (см.: Список..., 2004).

В 1946–1951 годах А.А. Формозов – студент истфака МГУ. На кафедре археологии он получил хорошую полевую практику, участвуя в раскопках М.В. Воеводского, О.А. Кривцовой-Граковой, Б.Н. Гракова, Т.С. Пассек, А.И. Тереножкина. В эти годы его интересовали, прежде всего, проблемы каменного и бронзового веков. Работа велась под началом М.В. Воеводского, пытливого и мыслящего исследователя, одного из продолжателей палеоэтнологической школы Б.С. Жукова, сложившейся в 1920-е годы при Институте антропологии Первого МГУ.

В работах А.А. Формозова конца 1940-х – начала 1950-х годов поставлены две важнейшие проблемы: энеолитические истоки формирования андроновской культуры (Формозов, 1951) и формирование микролитической культурной области эпох неолита и энеолита на юге СССР (1959). В 1920-е гг. М.П. Грязнов и А.М. Тальгрэн высказали идею о том, что сложение андроновской культуры происходило на широкой основе культур медного века Казахстана и севера Средней Азии. А.А. Формозов подкрепил ее анализом казахстанских неолитических древностей. Уже в 1950-е годы он предлагал заменить термин “андроновская культура” на понятие “андроновская культурная область”, видя в локальных вариантах андроновского мира реальные племенные культуры. Вторая проблема рассматривалась им не через призму этнического единства входивших в микролитическую зону культур – традиционного подхода советской археологии той эпохи. Реальность культурного единства населения эпох неолита и энеолита на юге СССР и суть явления А.А. Формозов видел в формировании обширной культурно-хозяйственной зоны, в которой сохранилась пережиточная техника обработки кремня предшествующей – мезолитической эпохи.

В 1951–1954 гг. А.А. Формозов – аспирант ИИМК. В кандидатской диссертации “Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР” он показал региональные различия памятников мезолита Восточной Европы. Публикуя после смерти М.В. Воеводского материалы стоянки Песочный Ров на Десне, Формозов при характеристике этих различий впервые ввел в изучение памятников мезолита термины “культура”, “культурная область” и “культурная зона” (Воеводский, Формозов, 1950. С. 52–54). Итогом работы стала книга “Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке” (1959), которая, безусловно, явилась этапным исследованием, придавшим заметный импульс отечественным работам в области каменного века.

Первый большой цикл полевых работ А.А. Формозова связан с Крымом (1952–1956 гг.). Руководимая им Крымская палеолитическая экспедиция выявила и раскопала мустьерские стоянки Староселье и Кабази близ Бахчисарая и навес в Холодной Балке под Симферополем. Благодаря этим работам стала возможной постановка вопроса о локальных вариантах культуры мустье в горном и степном Крыму. Впервые вне Яйлы было раскопано неолитическое поселение в балке Кал-арасы. Итоги работ в Крыму подведены в ряде статей (1962) и монографии о Староселье (1958).

Другой, не менее важный, этап полевых исследований А.А. Формозова связан с Прикубаньем (1957–1963 гг.). На ряде памятников эпох неолита, энеолита и ранней бронзы (Нижне-Шиловская, Мешоко, Хаджох 3 и др.) раскопки велись совместно с Кубанской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А.Д. Столяра. Результаты этих работ изложены в книге “Каменный век и энеолит Прикубанья” (1965). Целенаправленные разведочные поиски увенча-

лись обнаружением ряда ашельских местонахождений, а также нескольких пещерных верхнепалеолитических и неолитических стоянок. Материалы раскопок памятников Мешоко, Скала, Хутор Веселый, Хаджох 3 и Ясеновая поляна заложили основу исследования поселений энеолита и ранней бронзы Западного Предкавказья.

В последующие годы А.А. Формозов отошел от полевых работ, связанных с изучением памятников каменного века и эпохи раннего металла, и сосредоточился на занятиях первобытным искусством (особенно целенаправленно в 1963–1968 гг.). Впрочем, и эти исследования отнюдь не замыкались кабинетными стенами. В те годы Александр Александрович объехал – с целью ознакомления и ревизии – все основные местонахождения наскальных изображений в СССР. Проблемам изучения первобытного искусства он посвятил несколько книг (1966; 1969; 1987; 1988) и десятки статей. Особое место среди них принадлежит книге “Очерки по первобытному искусству” (1969). Poleмика вокруг книги была весьма оживленной из-за целого ряда поднятых в ней ключевых вопросов, а именно: локализация зон и основных очагов творчества; обусловленность разделения областей монументального и малого искусства; роль заимствований в первобытном искусстве и др. “Очерки...” и сегодня продолжают оставаться востребованным исследованием.

Еще в 1950-е годы А.А. Формозов, глубоко ощущая острую потребность научного (и шире – культурного) сообщества в восстановлении исторической памяти, начал собирать материалы о прошлом отечественной археологической науки. Вопрос об идеологической чуждости дореволюционной науки со времен XX съезда и “оттепели” уже не стоял так жестко, однако обращение к опыту и традициям старой русской археологии не поощрялось. Тем не менее в 1961 г. вышла книга “Очерки по истории русской археологии”, возродившая историографическую традицию нашей науки и показавшая, как “многое из созданного старой русской археологией органически вошло в фонд советской археологической науки” (1961. С. 126). Этот труд положил начало изучению истории русской дореволюционной и советской археологии в нашей стране.

Темы, связанные с историей отечественной археологии, в дальнейшем стали основными в научных изысканиях А.А. Формозова. В 1960–1980-е годы были написаны книги “Пушкин и древности. Наблюдения археолога” (1979; переиздана в 2000 г.), “Начало изучения каменного века в России” (1983), “Историк Москвы И.Е. Забелин” (1984, переиздана в 2001 г.), “Следопыты земли Московской” (1988; 2-е переработанное издание “Исследователи древностей Москвы и Подмосковья”, 2007), “Русское общество и охрана памятников культуры” (1990) и большая серия статей. Разработка этих тем давалась нелегко. Сложность работы историографа в советское время состояла в труднодоступности или закрытости некоторых архивных документов. Поэтому в основном Александр Александрович опирался на опубликованные материалы. Заметно его стремление к большому жанровому и хронологическому охвату цитируемых публикаций. Единственная книга, написанная преимущественно на архивных материалах, – это биография И.Е. Забелина, основанная на документах богатейшего личного архива патриарха русской археологии, хранящегося в ОПИ ГИМ.

После 1991 г. А.А. Формозов обратился к истории советской и современной российской археологии. Его работы последних 20 лет отражают главным образом представления о месте науки и ученого в СССР и новой России, они пронизаны болью за судьбы российской археологии. Это направле-

ние исследований – и, прежде всего, судьбы и роль отечественной интеллигенции – волновало и увлекало его вплоть до последнего года жизни и реализовано в целом цикле статей, заметок, персоналий, брошюр и книг. В 1990–2000-е годы вышли такие труды, как “Русские археологи до и после революции” (1995), “Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков” (2004), “Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки” (двумя изданиями, 2004 и 2006 гг.), “Рассказы об ученых” (2004), “Человек и наука: Из записей археолога” (2005), “Статьи разных лет” (2008).

Эти работы были встречены читательской аудиторией по-разному: мнения колебались от восторженных до резко отрицательных. Особенно это касается брошюры “Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков” и книги “Русские археологи в период тоталитаризма”. Сам автор рассматривал издание последней работы как дань памяти “поколению учителей”. В серии составивших книгу очерков впервые существование археологии – и науки, и самих ученых – в нашей стране в советский период рассматривается на фоне и во взаимоотношении с обществом и властью. Отнюдь не стремясь умалить масштаб сделанного археологами в ту эпоху, А.А. Формозов говорит о том, что без тяжелейших, невосполнимых потерь, вероятно, удалось бы совершить гораздо больше, и низко кланяется памяти ученых, ставших жертвами репрессий.

Подчеркнем, что споры, неравнодушие, большой интерес, который вызывали и, вероятно, еще долго будут вызывать работы А.А. Формозова в области истории археологии и истории русской культуры, обусловлен не только тематикой, но и особенностями исследовательского стиля ученого. Глубинное понимание абсолютной ценности исторического факта и вторичности наших суждений о нем (в том числе истинных) – свойство А.А. Формозова как всякого подлинного историка. Отсюда изобилие собранных и умело выстроенных фактов, строгая выверенность научного аппарата. Во-вторых, очевидно, что о каком бы периоде истории он не писал и что бы не являлось непосредственным поводом для обращения к этому времени, говорил Александр Александрович прежде всего и преимущественно о людях. Неизменный интерес к человеческой личности (не обязательно выдающейся) как к носителю культурных традиций проходит через все историографические работы А.А. Формозова. Наконец, упомянем и такие редкие качества, как ясность и сжатость литературного стиля, позволявшие очень эффективно использовать всегда ограниченный внешними обстоятельствами объем статей и книг.

Как известно, подлинный патриотизм, любовь к большой Родине формируется вокруг очага любви к родине малой. Такой малой родиной для А.А. Формозова была Москва, где прошла вся его жизнь. “Сыновним даром” можно назвать упоминавшиеся книги о И.Е. Забелине и “Следопыты земли Московской”. Высокое научное качество этих увлекательных книг способствует возрождению лучших традиций отечественного краеведения.

Глубокая укорененность в отечественной культурной традиции в сочетании с родом занятий предопределила обращение А.А. Формозова к проблеме сохранения культурного наследия. Эта важная тема освещалась им в ряде статей, брошюре “Русское общество и охрана памятников культуры” и в книге “Русские археологи в период тоталитаризма”. Описывая начальные шаги в деле охраны памятников истории и археологии в царской России, а затем драматическую борьбу за их сохранение в СССР, он показал прямую зависимость

уровня организации охраны культурного наследия от состояния гражданского общества.

Важно отметить еще одну характерную особенность книг А.А. Формозова, резко выделяющую их на фоне трудов многих современных ученых-гуманитариев. Почти все его тексты обращены к широкой аудитории, “ядром” которой остаются археологи и историки. С оговорками можно отнести к числу собственно популярных такие книги, как “Памятники первобытного искусства на территории СССР” (1980) и “Древнейшие этапы истории Европейской России” (2002), в которых он резюмировал достижения в области первобытной археологии. Художественная одаренность сделала возможным и появление его самой “непрофессионально-ориентированной” книги “Археологические путешествия” (1974), в которой поэтично описаны увиденные и прочувствованные ученым разнообразные культурные ландшафты на огромной территории СССР от Молдавии до Дальнего Востока, от Карелии до Средней Азии. Невозможно остаться равнодушным и читая созданную А.А. Формозовым научную биографию отца (1980; 2006).

Таков неизбежно краткий обзор основных направлений исследовательской деятельности А.А. Формозова. Его перу принадлежит 335 научных работ, из них более 40 – книги, брошюры, и коллективные труды (см.: Список..., 2004; Список..., 2008). Необходимо также сказать, что А.А. Формозов был инициатором и редактором “Очерков истории отечественной археологии” (1991; 1998; 2002), а также одним из составителей трехтомника “Антология советской археологии” – совместного справочного издания Института археологии РАН и Государственного Исторического музея. А.А. Формозов в разные годы участвовал в работе редколлегий и редсовета журнала “Советская археология” – ныне “Российская археология”, Комиссии по изучению четвертичного периода, Археографической комиссии, Совета по историографии и источниковедению АН СССР/РАН.

А.А. Формозов вспахал огромную “научную целину” и оставил после себя расчищенное культурное поле, трудиться на котором смогут в дальнейшем новые поколения исследователей. Низкий ему поклон и вечная память!

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ А.А. ФОРМОЗОВА

1. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1954. 16 с.
2. Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет (1946–1955) // Докл. советской делегации на V Междунар. конгрессе антропологов и этнографов. М., 1956. 25 с. (в соавт. с В.П. Любиным).
3. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. М., 1958 (МИА; № 71). 125 с.
4. Очерки истории СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1958. С. 15–93 (коллектив. монография).
5. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959. 126 с.
6. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. 128 с.
7. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (матер. к изучению неолита Юга СССР) // МИА. 1962. № 102. С. 89–149.
8. Распространение мустьерских стоянок двух типов в Европейской части СССР // VII Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. 7 с.
9. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. 160 с.

10. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1980. 136 с.
11. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969 (МИА; № 165). 256 с.
12. История искусств народов СССР. Т. I. История первобытного общества и древнейших государств на территории СССР. М., 1971 С. 7–10, 31–33, 47, 48, 54–56 (коллектив. монография).
13. Eelajaloolise kunsti mälestusmärgid NSV lüdu territooriumil. Tallinn, 1973. 126 lk.
14. Мезолитические и неолитические орудия Европейской части СССР и проблемы этнической истории // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1973. 14 с.
15. Археологические путешествия. М., 1974. 120 с.
16. Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977. С. 5, 6–41, 196–202 (в соавт. с А.М. Беленицким, В.П. Даркевичем, И.В. Яценко).
17. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977. 144 с.
18. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. 2-е изд. М., 2000. 144 с.
19. Александр Николаевич Формозов (1899–1973). М., 1980. 152 с.
20. Начало изучения каменного века в России. М., 1983. 128 с.
21. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. 240 с.
22. Страницы истории русской археологии. М., 1986. 240 с.
23. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987. 108 с.
24. Следопыты земли Московской. М., 1988. 142 с.
25. Русское общество и охрана памятников культуры. 2-е изд., доп. М., 1990. 112 с.
26. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. 160 с.
27. Русские археологи до и после революции. М., 1995. 114 с.
28. Иван Егорович Забелин. Очерк жизни и творчества // Иван Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Т. II. М., 2001. С. 569–772.
29. Древнейшие этапы истории Европейской России. М., 2002. 154 с.
30. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков. Курск, 2004. 63 с.
31. Рассказы об ученых. Курск, 2004. 122 с.
32. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004. 2-е изд., доп. М., 2006. 342 с.
33. Человек и наука: Из записей археолога. М., 2005. 224 с.
34. Александр Николаевич Формозов: Жизнь русского натуралиста. М., 2006. 208 с.
35. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. 2-е изд., доп. М., 2007. 184 с.
36. Статьи разных лет. Курск, 2008. 132 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воеводский М.В., Формозов А.А.* Стоянка Песочный ров на реке Десне: (К вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы) // КСИИМК. 1950. Вып. 35.
- Список публикаций Александра Александровича Формозова / Сост. Н.В. Лопатин, С.В. Кузьминых // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). М., 2004.
- Список публикаций А.А. Формозова 2004–2007 годов / Сост. С.П. Шавелёв // Формозов А.А. Статьи разных лет. Курск, 2008.
- Формозов А.А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. 39.

Институт археологии РАН, Москва

Музей искусств народов Востока, Москва

*М.В. Андреева, П.Г. Гайдуков,
С.В. Кузьминых, А.Н. Сорокин
В.А. Коренько*

ПАМЯТИ ГАЛИНЫ ИВАНОВНЫ МАТВЕЕВОЙ (1933–2008)

6 ноября 2008 г. ушла из жизни Галина Ивановна Матвеева, профессор кафедры отечественной истории Самарского государственного университета, кандидат исторических наук, основатель самарской археологической школы, президент Самарского археологического общества, автор более 140 научных и научно-методических работ, любимый преподаватель многих поколений студентов университета, красивая, добрая, обаятельная женщина.

Галина Ивановна относится к тому поколению археологов, чье детство пришлось на тяжелые военные годы. Судьба страны и их судьбы прочно переплетены. Все эти люди имели внутренний стержень, который помогал им преодолевать все трудности, оставаясь при этом глубоко порядочными людьми.

Галина Ивановна родилась 27 июля 1933 г. в г. Аше Челябинской обл. в семье учителя истории. В семье все любили читать, собирали легенды, сказки, притчи, которыми так богат Урал. В начале войны ее отец Иван Ефремович ушел на фронт и в 1943 г. погиб в боях под Севском. Однако, по воспоминаниям Галины Ивановны, именно благодаря отцу у нее сформировался интерес к древней истории.

В 1951 г. Г.И. Матвеева поступила на историко-филологический факультет Пермского (Молотовского) государственного университета. Ее научным руководителем был О.Н. Бадер – крупный ученый, талантливый педагог и прекрасный человек. В университете она получила не только фундаментальные теоретические знания по археологии, но и навыки полевой работы. В 1956 г. после окончания университета Галина Ивановна была распределена в г. Троицк Челябинской обл. на должность директора музея. Стать в 23 года директором музея – на это решится далеко не каждый. Наверное, уже тогда в полной мере проявились организаторский талант Галины Ивановны, ответственность за порученное дело, преданность науке. Ясно, что быть директором музея – это быть хозяйственником, плановиком, в какой-то степени психологом. При этом Галина Ивановна находила время и для археологических исследований – проводила разведки, исследовала разрушенные при строительных работах курганы, пополняла музейную экспозицию археологическими находками.

С 1961 по 1969 г. Г.И. Матвеева – преподаватель археологии в Башкирском государственном университете. Это плодотворный период в жизни Галины Ивановны. Именно тогда

определилось приоритетное направление ее научной деятельности – эпоха раннего средневековья, хотя в сферу ее научных интересов попадали и неолитические памятники (в частности, она открыла и впервые исследовала известную Давлекановскую стоянку на р. Дема), и памятники эпохи бронзы. По результатам собственных исследований Г.И. Матвеева выделила новые культурные типы эпохи средневековья Приуралья: именьяшский и караякуповский. Итогом изучения памятников раннего средневековья Башкирии стала кандидатская диссертация “Население лесной и лесостепной Башкирии в III–VIII вв. н.э.”, защищенная в 1970 г. в Ученом совете Института археологии АН СССР.

С 1969 г. жизнь Галины Ивановны, ее деятельность, научные интересы связаны с г. Самарой, с Самарским (ранее – Куйбышевским) государственным университетом, куда она была приглашена для преподавания археологии, истории первобытного общества и этнографии. Куйбышевская (Самарская) область в археологическом отношении была изучена недостаточно, после отъезда В.В. Гольмстен из Самары к тому времени прошло уже 40 лет, и начинать надо было практически заново. “Археологическое освоение” Самарского региона Галина Ивановна начала с изучения наследия В.В. Гольмстен, материалы исследований которой легли в основу разработанной Г.И. Матвеевой программы археологических работ. В 1970 г. ею была организована Средневожская археологическая экспедиция (САЭ), многочисленные отряды которой работают и сегодня во многих районах области и за ее пределами. Стремление создать целостное представление о древнейшем периоде истории Самарского края, поиск “своей” научной темы обусловили и выбор объектов для археологического исследования. В первые “куйбышевские” годы Галина Ивановна проводила раскопки на памятниках разных эпох. В 1970–1972 гг. ею исследован Гвардейский I курганный могильник, содержащий материалы эпохи бронзы, раннего железного века и золотоордынского периода; 1971–1976 гг. – проведены раскопки Сухореченского поселения, ремесленного поселка золотоордынского периода; 1973–1975 гг. – совместно с И.Б. Васильевым исследуется грунтовой энеолитический могильник у с. Съезжее; 1978–1979 гг. – продолжены начатые И.Б. Васильевым исследования Михайло-Овсянковского поселения горняков и металлургов эпохи бронзы.

Десять полевых сезонов 1971–1979 гг. Г.И. Матвеева посвятила исследованию Муромского городка – южного форпоста Волжской Болгарии в X–XIII вв., единственного крупного средневекового города на территории Самарской обл.

В 1970, а затем в 1980–1981 гг. Г.И. Матвеевой на Самарской Луке проводятся раскопки курганов с каменными набросками. Материалы, полученные при исследовании курганов у сел Рождествено и Новинки, имели яркое своеобразие. В результате изучения новых материалов Г.И. Матвеевой был выделен особый культурный тип – “новинковский” тип погребальных памятников конца VII–VIII вв. Именно Галина Ивановна первой сопоставила их с пришедшими на Среднюю Волгу племенами ранних болгар.

Эпоха раннего средневековья оставалась для Г.И. Матвеевой наиболее притягательным периодом. С начала 1980-х годов, почти не отвлекаясь на другие объекты, она проводила крупномасштабное изучение памятников именьковской культуры. В научной работе Галины Ивановны, связанной с именьковской проблематикой, ярко проявились ее человеческие качества: дотошность, принципиальность, смелость и ее удивительная интуиция, которая базировалась, конечно же, на прекрасном знании археологических материалов. Особенно показательна в этом плане дискуссия 1980-х годов

о происхождении именьковской культуры. Вопреки принятым в то время в науке точкам зрения Галина Ивановна выдвигает собственную гипотезу происхождения народа, оставившего памятники именьковской культуры. Истоки его она находит в районах верхнего Поднепровья, традиционных территориях расселения славянских и балтских народов. Этническая принадлежность населения предварительно определяется ею как славянская. С 1982 г. Г.И. Матвеева исследовала городище Лбище. По итогам изучения данного памятника ею был выделен лбищенский культурный тип, датированный III–IV вв. н.э., и сформулирована гипотеза о генетическом родстве с позднезарубинецкими и пшеворскими, а также отчасти черняховскими племенами. Надо было обладать энергией Галины Ивановны, упорством и уверенностью в своей правоте, чтобы для обсуждения этой проблемы в 1985 г. в Куйбышеве на базе Куйбышевского государственного университета организовать выездное заседание Ученого совета Института археологии АН СССР. Это было очень важное событие, поскольку специалисты, изучающие именно культуры Поднепровья, смогли ознакомиться непосредственно с археологическим материалом – предметом дискуссии. Заслуга Галины Ивановны состоит в том, что сейчас большинство ученых, занимающихся данной проблематикой, поддерживают точку зрения о славянской принадлежности именьковской культуры, хотя у этой гипотезы остались и противники. И здесь надо отметить еще одну черту, которая была присуща Галине Ивановне – умение очень корректно вести научные споры.

В последние годы Галина Ивановна разрабатывала очень сложную и дискуссионную проблему исторических судеб именьковского населения и их взаимоотношений с пришельцами – болгарами.

Когда думаешь о Галине Ивановне, то трудно выделить какое-то одно ее качество. Она была добросовестным, дошным исследователем, красивым, порядочным человеком. Но все же нам хочется прежде всего выделить ее педагогический дар. Ведь не будь она тонким педагогом, не сложилось бы в Самаре уже в 1970-е годы такого крепкого, дружного коллектива археологов. Не приезжали бы в Самару, как домой, ее уфимские ученики, которые стали для самарцев родными.

Среди учеников Галины Ивановны 25 кандидатов и 4 доктора исторических наук. А сколько найдется людей, не ставших профессиональными археологами, но считающих Галину Ивановну своим учителем! Думаем, что несколько не преувеличим, если скажем, что все без исключения выпускники истфака СамГУ (КГУ) помнят Галину Ивановну. Для нее экспедиция была жизнью. Хотя экспедиция – это не только возможность отойти от городской суеты, но и огромная ответственность за раскоп, за студентов. Галина Ивановна была наделена редким даром ощущать ту эпоху, памятники которой она изучала, для нее давно ушедшие люди были живыми. Это дано очень немногим людям.

Галина Ивановна готовилась написать еще ряд очень интересных работ. Хотелось надеяться, что исследования Г.И. Матвеевой будут достойно продолжены ее учениками и коллегами.

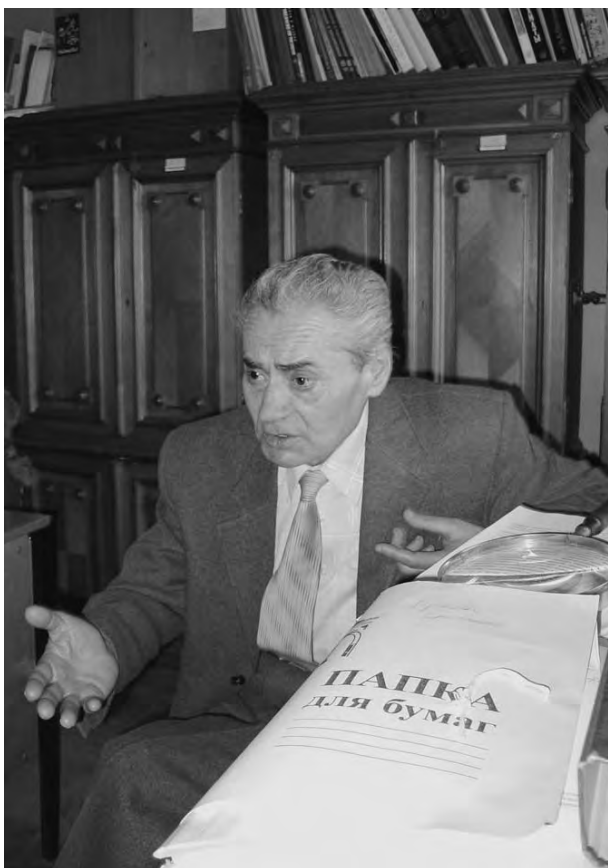
СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ Г.И. МАТВЕЕВОЙ

1. Шареевский могильник // Уч. зап. Башкирского гос. ун-та. Вып. 35. Сер. ист. наук. № 7. Уфа, 1968. С. 5–20.
2. Население лесной и лесостепной Башкирии в III–VIII вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. 16 с.
3. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971. С. 129–134.
4. Новые савроматские памятники в Башкирии // СА. 1972. № 1. С. 259–261.
5. Новые памятники срубной культуры в Башкирии // СА. 1972. № 3. С. 244–258 (в соавт. с И.Б. Васильевым).
6. Памятники караякуповского типа в Приуралье // Науч. тр. Куйбышевского пед. ин-та. Т. 160. Куйбышев, 1975. С. 13–22.
7. Памятники именковской культуры на Самарской Луке // Краеведческие зап. Куйбышевского областн. музея краеведения. Вып. 3. Куйбышев, 1975. С. 105–119.
8. Итоги работ Средневожской археологической экспедиции 1969–1974 гг. // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев, 1976. С. 5–73.
9. Курганный могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев, 1976. С. 147–173 (в соавт. с В.А. Скарбовенко).
10. Сухореченское селище // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 98–121.
11. Погребение VIII–IX вв. у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 52–56.
12. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166 (в соавт. с И.Б. Васильевым).
13. О происхождении именковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 52–73.
14. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. 232 с. (в соавт. с И.Б. Васильевым).
15. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986. С. 158–171.
16. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991. С. 172–184 (в соавт. с В.Ю. Морозовым).
17. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993. С. 156–183.
18. Некоторые итоги изучения именковской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997. С. 206–217.
19. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. 225 с.
20. Памятники лбищенского типа – ранний этап именковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 87–96.
21. Муромский городок. Самара, 1998. 48 с. (в соавт. с А.Ф. Кочкиным).
22. Экспедиция в прошлое. Записки археолога. Самара, 1998. 160 с.
23. Волжская Болгария (X век – 1236) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 247–267.
24. К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология Восточно-европейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 286–293.
25. Среднее Поволжье в IV–VII вв. Именковская культура (уч. пособие). Самара, 2003. 160 с. 2-е изд., доп. Самара, 2004.
26. К вопросу о седентаризации ранних болгар в Поволжье // II Городцовские чтения: Матер. науч. конф., посв. 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в ГИМ. М., 2005. С. 294–298.
27. О хозяйстве и общественном строе племен именковской культуры // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара, 2007. С. 46–54.
28. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Средневековая археология евразийских степей. Матер. Учред. съезда Междунар. конгресса. Т. 1. Казань, 2007. С. 127–131 (в соавт. с Ю.А. Семькиным).
29. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов // Средневековая археология евразийских степей. Матер. Учред. съезда Междунар. конгресса. Т. 2. Казань, 2007. С. 75–86.

Самарская государственная академия культуры и искусств
Самарский государственный университет
Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

Н.П. Салугина
В.А. Скарбовенко
Д.А. Сташенков

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА НАУМОВИЧА РЯБЦЕВИЧА (1934–2008)

29 мая 2008 г. на 74-м году жизни после тяжелой болезни умер Валентин Наумович Рябцевич – известный историк, археолог и нумизмат, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Белорусского государственного университета. Белорусская и российская историческая наука понесли невосполнимую утрату.

В.Н. Рябцевич родился 26 ноября 1934 г. в д. Красное Кировского р-на Могилевской обл. в семье профессионального военного. Семья вскоре после рождения сына переехала в г. Кушку. Там, на самой южной окраине Советского Союза, юный Валентин встретил начало Великой Отечественной войны. Первые послевоенные годы семья провела в Вене, где после окончания войны служил отец. Там у В.Н. Рябцевича впервые зародилась увлечение коллекционированием монет, переросшее впоследствии в профессиональный интерес. После возвращения семьи на родину в 1952 г. он поступил на философский факультет Белорусского государственного университета и затем продолжил обучение на историческом факультете. В 1957–1959 гг. В.Н. Рябцевич работал научным сотрудником Организационной группы Государственного музея БССР. Его поездки по Беларуси существенно пополнили фонды будущего музея. В 1959 г. он поступил в аспирантуру Института истории АН БССР по специальности “археология”. Однако по-настоящему его учебная и научная карьера началась в аспирантуре Государственного Эрмитажа, где руководство его диссертационной работой взял на себя доктор исторических наук И.Г. Спасский – крупней-

ший историк, специалист по русской нумизматике. Под его руководством В.Н. Рябцевич получил всестороннюю научную подготовку, позволившую ему после возвращения в Минск вести многолетние результативные научные исследования в разных областях исторической науки: нумизматике, геральдике, сфрагистике, а также археологии. Знаменательно, что начало аспирантской жизни В.Н. Рябцевича совпало с годами обучения в аспирантуре Государственного Эрмитажа целой плеяды замечательных ученых из бывших республик СССР, каждый из которых внес большой вклад в развитие вспомогательных исторических дисциплин: Н.Ф. Котляра, А.Н. Молвыгина, Х.А. Мушегяна, Р.З. Бурнашевой.

И.Г. Спасский, тепло и доброжелательно относившийся ко всем аспирантам Отдела нумизматики, тем не менее как-то особо выделял В.Н. Рябцевича среди всех своих учеников по человеческим качествам, таланту, целеустремленности и трудолюбию. В свою очередь, В.Н. Рябцевич пронес через всю жизнь глубокое уважение и преклонение перед учителем. В одном из своих последних писем академику В.Л. Янину от 20 сентября 1988 г. И.Г. Спасский писал об ученике: “...он моя радость и гордость. Он работает удивительно умно. ... Валентин послан мне Богом...”.

После возвращения в Минск в 1963 г. В.Н. Рябцевич поступил на работу в Белорусский государственный университет. С этого момента и вплоть до последних дней он был неразрывно связан с историческим факультетом, пройдя путь от начинающего преподавателя до профессора кафедры археологии и специальных исторических дисциплин. В 1964 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР В.Н. Рябцевич блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему “Топография монетных кладов Белоруссии”, подготовленную и опробованную в стенах Эрмитажа.

В.Н. Рябцевич был прекрасным педагогом. Его лекции – образцовые по мастерству и живости изложения – вызывали неизменный интерес среди студентов. Он мастерски умел подать сухую научную проблематику в ясном, логичном и увлекательном рассказе, поэтому его лекции легко воспринимались и надолго запоминались студентами. Неоценим вклад В.Н. Рябцевича в создание нумизматического кабинета исторического факультета. Его основой послужила личная коллекция ученого, которую он безвозмездно передал университету. Ныне это один из крупнейших учебных кабинетов в Белоруссии.

Педагогическую деятельность В.Н. Рябцевич успешно сочетал с научной работой. За годы работы в университете он стал признанным главой нумизматической школы в республике Беларусь. Его перу принадлежат четыре монографии, около 100 научных и свыше 300 энциклопедических статей. Он один из авторов единственного в республике учебного пособия “Историческое краеведение Беларуси”. Уже его первая книга “О чем рассказывают монеты” (1968 г.) имела ошеломляющий успех. В течение короткого времени она исчезла с полок книжных магазинов, став настольной книгой не только профессиональных нумизматов, но и любителей-коллекционеров. Не меньшую популярность имело и второе, дополненное и переработанное издание этой книги (1977 г.). В 1995 г. увидела свет книга “Нумизматика Беларуси”, которая по существу является энциклопедией денежного обращения на территории республики.

В.Н. Рябцевич никогда не прерывал связей с Эрмитажем и своим учителем И.Г. Спасским. Несмотря на то, что В.Н. Рябцевич уже давно стал маститым ученым, И.Г. Спасский до последних лет жизни внимательно и заинтересованно следил за его научным творчеством, иногда подсказывая наиболее перспективные темы. В частности, из такой подсказки родилась очень важная для нумизматики России, Украины и Белоруссии конца XVII – начала XVIII в. тема исследования севских чехов (1686–1687 гг.) и петровских тинфов (1707–1709 гг.), вылившаяся в фундаментальную монографию “Российско-польские монетные эмиссии эпохи Петра I” (1995 г.), защищенную автором в 1996 г. в качестве докторской диссертации.

В.Н. Рябцевич был не только авторитетным нумизматом, чье имя было известно во всем мире. Он по праву является одним из заслуженных полевых исследователей в области археологии. Еще в начале 1950-х годов будучи студентом он принимал участие в археологических исследованиях К.М. Поликарповича и А.Г. Митрофанова. Позднее, в 1979–2007 годах он являлся инициатором и бессменным руководителем археологической экспедиции Белорусского государственного университета, которая вела раскопки древнерусских курганов в Витебской, Гомельской и Минской областях. Богатейшая коллекция, полученная в ходе этих работ, существенно пополнила экспозицию зала археологии учебного музея исторического факультета.

Нельзя обойти вниманием еще одну сторону деятельности В.Н. Рябцевича. На протяжении 15 лет он, по сути в одиночку, вел борьбу за возвращение государству так называемого “пояса Витовта”, который был продан с молчаливого согласия государственного органа охраны историко-культурного наследия иностранной фирме. Ныне это один из самых известных памятников прикладного искусства в Историческом музее Республики Беларусь. Особой благодарности заслуживает бескомпромиссная борьба В.Н. Рябцевича с “черными археологами” за сохранение многочисленных кладовых комплексов на территории Республики Беларусь. Научные заслуги В.Н. Рябцевича уже при жизни получили высокую оценку коллег. Он был лауреатом премии имени В.И. Пичеты, учрежденной Белорусским государственным университетом. Польские коллеги отметили его золотым знаком Польского нумизматического общества.

Все, кому посчастливилось работать и общаться с Валентином Наумовичем Рябцевичем, с горечью осознают, что потеряли большого друга, выдающегося ученого, талантливого преподавателя, мудрого человека. Память о нем навсегда сохранится в сердцах многих людей, кто его знал, любил и ценил.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В.Н. РЯБЦЕВИЧА¹

1. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1963. Т. 1. С. 152–202 (между с. 160 и 161 – карта-топография находок).
2. Шотландские монеты первой половины XVII в. в кладах Белоруссии и соседних районов // Нумизматика и эпиграфика. М., 1961. Т. IV. С. 251–260.
3. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. М., 1965. Т. V. С. 121–160 (с. 123 – карта-топография находок куфических дирхамов на территории Беларуси).
4. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV–XV вв. // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Т. 2. С. 121–134.
5. Топография монетных кладов на территории Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965. 20 с.
6. Куфические дирхемы на территории Белоруссии // Матер. конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий. Минск, 1966. С. 255, 256.
7. Про складання нумізматичної карти // Український історичний журнал. 1966. № 2. С. 88–93.
8. Основные итоги нумизматических исследований в БССР // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 432–441.
9. Чому і як утворились скарби // Український історичний журнал. 1967. № 1. С. 92–94.
10. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии в XVI в. // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1968. Т. 3. С. 168–187 (с. 185 – топография находок кладов).
11. Находки античных монет на территории Белоруссии // Вопросы истории. Минск, 1968. С. 187–192 (прил.: Сводка кладов античных монет на территории Белоруссии, с. 189–192. С. 192 – карта-топография находок).
12. О чем рассказывают монеты. Минск, 1968. 254 с.
13. Русская монетная медь XVII в. в кладах Белоруссии и Украины // Древности Белоруссии. Минск, 1969. С. 427–435 (в соавт. с В.А. Титком).
14. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970. С. 150–161.
15. Денежное обращение Белоруссии в IX–XIII вв. // Очерки по археологии Белоруссии. Т. II. Минск, 1972. С. 150–187 (в соавт. с Г.В. Штыховым).
16. Манеты Арабскага халіфата на тэрыторыі Беларусі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1973. № 4. С. 33–39 (в соавт. с А.А. Стукановым).
17. Монетные клады второй четверти XVIII – первой половины XIX в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1974. Т. 5. С. 114–126 (с. 126 – карта-топография находок).
18. О чем рассказывают монеты. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 1977. 400 с.
19. Нумизматика // Историческое краеведение Белоруссии: уч. пособие. Минск, 1980. С. 160–200.
20. “Бумаги М.Г. Деммени” как источник по истории монетного производства Петровской эпохи // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Л., 1987. С. 23, 24.
21. Skarby monet z XVI i XVII wieku na terenie obwodu Brzeskiego i Grodzieńskiego Białoruskiej SRR // Prace i materiały Museum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Ser. numizmatyczna i konserwatorska. № 6. 1986. Łódź, 1988. S. 211–239.
22. Szostaki i tymfy Piotra I: Skrót referatu wygłoszonego na Jubileuszowej Sesji Naukowej z okazji obchodów 100-lecia Towarzystwa Numizmatycznego w Krakowie // Grosz. Jastrzębie Zdrój. 1988. № 22. S. 8, 9.
23. Putiwlskie i sewskie czechy // Prace i materiały Museum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Ser. numizmatyczna i konserwatorska. 1988. № 8. Łódź, 1989. S. 109–151.

¹ Список основных публикаций составлен Н.С. Бекетовой, З.А. Харитонович, Л.Е. Матвеевой.

24. Севский чех (к истории атрибуции) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Т. XXI. С. 179–200.
25. Археологія і нумізматыка Беларусі: Энцикл. Мінск, 1993 (автор ок. 200 статей по нумизматике).
26. Нумизматика Беларуси. Минск, 1995. 686 с.
27. Российско-“польские” монетные эмиссии эпохи Петра I. Тольятти, 1995. 312 с.
28. Козьянковский клад куфических дирхамов (основные результаты исследования) // Другая міжнародная навукова-практычная канферэнцыя “Ісламская культура татараў-мусульман Беларусі, Літвы і Польшчы і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі”. Мінск, 19–20 траўня 1995 г. Да 600-годдзя татарскага асідніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім. Мінск, 1996. С. 35–37 (в соавт. с И.Г. Добровольским).
29. Российско-“польские” монетные эмиссии эпохи Петра I: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 1996. 32 с.
30. Российско-“польские” шестaki и тинфы Петра I // “Białorus, Litwa, Polska, Ukraina – wspólne dzieje pieniądza”: Mater. II Międzynar. Numizmatycznej konf. Warszawa, 1996. S. 121–128.
31. “Севский чех” на восточнобелорусском рынке конца XVII в. (из истории денежного обращения) // Старонкі гісторыі Магілёва: Зб. навук. прац удзельнікаў навуковай канферэнцыі “Гісторыя Магілёва. Мінулае і сучаснасць”. Магілёў, 1997. С. 86–89.
32. Козьянковский клад куфических дирхамов // Rozwój muzealnictwa i kolekcjonerstwa numizmatycznego – dawniej i dziś – na Białorusi, Litwie, w Polsce i Ukrainie: Mater. z II Międzynar. konf. Numizmatycznej. Supraśl, 5–7.IX.1996. Warszawa, 1997. S. 27–30 (в соавт. с И.Г. Добровольским).
33. Дирхамы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск, 1998. С. 66–80.
34. Лысянковский и “Полтавский”, Путивльский и Севский монетные дворы // Mennice między Bałtykiem a morzem Czarnym – wspólnota dziejów. Supraśl, 10–12.IX.1998: Mater. z III Międzynar. konf. Numizmatycznej. Warszawa, 1998. S. 175–186.
35. Брактеатные подражания куфическим дирхамам в погребениях икладах конца X–XI вв. на территории западных земель Древней Руси // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Мінск, 2000. С. 207–209.
36. Византийские монеты в денежном обращении на территории Древней Руси IX – первой трети XII в. // Беларуская-грэчаскія ўзаемасувязі: ад старажытнасці да сучаснасці: Матэр. Міжнар. навук. канф. Мінск, 2000. С. 68–73.
37. Монетные клады Рогачевщины // Старажытнасці Рагачоўшчыны: Матэр. навукова-практычнай канф. Мінск; Рагачоў, 2000. С. 79–82.
38. Монеты с контрамаркой Е. Гуттен-Чапского в собрании Национального музея США при Смитсоновском институте (Вашингтон) // Pieniądz pamiętkowy i okolicznościowy – Wspólnota dziejów – Białoruś – Litwa – Łotwa – Ukraina. Supraśl, 7–9.IX.2000: Mater. z IV Międzynar. konf. Numizmatycznej. Warszawa, 2000. S. 145–152.
39. Денежные депозиты IX – начала XIV вв. на территории Могилевщины // Мінулае і сучасная гісторыя Магілёва (зб. навук. прац удзельнікаў II Міжнар. навук. канф. “Гісторыя Магілёва. Мінулае і сучаснасць”). Магілёў, 2001. С. 18–21.
40. Находки брактеатов, имитирующих куфические дирхамы на территории Беларуси // Да 70-годдзя з дня нараджэння П.Ф. Лысенкі. Матэр. па археалогіі Беларусі. № 3. Мінск, 2001. С. 211–217.
41. Клад конца IX в. с Брилевского поля // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2003. С. 164–175 (в соавт. с О.В. Иовом).
42. Козьянковское сокровище // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. IV Міжнар. канф. Полацк, 2002. С. 207–212.
43. Фальсификация шиллингов Ливонского ордена в Полоцке конца XV – первой половины XVI в. // Нумизматика на рубеже веков. Ч. XV. М., 2002. (Тр. ГИМ; Вып. 125). С. 170–187 (в соавт. с И.Н. Колобовой).
44. Нумизматические раритеты из находки у дер. Брили // Pieniądz i banki (tezauryzacja, obieg pieniędzy, naukowść – Wspólnota dziejów – Białoruś – Litwa – Łotwa – Polska – Słowacja – Ukraina). Supraśl, 7–9.IX.2002. Mater. z IV Międzynar. konf. Numizmatycznej. Warszawa, 2003. S. 83–88.
45. Денежные депозиты XIV–XVI вв. на территории Могилевщины // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. Магілёў, 2003. С. 14–19.
46. Находки кладов и единичных монет XIV–XV вв. на территории Беларуси // Восточная Европа в древности и средневековье. Минск, 2004. С. 57–67.
47. Пинский клад 2002 года // Хранитель Эрмитажа. Сб. воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского (1904–2004). СПб., 2004. С. 104–107.
48. Пинские клады 1804 и 2002 гг. // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004. С. 159–163.
49. Клады: атрибуция, классификация, интерпретация (этнографическо-нумизматический очерк) // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2. Минск, 2005. С. 104–120.
50. Монеты анонимного клада в фондах Несвижского музея // Psucie pieniądza w Europie Środkowo-Wschodniej od antyku po czasy współczesne. Białoruś, Litwa, Łotwa, Polska, Słowacja, Ukraina. Mater. z VII Międzynar. naukowej konf. Numizmatycznej. Warszawa, 2006. S. 48–54 (в соавт. с О.В. Иовом).
51. Клады и торговый инвентарь викингов на территории Беларуси // Numizmatika. Междунар. нумизматический симпозиум “Zamknuté mincovne, ich história a význam”. Смольник, 15–18 сентября 2005 г. Братислава; Смольник, 2006. № 21. S. 163–173 (в соавт. с О.В. Иовом).
52. О монетах Новгород-Северского и Стародубского уделов Великого княжества Литовского (посл. четв. XIV в.) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М., 2007. С. 138–164.
53. “Период пражского гроша” в рыночной жизни Великого княжества Литовского. Клад из деревни Литва Минской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. В печати.

Белорусский государственный университет, Минск
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
Институт археологии РАН, Москва

А.А. Егорейченко
В.А. Калинин
П.Г. Гайдуков